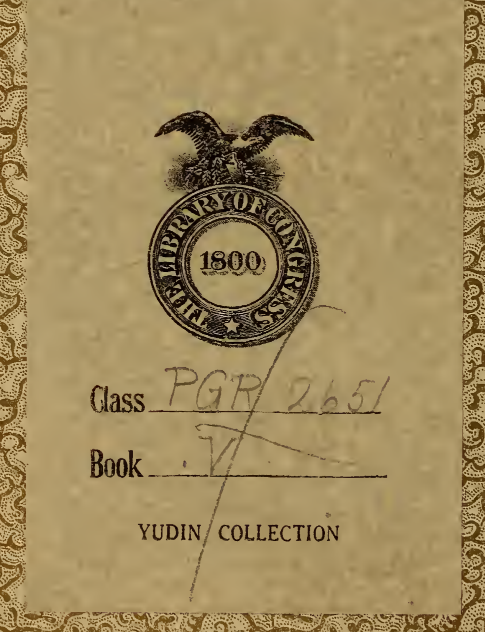
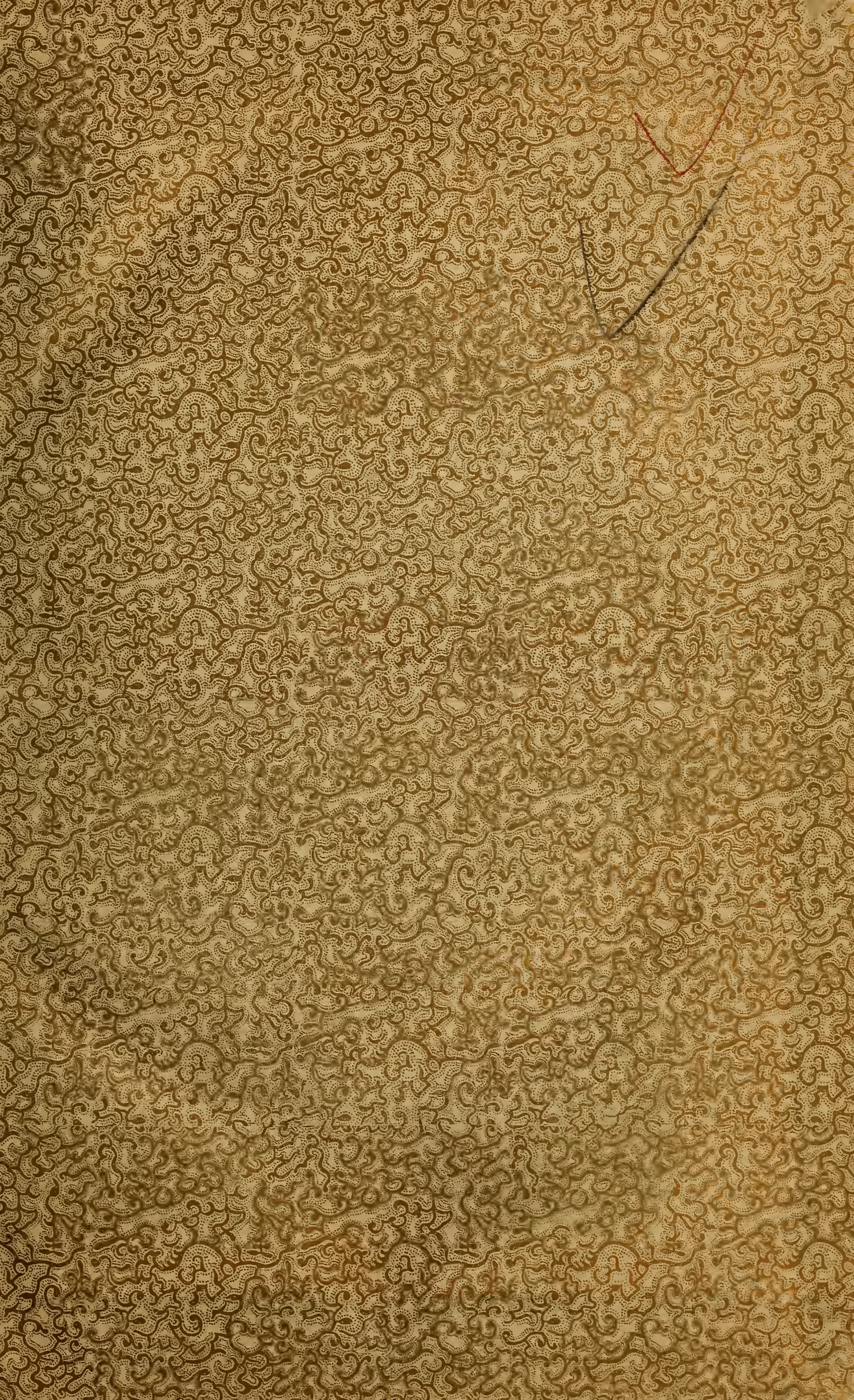

A. D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Ю. В. ЖАДОВСКОЙ.

МОСКВА.

1857.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Ю. В. ЖАДОВСКОЙ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1857.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 24-го дня 1857 года.

Цензоръ ***Н. Фонъ-Крузе.***

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, когда я лишилась матери. Отецъ мой вскорѣ женился на другой и черезъ годъ умеръ, не оставивъ мнѣ никакого состоянія. Небольшое имѣніе моей матери было еще при жизни его продано, за долги. Мачиха моя имѣла, какъ я слышала отъ тетушки, хорошее состояніе; но послѣ смерти моего отца уѣхала за границу, гдѣ и осталась навсегда, выйдя замужъ за какого-то доктора, Француза.

Не задолго до смерти, мать моя сама вручила меня старшей, нѣжно любимой сестрѣ своей, которая и взяла меня къ себѣ, какъ только матушка скончалась. Тетушка моя была старушка лѣтъ шестидесяти; она была дѣвица, но въ ней вы не замѣтили бы и тѣни тѣхъ недостатковъ, которые, обыкновенно, приписываютъ старымъ дѣвушкамъ; она была добра и кротка; лицо ея носило до старости слѣды красоты, нѣкогда замѣчательной. Можетъ-быть это было одною изъ причинъ, что характеръ ея не испортился, не очерствѣлъ; ее не раздражала мысль, что она будто обижена, обой-

дена за какой-нибудь рѣзкій недостатокъ въ наружности. Въ молодости она имѣла много обожателей, но была влюблена однажды, на всю жизнь. Родители ея и слышать не хотѣли о бракѣ ея съ этимъ человѣкомъ и никакихъ средствъ не считали непозволительными для того, чтобъ разлучить ихъ, и успѣли въ этомъ. Эту эпоху своей молодости, тетушка называла «романомъ своей жизни». Она до старости сохранила въ душѣ чувствительность и заливалась слезами надъ произведеніями Августа Лафонтена и другихъ чувствительныхъ писателей, и съ трепетомъ слѣдила за ужасами «Удольфскихъ Таинствъ». Но эта чувствительность не распространялась у ней на все безъ разбора, кстати и не кстати. Въ практической жизни тетушка была добрая хозяйка, любившая хорошо покушать и напиться кофею по утру. Она не была тѣмъ, что̀ называютъ образованною, и не имѣла на это никакихъ видимыхъ претензій; воспитываясь у своей бабушки, она одна, изъ всего семейства, не знала французскаго языка; но во многихъ случаяхъ обнаруживала умъ ясный и практическій. Она не любила задавать тону, то-есть казаться выше того, что̀ есть, но любила, чтобы все у нея было хорошо, чтобы сосѣдка, уѣзжая съ ея обѣда, говорила: «Какой прекрасный столъ у Авдотьи Петровны! Когда ни заѣзжай, голодна не будешь...»

Какъ теперь гляжу на эту добрую старушку: темный капотъ и бѣлая косынка на головѣ, повязанная «маленькой головкой», составляли ея будничный нарядъ. Чепцовъ она не любила, потому что они закрывали ей уши и усиливали глухоту, и оттого чепецъ являлся на ея головѣ только по воскресеньямъ или по случаю какого-нибудь рѣдкаго визита дальнѣйшей, богатой сосѣдки. Въ воскресенье и праздники тетушка облекалась какою - то торжественностью и особеннымъ достоинствомъ, но эта торжественность продолжалась только до обѣда: послѣ обѣда, которая-нибудь изъ сосѣдокъ говорила: «Что это вы, родная, не изволите снять чепчика?» Тетушка всегда съ радостью принимала подобное предложеніе, и голова ея снова красовалась въ бѣлой косынкѣ.

Сосѣдки у насъ были, по близости, всѐ бѣдныя; у самой богатой считалось не болѣе пяти душъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были сверстницы тетушки; другія были еще дѣтьми, когда она была молода; но всѣхъ ихъ связывали съ тетушкой и между собой болѣе или менѣе общіе интересы. Тетушка была между ними,

какъ въ своей семьѣ. Онѣ искренно любили ее, и тетушка платила имъ тѣмъ же; онѣ разнообразили ея уединенную жизнь и были ходячими газетами нашего края. Посѣщая окрестныхъ помѣщиковъ, онѣ имѣли возможность узнавать и передавать тетушкѣ, уже много лѣтъ никуда не выѣзжавшей по случаю слабости здоровья, всѣ новости: свадьбы, похороны, продажи и покупки имѣній, выѣзды и пріѣзды. Тетушку занимало все это, потому что рѣдкій помѣщикъ или помѣщица не были сыномъ, внукой, близкимъ родственникомъ ея прежнихъ знакомцевъ, а кто постарѣе, то и самимъ знакомцемъ. Мущинъ въ нашемъ домѣ не было и духу; горничныя исправляли должность лакеевъ. У сосѣдокъ мужья были или пьяницы, или ужь такъ необразованы и грубы, что сами дичились тетушки, а иной, живя дурно съ женою, зналъ, что тетушка поглядитъ на него не совсѣмъ ласково. Эти мужья были, большею частью, причиной всѣхъ драматическихъ приключеній въ нашемъ околодкѣ, то-есть шуму и дракъ по праздникамъ въ окрестныхъ деревняхъ. Изъ этихъ господъ только одинъ появлялся еще въ торжественные праздники въ маленькой гостиной тетушки; это былъ нѣкто Андрей Петровичъ. Этотъ Андрей Петровичъ нѣкогда служилъ гдѣ-то въ судѣ, потомъ женился на дочери одной изъ нашихъ сосѣдокъ, и первые годы супружества безжалостно билъ свою жену, которой покровительствовала тетушка; но вдругъ онъ перемѣнился, сталъ хорошимъ хозяиномъ и пересталъ бить жену. Чудную эту перемѣну приписывали одному знахарю, къ которому тихонько ѣздила Варвара Степановна посовѣтоваться о своемъ горѣ.

Появленіе мое въ домѣ тетки принесло ей большую радость. Я была новымъ звеномъ, привязывавшимъ ее къ землѣ. Она теперь имѣла право, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, желать продолженія жизни, потому что эта жизнь нужна была маленькому существу, отданному ея покровительству. Воспитаніе мое... но у меня не было того, что̀ называется воспитаніемъ. Я не знала гувернантокъ, тетка терпѣть ихъ не могла. Русской грамотѣ я выучилась еще на пятомъ году, съ пяти лѣтъ пристрастилась къ чтенію и до пятнадцати ничему больше не училась. Въ то же время я выучилась и писать самымъ оригинальнымъ образомъ. Малюткой я копировала сперва печатныя буквы, по-

томъ стала подражать почерку нѣсколькихъ старинныхъ писемъ и бумагъ, хранившихся въ незапертомъ сундукѣ, въ углу диванной; мнѣ было позволено разбирать ихъ, съ тѣмъ чтобы, насмотрѣвшись, я снова уложила ихъ въ прежнемъ порядкѣ. Если удавалось мнѣ написать нѣсколько уродливыхъ строчекъ, я съ восторгомъ показывала ихъ тетушкѣ, которая иногда замѣчала, что *азы* у меня, точно пьяные, покачнулись на бокъ, или *червь* похожъ на крючокъ; но тутъ же цѣловала меня и прибавляла, что если я буду стараться, то выучусь писать скоро и хорошо.

Я ѣла съ теткой по середамъ и пятницамъ постное; вставала съ ней къ заутренѣ и вообще восхищала всѣхъ тѣмъ, что была «какъ большая». Такъ какъ я была слабый, худенькій ребенокъ, то тетка всю зиму держала меня безвыходно въ комнатѣ, какъ говорятъ въ хлопкахъ, что̀ не мѣшало мнѣ простужаться и хворать. Тогда заботамъ и огорченіямъ доброй тетушки не было конца: поднималась вся домашняя аптека; мнѣ окладывали голову листами соленой капусты, поили мятой, и только въ крайнихъ случаяхъ давали огуречнаго разсолу. Тетка не вѣрила докторамъ, да, правда, въ деревнѣ, поневолѣ обходилось дѣло безъ доктора: губернскій городъ былъ за 200 слишкомъ верстъ, а уѣздный врачъ находился, большею частью, или на слѣдствіи, или гдѣ-нибудь у помѣщиковъ.

Въ сумерки тетушка сажала меня передъ собой на столъ, спустя ноги мои къ себѣ на колѣни, и, погладивъ меня по головѣ, начинала разказывать, по моей просьбѣ, сказку. Сперва разказывала мнѣ о «Хитрой лисицѣ и волкѣ», о «Строевой дочкѣ». Съ какимъ наслажденіемъ я слушала тетушку! Однажды, тетушка вдругъ припомнила сказку изъ «Тысячи одной ночи». Купцы, принцы, принцессы, волшебницы потянулись передо мной пестрою вереницей. Весь вечеръ я была въ какомъ-то обаяніи. Легши въ постель, я стала припоминать сказку и, — странное дѣло! — передо мной явился рядъ новыхъ образовъ, новыхъ приключеній, о которыхъ не разказывала тетушка, но которыя родились въ моемъ сильно-потрясенномъ воображеніи. Съ этихъ поръ явилась у меня странная способность разказывать, мысленно, самой себѣ сказки, созданныя моимъ же собственнымъ воображеніемъ. Сперва это были сказки, послѣ—цѣлые романы. Эта способность, которую нѣтъ возможности объяснить тѣмъ,

кто не имѣетъ ее, была для меня источникомъ невыразимой отрады. Бывало, по цѣлымъ часамъ, хожу я задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ, и еслибъ былъ при мнѣ какой-нибудь опытный наблюдатель, то вѣрно бы удивился, увидѣвъ на дѣтскомъ лицѣ моемъ, то слезы, то радость, то ужасъ, то испугъ. Этихъ долгихъ путешествій по комнатѣ не могла не замѣтить и тетушка, и въ самомъ дѣлѣ странно было видѣть маленькую дѣвочку, расхаживающую съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ. На всѣ вопросы тетушки: о чемъ я думаю? я отвѣчала неопредѣленнымъ «такъ...», и она переставала спрашивать меня, сказавъ:

—«Ну, Христосъ съ ней: она что-нибудь да думаетъ.»

На девятомъ году судьба послала мнѣ друга. Рядомъ съ нашею усадьбой находилась усадьба Марьи Ивановны. Имѣніе Марьи Ивановны состояло изъ десяти душъ крестьянъ и земли, совершенно смежной съ тетушкиной, такъ что домъ Марьи Ивановны отдѣлялся отъ нашего двора только заборомъ, и однимъ угломъ упирался въ тынъ тетушкинаго сада, пріютясь такимъ образомъ подъ тѣнь полувѣковыхъ березъ. Марья Ивановна была родственница тетушки и крестница ея, но уже давно не ходила къ ней, потому что была за что-то въ ссорѣ съ тетушкой. Ссора эта была семейная и не касалась никакихъ хозяйственныхъ интересовъ. Марья Ивановна была вдова; у ней было двое дѣтей, сынъ и дочь; послѣдняя была однихъ лѣтъ со мной. До тѣхъ поръ, Лизу видала я иногда издали въ церкви или, гуляя, сквозь заборъ садовой рѣшетки. Встрѣчаясь, мы всегда расходились, какъ посторонніе, потому что дѣвушка, провожавшая меня, боялась прогнѣвать тетушку, позволивъ намъ сойдтись.

Однажды, помню,—это было въ Рождество,—мы отправились къ обѣднѣ; маленькая церковь была полна; за чепцами барынь тѣснились пестрые платки бабъ; за ними толкались мужички. Тетушку конвоировали два дворовые человѣка, въ синихъ кафтанахъ, съ помощію которыхъ мы протѣснились впередъ и заняли должное намъ мѣсто. Общимъ движеніемъ я была выдвинута и очутилась у самаго амвона, рядомъ съ Лизой. Тетушка, видя, что я тутъ безопасна отъ толчковъ, оставила меня.

Я взглянула на Лизу, она на меня, и мы обѣ тихонько засмѣялись, сами не зная чему. Этимъ знакомство наше было сдѣлано. Сердце мое билось отъ удовольствія и отъ какого-то новаго

для меня чувства. Неодолимая сила тянула меня къ Лизѣ, мнѣ хотѣлось обнять и разцѣловать ее, но я была слишкомъ «умное» дитя, и удержалась отъ такого порыва. Мы довольствовались взглядами и улыбками; мы даже тихонько проговорили другъ другу нѣсколько словъ. Послѣ обѣдни дали мнѣ цѣлую просфору; этимъ преимуществомъ пользовалась я всегда, потому что тетка давала муку на просфоры и вообще считалась старшею и богатою прихожанкой. Просфора эта была для меня очень пріятнымъ даяніемъ: обѣдня кончилась поздно, а тетушка никогда не пила чай до обѣдни и мнѣ не давала, и я, бывало, порядочно проголодаюсь.

Я предложила Лизѣ половину просфоры...

— Кушайте, сказала она мнѣ,—я не хочу.

— Мнѣ много, я не съѣмъ всего.

Лиза взяла и поблагодарила меня. Между тѣмъ сосѣдки обступили тетку и съ торжествомъ говорили, указывая на меня:

— Посмотрите, какой ангелъ, какая доброта! Взгляните на нихъ, что за парочка!

— Пойдемте здороваться съ тетушкой, шепнула я Лизѣ.

— Я не знаю, какъ маменька, робко отвѣчала она.

— Ничего, ступай! сказала стоявшая за нами Марья Ивановна, которая давно искала случая помириться съ тетушкой.

Тетушка поздоровалась съ Лизой благосклонно, думая, что та подошла къ ней единственно по влеченію сердца. Вслѣдъ за дочерью подошла къ теткѣ и Марья Ивановна. Тутъ совершилось между ними примиреніе безъ словъ, безъ объясненій. Тетушка пригласила Марью Ивановну обѣдать и съ Лизой. О, какимъ это было для меня праздникомъ!

Съ этого времени Лизѣ позволено было приходить ко мнѣ каждый день, и скоро мы сдѣлались почти неразлучны; Лиза была красивая дѣвочка, съ темными волосами, большими сѣрыми глазами и черными тонкими бровями; большой носъ только придавалъ ей серіозное выраженіе. Она была суха и скрытна въ обращеніи. Довѣренность ея пріобрѣталась не скоро. Въ домашней жизни ея матери были какія-то, таинственныя для меня, темныя пятна, и потому, отпуская Лизу ко мнѣ, она старалась внушать ей недовѣрчивость; она знала, что это лучшее средство сдѣлать ее скро-

мной. Лиза была странное существо. Горе и радость выражались у ней такъ блѣдно, такъ тихо, и, несмотря на то, возбуждали участіе; но вообще она принимала за горе только то положительное горе, которое легко можно опредѣлить словами и которое не выходитъ за границы матеріяльнаго. Она почти никогда не плакала, говорила, что слезъ у ней не вышибешь и обухомъ. Никогда ни къ кому не ласкалась безъ причины, такъ, по влеченію внутренняго чувства, переполняющаго черезъ край молодое сердце. Разъ, помню это какъ теперь, мы ходили въ саду, въ ясный весенній день; солнце обливало горячими лучами синеватую зелень пихтъ и сверкающіе листья березъ; воздухъ напоенъ былъ живительнымъ запахомъ свѣжей зелени и благоуханіемъ ландышей, которые выставляли серебреные колокольчики изъ-подъ широкихъ, атласистыхъ, темнозеленыхъ листьевъ своихъ; чувство безотчетнаго счастія вдругъ охватило все существо мое, сладкій трепетъ проникъ меня, и, заливаясь слезами, я вдругъ обняла Лизу и скрыла лицо на ея груди. Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, и на поцѣлуй мой отвѣчала съ убійственнымъ комизмомъ:

— Здравствуй! давно не видались! потомъ прибавила:—какая же ты странная!

Я глубоко обидѣлась; сердце у меня сжалось непривычнымъ холодомъ. Лиза замѣтила это и сказала:

— Послушай, Геничка, ты не сердись на меня, я ужь такой человѣкъ, я не могу ласкаться; я тебя люблю, ты знаешь, но ласкаться не могу; спроси хоть маменьку, и она тебѣ скажетъ; я и сама не рада.

Это успокоило меня, я скоро примирилась съ ея холодностью, увѣривъ себя, что она «ужь такой человѣкъ».

Странно, что книги никогда не могли возбудить ея вниманія; она засыпала на второй страницѣ каждой повѣсти или романа, какъ ни были занимательны они; но слушала съ удовольствіемъ, когда я разказывала ей читанное. Лиза была строга и положительна не по лѣтамъ, такъ же какъ я мечтательна не по лѣтамъ; но между тѣмъ мы притворялись дѣтьми передъ старшими и удалялись отъ всего, что̀ насъ не касалось. Самолюбіе уже говорило въ насъ, и услыхать: — «вы еще дѣти, это не ваше дѣло»—было бы намъ очень обидно.

И вотъ, незамѣтно создался для насъ особый міръ и окружилъ насъ волшебною чертой. Мы стали играть... Но эти игры не походили на игры другихъ дѣтей, гдѣ куклы и воображаемые гости составляютъ все. Нѣтъ! наши игры были цѣлые романы, драмы, поэмы... Воображеніе мое работало сильно, и яркость моихъ вымысловъ увлекала мою подругу. Слово «будто» было волшебнымъ жезломъ, по которому двигалось и творилось все, чего бы мы ни пожелали... Часто мы обливались горькими слезами въ нашихъ играхъ, и тогда, какъ уже были почти взрослыми. Игры наши расли и развивались по мѣрѣ того, какъ развивались наши способности, разгорячалось воображеніе; общество, балы, любовь, тираны и покровители, богатство, удовольствія, радость и горе, всѣмъ этимъ окружали мы себя полно и живо, угадывая, по своему разумѣнію то, чего еще не испытали въ дѣйствительности; чтеніе романовъ также не мало способствовало этому. Такъ, не выходя за рѣшетку сада, мы совершали дальнія путешествія, попадались въ руки разбойниковъ; влюбленный въ меня атаманъ готовъ былъ уже сдѣлаться моимъ мужемъ, и, вотъ, является неожиданный избавитель; разбойники упорно защищаются, наконецъ, побѣжденные, спасаются бѣгствомъ. Избавитель, разумѣется очаровательный молодой человѣкъ, раненъ; мы ухаживаемъ за нимъ; я влюбляюсь и любима взаимно; но тутъ жестокій отецъ разрушаетъ своею непреклонною волей всѣ наши надежды, и принуждаетъ меня выйдти за знатнаго старика. Лиза,—тогда уже разумѣется подъ другимъ именемъ, — старшая сестра моя, собираетъ меня, несчастную жертву, къ вѣнцу, похитивъ изъ цвѣтника нѣсколько лилій и пунцовый піонъ для такого торжественнаго случая, потомъ приводитъ меня, полную отчаянія, въ великолѣпно убранный залъ, наполненный гостями (то-есть въ пустую, старую бесѣдку въ саду), тутъ я падаю въ обморокъ... Общее смятеніе... и наконецъ появленіе Дуняши съ докладомъ, что тетенька приказала насъ позвать кушать чай или обѣдать. Очарованіе исчезаетъ и замѣняется дѣйствительностью, имѣвшею для насъ въ то время также свою прелесть. Печальная невѣста бѣжитъ съ громкимъ смѣхомъ по длинной, густой липовой аллеѣ къ дому, гдѣ вмѣсто жестокаго отца ждетъ ее добрая тетушка, вмѣсто ненавистнаго свадебнаго пира—густыя сливки и ягоды.

Намъ минуло четырнадцать лѣтъ. Я, бывшая до сихъ поръ

меньше ростомъ Лизы, вдругъ выросла и развилась, такъ что на полвершка переросла мою подругу. Мы стали и на видъ совсѣмъ большими; и сосѣдки, и тетка обращались съ нами уже какъ со взрослыми. Насъ звали неразлучными; тетка же называла насъ любовниками, потому что мы всюду и всегда являлись вмѣстѣ, и одна безъ другой не выходили даже въ другую комнату. Лиза всегда ночевала дома, и каждое утро я съ трепетомъ ожидала, когда появится она, въ своей шубеечкѣ, на дорогѣ передъ домомъ. Иногда, зимой, она, бывало, подкрадется и броситъ снѣгомъ въ стекло. Простуды она не знала и никогда не была больна; зато я хворала порядочно, хотя всю зиму и сидѣла безвыходно въ комнатахъ. Но случалось на святкахъ, когда тетушка заговорится съ сосѣдкой, рѣшусь я выбѣжать съ Лизой тихонько на крыльцо. Это было не такъ трудно, потому что крыльца было два, передняя всегда была пуста, и насъ не могли видѣть. Боже мой! какой это былъ подвигъ! Сердце билось, будто совершалось преступленіе; стащишь, бывало, большой платокъ, висѣвшій всегда на тетушкиныхъ ширмахъ, накинешь на голову... такъ и хочется вырваться на волю...

— Надѣнь мои валенки, молвитъ Лиза,—видишь ты какая фарфоровая...

— А ты какъ же, Лиза?

— Я не простужусь; я такъ надѣла валенки; я все въ башмакахъ по снѣгу хожу.

И выйдемъ мы, со страхомъ, скрипнувъ дверью. И глянетъ, бывало, на насъ своими брилліянтами звѣздная, морозная ночь, и хорошо намъ, и весело, и стоимъ мы, будто очарованныя, на хрупкомъ снѣгу, пожирая взоромъ пространство, залитое луннымъ свѣтомъ, засыпанное милліонами искръ, и глядимъ мы на звѣздное небо, синее, безграничное, какъ надежда, чудное и далекое, какъ будущность, о которой мечтаетъ довѣрчивая молодость...

А когда наступала весна, когда яркій потокъ ослѣпительнаго свѣта вливался въ окна, не завѣшенныя драпировкой, и воробьи весело чирикали на кустахъ сирени, покрытыхъ почками, и скворецъ распѣвалъ на своемъ скворешникѣ, а на окошкѣ начинали цвѣсти ирисы и авриколіи, и оживающія мухи жужжали на тепломъ стеклѣ,—о, какой чудный міръ отрады и блаженнаго восторга

раскрывался тогда въ душѣ моей! Какъ стремилась я вырваться на воздухъ, съ какою завистью смотрѣла на здоровыхъ ребятишекъ, которые валандались въ весеннихъ лужахъ; съ какою любовью приникала я къ вѣткѣ вербы, занесенной Дуняшей или Аннушкой въ дѣвичью; какъ вдыхала свѣжій запахъ ея коры; какъ ждала, какъ молилась, чтобъ поскорѣй сошелъ снѣгъ, и солнце высушило землю, потому что только тогда кончалась моя неволя; только тогда открывался входъ въ необъятный храмъ природы, гдѣ я пила полною грудью живительную струю весенняго воздуха.

У Марьи Ивановны, какъ я сказала выше, былъ еще сынъ, годомъ моложе Лизы; азбука едва была знакома мальчику, который, по выраженію тетушки, бѣгалъ какъ саврасъ безъ узды. Митя приходилъ къ намъ съ сестрою только по воскресеньямъ и праздникамъ поздравить тетушку, что онъ, по внушенію матери, считалъ непреложною обязанностью; прочіе же дни предпочиталъ играть съ мальчишками въ бабки, или разорять птичьи гнѣзда, противъ чего Лиза ужасно возставала. Мы, вообще, не питали къ нему никакого уваженія и никогда не пускали въ свои игры.

Марья Ивановна вспомнила, что сыну пора приниматься за грамоту, и стала отыскивать учителя «не мудренаго», да съ тѣмъ, чтобъ уже кстати поучилъ и Лизу, которая однако читала порядочно.

— Геничку мою нечего учить, говорила тетушка,—будетъ время, сама всему выучится; она читаетъ безподобно, пишетъ очень порядочно; мнѣ самой Богъ помогъ ее выучить.

— Вы, маменька, другое дѣло, говорила картавя Марья Ивановна,—вы и сравненья нѣтъ. Не будь у меня Митеньки, я бы Лизу и не подумала учить, ну а мальчика такъ оставить нельзя... А легко будто это? Вотъ учитель-то сто рубликовъ проситъ... а отъ какого состоянія?

— Ну, ужь такъ и быть, я заплачу учителю, сказала тетушка.

Марья Ивановна бросилась цѣловать у ней руку.

Въ одно мартовское утро, Лиза живѣе обыкновеннаго вбѣжала ко мнѣ въ комнату.

— Здравствуй! сказала она, пахнувъ на меня свѣжимъ воздухомъ:—что это ты до сихъ поръ въ постелѣ?.. Ахъ, ты соня эдакая!

— Да ты, Лиза, вчера въ которомъ часу легла?

— Какъ пришла отъ васъ, въ девять часовъ.

— Ну, а я до двѣнадцати читала тетушкѣ... Ахъ, Лиза, что̀ это за книга, Мельмотъ-Скиталецъ!

— Ну, полно ты съ книгами! Къ намъ учителя привезли...

— Привезли? вскричала я, и тотчасъ стала одѣваться.—Ну, скажи, что̀ онъ? молодой?

— Молодой.

— Хорошъ ли?

— Ничего, не дуренъ...

— Черноволосый?

— Нѣтъ, бѣлокурый...

Лиза разказала мнѣ со всѣми подробностями о пріѣздѣ учителя и первый разговоръ съ нимъ матери. Она смѣшила меня, безо всякаго намѣренія смѣшить. Притомъ же, въ то блаженное время, смѣхъ нашъ ежеминутно раздавался, заставляя иногда улыбаться даже Ѳедосью Петровну, тетушкину ключницу. Отъ тетки мнѣ всегда доставалось за смѣхъ.

— Геничка! говорила она тономъ строгости:—ей! привыкнешь смѣяться поминутно, будешь смѣяться и въ обществѣ.

Добрая тетушка! какъ она ошибалась: привыкнуть быть веселой! какъ будто это возможно.

Я смѣялась только съ Лизой, а безъ нея была иной человѣкъ; да и при ней, часто, вдругъ набѣгали на меня минуты безотчетной тоски, я садилась въ уголъ и плакала. Мы не смѣялись, когда въ сумерки смотрѣли у окна, какъ догорала заря или носились сѣрыя облака. Тутъ мы или молчали, или говорили не по-дѣтски, о предметахъ высокихъ и недоступныхъ намъ, рѣшая по своему вопросы, волновавшіе нашъ умъ. Я старалась заинтересовать мою подругу тѣмъ, что̀ сама считала высокимъ и прекраснымъ. Лиза, впрочемъ, терпѣть не могла отвлеченныхъ разговоровъ, и когда я замечтаюсь, она всегда, бывало, прерветъ меня:

— Ну, мать моя, ты ужь пошла разсуждать, точно ученая.

Я падала съ облаковъ и становилась въ уровень съ ея положительностью, которая исчезала только тогда, когда мы начинали играть.

Жизнь моя раздѣлилась незамѣтно на двѣ половины: на жизнь съ Лизой и на жизнь безъ нея. Все время одиночества я посвящала на чтеніе и на бесѣду съ тетушкой, которой разказы были

для меня пріятны и занимательны; но не всегда разказывала тетушка: часто она поучала и читала длинныя нотаціи, которыя я слушала съ наружнымъ терпѣніемъ; но несмотря на то, многое оставалось у меня въ сердцѣ, и я часто сознавала внутри себя, что тетка говоритъ правду. Такъ ея рѣчи были иногда полны истины. Пріѣздъ учителя не нарушилъ моихъ свиданій съ Лизой; она приходила ко мнѣ только часомъ позже утромъ, и уходила часа на полтора послѣ обѣда учиться, и то не всякій день. Объ учителѣ разговоровъ у насъ было не мало. Она пересказывала мнѣ каждое его слово, иногда посмѣивалась надъ нимъ; говорила, что у него много стиховъ, что онъ привезъ съ собой десятка два книгъ. Говорила также, что онъ спрашивалъ обо мнѣ, что просилъ ее кланяться мнѣ и попросить у меня книгъ, потому что онъ умираетъ отъ скуки.

Я знала неряшливость, царствовавшую въ домѣ Марьи Ивановны, и понимала, какъ тяжело было мало-мальски порядочному человѣку жить тутъ, не имѣя съ кѣмъ перекинуться мыслью. Я посылала ему книги, и когда получала ихъ назадъ, невольно перелистывала ихъ... нѣкоторыя мѣста были подчеркнуты карандашомъ....

А между тѣмъ апрѣльское солнце сгоняло послѣдній снѣгъ, и садъ принялъ какой-то зеленовато-бурый оттѣнокъ. Иныя аллеи начинали уже просыхать, и дикій цикорій зацвѣлъ на завалинахъ, у стѣнъ дома. Мы обдумывали съ Лизой, какъ бы попроситься у тетушки погулять, и сердце мое замирало при мысли объ отказѣ. Наконецъ, въ одинъ теплый день, вошла я къ тетушкѣ. Она сидѣла за книгой и шепотомъ читала.

— Что ты, Геничка? спросила она, замѣтивъ меня.

— Тетенька! отпустите насъ погулять, очень тепло, спросите Ѳедосью Петровну...

Тетушка выходила на воздухъ только въ самые жары.

Тутъ же кстати вошла и Ѳедосья Петровна.

— А что̀? тепло на дворѣ, Ѳедосья? спросила тетушка.

— Тепло, хорошо, сударыня. Али дѣтямъ погулять хочется? Отпустите, матушка! тепло сегодня, не простудятся.

Никогда не забуду той радости, которую я чувствовала при этомъ рѣшеніи.

За дверьми тетушкиной комнаты ждала меня улыбавшаяся

Лиза; она радовалась больше за меня, чѣмъ за себя, потому что прогулка не имѣла для нея такой новизны и прелести, какъ для меня. Я прыгала, какъ козленокъ, и обнимала всѣхъ горничныхъ. Черезъ нѣсколько минутъ явилась Ѳедосья Петровна съ цѣлымъ возомъ на рукахъ разной одежды. Я съ ужасомъ глядѣла на толстый ваточный капотъ и тетушкину мѣховую кацавейку, на платки и платочки, которые должны были накутаться на меня. Радость моя нѣсколько помрачилась, при мысли, что я едва буду въ состоянiи поворотиться, не только бѣгать.

Начался процессъ одѣванья:

— Ѳедосья Петровна! да вы меня задушите, говорила я умоляющимъ голосомъ.

— Нечего, сударыня, отвѣчала она, — простудитесь, хуже будетъ; куда мы тогда поспѣемъ? всѣ будемъ виноваты у тетеньки.

Наконецъ, задыхаясь отъ жару, скорѣе похожая на копну сѣна чѣмъ на живаго человѣка, вкатилась я къ тетушкѣ, увлекаемая впередъ собственною своею тяжестью.

— Тетушка! мнѣ душно, мнѣ жарко! восклицала я почти со слезами: — нельзя ли снять хоть кацавейку?

— Смотри, не простудись, Геничка! не срази ты меня...

— Да этакъ я хуже простужусь, замѣчала я, чисто инстинктивно.

— Не снять ли ужь и вправду кацавейку, Ѳедосья, ежели очень тепло?

— Какъ прикажете; оно тепло-то, тепло... вѣтерочекъ есть маленькiй.

— Вонъ, видишь ли, Геничка, вѣтрено, говорятъ.

— Да какое вѣтрено, тетенька! посмотрите, деревья не качаются...

— Ну, ужь сними съ нея кацавейку. На, вотъ, надѣнь мой платокъ, онъ претеплый.

И тетушка сняла съ себя платокъ и, къ великому моему удовольствiю, замѣнила имъ кацавейку.

Мы вышли. Ѳедосья Петровна проводила насъ и обѣщала прислать намъ сказать, когда будетъ время воротиться домой. Глубоко и ярко сiяло надъ нами голубое весеннее небо, и, казалось, вызывало магнетическою силою изъ земли разнообразныя расте-

нія, разбивало почки на деревьяхъ и всему давало жизнь и блескъ. Насъ обдавало тѣмъ теплымъ, проницающимъ воздухомъ весны, который заставляетъ сердце биться сильнѣе обыкновеннаго и располагаетъ душу къ мечтѣ и вѣрѣ въ счастіе. Мы добѣжали до конца сада и остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ калитки, выходящей въ поле, вскрикнувъ отъ неожиданности: у калитки стоялъ учитель.

— Ахъ, Павелъ Иванычъ, какъ вы насъ испугали! сказала Лиза.

— Извините, сказалъ онъ, — я никакъ не хотѣлъ испугать васъ. Здравствуйте, Евгенія Александровна! обратился онъ ко мнѣ свободно и весело, будто старый знакомый.

Я отвѣчала ему тѣмъ же. Я живо помню этотъ первый разговоръ мой съ нимъ.

Мы походили съ нимъ на старыхъ друзей, давно не видавшихся и спѣшившихъ, въ короткое свиданіе, передать другъ другу свои впечатлѣнія.

Во время самаго жаркаго разговора, Лиза сказала какъ-то отрывисто:

— Пора и домой, насъ зовутъ.

И въ самомъ дѣлѣ, визгливый голосъ Дуняши раздавался по саду. Мы простились съ учителемъ и бросились къ ней бѣгомъ на встрѣчу.

Прійдя домой, я вспомнила, что Лиза ни разу не вмѣшалась въ разговоры наши, и что ей было скучно, потому что подобные разговоры были не въ ея вкусѣ.

— Что̀ это ты не говорила съ нами? спросила я ее.

— А что̀ мнѣ говорить? я не умѣю говорить по твоему, да и терпѣть не могу говорить съ нимъ...

— Отчего же, мой другъ? спросила я съ изумленіемъ, — онъ, кажется, умный человѣкъ.

— Онъ мнѣ противенъ; езуитъ долженъ быть.

— Почему ты такъ думаешь?

— Да ужь такъ, сердце мое чувствуетъ, не даромъ я такъ не люблю его; вотъ вспомни меня.

Лиза имѣла на меня большое вліяніе, и потому слова ея огорчили меня и родили какое-то чувство сомнѣнія на счетъ учителя. Я считала себя, не знаю почему, будто виноватою передъ Лизой,

и старалась всячески заставить забыть ее, что я такъ исключительно занималась въ саду учителемъ.

Дни становились все теплѣе. Мы наконецъ уже получили свободу гулять, сколько душѣ угодно; тетушка давала намъ эту свободу въ уваженіе краткости сѣвернаго лѣта. Уже длинныя косы мои свободно бились по моимъ плечамъ; я не любила носить ихъ обвитыми вокругъ головы, какъ всегда дѣлала Лиза, за что̀ тетушка звала меня Авессаломомъ.

Свиданія наши съ Павломъ Иванычемъ повторялись довольно часто; но Богъ вѣсть, отчего мнѣ неловко было говорить съ нимъ при Лизѣ. Онъ видимо искалъ насъ встрѣтить и показывалъ въ отношеніи ко мнѣ тонкую внимательность въ обращеніи. Сердце мое билось каждый разъ, когда привѣтливые звуки его голоса касались моего слуха. Мнѣ становилось такъ хорошо, такъ отрадно послѣ разговора съ нимъ, какъ будто тяжесть спадала съ моей души. Лѣтомъ Лиза не была такъ безотлучно со мною, какъ зимой; она часто отправлялась съ матерью за грибами; это было для нея слишкомъ большое удовольствіе, и она бы не пожертвовала имъ для моего общества. Учитель почти всегда оставался дома, и я увѣрена была, что послѣ обѣда найду его у рѣшетки сада.

Да, я забыла сказать еще что-нибудь о его наружности: помню, что это былъ бѣлокурый, съ тонкими, пріятными чертами лица молодой человѣкъ, средняго роста, съ такими мягкими, шелковистыми на взглядъ волосами, что невольно хотѣлось погладить ихъ. Голубые глаза его смотрѣли на меня внимательно и грустно. Теперь только припоминаю я, что одѣтъ онъ былъ, увы! въ очень старый сюртукъ.

Однажды, послѣ обѣда, мы разговаривали съ нимъ черезъ заборъ; крикъ гусей заставилъ насъ оглянуться, птичница прогоняла мимо насъ свое стадо.

— Здравствуйте, матушка, Евгенія Александровна! сказала она.

Мнѣ вдругъ стало неловко и совѣстно. Что̀ подумаетъ она, видя, какъ я одна разговариваю съ учителемъ? Что̀, если это подастъ поводъ къ сплетнямъ? если узнаетъ тетушка?.. Но я старалась отогнать эту мысль, и намъ снова стало хорошо и весело.

Не забуду я этого дня! мнѣ кажется, и теперь вижу я это синее небо; жаркій воздухъ румянитъ мнѣ лицо; рой насѣкомыхъ жуж-

житъ на разные тоны; солнце сушитъ скошеное сѣно, и вѣтерокъ едва колышетъ листья березъ; вдали за садомъ сверкаетъ извилистая рѣка; я вижу ее сквозь заборъ, такъ же какъ таинственную синеву дали, какъ колышущіяся нивы, пестрѣющія васильками, и дикую ленту дороги, по которой подымается облако пыли и скрипитъ немазаная телѣга. И стоимъ мы, нѣсколько времени, подъ гнетомъ непостижимаго обаянія, и на меня, близко, сквозь тынъ, смотрятъ два блистающіе глаза и слышится дыханіе человѣка, перваго любящаго меня человѣка, того, чей голосъ впервые пробудилъ въ юномъ сердцѣ моемъ новыя, сладостныя ощущенія. И голова моя не кружилась, и мнѣ не было страшно — нѣтъ, я полною грудью дышала этимъ очарованнымъ воздухомъ, не дрогнувшими устами пила первую струю счастія; мнѣ казалось, что жизнь давала мнѣ должное, и я, не краснѣя, принимала даръ ея.

— О чемъ вы думаете? спросила я его.

— Я думаю о томъ, что люблю много, преданно и безгранично, отвѣчалъ онъ.

— Кого же это вы любите? спросила я такъ тихо, что голосъ мой слился съ шопотомъ листьевъ.. — Хотите меня сдѣлать своей повѣренной?

Я уже начинала хитрить.

— Васъ, отвѣчалъ онъ также тихо, — вѣдь вы должны же знать это. Васъ люблю я, какъ никого не буду любить... Мнѣ кажется, мнѣ чувствуется, что и вы любите меня.

Странно! Какъ ни была я приготовлена къ подобному отвѣту; но онъ меня до того поразилъ, что первымъ дѣломъ моимъ было скрыть пылавшее лицо мое за вѣткой березы, потомъ бѣжать, бѣжать безъ оглядки домой... И, можетъ-быть, въ первый разъ пробѣжала я безъ вниманія мимо роскошныхъ группъ піонъ, пунцовыхъ и розовыхъ, мимо душистыхъ нарцизовъ и розъ; въ первый разъ пришла въ комнату, не сорвавъ ни одного цвѣтка. Тетушка еще спала. Я остановилась передъ зеркаломъ въ гостиной, и съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ вперила въ него взоръ. Я любила! эта мысль горѣла въ умѣ моемъ яркимъ заревомъ... Я любима! и я смотрѣла на себя и, казалось, видѣла себя въ первый разъ... Да, ему нравятся и эти длинныя, свѣтлыя косы, которыя мнѣ такъ хотѣлось перемѣнить на черныя, и эти глаза... да глаза-то у меня недурны, мнѣ и Лиза говорила... Она говорила:

«Какъ бы тебѣ къ этой бѣлой кожѣ, да черные волосы и черныя брови, ты бы просто была красавица..»

И тутъ узнала я, что не нужно быть красавицей, чтобъ быть счастливой...

— Здравствуй! что это ты любуешься на себя? сказала тихо вошедшая Лиза.

Мнѣ стало стыдно. Я скрыла, какъ могла, свое волненіе и начала разспрашивать Лизу, много ли она набрала грибовъ. А между тѣмъ совѣсть моя вопіяла противъ того, что я имѣла тайну отъ подруги, такъ много любимой мною. Но какъ сказать? какъ признаться? Я знала ея строгость, знала ея ненависть къ Павлу Ивановичу. Я страдала потому еще, что сердце мое жаждало откровенности.

Птичница однако не прошла мимо насъ даромъ; она сказала таинственно горничной о томъ, что, дескать, барышня все разговариваетъ съ учителемъ; отъ горничной этотъ доносъ непосредственно перешелъ къ Ѳедосьѣ Петровнѣ; но Ѳедосья Петровна была хитра и осторожна; она не рѣшилась сказать объ этомъ тетушкѣ вдругъ, а стала присматривать за нами.

Я долго ничего не замѣчала. Но однажды Лиза, сидя со мной на балконѣ и поглядѣвъ на меня своими большими сѣрыми глазами, покачала значительно головой... Она знала, что это было вѣрное средство возбудить мое безпокойство. Я просила ее не мучить меня молчаніемъ.

— Послушай, сказала она,—ты развѣ хорошо дѣлаешь, что любезничаешь съ учителемъ? Всѣ тебя осуждаютъ, да еще, пожалуй, и онъ первый будетъ надъ тобою смѣяться. Вчера была у насъ Марья Матвѣвна (сосѣдка), и она ужь слышала: «какъ жаль,—говоритъ маменькѣ,—онъ долженъ быть ужасный человѣкъ, а она еще ребенокъ.» А маменька говоритъ: «моя Лизавета такихъ же лѣтъ, да въ одномъ домѣ живетъ, а, слава Богу, ведетъ себя не такъ... Жаль, говоритъ, бѣдная маменька крестная! а какъ скажешь, Марья Матвѣвна, сама посуди!» Вотъ, что говорятъ! а наша Арина говоритъ, что вы ужь съ нимъ цѣлуетесь... Да ты не пугайся, ты брось это все, такъ и говорить перестанутъ... Али ты и вправду влюблена?—видишь ты поблѣднѣла какъ! сказала она, взглянувъ на меня.

Я чувствовала, какъ вся кровь прихлынула мнѣ къ сердцу; я

дрожала отъ горя и негодованія, и наконецъ залилась слезами, проникнутая глубокимъ оскорбленіемъ... Я рыдала, прислонясь къ деревянной колоннѣ балкона. Лиза долго глядѣла на меня своими спокойными глазами, потомъ вдругъ наклонилась ко мнѣ и сказала почти нѣжно:

— Да полно плакать, о чемъ ты плачешь? Экая важность! полно, все пустяки! впередъ ничего тебѣ не скажу. Вотъ онъ сколько тебѣ горя надѣлалъ! не даромъ я терпѣть его не могу.

Знаете ли вы, какъ тяжела первая клевета, какимъ камнемъ западаетъ она въ молодую, довѣрчивую душу, какъ мрачитъ чистый потокъ первыхъ дѣвственныхъ мечтаній? Это первое зерно зла; это начало сомнѣнія въ жизни...

Лиза успѣла наконецъ успокоить меня не много, но весь тотъ день я не могла безъ ужаса вспомнить, что̀ выдумало на меня праздное воображеніе болтуньи Арины. Черезъ нѣсколько дней я стала какъ будто привыкать къ своему горю; но уже далеко не тѣ были мои свиданія съ нимъ: они отравлены были сомнѣніемъ, страхомъ и чѣмъ-то необъяснимо грустнымъ. Онъ не могъ не замѣтить этого; но я скрыла отъ него причину моей печали и разсѣянности.

Однажды Лиза сказала мнѣ, что она идетъ послѣ обѣда за грибами. День былъ дивный; ночью шелъ дождикъ; садъ дышалъ благовонною сыростью; зелень его переливалась ярче обыкновеннаго. Мы сидѣли на крыльцѣ: широкій дворъ разстилался передъ нами изумруднымъ ковромъ, кой-гдѣ испещреннымъ лиловыми колокольчиками, алою купальницей, да золотистыми цвѣточками лютика. Три дѣвочки и мальчикъ, всѣ не старѣе пяти лѣтъ, полунагіе, какъ амуры, живописно расположились на травѣ. Они строили домикъ изъ старыхъ кирпичей; ихъ полненькія ручонки сверкали на солнцѣ, и серебристый смѣхъ раздавался звонко. Вдали, за дворомъ, синѣлъ лѣсъ, который былъ недоступенъ для меня, какъ эдемъ для грѣшника, и вѣроятно потому именно манилъ меня неодолимо. Тетушка имѣла странное упрямство не пускать меня дальше сада.

— Какъ ты счастлива! сказала я со вздохомъ Лизѣ: — ты идешь въ лѣсъ! Нарви мнѣ ландышей; въ саду немного, и я рвать ихъ не хочу, потому что вечеромъ наслаждаюсь ихъ запахомъ.

— А какіе цвѣты тамъ на рѣкѣ! сказала она: — донникъ, кув-

шинчики!.. здѣсь нѣтъ такихъ. Знаешь что̀, Геничка? попросись! тетушка отпуститъ тебя, теперь ты не маленькая...

— Можетъ-быть и отпуститъ, да ей это будетъ непріятно.

— Вотъ еще! только бы отпустила, а тамъ посердится, да такая же будетъ.

Просить, притомъ же просить съ увѣренностью, что на просьбу мою неохотно согласятся, было для меня истинною пыткой; но Лиза подговаривала меня такъ усердно; темнѣющій лѣсъ, казалось, посылалъ мнѣ призывныя вѣсти: онѣ слышались мнѣ въ легкомъ дуновеніи вѣтерка, въ пѣснѣ жаворонка, звучавшей высоко надъ нашими головами, — я побѣдила свою нерѣшимость и черезъ минуту стояла уже передъ тетушкой. Тетушка нѣсколько времени колебалась, но видно физіономія моя была на этотъ разъ очень выразительна, что она съ улыбкой посмотрѣла на меня и сказала кротко:

— Ахъ, ты глупенькая, глупенькая, Геничка! еще совсѣмъ-то ты ребенокъ... Ну, хорошо, Богъ съ тобой, только я пошлю съ тобой Катерину.

Я бросилась цѣловать руки доброй тетушки,—и какъ горячо любила я ее въ эту минуту, какъ совѣстно мнѣ было внутренно сознаться, что я ошибалась, воображая себѣ, что она не пойметъ моего желанія!

До прогулки оставалось еще нѣсколько часовъ; я то и дѣло глядѣла на небо; каждое облачко пугало меня; того и жди, что вотъ, сейчасъ, испортится погода, пойдетъ дождикъ, тогда прощай счастливыя ожиданія! Но небо было ясно; легкія, прозрачныя облачка плавали по немъ, поминутно мѣняя формы...

Отобѣдали, кончилось тревожное ожиданіе, Катерина уже повязывается пестрымъ платкомъ; сердце мое бьется, и вотъ идемъ мы въ ближайшій лѣсъ втроемъ: Лиза, я и Катерина. Мать Лизы перемѣнила намѣреніе и уѣхала на дальнюю пустошь, на покосъ, брать грибы и присматривать за работами. Лиза осталась, и я не знала, какъ благодарить ее за это. Но на благодарность мою она отвѣчала, съ своею немного насмѣшливою, лукавою улыбкой:

— Не за что̀ тебѣ быть благодарной: ты думаешь мнѣ весело быть тамъ цѣлый день на солнцѣ, съ мужиками да бабами.

Мы подходили къ самому лѣсу, какъ передъ нами явился учи-

тель. Онъ предсталъ такъ неожиданно, что невольный крикъ испуга вырвался у меня.

— Чего ты испугалась? смѣясь, сказала мнѣ Лиза. —Вы, Павелъ Иванычъ, точно изъ земли выросли, обратилась она къ нему.— Ты знаешь ли, Геничка, что Павелъ Иванычъ колдунъ? Онъ заранѣе знаетъ, куда мы пойдемъ. Смотрите, Павелъ Иванычъ, вы не оборотень ли?

— Если бъ я былъ колдунъ, Лизавета Николаевна, то вы бы у меня давно поднялись теперь на воздушной колесницѣ и были бъ перенесены въ какое нибудь волшебное царство...

— Вмѣстѣ съ Катериной, разумѣется?..

Эти послѣднія слова были сказаны Лизой, несмотря на ея скрытность, такъ желчно, такъ дышали непріязненнымъ чувствомъ, что я невольно покраснѣла и наклонилась, будто сорвать цвѣтокъ; тягостное чувство темнымъ облакомъ пронеслось у меня по душѣ. Я не могла понять Лизы; не могла сомнѣваться въ ея дружбѣ ко мнѣ и не могла объяснить вражды ея къ этому человѣку. Тысячи неясныхъ догадокъ, вопросовъ, мелькали въ головѣ моей, и я ни на чемъ не могла остановиться съ увѣренностью.

— Ахъ, Геничка, о чемъ ты думаешь? проходишь мимо грибовъ: посмотри, какіе молоденькіе! Нѣтъ, съ вами немного наберешь, сказала Лиза, и повернула въ чащу.—Ты не ходи за мной, Геничка! кричала она, — ты не привыкла ходить по лѣсу; посмотри, какой здѣсь ломъ! ты упадешь, или ногу наколешь; я ужь привыкла.

И вправду, лѣсъ былъ мѣстами такъ не чистъ и заваленъ вѣтками отъ срубленныхъ деревъ, что я, попытавшись слѣдовать за Лизой, упала оступившись, и со смѣхомъ воротилась на лужайку. Лиза была въ лѣсу, какъ дома, и по самымъ ломнымъ мѣстамъ шла такъ легко и свободно, что ее можно было бы принять за лѣсную нимфу, еслибъ сухіе сучья не трещали подъ ея ногами. Вскорѣ она скрылась, и, уже вдали, перекликалась съ Катериной громкимъ «ау». Мнѣ было почти досадно быть передъ нею такою изнѣженною и разниться отъ нея чѣмъ бы то ни было. Притомъ же я становилась въ необходимость остаться наединѣ съ молодымъ человѣкомъ; мнѣ вспомнились всѣ сплетни, всѣ нелѣпые толки, и навели на мою душу облако недовѣрчивости и безотчетнаго

страха. Но онъ поглядѣлъ мнѣ въ лицо такъ грустно и такъ кротко, что передъ этимъ взглядомъ исчезли всѣ мои сомнѣнія, и я ужь тайно раскаивалась, что оскорбила его недовѣрчивостью. Я улыбнулась и подала ему пучокъ незабудокъ, нарванныхъ при входѣ въ лѣсъ...

— Вы измѣнились, сказалъ онъ, не перемѣняя выраженія лица, — вы стали не тѣ; вы будто боитесь меня, мѐня, который бы отдалъ радостно свою печальную, безполезную жизнь за ваше счастіе! Не грѣхъ ли вамъ! Не слушайте ихъ! подумайте, что̀ это за люди, какими глазами смотрятъ они на все чистое и прекрасное души... Не мучьте и себя: я знаю, каково вамъ сомнѣваться...

Я съ трудомъ удержала слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ, и разказала ему, — утаивъ только выдумку Арины, — мои опасенія и сосѣдскія толки и то, какъ тяжело мнѣ думать, что можетъ-быть между нами скоро станетъ высокая стѣна и закроетъ насъ другъ отъ друга.

Я говорила съ жаромъ; ленточка, заплетенная въ мои волосы, осталась на какой-нибудь иглистой вѣткѣ; я этого не замѣчала до тѣхъ поръ, пока косы мои не расплелись и не распустились длинными, волнистыми прядями до колѣнъ, покрывъ совершенно мои плеча. Какъ мнѣ было стыдно! такъ стыдно, что̀ я охотно бъ провалилась сквозь землю. Что жь? воспользовался ли онъ моимъ замѣшательствомъ, предался ли глупому удовольствію смущать еще больше и безъ того смущенную дѣвушку? Нѣтъ, онъ какъ будто и не глядѣлъ на меня, хоть я въ то же время ясно видѣла, что онъ тайно любовался мной, потому, что онъ любилъ, а любимая женщина всегда первая красавица для любящаго....

— Вы устали, сказалъ онъ, — отдохните здѣсь. Посмотрите какія хорошенькія птички порхаютъ надъ нами, — это малиновки, только что вылетѣвшія изъ гнѣзда. Хотите, я поймаю одну изъ нихъ?

— Не поймать вамъ! сказала я, свивая изъ осоки снурокъ, чтобъ связать волосы.

— Какъ не поймать! нужно только подкрасться тихо и осторожно, чтобъ не спугнуть...

И онъ въ самомъ дѣлѣ поймалъ одну птичку, Бѣдная крошка трепетала въ моихъ рукахъ; свѣтленькія глазки будто молили о

пощадѣ; она мнѣ стала такъ мила и жалка, будто мы были съ ней родня, будто между нами было что̀ общее. Я покрывала поцѣлуями ея нѣжныя, пепельнаго цвѣта перышки, ея шейку, покрытую розовымъ пухомъ.

Я раскрыла руку, сжимавшую плѣнницу, на столько, чтобъ дать ей возможность улетѣть. Птичка будто не вдругъ повѣрила своей свободѣ она вытянула шейку и встряхнула крылышками, прежде чѣмъ вспорхнула и присоединилась къ подругамъ.

— Мы дали ей урокъ опытности, сказалъ онъ съ улыбкой, садясь на траву,—теперь она не скоро попадется въ кошечьи лапы. А вѣдь вѣрно бѣдняжкѣ казалось большимъ несчастіемъ то, что̀ послѣ послужитъ ей благомъ...

— Какъ же страшно жить на свѣтѣ если добро и зло такъ перемѣшаны, что трудно отличить ихъ, замѣтила я.

— Да, жизнь не легка...

— Вы много страдали? Я ничего не знаю изъ вашего прошедшаго.

— Я разкажу вамъ его, если оно хоть немного интересуетъ васъ.

— Не возбудитъ ли это слишкомъ тяжелыхъ воспоминаній?

— Самое тяжелое я пропущу, потому что, видите, все-таки непріятно смотрѣть на болото, въ которомъ едва не погибъ.

— Намъ остается немного времени быть вмѣстѣ, я боюсь, что не успѣю ничего узнать. Лиза и Катерина, можетъ-быть, ужь ищутъ насъ и думаютъ, что мы заблудились.

— Намъ остается еще нѣсколько часовъ. Лиза не придетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ время идти домой. Судя по солнцу теперь часъ четвертый, а вы должны воротиться домой только къ чаю.

— Почему вы это знаете? живо спросила я.

— Потому что я просилъ ее объ этомъ.

— Вы! что̀ же она подумаетъ?

— Подумаетъ, что мнѣ хотѣлось поговорить съ вами.

— Ахъ, что̀ вы сдѣлали? знаете ли, что она васъ ненавидитъ?

— Да какое намъ дѣло до ея ненависти?

— И вы сдѣлали это тихонько отъ меня?

— Чтобы поймать птичку, надо всего больше стараться не спугнуть ея.

— Вы играете роль кошки, сказала я съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ тихо и нѣжно,—скорѣе роль той маленькой, бѣлой ручки, которая поласкала и отпустила малиновку, давъ ей урокъ опытности. Пройдутъ годы, и, можетъ-быть, мысль ваша обратится съ любовью и благодарностью къ воспоминанію обо мнѣ. Это гордая мечта съ моей стороны; но я увѣренъ, что она сбудется, потому что она такъ же чиста и благородна, какъ любовь моя къ вамъ.

Я дружески протянула ему руку; я уважала и цѣнила его чувство. Вотъ, что разказалъ онъ мнѣ о себѣ:

II.

«Я родился въ двухъ стахъ верстахъ отсюда, въ селѣ Покровскомъ. Отецъ мой и теперь тамъ священникомъ. Это бодрый, умный старикъ, характера строгаго и взыскательнаго. Семью свою онъ держитъ въ рукахъ, и нѣтъ удержи его родительскому деспотизму. Мать моя добрая, кроткая женщина. Насъ у батюшки семеро: два брата и пять сестеръ. Старшій братъ мой уже восьмой годъ священникомъ въ одномъ богатомъ, торговомъ селѣ. Я родился пятымъ и былъ такой хилый, такой блѣдный, такой бѣловолосый ребенокъ, тогда какъ сестры мои были всѣ полныя, красивыя дѣвочки, всѣ темноволосыя, черноглазыя, старшій братъ мой такой молодецъ и силачъ, что заглядѣнье; за то меня прозвали Нѣмцемъ, и это названіе осталось за мной и до сихъ поръ. Оно одно довольно ясно обозначаетъ положеніе мое въ родной семьѣ. Ребенокъ, прозванный Нѣмцемъ въ семьѣ приходскаго русскаго священника, долженъ былъ казаться чужимъ въ этой семьѣ. Никто не любилъ меня особенно, хотя я и не былъ, какъ говорится, въ загонѣ, и за общимъ столомъ меня не задѣляли кускомъ пирога.

«Рано началъ я скучать въ нашей душной, хотя просторной избѣ. Въ избѣ меня тянуло на воздухъ; на воздухѣ я рвался дальше. Болѣзненная, преждевременная мечтательность налегла на мою дѣтскую душу безотвязнымъ сновидѣніемъ. Помню эти безконечные, зимніе дни и таинственные для меня

вечера. Вмѣстѣ съ наступленіемъ сумерекъ, вся семья уляжется сумерничать, то-есть спать часа на три. Помню, какъ я, выждавъ, когда всѣ заснутъ, садился на лавкѣ у окна, уставя съ трепетомъ лицо въ окошко. Глазамъ моимъ представлялась картина заманчивая и страшная, какъ глава изъ романа г-жи Радклифъ: кладбище и бѣлая церковь, озаренныя луной. Чтобъ видѣть эту картину, я дыханіемъ оттаивалъ замерзлое стекло.... Мнѣ было жутко.... Думы раждались и замирали въ моей головѣ, и все становилось такъ смутно, и, казалось, подымались съ кладбища бѣлыя, прозрачныя тѣни, и близились, и ловили меня.... Но почти всегда, въ самую критическую минуту, или просыпалась матушка, громко творя молитву, или батюшка вскрикивалъ:

«— А что вы это до сихъ поръ спите? что не вздуете огня? можно выспаться...

«Или розвальни подъѣзжали къ крыльцу, и кто-то кричалъ, стуча въ дверь: «Пустите, родимые!»

«— Видно съ требой... говорила, обыкновенно, вторая сестра моя, имѣвшая очень тонкій сонъ, и потому нерѣдко бранившая меня за безсонницу, называя полуночникомъ.

«Фантастическія сновидѣнія замѣнялись говорливою радушною дѣйствительностью; изба освѣщалась пятериковою сальною свѣчей, и пріѣзжая баба или мужикъ смиренно усаживались на лавку, въ ожиданіи батюшки, который крехтя надѣвалъ широкій тулупъ...

«Такъ шла жизнь моя по зимамъ. Воскресенья и господскіе праздники составляли также не маловажные случаи въ моей жизни. Съ какою радостью надѣвалъ я синій, длиннополый кафтанчикъ и бѣжалъ за батюшкой въ церковь; съ какою гордостью прислуживалъ ему; какъ смѣло, съ какими вѣжливыми поклонами протѣснялся между нарядными господами, отправляясь за теплою или холодною водой, смотря по приказанію батюшки!

«Между прихожанами самый богатый и самый уважаемый былъ князь Кагорскій. Онъ былъ вдовъ, лѣтъ пятидесяти, и страстно любилъ своего единственнаго сына. Огромный, каменный домъ его, въ верстахъ въ двухъ отъ насъ, виднѣлся, осѣненный большимъ садомъ, съ кривыми, вьющимися дорожками (тогда я не

зналъ еще, что такой садъ называется англійскимъ). Вправо — рядъ надворныхъ строеній.

«Надобно вамъ сказать, что ни съ однимъ изъ дворовыхъ ребятишекъ не смѣлъ я, не только дружиться, но даже играть вмѣстѣ. И батюшка, и матушка оказывали въ этомъ отношеніи неумолимую строгость.... Я былъ совершенно одинокъ; у дьякона дѣти были уже большіе; у дьячка и пономаря было по одной дочери, и тѣ были уже замужемъ въ сосѣднихъ приходахъ. Двѣ меньшія сестры мои играли между собой и всегда прогоняли меня отъ себя. Лѣтомъ я оживалъ совершенно: цѣлый день проводилъ на отмели рѣки, то ловя маленькихъ рыбокъ, то собирая камешки, то, просто, глядя на бѣгущія волны. Подъ вечеръ, я приставалъ къ сестрамъ, которыя отправлялись искать отставшей коровы или лошади.

«Мнѣ было лѣтъ восемь. Я уже бойко читалъ церковныя книги и надписи подъ лубочными картинками духовнаго содержанія, которыми испещрены были стѣны нашей избы и горницы. Эти картины были для меня предметомъ самой живой наблюдательности. Налюбовавшись ими вдоволь, я начиналъ всегда думать, какъ это рисуютъ? и неужели бы я также могъ нарисовать подобную картину, еслибъ поучили меня?

«Однажды, на закатѣ солнца, я сидѣлъ на ступеняхъ нашего крылечка. Батюшка выпрягалъ изъ телѣги лошадь, матушка съ двумя сестрами шла съ поля, заложивъ серпы на плеча. Въ сѣняхъ кипѣлъ большой самоваръ, у котораго суетилась сестра Лиза.

«— Смотри-ко, попадья, сказалъ батюшка, подымаясь на крыльцо,—Нѣмецъ-то нашъ отдышался, хоть въ семинарію такъ въ ту же пору,

«— Слава тебѣ Господи! отвѣчала матушка: дай ему Богъ здоровья и счастья!

«— Пойдемъ, Нѣмецъ, пить чай, сказалъ батюшка.

«По обыкновенію, я помѣстился у окошка; въ это время Молодецъ, наша собака, залился громкимъ, визгливымъ лаемъ; каждый изъ насъ старался поглядѣть въ окно, хотя причина лая не могла быть для насъ чѣмъ-нибудь новымъ.... Но, на этотъ разъ, любопытство наше было потѣшено явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ на нашей улицѣ: гувернантка князя Кагорскаго съ вос-

питанникомъ своимъ шла пѣшкомъ, сопровождаемая какимъ-то миніятюрнымъ экипажемъ въ одну лошадку. Маленькій князь дразнилъ хлыстикомъ задорливую собаку; гувернантка останавливала его непонятными для насъ словами.

«Матушка отогнала насъ отъ окна, и высунулась сама по поясъ:

«— Амалья Карловна! Амалья Карловна! Милости просимъ, на перепутьи, чайку накушаться; одолжите, матушка! Батюшка, Эсперъ Александрычъ! пожалуйте, обяжите хоть на минуточку.

«Лиза, предпослѣдняя сестра моя, годомъ меня моложе, глазѣла уже на крыльцѣ, улыбаясь розовыми губками, и прищуря отъ косвенныхъ лучей солнца черные глазенки свои. Гувернантка колебалась; князь что-то ласково говорилъ ей на томъ же непонятномъ языкѣ. Разговоръ этотъ кончился согласіемъ зайдти къ намъ. Я совсѣмъ притихъ и сѣлъ въ уголъ. Не знаю почему, но я желалъ остаться незамѣченнымъ.

«Князь весело вбѣжалъ, снялъ соломенную фуражку и подошелъ къ благословенію батюшки бойко и самоувѣренно; сказалъ даже, что его папа говоритъ, что ужь давно не видалъ отца Ивана, что шахматы остаются въ бездѣйствіи.

«Какъ теперь гляжу я на этого красиваго, умнаго, бойкаго мальчика, съ темнорусыми кудрями, падавшими на бѣлый воротничокъ, съ большими карими глазами, стройнаго, тоненькаго, одѣтаго въ темносѣрую курточку. Голосъ его былъ звученъ и твердъ не по лѣтамъ и имѣлъ въ себѣ какую-то музыкальность, какую-то необъяснимую прелесть.

«Покуда матушка суетилась за самоваромъ, маленькій князь осматривалъ стѣны, увѣшенныя знаменитыми произведеніями лубочной живописи; онъ подходилъ отъ одной къ другой, пока наконецъ не приблизился ко мнѣ. Тутъ только онъ замѣтилъ меня, и будто на зло моему смущенію, остановился передо мной. Я покраснѣлъ отъ безотчетной, внутренней досады.

«— Который тебѣ годъ? спросилъ онъ меня.

«— Девятый.

«— А мнѣ тринадцать. Ты умѣешь читать?

«— Умѣю.

«— Писать?

«— Учусь.

«— Прочитай, пожалуста, что на этой картинѣ подписано— я по церковному читать не умѣю,

«Я всталъ на лавку и сталъ читать исторію убіенія Авеля.

«— Ты любишь картины? спросилъ меня князь.

«— Люблю.

«— Да ты, я думаю, не видалъ хорошихъ.

«— Нѣтъ, кромѣ этихъ не видалъ, да въ церкви еще образа хороши.

«— Ну, такъ приходи ко мнѣ съ отцомъ, когда-нибудь въ воскресенье, я покажу тебѣ,—у меня много хорошихъ картинъ. Все въ нѣмецкихъ да въ англійскихъ книгахъ. Ты, я думаю, по нѣмецки не учишься?

«— Нѣтъ, кому меня учить?...

«— Ты, я думаю, все гуляешь?

«— Да, я все на рѣкѣ, да въ полѣ...

«— Приходи ко мнѣ.

«— Что это, князь, никакъ съ моимъ Нѣмцемъ разговорился? сказалъ батюшка.

«— Развѣ онъ Нѣмецъ? сказалъ князь, смѣясь.

«— Да, такой же бѣлобрысый да жидконогій.

«— Нѣтъ, онъ точно дѣвочка! сказалъ князь.

«Уходя князь, ласково кивнулъ мнѣ головой и повторилъ свое: приходи!

«Насталъ какой-то праздникъ. Батюшка отправился къ князю, который въ самомъ дѣлѣ любилъ его. Я сказалъ, что батюшка человѣкъ умный, сужденія его здравы, и князь даже любилъ его грубоватую, простую манеру говорить. Батюшка пользовался его благосклонностью до такой степени, что имѣлъ позволеніе читать газеты и журналы, имъ получаемые; нѣкоторые изъ знакомыхъ князя почти завидовали батюшкѣ.

«Первый вопросъ молодаго князя былъ:

«— А что же не съ вами вашъ Нѣмецъ?

«— Я не смѣлъ, не слыхавъ отъ вашего папеньки позволенія.

«Князекъ упросилъ отца послать за мною. Старый князь не могъ и не любилъ отказывать сыну.

«— Посмотримъ, что за Нѣмецъ, сказалъ онъ.—Да это тотъ мальчикъ, что на крылосѣ пищитъ?

«— Онъ, ваше сіятельство.

«Можете вообразить, какъ удивился я посланному человѣку, какъ радъ я былъ посмотрѣть диковины богатаго дома, и, воображаю, какую смѣшную фигуру представлялъ я, въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ въ этихъ большихъ, роскошныхъ комнатахъ!

«Мнѣ казалось, что я былъ въ раю, — столько очарованія было для меня и въ блестящихъ, пестрыхъ стѣнахъ, увѣшанныхъ картинами, и въ большихъ окнахъ, завѣшенныхъ бѣлою кисеей и голубымъ и пунцовымъ штофомъ, которые слегка волновались отъ теплаго, лѣтняго вѣтерка, вносившаго въ комнаты упоительный запахъ цвѣтовъ! Все это обаяло меня чуть не до оцѣпенѣнія.

«— Пойдемъ, я покажу тебѣ картинки, сказалъ мнѣ маленькій князь.

«И онъ потащилъ меня въ другую комнату, гдѣ представилъ моимъ взорамъ тысячу сокровищъ для дѣтскаго любопытства и воображенія; потомъ мы побѣжали въ садъ; князь весело смѣялся, все мнѣ показывалъ, и добрая натура его наслаждалась тѣмъ удовольствіемъ, которое выражалось во всемъ существѣ моемъ.

«Когда я уходилъ, маленькій князь поцѣловалъ меня.

«— Прощай, приходи... сказалъ онъ.—Папа позволитъ.

«— Да вотъ, ваше сіятельство, ужь не долго ему шататься, сказалъ батюшка,—скоро въ семинарію отвезу, пора.

«Я воротился домой совсѣмъ инымъ, нежели какимъ вышелъ. Мнѣ казалось, я находился въ какомъ-то золотомъ снѣ. Всю ночь я былъ въ жару и бредилъ княземъ. На другой день все вчерашнее казалось мнѣ грезой. Греза эта стала однако повторяться довольно часто на яву. Двери дома князя отворились для бѣднаго мальчика. Я не могъ не замѣтить, что молодой князь все болѣе и болѣе привыкалъ ко мнѣ, все болѣе и болѣе любилъ меня. Старый князь снисходительно смотрѣлъ на это товарищество.

«Вмѣстѣ съ лѣтними цвѣтами суждено было завянуть и моему счастію.

«Въ одно сентябрьское утро, матушка разбудила меня.

«— Вставай, Павелъ! сказала она: — батька ѣдетъ въ городъ и отвезетъ тебя въ семинарію. Голубчикъ ты мой! прибавила она, заплакавъ.

«Я всталъ, какъ ошеломленный; при всемъ желаніи запла-

кать, на сухихъ, пылающихъ глазахъ моихъ не выступили слезы. И безотчетно глядѣлъ я на телѣгу, нагруженную мѣшками и мѣшечками.

« Сентябрьское небо было мутно, мелкій дождь съ крупой стучалъ въ окна... А еще третьяго дня свѣтило солнце, сверкая яркими переливами на пожелтѣвшихъ листьяхъ... Я снова сталъ одинокъ и несчастливъ. Машинально простился я съ своею семьею, вскарабкался на телѣгу и безчувственнымъ взоромъ глядѣлъ, какъ мало-по-малу изчезалъ родной кровъ.

« Батюшка водворилъ меня у двоюродной сестры своей, жены столоначальника гражданской палаты. Пропускаю всѣ подробности житья моего у нея и ученья въ семинаріи. Я чувствовалъ, что тратилъ силы и время. Не стану также говорить о тѣхъ порывахъ сожалѣнія и отчаянія, которое, время отъ времени, глухо набѣгало на меня. Много слезъ лилось на мою жесткую постель и пестрядинную подушку. Грубы и чужды были мнѣ товарищи, чуждъ былъ и я имъ... Прозваніе Нѣмца ожило между ними, и къ фамиліи моей: Покровскій, прибавили *гутъ*.

« Черезъ полгода, я получилъ отъ князя письмо. Оно всегда со мной:

« «Бѣдный мой Паша!» писалъ онъ, «какъ мнѣ безъ тебя скуч-
«но! Я плакалъ, когда узналъ, что тебя увезли. Я думаю, тебѣ
«тоже скучно. Меня везутъ въ Петербургъ, въ лицей. Прощай,
«Паша! не забывай меня, а я тебя никогда не забуду. Пишу
«тебѣ тихонько. Ты не пиши мнѣ. Твой Эсперъ.»

« Я цѣловалъ и обливалъ слезами это посланіе. Когда черезъ годъ, меня взяли на вакацію домой,—князь былъ уже въ Петербургѣ. На вакаціи ждала меня не свобода, не отдыхъ, а тяжкая для меня, непривычнаго, полевая работа.

« Хотя родители мои и дѣлали раза два въ лѣто *помочи,* но все-таки не мало оставалось и намъ съ сестрами на долю. Для помочанъ, также какъ и здѣсь, въ вашей сторонѣ, варится у насъ пиво, покупается вино, пекутся пироги,—и одни эти приготовленія, на неопредѣленное число доброхотныхъ работниковъ, погружали матушку и насъ въ цѣлое море хлопотъ и трудовъ. Помочане вообще работаютъ лѣниво, потому что работаютъ не изъ платы, а изъ одного угощенія,—и бѣда, если они къ вечеру разо-

йдутся не довольны, то-есть не пьяны и не сыты до-нельзя: въ будущее воскресенье, какъ бы вы ни заманивали ихъ, полосы ваши останутся не выжаты, и вамъ самимъ придется убирать все поле. Труды мои въ родительскомъ домѣ прибавлялись по мѣрѣ того, какъ прибавлялся счетъ моихъ лѣтъ. Я не былъ лѣнивъ и не захотѣлъ бы сидѣть, сложа руки, когда другіе работаютъ; но физическая дѣятельность не только не могла поглотить той безумной мечтательности, той пламенной жажды чего-то неопредѣленнаго, но лучшаго, а еще болѣе раздражала ее. Душа моя и умъ, жадный живыхъ познаній, рвались и кипѣли, заключенные въ тѣсную раму самой безцвѣтной жизни.

«— Батюшка! нѣтъ ли у васъ какой-нибудь книги?

«— Мало ли книгъ лежитъ на полкѣ!

«— Я ужь давно читалъ эго. Нѣтъ ли другихъ, свѣтскихъ?

«— А какихъ прикажешь? не романы ли мнѣ читать? Въ моемъ званіи не приходится. Съ тѣхъ поръ, какъ князь уѣхалъ на житье въ Питеръ, я не знаю, что̀ и на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. Да оно и лучше, — покойнѣе спишь... Да и тебѣ, братъ, лучше голову не набивать пустяками: какъ ты съ глупостями-то примешь высокій санъ священника?

« Мнѣ быть священникомъ! Этого до сихъ поръ не приходило мнѣ въ голову... Мнѣ быть священникомъ! Я содрогнулся, такъ мало чувствовалъ я призванія къ такому великому дѣлу. Мысль о будущемъ молніей блеснула въ умѣ... Я рѣшился остаться свѣтскимъ, что̀ бы со мной ни случилось, хотя бы пришлось умереть съ голоду, — рѣшился не принимать обязанности, которую добросовѣстно исполнить не достало бы у меня ни силъ, ни терпѣнія... Я чувствовалъ, что рѣшимости моей придется выдержать страшную борьбу съ батюшкиною настойчивостью; но былъ готовъ на все, и даже было еще что-то заманчивое для меня въ этой борьбѣ.

« Семейство наше было знакомо съ управителемъ князя; это былъ радушный, веселый толстякъ, лѣтъ сорока пяти, вольноотпущенный того же князя. По странному стеченію обстоятельствъ его жизни, онъ былъ женатъ на бѣлокурой Минхенъ, которую звалъ просто Машей и старался какъ можно обрусить.

Онъ жилъ бариномъ, въ особомъ флигелѣ, а надзору жены его былъ порученъ домъ.

« Однажды, несмотря на мою робость, я попросилъ у Мины Густавовны позволенія читать книги изъ большой библіотеки князя. Мина согласилась съ любезностью, только съ условіемъ— читать ихъ въ библіотекѣ, а не уносить домой.

« Съ этихъ поръ, я сдѣлался лѣнивъ; убѣгалъ съ поля и читалъ съ упоеніемъ. Всѣ лучшія, старыя и новыя, произведенія нашей литературы были у меня подъ руками,.. Но увы! двѣ трети шкафовъ были наполнены книгами на иностранныхъ языкахъ.

« Однажды, когда я сидѣлъ, погрузясь весь въ чтеніе, дверь библіотеки растворилась, и Мина показалась въ дверяхъ.

«— Ахъ, сказала она, краснѣя,—я не знала, что вы тутъ.

«— А еслибъ знали, то не пришли бы?.. Прекрасно, Мина Густавовна! чѣмъ я заслужилъ такое отвращеніе?

«— Ахъ, нѣтъ, что̀ вы! ахъ, какой же вы! какъ вамъ не стыдно! но я мѣшаю вамъ. Я уйду; я пришла за книжкой, за нѣмецкою книжкой.

« Я, удивляясь самъ своей смѣлости и ловкости, увѣрилъ ее, что если бы она была такъ добра, посвятила нѣсколько минутъ на бесѣду со мной, то вѣрно это было бы для меня занимательнѣе всякихъ книгъ!..

«— Ахъ, какъ жаль, что вы не умѣете по-нѣмецки, ахъ, какія прекрасныя нѣмецкія книги. Ахъ, Шиллеръ! Вы не читали? Ахъ, какъ жаль, что вы не знаете по-нѣмецки!

«— Поучите меня, сказалъ я.

«— Пожалуй, только какъ, когда? Вѣдь здѣсь такіе злые языки, а мужъ мой человѣкъ вспыльчивый; но онъ, правда, часто не бываетъ дома, все на работахъ, а послѣ обѣда долго отдыхаетъ...

« Мало-по-малу мы договорились до откровенности; я узналъ, что бѣдная Мина была несчастна, что выдали ее почти насильно, что она дочь башмашника. Исторія ея и чувствительность тронули меня. Я, шутя, сказалъ, что самъ Нѣмецъ, по натурѣ; она засмѣялась и поглядѣла на меня такъ мило... Наконецъ, въ библіотекѣ маленькаго князя отыскалась нѣмецкая азбука и старые лексиконы.

« Къ концу вакаціи я порядочно уже познакомился съ нѣмецкимъ языкомъ и страстно влюбился въ Мину, которая тоже была неравнодушна ко мнѣ.»

Въ этомъ мѣстѣ разказа меня какъ-то непріятно кольнуло въ сердце, отчего брови у меня нахмурились и губы сжались.

— Я васъ утомилъ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, напротивъ, я слушаю съ величайшимъ вниманіемъ.

« Возвратясь въ семинарію, я принялся за ученье съ непобѣдимымъ отвращеніемъ. Просидѣлъ два года въ философіи, и былъ выключенъ, къ большой моей радости и большому горю батюшки.

« По возвращеніи моемъ въ село, управителя съ женою уже не было при усадьбѣ князя, вслѣдствіе какого-то доноса на него. Онъ уѣхалъ и открылъ лавочку въ губернскомъ городѣ. Но я все-таки нашелъ средство читать въ библіотекѣ.

«— Ну, Павелъ, сказалъ мнѣ однажды батюшка, мѣсяца черезъ два по выходѣ моемъ изъ семинаріи, — что̀ ты о себѣ думаешь?

«— Я еще ничего не думаю...

«— Такъ я о тебѣ подумалъ. У Воскресенья невѣсту тебѣ приглядѣлъ, дьяконову дочку; старикъ дьяконъ и мѣсто тебѣ сдаетъ; это не малое счастье-то, братъ: и богослову такъ въ пору. Ну, оно, конечно, дѣвица лѣтъ двадцати пяти, не красавица, косенька немного; да съ красотой развѣ жить? Полно тебѣ шататься; ты не живешь, а только небо коптишь.

«— Батюшка! я не пойду въ духовное званіе.

«— Куда же это ты намѣренъ идти? въ писцы, любезный, что-ли? Такъ по судамъ и палатамъ и безъ тебя много, и богословамъ съ трудомъ мѣста достаются. Поди, поди писцомъ, безъ жалованья! кто-то тебя одѣвать-то будетъ да содержать! А я и на глаза не пущу.

« Шутка была плохая... У меня темнѣло въ глазахъ и кружилась голова.

«— Батюшка! дайте мнѣ подумать по крайней мѣрѣ. Я вамъ дамъ отвѣтъ черезъ нѣсколько времени.

«— Да я и не спѣшу; теперь пора рабочая, эти дѣла лучше къ осени дѣлать. Да смотри, Павелъ, ты меня знаешь,

заупрямишься—отступлюсь; живи какъ хочешь, и съ глазъ моихъ долой!

« Я не знаю, до чего дошелъ бы я, еслибъ случай не выручилъ меня.

«Въ селѣ нашемъ бываетъ каждое воскресенье базаръ. На одномъ изъ такихъ базаровъ шатался я, глядя на толпу нарядныхъ поселянъ, слушая, безъ всякаго удовольствія, визгливый хоръ молодыхъ бабъ и дѣвокъ или споры полупьяныхъ мужиковъ. Не подалеку остановилась крашеная телѣжка, запряженная добрымъ конемъ; изъ телѣжки вылѣзъ дюжій, рябой мужичина въ синемъ, тонкаго сукна, кафтанѣ.

«— Глянь-ка! это межовскій прикащикъ, говорили около меня.

« Черезъ нѣсколько минутъ, межовскій прикащикъ очутился возлѣ меня и осыпалъ меня вопросами о томъ, при мѣстѣ ли я? что̀ думаю дѣлать до полученія мѣста? не пойду ли учить дѣтей къ его барынѣ, которая приказала ему пріискать смирнаго семинариста для двухъ ея сыновей?

« Я, не раздумывая долго, принялъ его предложеніе за ничтожную сумму, и на другой день отправился въ усадьбу Межи, унося на своей головѣ родительскій гнѣвъ.

« Цѣлые два года жилъ я покойно, если не счастливо. Межовская помѣщица, несмотря на свой вспыльчивый нравъ, была добра и снисходительна. Это была худая, высокая, черноглазая женщина, «не модная»,—какъ она сама выражалась,—утонувшая въ хозяйственныхъ хлопотахъ.

« На руки мои поступили двое рѣзвыхъ, балованныхъ мальчиковъ, воспитанныхъ не много лучше сына Марьи Ивановны. Черезъ два года, ихъ отдали въ гимназію; но межовская помѣщица позволила мнѣ остаться у нея до пріисканія мѣста.

« Однажды тишина длиннаго, зимняго вечера нарушена была пріѣздомъ нежданнаго гостя: къ помѣщицѣ пріѣхалъ двоюродный братъ ея, который не видался съ нею года три, хотя и жилъ не далѣе, какъ верстъ за семьдесятъ. Онъ пріѣхалъ по случаю открывшейся продажи одного выгоднаго для него имѣньица.

«— А шалуны твои гдѣ? спросилъ онъ сестру.

«— Въ гимназіи, братецъ, во второмъ классѣ.

«— Какъ въ гимназіи! я думалъ, что они никогда и въ уѣздное училище не поступятъ.

«— Это вотъ я Павлу Ивановичу обязана, сказала она.

«— Да ужь, разумѣется, не самой себѣ, отвѣчалъ братъ, засмѣявшись, довольный своею остротой.

«— Гдѣ же мнѣ, братецъ? сказала, слегка обидясь, Катерина Петровна.

«Катерина Петровна почему-то очень уважала своего двоюроднаго брата. Братъ этотъ былъ крѣпкій, не высокаго роста старикъ, съ румяными щеками и сѣдыми бровями. Честность и прямота была написаны на этомъ, нѣсколько грубомъ лицѣ.

«— Что же вы теперь? безъ мѣста? спросилъ онъ меня.

«Я отвѣчалъ утвердительно.

«— А хотите, я найду вамъ мѣсто?.. и славное мѣсто.

«Я поблагодарилъ...

«— Да вы не думайте, сказалъ онъ, — что я это говорю вамъ такъ. Нѣтъ, ужь если я сказалъ, что найду, такъ найду...

«На третій день онъ уѣхалъ, сдѣлавъ выгодную покупку.

«Прошло около двухъ недѣль. Однажды, помню, передъ обѣдомъ, читалъ я двадцатый разъ нѣмецкую книжку, которую подарила Минхенъ.

«— Братецъ-то вѣдь не обманулъ! вдругъ вскрикнула вошедшая Катерина Петровна: — за вами пріѣхали...

«Чувство грусти и лѣни мгновенно овладѣло мной: я такъ избаловался и обжился у доброй помѣщицы въ эти послѣдніе два мѣсяца! Но вскорѣ живое любопытство смѣнило это чувство. Что ждало меня, какія впечатлѣнія? Что были за люди, которые нанимали меня и, нанимая, дѣлали благодѣяніе? Были ли то новые и лучшіе характеры, или только повтореніе старыхъ съ очень незанимательными варіяціями?

«Всѣ эти вопросы молніей пробѣжали въ моей головѣ.

«— Дай Богъ вамъ счастія! сказала Катерина Петровна: — вы поступаете въ домъ богатый, тонный, къ Травянскимъ. Только сама она престранная, прекапризная, какъ я слышала, — чудиха такая, что и не приведи Богъ.... модная, въ Петербургѣ жила;

гордая такая, ни съ кѣмъ не знакомится, а мужа-то, говорятъ, не любитъ, и не кланяется, говорятъ, ни съ кѣмъ.... а мужъ на нее и рукой махнулъ. Онъ, говорятъ, молодецъ, красавецъ; а она такая блѣдная, щедушная, муха крыломъ ушибетъ. Это я отъ Лизаветы Семеновны слышала; она въ той сторонѣ бывала.

«За мной былъ присланъ дворецкій Травянскихъ, ловкій, вѣжливый малый. Отъ него я узналъ, въ продолженіе моего пути, что господа его имѣютъ около семисотъ душъ крестьянъ, что у нихъ двое дѣтей — мальчикъ и дѣвочка; что въ домѣ учитель Французъ и мадамъ Англичанка. Но на всѣ тонкія старанія мои узнать о характерѣ господъ, онъ отвѣчалъ неопредѣленными: баринъ у насъ добрый и барыня добрая...

«На другой день лихая тройка примчала меня къ Отрадину, усадьбѣ Травянскихъ. Видъ этой усадьбы, садъ, хотя и занесенный снѣгомъ, длинный рядъ оранжерей, большой, красивый домъ,—все это живо напомнило мнѣ дни моего дѣтства, и свѣтлый образъ князя пронесся передо мною...

«Меня подвезли ко флигелю управителя, гдѣ я переодѣлся и скоро отправился въ домъ. Передняя была свѣтла и просторна, прислуга занимала комнату въ сторонѣ. Я вошелъ въ большую залу, гдѣ маленькая дѣвочка, съ книжкой въ рукахъ, ходила взадъ и впередъ, громко твердя свой урокъ. Увидѣвъ меня, она смѣшалась и хотѣла уйдти; въ дверяхъ ей встрѣтилась молодая дѣвушка, не красивая собой, но съ яркимъ румянцемъ, — гувернантка, какъ я узналъ послѣ. Она подошла ко мнѣ, я поклонился и сказалъ, кто я. Она предложила мнѣ очень ласково садиться. Черезъ минуту показался завитой, щедушный, въ сѣромъ, короткомъ сюртучкѣ господинъ, съ клочкомъ волосъ подъ нижнею губой, который я не умѣлъ тогда назвать настоящимъ именемъ. Это былъ гувернеръ monsieur Дюве́. Онъ держалъ за руку полнаго, розоваго мальчика лѣтъ девяти, который вскорѣ пустился бѣгать по залѣ. Мосье Дюве́ протянулъ мнѣ руку, сказавъ нѣсколько словъ на русскомъ ломаномъ языкѣ.

«— Вотъ и папа!... вскричала дѣвочка, подбѣгая къ окну.

«По тропинкѣ къ крыльцу шелъ высокій, полный, молодцеватый, румяный господинъ; черезъ минуту онъ вошелъ въ залу.

Во всѣхъ движеніяхъ его проглядывали спѣсивость и самодовольство.

«— А, вотъ и вы, мой милый, сказалъ онъ мнѣ: — очень радъ! Женѣ моей рекомендовалъ васъ Егоръ Петровичъ (имя брата Катерины Петровны). Я думаю, вы удивились, что мы васъ такъ далеко отыскали? Жена моя очень уважаетъ Егора Петровича; воспитаніе дѣтей — ея дѣло; я такъ занятъ, что мнѣ и подумать объ этомъ нѣтъ времени; мое дѣло думать о средствахъ.

«Тутъ онъ быстро повернулся къ гувернанткѣ и очень любезно заговорилъ съ ней по-французски. Она улыбалась и краснѣла еще болѣе.

«Вскорѣ онъ ушелъ. Я около часу просидѣлъ въ залѣ съ гувернеромъ и гувернанткой; бесѣда наша не была занимательна: и Французъ и Англичанка едва могли сказать нѣсколько русскихъ фразъ, дѣлая для этого большія усилія, стараясь пояснить свои мысли жестами и гримасами. Послѣ двухъ или трехъ такихъ попытокъ, они умолкли. Я заговорилъ было съ будущимъ ученикомъ моимъ, но тотъ такъ былъ занятъ своимъ мячикомъ, что едва отвѣчалъ мнѣ. Дѣвочка между тѣмъ исчезла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени, она появилась въ дверяхъ съ правой стороны.

«— Идите къ маменькѣ, сказала она, обращаясь ко мнѣ, съ какою-то торопливостью, — къ маменькѣ идите!.. Идите все прямо, все прямо идите! прибавила она, пропуская меня и затворивъ за мной дверь.

«Передо мной открылся рядъ комнатъ, которыя своею роскошною меблировкой рѣзко противорѣчили простотѣ залы. Множество зелени и даже цвѣтовъ, несмотря на зимнее время, разставлено было по угламъ и по окнамъ. Шаги были почти не слышны на мягкихъ коврахъ, на меня вѣяло давно забытымъ очарованіемъ... Мнѣ стало хорошо и привольно. Грудь моя расширялась, я будто выросталъ. Меня не мучила мысль, что это чужое, не мое.... мнѣ просто было весело въ покойной, свѣтлой комнатѣ, уставленной зеленью и красивою мебелью...

«Я вошелъ въ маленькій кабинетъ на концѣ анфилады.... На диванѣ, передъ столикомъ, сидѣла молодая женщина. Она сидѣла, закинувъ голову назадъ, на спинку дивана, закрывъ глаза. Я пораженъ былъ не красотой ея, не оригинальностью позы, а ея

чрезвычайною, мраморною блѣдностью. Она казалась мертвою. Какой-то страхъ напалъ на меня, я боялся сдѣлать движеніе. Она открыла наконецъ большіе, темные глаза, и взглядъ этихъ глазъ былъ также холоденъ, какъ и всѣ черты лица ея. Казалось, кровь на всегда оставила эти черты,—однѣ только губы сохранили цвѣтъ жизни. Эти розовыя губы на блѣдномъ лицѣ производили такое же впечатлѣніе, какое произвела бы свѣжая роза среди снѣжнаго поля.

«Она подняла голову и осмотрѣла меня, какъ осматриваютъ вещь.

«— Вы тотъ молодой человѣкъ, о которомъ говорилъ мнѣ Егоръ Петровичъ.

«Этотъ осмотръ возмутилъ мое самолюбіе, я отвѣчалъ сухо и холодно. Взоръ ея еще разъ скользнулъ по мнѣ.

«— Хорошо, сказала она, — объ условіяхъ мы поговоримъ послѣ. Дѣти плохо знаютъ по-русски; вы займетесь съ ними этимъ предметомъ. Нашъ священникъ уже старъ.

«Она позвонила. Вошелъ слуга.

«— Покажи... Какъ васъ зовутъ? спросила она меня.—Покажи Павлу Ивановичу его комнату.

«Я вышелъ. Тайная горечь и досада волновали меня. Я былъ возмущенъ до глубины души этимъ холоднымъ, презрительнымъ обращеніемъ. Мнѣ казалось, я оскорбленъ былъ первый разъ въ жизни.

«Мнѣ указали мою комнату, мои обязанности, классную, и темный столъ въ углу, на которомъ лежало нѣсколько тетрадей, катихизисъ, русская грамматика Востокова, краткая священная исторія.

«Жизнь моя потекла довольно правильно. Свободное отъ уроковъ время не проходило у меня даромъ: я старался находиться при урокахъ французскаго языка и внимательно слѣдилъ за объясненіями и выговоромъ мосье Дювé. Послѣ, тетради дѣтей, учебники и наконецъ участіе самого мосье Дювé помогли мнѣ вскорѣ понимать этотъ языкъ.

«Ольга Александровна часто присутствовала при моихъ и другихъ дѣтскихъ урокахъ. Молчаливая и холодная повсюду, она однако слѣдила настойчиво за домашнимъ порядкомъ и походила на какое-то таинственное существо, по манію котораго все дви-

галось и дѣйствовало въ домѣ. Приказанія ея были тихи, но тверды. Къ дѣтямъ она была внимательна и ласкова; но въ самой ласкѣ этой проглядывало скорѣе чувство долга, нежели горячая, материнская нѣжность. Дочь она любила однако больше сына. Съ мужемъ обходилась съ тою сухою, безукоризненною ласковостью, какая была, мнѣ кажется, свойственна ей одной. Вліяніе ея на него было неограниченно, хотя она и старалась скрывать это отъ него и другихъ. Спокойствіе и безстрастіе этой женщины раздражали и мучили меня. Въ первое время, я то окружалъ ее ореоломъ моихъ мечтаній, приписывая равнодушіе ея какимъ-нибудь страшнымъ переворотамъ въ ея жизни; то досадовалъ и ненавидѣлъ ее, какъ натуру холодную, безчувственную, и, по временамъ, походилъ на безсмысленнаго ребенка, которому хочется бросить камень въ чистыя струи потока, изъ того только, чтобъ посмотрѣть, какъ возмутится онъ.

«Однажды, послѣ обѣда, меня позвали къ Ольгѣ Александровнѣ. Она сидѣла съ ногами на диванѣ.

«— Вамъ не трудно будетъ почитать мнѣ въ слухъ?

«— Очень радъ, напротивъ...

«— Да вы, я думаю, дурно читаете, прибавила она.

«Это было въ мартѣ; мы обѣдали довольно рано, и читать еще можно было нѣсколько времени безъ огня. Лучи солнца ударяли въ голубыя занавѣски. Я сталъ читать. На первыхъ страницахъ она остановила меня.

«— Пожалуста, не такъ торжественно. Напыщенная декламація ничего не прибавитъ къ дѣлу. Голосъ задрожитъ самъ по себѣ, когда душа будетъ сильно поражена.

«— Однако, сказалъ я,—еслибъ любимый вами человѣкъ сталъ увѣрять васъ въ любви холоднымъ, равнодушнымъ тономъ, вамъ это не было бы пріятно.

«— Да онъ не могъ бы этого сдѣлать, еслибъ говорилъ отъ души, сказала она нетерпѣливо.—Голосъ невольно былъ бы выраженіемъ чувства; но онъ ослабилъ бы чувство, еслибъ вздумалъ усилить его торжественностью.... Читайте! прибавила она съ обычною своею небрежностью.

«Всякое неправильное удареніе, невѣрность тона вызывали у нея рѣзкія, но убѣдительныя замѣчанія.

«— Вы строгій учитель, сказалъ я, оканчивая чтеніе.

«Она не обратила вниманія на эти слова.

«Улыбнется ли когда нибудь эта женщина? подумалъ я, выходя изъ комнаты.

«— Ахъ, да! сказала она, когда я былъ уже въ дверяхъ:—я забыла поблагодарить васъ. Вы пожалуста не сердитесь на меня... Я бываю иногда несносна... Голосъ вашъ нравится мнѣ, и я бы очень была вамъ благодарна, еслибъ вы иногда приходили ко мнѣ читать.

«Съ этихъ поръ я читалъ ей почти каждое послѣ-обѣда. Послѣ чтенія нерѣдко завязывался между нами разговоръ, или скорѣе, споръ, предметомъ котораго, разумѣется, были характеры, или воззрѣніе, выраженное тѣмъ или другимъ авторомъ.

«Ольга Александровна обнаруживала умъ свѣтлый, своебытный, живой, только растворенный какою-то мрачною насмѣшливостью. Лучшее средство заставить ее говорить было высказать какой-нибудь ложный, неправильный взглядъ на вещи. Она вспыхивала, одушевлялась и потокъ блестящихъ, убѣдительныхъ рѣчей лился изъ ея устъ. Я противорѣчилъ ей и дразнилъ ее искусно. Подъ конецъ, она сердилась, говорила, что я ей надоѣлъ, что она устала говорить, что въ другой разъ оставитъ меня думать, что̀ мнѣ угодно, безъ возраженій.

«Я былъ счастливъ уже и тѣмъ, что холодная, равнодушная со всѣми,—со мною она была раздражительна и часто рѣзка, иногда даже улыбалась мнѣ непринужденно, иногда капризничала и выходила изъ терпѣнія. Она, казалось, находила особенное удовольствіе исправлять мои маперы, выраженія, образовывать и развивать мой вкусъ.

«Между тѣмъ это вниманіе, эти разговоры не могли не возбудить любопытства домашнихъ аргусовъ. Я сталъ догадываться, что мнѣ завидовали, меня ненавидѣли. Мосьё Дюве уже не дружелюбно, какъ-то нехотя, протягивалъ мнѣ руку, и случалось не разъ, что при выходѣ моемъ отъ Ольги Александровны, передо мной мелькала, исчезавшая въ дверяхъ, пола сюртука его; это дало мнѣ поводъ подумать, что онъ подслушивалъ насъ. Гувернантка почти отварачивалась отъ моего утренняго поклона и нерѣдко доносились до меня нелѣпые толки прислуги. Наконецъ,

самъ Травянскій какъ-то безпокойно и косо сталъ поглядывать на меня за обѣдомъ. Все это тревожило и пугало меня, не за себя собственно, а за то впечатлѣніе, которое могли эти дрязги произвести на Ольгу Александровну. Мнѣ тяжело было думать, какою горечью и презрѣніемъ возмутится эта гордая душа, когда узнаетъ, что эти люди безнаказанно бросаютъ въ нее грязью...

«Однажды, вечеромъ, доложили о пріѣздѣ Егора Петровича, и я въ первый разъ замѣтилъ, что взоръ Ольги Александровны блеснулъ особенною живостью. Она съ улыбкой подала руку старику, который съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее. Она сама разливала чай въ этотъ вечеръ, сама подала стаканъ Егору Петровичу.

«Непостижимое чувство грусти и зависти наполнило меня. Никогда еще сознаніе моего ничтожества не возрастало до такой степени. Что̀ я въ ея глазахъ? Что̀ такое самое ея вниманіе ко мнѣ? Моя неловкость и незнаніе свѣта оскорбляютъ ея эстетическій вкусъ; она образовываетъ меня съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ меблируютъ для себя комнату. Такой эгоизмъ возмущалъ меня. Я вышелъ въ другую комнату, сѣлъ у стола, закрывъ лицо руками, и—стыдно сказать—заплакалъ... Вся жизнь моя проходила передо мной пестрою панорамой. Немногіе образы улыбались мнѣ.

«— Дитя! о чемъ вы плачете? сказалъ возлѣ меня слишкомъ знакомый мнѣ голосъ.

«Я быстро всталъ и хотѣлъ уйдти. Ольга Александровна удержала меня.

«— О чемъ вы плачете? сказала она настойчиво:—вамъ дурно здѣсь, васъ кто-нибудь обидѣлъ?

«— Никто. Извините меня, я такъ... мнѣ сгрустнулось!..

«Она покачала головой.

«— Подите въ залу, сказала она,—развеселитесь, дѣти танцуютъ,—слышите?..

«Звуки вальса долетали до насъ. Гувернантка играла на фортепьяно.

«— Напрасно вы считаете меня такимъ ребенкомъ, сказалъ я.

«— А между тѣмъ вы плачете, оттого что вамъ сгрустнулось; вы, мущина!.. Ахъ вы нѣмецъ!—прибавила она полуласково:—сантиментальность насъ сгубила...

«— Это названіе видно будетъ преслѣдовать меня вѣчно и по-

всюду, сказалъ я, — впрочемъ, съ нимъ связано все лучшее и вмѣстѣ все тяжелое моей жизни.

«— Кто же называлъ васъ такъ? спросила она.

«— Всѣ, съ самаго дѣтства: батюшка, матушка, старый князь Кагорскій...

«— Кто, что? спросила она вдругъ измѣнившимся голосомъ.

«— Князь Кагорскій.

«— Старикъ, говорите вы?

«— Старикъ. Но сынъ его, Эсперъ, немного старѣе меня... Гдѣ онъ теперь и что съ нимъ? Безъ сомнѣнія блестящая драпировка жизни совсѣмъ заслонила отъ него бѣдную, щедушную фигурку маленькаго семинариста.

«— Князь Эсперъ! сказала она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ... Эсперъ! Вы знали его?

«— Да, я игралъ съ нимъ ребенкомъ.

«— Эсперъ! повторила она: — вы знали его, а я не знала этого...

«Она сѣла въ кресло и будто ослабѣла отъ сильнаго волненія; руки ея были опущены, голова склонилась; она дышала тяжело, отрывисто. Я подумалъ, что, можетъ-быть, ей не пріятно будетъ имѣть во мнѣ свидѣтеля своего волненія, вышелъ и на весь вечеръ заперся въ своей комнатѣ.

«Мною овладѣла странная тревога при мысли, что передо мной женщина, любившая князя и любимая имъ.

«На другой день я жадно слѣдилъ за ней взоромъ: она была печальна, но въ движеніяхъ ея—мнѣ такъ казалось по крайней мѣрѣ—замѣтно было больше мягкости и нѣги.

«Послѣ обѣда, она подошла ко мнѣ.

«— Пойдемте ко мнѣ, милый мой нѣмецъ, сказала она и привела въ свой кабинетъ.

«— Садитесь, вотъ тутъ, противъ меня, и разкажите мнѣ про ваше дѣтство, про знакомство съ нимъ...

«Она сложила руки на столѣ и положила на нихъ голову, съ сладкимъ любопытствомъ ребенка, приготовляющагося слушать волшебную сказку. Она будто преобразилась вся: черты лица дышали кроткою и нѣжною прелестью.

«— Не правда ли, сказала она, когда я пересталъ говорить,—

не правда ли, онъ былъ благородный, чудесный ребенокъ? Онъ родился прекраснымъ и добрымъ! О, Боже, Боже мой!...

«Она залилась горячими слезами и рыдала долго, отчаянно. Я не смѣлъ утѣшать ее. Когда первый порывъ горя прошелъ, она подозвала меня и указала мѣсто подлѣ себя.

«— Вы знали его!... Егоръ Петровичъ тоже знаетъ его... Онъ любилъ васъ!...

«Она положила мнѣ руку на плечо и смотрѣла мнѣ въ лицо, улыбаясь сквозь слезы.

«Въ эту минуту, въ другой комнатѣ, послышался шорохъ; я невольно отодвинулся, и мысль, что за нами подсматриваютъ, пришла мнѣ въ голову.

«— Тамъ кто-то есть, сказалъ я, отдернувъ портьеру, и очутился лицомъ къ лицу съ мосьё Дюве.

«— Что̀ вамъ угодно? спросилъ я его.

«Онъ сказалъ мнѣ, что ищетъ книги, которую взяла у него Лиза. Находчивый Французъ попросилъ у Ольги Александровны позволенія войдти, очень свободно осмотрѣлъ всѣ уголки и, не найдя книги, вышелъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ. Ольга Александровна проводила его медленнымъ, холоднымъ, проницательнымъ взглядомъ.

«Мы еще много и долго говорили съ ней. Неразъ какое-то темное, жгучее чувство шевелилось въ душѣ моей, когда развивалась и рисовалась передо мной цѣлая поэма любви—поэма, полная благородной борьбы, восторженныхъ радостей сердца, и вмѣстѣ безнадежнаго, безконечнаго горя.

«Ольга Александровна была потрясена до глубины души своими воспоминаніями, и весь вечеръ не выходила изъ своей комнаты.

«Послѣ ужина, въ тотъ же вечеръ, слуга позвалъ меня въ кабинетъ Травянскаго. Нѣсколько времени, Травянскій молча ходилъ передо мной въ волненіи; потомъ, довольно нерѣшительно сказалъ мнѣ, что желаетъ по причинамъ, ни сколько не касающимся моихъ достоинствъ или недостатковъ, чтобъ я оставилъ домъ его, что этого требуютъ его *особенные* разсчеты...

«— Я оставлю домъ вашъ сейчасъ же, сію минуту, сказалъ я, вставая и подходя къ дверямъ.

«Онъ остановилъ меня.

«— Я не хочу ссориться съ вами, и вы напрасно горячитесь...

Повторяю, что отказъ мой, по своей сущности, нисколько не оскорбляетъ вашего личнаго достоинства. Притомъ же я не хочу сдѣлать непріятности женѣ, которая... привыкла къ вамъ... Вотъ видите, я буду съ вами откровененъ, я хотѣлъ бы даже, чтобъ она не знала о моемъ отказѣ... она женщина нервная, слабая, притомъ же упряма ужасно... Я не хочу огорчать ее, вы придумайте мой милый,—прошу васъ, какъ благороднаго человѣка,—придумайте какую-нибудь причину вашего отъѣзда. Вы меня этимъ избавите отъ затрудненія и, въ такомъ случаѣ, получите деньги за годъ впередъ. Васъ отвезутъ въ одинъ домъ, гдѣ вы можете остаться до пріисканія мѣста.

«Отъ денегъ я отказался, но принять уголъ до пріисканія мѣста заставила меня необходимость.

«Оставалось самое трудное,—солгать передъ Ольгой Александровной. На другой день я сказалъ ей, что получилъ письмо отъ отца, что онъ зоветъ меня.

«— Ну, чтожь! отвѣчала она:—поѣзжайте, повидайтесь съ старичкомъ...

«Мнѣ горька и тяжела была разлука съ этою женщиной, къ которой я имѣлъ непостижимую привязанность: печаль невольно выразилась на лицѣ моемъ.

«— Не оставайтесь тамъ долго, сказала она.

«— Мнѣ кажется, я уже не увижусь съ вами, сказалъ я.

«— Вы предчувствуете смерть мою. Полноте, я не умру такъ скоро; смерть приходитъ кстати только въ трагедіяхъ, въ дѣйствительности она не такъ любезна...

«— Не смерть, а разлука...

«— Да вѣдь вы скоро возвратитесь?

«— Не знаю, можетъ-быть и не возвращусь.

«— Это отчего?

«— Можетъ-быть, найдутся причины...

«— Женитесь развѣ, сказала она, улыбаясь, — или пойдете въ священники. Тогда я выберу васъ своимъ духовникомъ.

«— Не шутите, Ольга Александровна, мнѣ и безъ шутокъ тяжело.

«Этими словами я испортилъ все дѣло. Она посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ, будто желая читать въ душѣ моей. Подобныи

взглядъ не могъ я вынести безъ смущенія. Лицо ея вдругъ стало серіозно, отъ нея повѣяло прежнимъ холодомъ; передо мной опять была мраморная статуя...

«— Часто вамъ приходилось лгать въ жизни? спросила она меня.

«— Скрывать еще не значитъ лгать, сказалъ я, — я ненавижу лжи.

«— Конечно, сказала она холодно, — у всякаго свои секреты... и вышла изъ комнаты.

«Я былъ пораженъ. Такъ ли желалъ я разстаться съ ней!

«Прійдя въ мою комнату, я машинально собралъ свои бѣдные пожитки и не имѣлъ силъ явиться ни къ обѣду, ни къ вечернему чаю, ни къ ужину. Я рѣшился какъ можно скорѣе оставить этотъ домъ.

«Наступилъ вечеръ, я не зажигалъ свѣчи; небо было звѣздно, луна свѣтила; стекла окошка, подернутаго морозомъ, сверкали бриллiянтами. Я сидѣлъ въ какомъ-то онѣмѣніи, покуда легкій шумъ не заставилъ меня оглянуться. Передо мной стояла Ольга Александровна.

«— Не сердитесь на меня, милый мой нѣмецъ, сказала она кротко и ласково. — Я пришла проститься съ вами. Мнѣ сказали, что вы завтра рано уѣзжаете. Да хранитъ васъ Провидѣніе...

«Она подала мнѣ руку.

«— Когда вамъ нужна будетъ дружеская помощь, обратитесь ко мнѣ... Да прощайте больше людямъ, прибавила она, — они жалки...

«Я не могъ удержаться отъ слезъ, она тоже плакала... На другой день я оставилъ домъ Травянскихъ.

«Судьба бросала меня изъ мѣста въ мѣсто, наталкивая на самыя горькія стороны жизни и человѣческой натуры. Нѣсколько разъ я чуть не падалъ подъ гнетомъ невыносимо-тягостнаго положенія. Однажды хотѣлъ воротиться къ батюшкѣ; но непонятное мнѣ самому чувство удержало меня; притомъ же онъ хотѣлъ принять меня только тогда, когда я захочу идти въ духовное званіе, а это было выше силъ моихъ. Я дошелъ наконецъ до совершенной апатіи, и безъ борьбы, безъ ропота, предался теченію житейскаго моря, и вотъ волна его бросила меня сюда къ Марьѣ Ивановнѣ.

«Много безотрадныхъ, безнадежныхъ дней пережилъ я! И не нашлось добраго духа шепнуть мнѣ, въ тѣ горькіе дни, что со временемъ, вотъ здѣсь, подъ яснымъ небомъ, будетъ обращено на меня это милое личико, будутъ улыбаться эти розовыя губки... Это дало бы мнѣ силъ и твердости...

«Разказъ мой конченъ; «ау» Лизаветы Николаевны раздается ужь не далеко. Сердитесь вы на меня за дерзость?»

— Нѣтъ, мнѣ только грустно, грустно за васъ...

III.

Лиза показалась въ эту минуту, сопровождаемая Катериной, съ полнымъ кузовомъ грибовъ.

— Ну, мать моя, наговорилась ли? сказала она вполголоса, идя со мною впередъ.

Я хотѣла благодарить ее, но взглядъ ея блисталъ такою холодностью, что слова замерли у меня на языкѣ.

На дорогѣ вниманіе наше привлечено было экипажемъ, съ шумомъ и дребезгомъ обогнавшимъ насъ на поворотѣ, и направлявшимся къ намъ въ усадьбу.

— Это тетушка Татьяна Петровна! вскричала я почти съ испугомъ: — вѣдь она давно обѣщалась гостить къ намъ; больше быть некому.

Мы удвоили шаги. Сердце мое будто сжалось предчувствіемъ чего-то недобраго. Прощаясь съ Павломъ Иванычемъ, я чувствовала тоску, какой прежде не бывало.

Прибѣжавъ къ дому, я увидѣла на дворѣ волненіе: ключница бѣжала къ погребу, размахивая тарелками; половина дворни столпилась у дорожнаго экипажа.

— Кто пріѣхалъ? спросила я въ дѣвичьей.

— Тетушка Татьяна Петровна, отвѣчала мнѣ Катерина.—Посмотрите, барышня, на что̀ вы похожи,—прибавила она, — загорѣли, волоски разбились, да и платьице-то разорвали. Тетенька гнѣваться станутъ.

— Одѣнь меня, Катя.

Черезъ нѣсколько минутъ я преобразилась въ чопорную дере-

венскую барышню, причесанную, принаряженную въ платье, уже назначенное тетушкой для такого торжественнаго случая.

Съ боязнью приближалась я къ дверямъ гостиной. Тетушка Татьяна Петровна сидѣла на диванѣ, рядомъ съ *моею* тетушкой и разговаривала съ ней. Это была полная, съ важною физіономіей женщина. Дома, одна, она была всегда какъ при гостяхъ, разодѣта, надушена, немного чопорна, держалась всегда прямо, никогда не опиралась на подушку или на спинку креселъ; послѣднее было для меня, въ продолженіе ея гощенья, источникомъ нескончаемыхъ выговоровъ: избалованная, изнѣженная дѣвочка, я всегда почти лежала на креслахъ гостиной, или на диванѣ въ угольной; мнѣ какъ-то лучше думалось такъ. Эта привычка осталась во мнѣ навсегда. Тетушка прощала мнѣ это, говоря, что я слабый ребенокъ, что косточки у меня тоненькія, что пусть я понѣжусь, пока она жива; но тетушка Татьяна Петровна смотрѣла на вещи иначе Она жила въ свѣтѣ и была строга ко всякому нарушенію этикета. Она всегда стыдила меня тѣмъ, что она, старуха, лучше меня держится.

— Рада ли ты мнѣ, Геничка? спросила она меня.

— Нечего, другъ мой, и спрашивать, сказала *моя* тетушка,— какъ же она можетъ быть тебѣ не рада.

Я покраснѣла и потупила глаза. Мнѣ смерть хотѣлось сказать, что я ей не рада, потому что сердце мое чувствовало, что я найду въ ней врага моему счастію.

Послѣ чаю, пришла Лиза съ матерью, тоже напомаженная, въ кисейномъ платьѣ. Она глядѣла иначе, держалась совершенно прямо, улыбалась съ какою-то граціозною почтительностью, когда тетушка Татьяна Петровна обращалась къ ней; два раза успѣла подать ей платокъ, подвинуть скамеечку. Тетушка осыпала ее похвалами.

— Я удивляюсь, говорила она,—Лиза какъ-будто вѣкъ жила въ знатныхъ домахъ. Ужъ это, право, такъ Богъ посылаетъ за вашу доброту, Марья Ивановна.

Я не могла надивиться такому знанію общежитія въ Лизѣ, и смотрѣла на нее съ уваженіемъ.

Наконецъ мы вырвались въ садъ.

— Какія мы съ тобой сегодня разфранченыя! сказала Лиза. —

Не изорвать бы мнѣ платья... Это все для твоей тетушки. «Ахъ, милая, благодарю васъ!»

И Лиза такъ живо и каррикатурно представила тетушку, что я не могла не расхохотаться. Тонъ голоса, жесты, взгляды, мина, все было подмѣчено съ неподражаемою наблюдательностью.

— Вы это тетушку дразните? сказала, неожиданно подошедшая къ намъ, гостившая у насъ бѣдная сосѣдка.

Лицо Лизы мгновенно приняло самое строгое выраженіе.

— Съ чего вы это взяли? сказала она съ досадой,—я и не думала, у насъ и разговору не было о тетушкѣ. Вы чего не выдумаете!...

Я, уже готовая засмѣяться и разказать сосѣдкѣ объ искусствѣ Лизы, смутилась и, на этотъ разъ, поняла новый урокъ общежитія.

За нами, почти ту же минуту, пришла дѣвушка, и мы, скрѣпя сердце, побрели домой.

На другой день, часу въ одиннадцатомъ утра, нагулявшись и давнымъ давно напившись чаю, узнавъ, что тетушка-гостья уже «изволили проснуться», я вошла, по совѣту Кати, пожелать ей добраго утра.

Тетушка сидѣла передъ зеркаломъ; пріѣхавшая съ нею горничная, пользовавшаяся полнымъ ея довѣріемъ, держала въ рукѣ тоненькую, сѣренькую косичку тетушки. Я съ неописаннымъ удивленіемъ смотрѣла на эти сѣдины, потому что днемъ изъ-подъ чепчика тетушки виднѣлись темные, густые волосы; но сомнѣніе мое разрѣшилось, когда на столѣ увидѣла я искусно сдѣланную накладку изъ волосъ. Я разсматривала ее со всѣмъ любопытствомъ дикаря, и не могла дать себѣ отчета, почему эта вещь наводила на меня самое непріятное ощущеніе, похожее на прикосновеніе къ мертвецу. Въ почтительномъ, но довольно близкомъ разстояніи отъ тетушки, стояла наша Θедосья Петровна. Она что-то говорила въ полголоса, когда я входила; но тотчасъ замолчала при моемъ появленіи и вскорѣ вышла. На лицѣ тетушки выражалось что-то странное; губы ея были многозначительно сжаты, и взоръ ея остановился на мнѣ съ такимъ непріятнымъ, испытующимъ выраженіемъ, что я вся вспыхнула, подходя къ ней.

Когда обѣ сестры соединились въ гостиной, меня позвали туда же.

Та же торжественность, тотъ же испытующій взглядъ поразилъ меня, когда я взглянула на тетушку-гостью; но сердце мое замерло непонятнымъ, тяжелымъ испугомъ, когда я увидѣла, что лицо *моей* тетушки было грустно и серіозно.

— Подойди сюда, Геничка! сказала тетушка-гостья.

— Да, поди сюда, Геничка; сядь, мой другъ, здѣсь, между нами, прибавила *моя* тетушка.

Холодный потъ выступилъ, въ первый разъ въ жизни, на лицѣ моемъ отъ мелькнувшей въ умѣ догадки; я поблѣднѣла и дѣлала неимовѣрныя усилія встрѣтить грозу равнодушно. Невыразимый стыдъ и горечь овладѣли мной при мысли, что хотятъ, можетъ-быть, произвольно, грубо сорвать покровъ съ первыхъ, дѣвственныхъ чувствъ моего сердца, и то, что̀ казалось мнѣ таинственнымъ и священнымъ, сейчасъ будетъ предметомъ осужденій, упрековъ и насмѣшекъ... Вѣдь она имѣла полное право смѣяться: я была ребенокъ. О, какъ бы я счастлива была, если бы въ эту минуту какой-нибудь добрый волшебникъ превратилъ меня въ старуху!

— Знаешь ли, Геничка, что ты стоишь на краю пропасти? сказала тетушка-гостья.

— Ахъ, Геничка! ахъ, другъ мой, что̀ было ты надѣлала! произнесла съ ужасомъ *моя* тетушка.

Я смотрѣла то на ту, то на другую изумленными, вопрошающими глазами.

— Да, ты стоишь на краю пропасти, и видно еще молитвы матери твоей услышаны, что Богъ послалъ тебѣ во мнѣ ангела-хранителя...

Тутъ тетушка-гостья долго, краснорѣчиво доказывала мнѣ неизбѣжность гибели моей, еслибъ она не пріѣхала и не узнала *всего*; не помню, что̀ еще она говорила, но помню только, что къ концу рѣчи я чувствовала себя ужасною преступницей, а о немъ не смѣла и подумать безъ содроганія.

— Молись! молись! восклицала она грознымъ, патетическимъ тономъ:—иначе ты погибла...

Я рыдала безутѣшно и цѣлый день была какъ потерянная. Лизу

съ умысломъ не допускали ко мнѣ. Я страдала невыносимо, и почувствовала облегченіе только тогда, когда, дрожа отъ страха, ночью, когда все спало глубокимъ сномъ, пробралась темнымъ корридоромъ въ залу, гдѣ передъ чудотворною иконой Богоматери горѣла неугасимая лампада, и простершись передъ иконой, облила полъ горячими слезами. Когда я почувствовала смѣлость взглянуть на божественный ликъ, мнѣ казалось, что онъ сіяетъ небесною благодатію, что какая-то тайна совершается во мнѣ, что сладкій голосъ говоритъ душѣ моей слова любви и прощенія.

На другой день, только что я проснулась, Катя подала мнѣ тихонько, въ мою кроватку, записку отъ него...

«Я ухожу, писалъ онъ, меня нашли опаснымъ для васъ и выгнали. Прощайте! да хранитъ васъ Богъ... Уходя, я плачу о васъ. Помолитесь за преданнаго вамъ...»

— Вонъ, онъ идетъ, барышня! сказала Катя, стоявшая у окна;—бѣдняжка! прибавила она и отерла слезу рукавомъ своего набойчатаго платья.

Я подошла къ окошку... По дорогѣ, къ лѣсу, шелъ человѣкъ, не похожій на мужика, съ узелкомъ за плечами; я махнула ему платкомъ, онъ не могъ видѣть, и вскорѣ скрылся за лѣсомъ...

Къ вечеру я увидѣлась съ Лизой.

— Что̀ у васъ случилось? спросила она меня́, когда мы пошли съ ней въ садъ:—маменька вчера не велѣла мнѣ приходить сюда; Павла Иваныча выпроводили отъ насъ. Ты о чемъ плакала? глаза у тебя красные, сама блѣдная. Бранили тебя что ли?

Я разказала ей обо всемъ случившемся.

— Вотъ вѣдь какіе языки проклятые! сказала она, выслушавъ меня.—Нужно было говорить! я знала, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ. Говорила тебѣ, что должно быть осторожной. А я-то вчера какъ перепугалась: маменька пришла отъ васъ разстроенная, сегодня утромъ вызвала Павла Иваныча, что-то сперва тихонько начала ему говорить; я ужь и догадалась, что до тебя касается. Погодя немного, Павелъ Иванычъ идетъ къ намъ въ «учебную»; мы съ братомъ сидимъ да пишемъ... Маменька тоже вошла за нимъ, да и говоритъ: «нѣтъ, ужь я васъ держать не могу, мнѣ маменькино расположеніе дороже всего.» А онъ говоритъ: «не безпокойтесь, ни минуты не останусь.» Тотчасъ связалъ въ узелъ свои вещи, приходитъ; «прощайте, говоритъ,

Марья Ивановна, я совсѣмъ». Маменька такъ и ахнула. «Погодите, говоритъ ему, Павелъ Иванычъ, я велю лошадь вамъ заложить.» А онъ ей: «Не надо, говоритъ,—я и пѣшкомъ дойду, есть у меня въ Федюхинѣ мужичокъ знакомый, я переночую у него, а завтра найму лошадь и поѣду къ Воскресенью, буду ждать мѣста у дядюшки отца Алексѣя.» И со мной прощался: «Прощайте, говоритъ, Лизавета Николаевна! не поминайте меня лихомъ; желаю вамъ всего лучшаго.» Ужь тутъ мнѣ его и жалко стало. Богъ съ нимъ!

— Я видѣла, какъ онъ шелъ по дорогѣ, Лиза! сказала я, заливаясь слезами.

— Такъ это ты все о немъ плакала, сказала она мнѣ съ холоднымъ укоромъ.

— Да, о немъ, потому что я влюблена въ него, потому что я его никогда не забуду!

— Скажи мнѣ, пожалуста, какъ это у васъ съ нимъ все было? Что̀ говорилъ онъ тебѣ? какъ любезничалъ? вѣдь ты, до сихъ поръ, не удостоила меня своей откровенности...

Я почувствовала нѣкоторую справедливость въ этомъ укорѣ, оправдывалась, какъ могла и облегчила душу мою полною исповѣдью моихъ чувствъ.

Съ этихъ поръ я пересказывала ей всѣ подробности нашихъ свиданій съ Павломъ Иванычемъ и находила въ этихъ пересказахъ невыразимое удовольствіе. Лиза слушала меня снисходительно, иногда какъ-то странно улыбалась и упорно настаивала на томъ, что она его терпѣть не могла.

— Но вѣдь не можетъ же быть, мой другъ, сказала я ей однажды,—чтобы ты безо всякой, рѣшительно безо всякой причины, возненавидѣла его?.. Ты сама что-то скрываешь отъ меня...

— Что̀ мнѣ скрывать? я и сама удивляюсь.

— Лиза! не была ли ты влюблена въ него? простодушно спросила я ее, съ полнымъ желаніемъ помочь ей разрѣшить странную задачу.

Она вся вспыхнула, большіе глаза ея засверкали гнѣвомъ.

— Послушай, Геничка! ты никогда не говори мнѣ этого; не говори, а не то мы на вѣкъ поссоримся... Мнѣ любить его! что̀ мнѣ замужъ что ли за него выходить? я получше найду... Да и притомъ же, сказала она, мгновенно овладѣвъ собой,—сама посуди

стала ли бы я доставлять вамъ свиданія, еслибъ что-нибудь такое было у меня въ сердцѣ?..

— Да! и въ самомъ дѣлѣ, ненавидя его, зачѣмъ же ты исполняла его желанія, зачѣмъ оставила насъ однихъ въ лѣсу, по его просьбѣ?

— А что̀ мнѣ! пускай... меня забавляли его продѣлки; я знала что это такъ кончится, хоть ты и не говорила мнѣ, что влюблена въ него... примолвила она съ скрытою досадой. — Хороша дружба, нечего сказать!

Сердцу моему было больно отъ этихъ словъ и тона, съ какимъ они были сказаны; я сознавала себя виноватою и умоляла Лизу забыть объ этомъ.

— Я все никакъ не мо̀гу понять, сказала я послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — отчего ты ненавидѣла его? Ты отъ меня скрываешь, Лиза: вѣрно есть какая-нибудь причина! Отчего ты не хочешь сказать ее мнѣ?

— А ты развѣ все мнѣ открываешь? видишь, какая! сама скрытничаетъ, а отъ другихъ требуетъ откровенности.

— Еслибы ты спросила меня прежде, я бы тебѣ во всемъ призналась.

— Слушай: такъ и быть скажу тебѣ всю правду: какъ мнѣ было его не возненавидѣть! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у насъ, ты стала совсѣмъ другая: сидишь со мной, а думаешь о немъ; играть стала рѣже; дружбы ужь прежней не было. Мы съ тобой съ малыхъ лѣтъ вмѣстѣ, а тутъ — явился чужой человѣкъ, съ боку припека, Богъ знаетъ откуда, ты сейчасъ и предалась всѣмъ сердцемъ, — меня и въ сторону! я только молчала, а мнѣ было очень обидно!. Онъ такъ мнѣ былъ противенъ, когда передъ тобой мелкимъ бѣсомъ разсыпался, что я такъ бы и убила его! А онъ былъ и радъ, что ты отъ его разговоровъ таяла! ты думаешь, что это было незамѣтно? очень замѣтно!

Я еще разъ увѣрила Лизу, что я никогда не переставала любить ее, что ужь теперь ничего отъ нея не скрою.

— Вотъ, такъ-то лучше! сказала она.

И мы возвратились домой совершенно примиренныя.

Садъ начиналъ желтѣть; тетушка Татьяна Петровна стала поговаривать объ отъѣздѣ.

Однажды, мы съ Лизой сидѣли на балконѣ; къ намъ изъ гостиной вышла Марья Ивановна и сѣла возлѣ насъ на приступокъ.

Марья Ивановна вообще была очень къ намъ снисходительна, судила и рядила съ нами обо всемъ и принимала во мнѣ живое участіе. Тетушка требовала отъ насъ разсудительности и любила, чтобы мы больше сидѣли съ большими; Марья Ивановна была того мнѣнія, что не слѣдовало бы стѣснять молодежи, а дать ей больше свободы и веселья, что все серіозное, положительное и разсудительное придетъ съ годами само по себѣ.

— Ну, кому онѣ мѣшаютъ? обращалась она, не рѣдко, къ какой-нибудь сосѣдкѣ, указывая на насъ:—вонъ, онѣ ходятъ да разговариваютъ... Придетъ время, всему научатся...

— Да и намучатся! подхватывала сосѣдка, болѣе довольная риѳмой своего замѣчанія, нежели самымъ смысломъ.

— Ну вѣдь, гдѣ имъ сидѣть со старухами? продолжала Марья Ивановна:—и насъ съ тобой иногда тоска возьметъ, сиди на вытяжкѣ. Вѣдь, вотъ, ужь эдакъ при маменькѣ не развалишься, прибавляла она, протягиваясь на диванѣ. — Имъ и похохотать нельзя; маменька сейчасъ оговоритъ.

Я очень любила Марью Ивановну, несмотря на предостереженія тетушки не быть съ нею откровенною, что она х итрая...Въ послѣдствіи Марья Ивановна своею преданностью заставила тетушку перемѣнить это мнѣніе. Когда она являлась къ тетушкѣ въ своемъ вѣчномъ бѣломъ каленкоровомъ чепчикѣ, съ широкими оборками, мнѣ казалось, что все въ комнатѣ оживало и веселѣло. Безчисленное множество анекдотовъ, страшныхъ и занимательныхъ для молодаго, незрѣлаго воображенія, лилось съ устъ ея и захватывало все наше вниманіе. Колдуны, злые духи, порчи, видѣнія,— все являлось въ разнообразнѣйшихъ картинахъ и случаяхъ деревенской жизни, и все это растворено было самымъ живымъ вѣрованіемъ въ сверхъ-естественное. Случалось, когда по уходѣ ея, я обращалась къ тетушкѣ съ вопросомъ: «Правда ли это?»—она отвѣчала мнѣ:

— Все можетъ быть, мой другъ, чего не случается на бѣломъ свѣтѣ? никакъ нельзя отвергать этихъ вещей.

И такое мнѣніе подтверждала иногда какимъ-нибудь анекдотомъ изъ тайнаго міра, заставлявшимъ меня долго содрагаться, и вечеромъ съ ужасомъ вглядываться въ темныя стекла окошекъ, за

которыми шумѣли, качаемыя ночнымъ вѣтромъ, полувѣковыя липы.... Потрясенное воображенiе раждало тысячи фантастическихъ призраковъ и съ ужасомъ отпрядывало отъ своихъ же собственныхъ вымысловъ, прогоняя ихъ молитвой и крестомъ.

Но я уклонилась отъ настоящаго...

Итакъ, Марья Ивановна сѣла возлѣ насъ на ступеньки балкона; потомъ поглядѣла на меня какъ-будто съ сожалѣнiемъ, и печально спросила: «Что̀ мы тутъ подѣлываемъ?»

— А ничего, отвѣчала Лиза.—У васъ, маменька, чепчикъ на боку, прибавила она.

— Ну, матушка, кто меня осудитъ? отвѣчала Марья Ивановна, поправляя однако чепчикъ.

— Да что это, маменька!—не на ту сторону.

— Да ужь, право, Лизавета, мнѣ не до этихъ пустяковъ: — Татьяна Петровна мнѣ такое сейчасъ предложенiе сдѣлала, что я не знаю какъ и быть...

— Что такое? спросили мы обѣ въ одинъ голосъ.

— Да проситъ отпустить Лизавету съ ней; я, говоритъ, ее на мѣсто дочери возьму, устрою ея участь на всю жизнь... Я, говоритъ, Марья Ивановна, ничего не потребую отъ тебя; одѣну ее, какъ куколку, вездѣ буду съ ней выѣзжать, всему ее выучу... Конечно, дай Богъ ей здоровья, — да жаль и съ ней-то разстаться....

Наступило общее молчанiе. Что̀ чувствовала Лиза, не знаю,— только она долго, не говоря ни слова, вертѣла кончикъ своего шейнаго платочка, и румянецъ показался на ея щекахъ: видно было, что въ ней происходила внутренняя борьба. Что̀ касается до меня, то сердце мое получило ударъ, отъ котораго ныло и болѣло; я невольно опустила голову и не могла удержать слезъ.

— Видишь, какъ она тебя любитъ, сказала разчувствовавшись Марья Ивановна.

Лиза взглянула на меня искоса.

— Я сама ее люблю не меньше, сказала она, — только я плакать не могу: вы сами знаете, и она знаетъ, что слезъ у меня не дождешься.

Добрая Марья Ивановна уговаривала и утѣшала меня.

— Знаю, говорила она,—что положенiе твое будетъ не легкое, одна-одинехонька, возьметъ горе. Да вѣдь, радость моя, нельзя

же все такъ жить, однимъ побытомъ вѣкъ не проживешь. Не на вѣкъ разстанетесь. Нѣтъ, вѣдь я навсегда не оставлю ее тамъ, а то и мать, пожалуй, забудетъ...

Послѣднія слова Марьи Ивановны нѣсколько успокоили меня. Когда она оставила насъ, Лиза сказала мнѣ:

— Ты не плачь, Геничка; тетушка замѣтитъ, что ты плакала, будетъ сердиться.

— Да развѣ она можетъ запретить мнѣ тосковать о тебѣ?

— Э, да ты все не то говоришь! Кто запретитъ? да что за радость? Она подумаетъ: вотъ, я всю жизнь ей посвящаю, а она промѣняла меня на кого! Ну, и на меня она будетъ смотрѣть не ласково; пожалуй, послѣ и совсѣмъ разлучитъ насъ.

Я не могла не признать справедливость этого замѣчанія и не мало удивлялась уму Лизы, что̀ тотчасъ же выказала ей. Самодовольная улыбка озарила ея лицо.

— Я хоть и не умѣю, какъ ты, говорить о небѣ, звѣздахъ и чувствахъ, а тоже понимаю кой-что, сказала она.

— О, ты гораздо умнѣе меня! вскричала я съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Ну, нѣтъ, Геничка, я этого не скажу; я не умѣю говорить какъ ты.

— Такъ ты уѣдешь, Лиза! сказала я, быстро перемѣняя разговоръ.

— Да какже, Геничка? Что̀ я здѣсь увижу? Чему научусь? Надо и на людей посмотрѣть. Состояніе маменьки ты знаешь: какъ пропустить такой случай?

— О, я никуда не хочу отсюда! намъ здѣсь хорошо, — я бы цѣлый вѣкъ прожила такъ!...

— Между елками? очень весело! Это ты такъ только говоришь. Нѣтъ, сохрани Богъ, прожить здѣсь всю жизнь!

— Съ тобой я прожила бы счастливо...

Я говорила что̀ чувствовала; я такъ сроднилась съ тихимъ гуолкомъ нашимъ, съ зеленымъ садомъ, съ каждымъ кусточкомъ тѣхъ мирныхъ мѣстъ, что мысль оставить ихъ, начать новую жизнь, обдавала меня холодомъ. Чувство привычки было во мнѣ чрезвычайно сильно.

— Э, полно, Геничка! все это вздоръ, рѣшила Лиза.

Тетушка Татьяна Петровна крѣпко настаивала на томъ, чтобы

взять Лизу. *Моя* тетушка не отговаривала ее, и мало-по-малу приблизился день, когда четверня неуклюжихъ, старыхъ коней унесла отъ меня Лизу далеко, въ Т*** губернію.

Какая пустота, скука, тоска овладѣли мной по отъѣздѣ Лизы! Какъ одиноки и печальны были мои прогулки! Какъ невыносимы казались осенніе дни! Нѣтъ ея! не прійдетъ она больше будить меня по утру. Долго не услышу ея звонкаго смѣха! Долго, цѣлые недѣли, мѣсяцы, можетъ-быть, годы... Будетъ ли она вспоминать обо мнѣ? Такъ ли же ей грустно безъ меня, какъ мнѣ безъ нея?..

Она увидитъ городъ,—думала я также по временамъ,—увидитъ новыя мѣста, новыя лица! Ей открывается цѣлый рядъ новыхъ впечатлѣній, между тѣмъ какъ я, день за днемъ, трачу свою юность, будто забытая судьбою, окруженная старыми людьми. Конечно, я люблю тетушку, и не хотѣла бы оставить ее, потому что знаю, чувствую, какъ печальна была бы ей разлука со мной; потому что меня замучила бы мысль о ея слезахъ, о ея тоскѣ... Но все же прожить такъ всю жизнь, въ этой пустынѣ, безъ Лизы, было ужасно. И мысль моя неслась за предѣлы тѣснаго горизонта моей жизни, улетала все дальше и тонула въ новыхъ мечтахъ, раждавшихъ жажду дѣйствительности. И мнѣ казалось, что передо мной открывается входъ въ другой міръ, и невидимая рука вводитъ меня на сцену великаго театра, гдѣ и мнѣ также назначено играть свою роль, — и страшно, и весело становилось мнѣ, и оглушена была я этимъ говоромъ, пестротой, и блескомъ... А старыя липы тихо и грустно шумѣли надо мной, роняя послѣдніе желтые листья; сорока насмѣшливо щекотала чуть не надъ самымъ ухомъ, и я, опомнившись, проникнутая холоднымъ воздухомъ осенняго вечера, брела къ дому, гдѣ за чайнымъ столомъ, при свѣтѣ сальныхъ свѣчекъ, ждала меня добрая тетушка, и готовый выговоръ замиралъ на ея устахъ при моемъ робкомъ появленіи, переходя въ нѣжный упрекъ за то, что я поздно гуляю въ такой холодъ и не берегу себя.

Послѣ чаю вытаскивался изъ-подъ кровати завѣтный ящикъ съ книгами, присланными отъ одного сосѣда, стариннаго знакомаго тетушки, когда-то неравнодушнаго къ ней и посѣщавшаго насъ аккуратно разъ въ годъ, въ именины тетушки.

Чего не было въ этомъ ящикѣ! — тутъ были и «Таинства

Удольфскаго замка» и «Наталья, боярская дочь» и «Сенъ-Клеръ Островитянинъ», и много, много подобнаго.

Съ жадностью пробѣгала я заманчивыя страницы, и мой собственный голосъ, раздававшійся въ тишинѣ, волновалъ и раздражалъ до слезъ мои нервы.

Нерѣдко я думала и о Павлѣ Иванычѣ, о которомъ не имѣла никакихъ извѣстій; нерѣдко воскрешала воспоминаніемъ и слезами любовь мою къ нему, и переживала вновь воображеніемъ невозвратные, первые счастливые дни моей жизни.

Отъ Лизы я рѣдко получала письма. Она писать не любила, за то я строчила ей длинныя, мечтательныя посланія, забывая ея положительность, предаваясь только своимъ собственнымъ чувствамъ.

Письма Лизы были сжаты и офиціяльны; зная ея осторожность, я поняла, что она боится быть откровенною. Только въ одномъ письмѣ, присланномъ съ оброчнымъ мужикомъ Марьи Ивановны, написала она мнѣ, что, можетъ-быть, выйдетъ замужъ за воспитанника Татьяны Петровны, которому одинъ генералъ обѣщаетъ доставить хорошее мѣсто, что воспитанникъ не дуренъ и «молоденькій»; но что все-таки ей больше нравится одинъ офицеръ, который каждый день ѣздитъ мимо оконъ и даже потихоньку кланяется ей. Въ заключеніе, она просила изорвать это письмо, никому, даже маменькѣ, не показывать и не писать ей объ этомъ ничего, потому что Татьяна Петровна можетъ прочитать и разсердиться.

Время летѣло; прошла зима; тоска моя по Лизѣ начинала терять свою первую силу; желаніе свидѣться съ ней не уменьшалось, но воспоминаніе о ней не сопровождалось уже горькими слезами. Я привыкла къ одиночеству, какъ птица къ клѣткѣ, и пріобрѣла даже нѣкоторое спокойствіе духа. Я привѣтствовала снова весну, какъ дорогую гостью,—и по прежнему, подъ яснымъ небомъ майскаго дня, находила минуты безотчетнаго упоенія.

Въ концѣ іюля, Марья Ивановна, не шутя, стала поговаривать, что она пошлетъ за Лизой, какъ управится съ уборкой хлѣба. Сердце мое забилось при этомъ извѣстіи, и какъ только осталась я одна съ Марьей Ивановной, то бросилась къ ней на шею и разцѣловала ее. Это чуть не до слезъ умилило Марью Ивановну.

— Непремѣнно пошлю, сказала она, — нѣтъ, она не думай, что я совсѣмъ отдала, надо и честь знать и мать вспомнить, — будетъ, повеселилась, поскучай-ка теперь съ нами. Да и что за скука! прибавила Марья Ивановна, — отчего скучать? вотъ вы, то въ саду погуляете, то между собой посмѣетесь; мы съ маменькой да съ Катериной Никитишной въ карты бьемся,—отчего скучать?

Я была рада, что такъ думала Марья Ивановна. Во мнѣ еще такъ много было тогда эгоизма.

Лиза! Лиза! повторила я въ восторгѣ, обѣгая съ живостью тѣнистыя аллеи и густыя куртины, наполненныя орѣшникомъ и яблонями, на которыхъ зрѣли янтарно-розовые плоды. Какъ она будетъ всему этому рада, думала я. А грибовъ грибовъ-то сколько нынѣшній годъ.

V.

Уже прошло нѣсколько дней, какъ отправлена была за Лизой крытая телѣжка.

Однажды сидѣла я на крыльцѣ, въ ожиданіи радостнаго свиданія съ ней, въ сладкомъ раздумьи объ этомъ свиданіи, какъ вдали послышался звукъ колокольчика, и по дорогѣ отъ сосновой рощи поднялось облако пыли.—Посмотрите-ка, барышня, сказала подошедшая Дуняша,—вѣдь это Лизавета Николаевна ѣдутъ..

Въ эту минуту мнѣ показалось, что у меня выросли крылья, что я лечу на встрѣчу Лизѣ,—такая сильная радость наполнила мнѣ сердце.

Да, это, вправду, была Лиза. Телѣжка остановилась у крыльца Марьи Ивановны; только страхъ разсердить тетушку удержалъ меня бѣжать туда, чтобъ броситься на шею пріѣзжей.

Но, вотъ, я пережила и минуты ожиданія, и уже она на дорогѣ къ нашему дому, я хочу бѣжать къ ней на встрѣчу и останавливаюсь, — она ли это? думаю я, — неужели она? эта нарядная, стройная барышня, съ косой обвитою вокругъ гребенки, въ прекрасномъ кисейномъ платьѣ...

— Здравствуй, Геничка! говоритъ она мнѣ слишкомъ знакомымъ голосомъ:—или ты меня не узнаешь?

И мы заключили другъ друга въ объятія.

Вотъ и Т-ская гостейка, сказала Марья Ивановна:—посмотри-ка на нее, Геничка, вѣдь ее узнать нельзя. А мы съ тобой, радость моя, такъ деревенщина, по-просту,—да оно и лучше....

Лиза точно перемѣнилась. Вопервыхъ, она похорошѣла; вовторыхъ, была очень порядочно одѣта, и манеры ея, противъ прежняго, получили нѣкоторую развязность и ловкость. Въ этой перемѣнѣ было для меня что-то наводящее грусть, въ которой я не могла и не умѣла дать себѣ отчета. Я неясно сознавала, что въ годъ, проведенный нами розно, соткалась довольно плотная сѣть, отдѣлявшая насъ другъ отъ друга.

Тетушка приняла Лизу привѣтливо, хотя въ душѣ и не очень любила ее. Старушка питала къ ней невольное чувство ревности и съ горечью думала, что привязанность къ Лизѣ можетъ ослабить во мнѣ всѣ другія привязанности. Тетушка видѣла, какъ я грустила и тосковала въ разлукѣ съ Лизой и поняла, что одна ея любовь, какъ ни была безгранична она, не была достаточна для моего счастія. Но эти чувства никогда не выражались у ней никакими желчными выходками, ни какою раздражительностью. Часто, въ отсутствіи Лизы, она говорила мнѣ:

— Тебѣ скучно со мной, моя милая! Я ужь стара, не могу быть для тебя подругой.

И была довольна, какъ дитя, когда я успокоивала ее и увѣряла неложно, что она мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

— Вотъ, душа моя, обратилась она къ Лизѣ,—ты ужь теперь просвѣщенная, городская дѣвица. Пользуйся этимъ случаемъ и моли Бога за сестрицу.

— Ну, зачѣмъ маменька выписала меня сюда? сказала мнѣ Лиза, когда мы остались съ ней однѣ. — Она думаетъ, что мнѣ очень весело въ вашемъ медвѣжьемъ углу. Вѣдь она лишаетъ меня счастья. Кого я здѣсь вижу, чему научусь?

Хотя меня слегка и кольнули слова «медвѣжій уголъ», «кого вижу»; но я не противорѣчила Лизѣ, а только старалась уклониться отъ дальнѣйшихъ разсужденій объ этомъ предметѣ.

Лиза откровенно разказала мнѣ, что въ нее влюбленъ какой-то Ѳедоръ Матвеичъ, protégé Татьяны Петровны, и хочетъ непремѣнно на ней жениться, что Татьяна Петровна обѣщала прислать за ней лошадей по первому зимнему пути, и устроить

судьбу ея съ Өедоромъ Матвеичемъ, что она, покуда, не говоритъ объ этомъ маменькѣ, потому что та не утерпитъ, всѣмъ разкажетъ.

— А что этотъ офицеръ, о которомъ ты мнѣ писала? спросила я ее.

— Онъ ужь уѣхалъ. Вѣдь это было, такъ, пустяки... онъ заинтересовалъ меня, каждый день проѣзжалъ мимо дома; я послѣ ужь и къ окошку не подходила, боялась, чтобъ Анфиса не замѣтила. Еще выдумала бы что-нибудь.

— Кто это Анфиса?

— Это воспитанница Татьяны Петровны. Такая хитрая. Такъ къ Татьянѣ Петровнѣ подбилась, что та безъ нея жить не можетъ. Вотъ, Геничка, попросись у тетеньки ко мнѣ на свадьбу, весело будетъ. Татьяна Петровна вѣрно будетъ звать тебя.

Отъ всѣхъ этихъ разговоровъ на душѣ у меня становилось холодно и непріятно: будто я не доискивалась въ ней чего-то, что̀ мнѣ было дорого и мило.

Лиза слишкомъ переросла меня положительностью, и на прежнія наши мечты и забавы смотрѣла почти равнодушно, какъ взрослый на куклы. Игры наши не ладились, и послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ попытокъ совсѣмъ прекратились. Другіе интересы, другія цѣли занимали ее; они ярко виднѣлись ей въ будущемъ, между тѣмъ какъ для меня все еще было покрыто туманомъ.

Между тѣмъ слухъ о пріѣздѣ Лизы занимательною новостью распространился между сосѣдями, во мнѣніи которыхъ она выиграла, по крайней мѣрѣ сто процентовъ, возвратясь изъ большаго города. Отъ нея ждали и новыхъ модныхъ нарядовъ на фасонъ и безконечныхъ любопытныхъ разказовъ о томъ, что̀ она видѣла и слышала. Тѣ, которымъ удалось видѣть ее, разносили о ней слухи самые заманчивые, возбуждавшіе неодолимое любопытство посмотрѣть на «городскую барышню».

По воскресеньямъ въ нашей церквѣ стали появляться новыя лица и невиданные дотолѣ франты изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Многіе знакомились съ Марьей Ивановной. Ея незначительное состояніе давало поводъ къ надеждамъ, что Лиза не будетъ слишкомъ разборчивою невѣстой, и потому нѣкоторые даже рѣшались предлагать ей руку и сердце, но получили отказъ.

Лиза посмѣивалась надъ ними въ тихомолку, но все-таки

кокетничала съ ними, несмотря на ихъ грубость и необразованность. Она съ нетерпѣніемъ ожидала приближенія зимы, чтобъ опять уѣхать въ Т***, гдѣ должна была рѣшиться ея судьба.

Теперь въ ея сердцѣ, въ свою очередь, я была въ сторонѣ... Теперь, болѣе нежели когда-нибудь, я мысленно, съ грустью и благодарностью обращалась къ Павлу Иванычу, и горячія слезы мои нерѣдко капали на оголившіеся корни старой березы, подъ которою мы такъ часто разговаривали съ нимъ.

Я не любила напоминать о немъ Лизѣ, потому что она относилась о немъ почти съ презрѣніемъ, а о чувствахъ моихъ такъ, какъ-будто была вполнѣ увѣрена, что въ сердцѣ моемъ не осталось никакого слѣда отъ этой встрѣчи.

Въ концѣ августа, въ одномъ большомъ богатомъ селѣ, верстахъ въ десяти отъ насъ, каждый годъ бываетъ ярмарка.

Во времена тетушкиной молодости, ярмарка эта была блистательнымъ торжествомъ, временемъ различныхъ веселостей и всѣхъ замѣчательныхъ происшествій. Въ послѣдствіи, когда богатое дворянство, наполнявшее тотъ край, обмелѣло, состарѣлось, перемерло, раздробилось, ярмарка утратила половину своего блеска. Была и другая причина: двадцать лѣтъ назадъ, по словамъ тетушки, въ ближайшемъ уѣздномъ городкѣ нельзя было ничего найдти порядочнаго, кромѣ соли и муки, и потому Ивановская ярмарка доставляла, кромѣ удовольствій, многіе необходимые запасы для народа: огурцы, медъ, деревянное масло, лукъ, чеснокъ, разныя крупы, изюмъ, миндаль и проч. (все это покупалось годовымъ запасомъ), и предметы роскоши для людей зажиточныхъ. Въ мое же время, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ, были и лавки съ краснымъ товаромъ, и рыбный рядъ, и даже каждый день мягкіе калачи.

Но все-таки и въ настоящее время ярмарка была не маловажнымъ событіемъ хотя и не имѣла уже такой существенной необходимости, какъ двадцать лѣтъ назадъ.

Она манила еще православный людъ подъ рогожные балаганы. Мелкопомѣстные дворяне и остатокъ прежней аристократіи нашего края собирались туда, какъ на partie de plaisir; невѣсты и теперь находили въ толпѣ своихъ суженыхъ.

26-го августа, то-есть наканунѣ, въ домѣ у насъ каждый годъ бывало необыкновенное движеніе, вся дворня толпилась въ

прихожей и впускалась поочередно къ тетушкѣ испрашивать позволенія идти на ярмарку. Сперва являлись старшіе. Получали позволеніе и ежегодную награду деньгами, вслѣдствіе чего кланялись тетушкѣ въ ноги и выходили съ торжествующею улыбкой.

Такъ какъ ярмарка продолжалась почти цѣлую недѣлю, то тетушка и распредѣляла кому въ какой день идти, чтобъ не остаться безъ прислуги. Ѳедосья Петровна съ горничными также ходила за десять верстъ пѣшкомъ смотрѣть на толпу и показать себя. Никакая погода, никакая слякоть не останавливали этихъ добрыхъ людей.

Не мало разказывала мнѣ тетушка романическихъ происшествій, случавшихся въ прежнее время на ярмаркѣ; живо описывала тогдашнюю жизнь, богатое сосѣдство, пиры и веселье, царствовавшее на нихъ, и нерѣдко заставляла меня сожалѣть, что я живу въ иное скучное время.

— Да, Геничка, мой другъ, говорила она,—въ мое время было не то: бывало, наканунѣ 27-го числа, съѣдемся мы всѣ къ сестрицѣ Прасковьѣ Васильевнѣ...

— Развѣ она вамъ сестра, тетушка?

— А какже? покойнику батюшкѣ троюродная племянница. Домъ у ней огромный, двухъ-этажный, каменный и всего въ трехъ верстахъ отъ Ивановскаго. У ней была и музыка своя. Гостей наѣдетъ человѣкъ сорокъ; погостятъ денекъ, ночуютъ; на другой день кто-нибудь изъ гостей зоветъ всѣхъ къ себѣ; на третій тоже кто-нибудь зоветъ, — да такъ почти у всѣхъ сосѣдей придется перебывать; такъ цѣлымъ обществомъ и разъѣзжаемъ, справляемъ годовые визиты.

— Да гдѣ же вы всѣ помѣщались, тетушка? Вѣдь не у всѣхъ такіе большіе дома, какъ у Прасковьи Васильевны.

— Э, мой другъ, въ старину были не причудливы; всѣ, бывало, барышни и дамы улягутся на полъ въ повалку, гдѣ придется ночевать, накладутъ перинъ, подушекъ цѣлыя горы, — смѣху-то сколько, проказъ-то сколько! мущины, кто на сѣновалѣ, кто въ саду. — Помнишь, Катенька, какъ мы съ тобой гащивали у дядюшки Антона Иваныча? обратилась она къ сосѣдкѣ.

— Какъ не помнить, родная! отвѣчала та, поднимая отъ работы свое доброе морщинистое лицо.—Еще тогда влюбился въ васъ Николай Александрычъ. А ужь вѣдь какъ недурны вы были,

родная! Какъ теперь гляжу: въ желтомъ платьѣ, — косы-то тогда высоко носили и локончики, — ну прелесть!

— Все-то прошло, мой другъ! Вотъ теперь какія мы съ тобой красавицы стали.

— Что̀ дѣлать, родная, — молодое растетъ, старое старѣется, заключила шестидесятилѣтняя Катенька, прежняя тетушкина подруга молодсти и вѣрный другъ при старости, добрѣйшее созданіе, жившее всего въ верстѣ отъ насъ, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, при которомъ, въ особой избѣ, помѣщалась вся ея вотчина, состоявшая изъ двухъ семействъ.

Катерина Никитишна рѣдкій день не была у насъ, а иногда и гостила по цѣлымъ недѣлямъ. Какъ часто встрѣчала я ее лѣтомъ, за воротами двора, бредущую къ намъ съ посошкомъ въ рукахъ, повязанную пестрымъ платочкомъ въ будни, и въ бѣломъ чепцѣ по воскресеньямъ. Въ воскресенье, она до обѣдни всегда заходила къ намъ; Марья Ивановна съ Лизой, одѣтыя по праздничному, тоже являлись и вмѣстѣ отправлялись, для сокращенія пути, черезъ садъ, покрытый утреннею росою, въ церковь.

Тетушка бывала у обѣдни только въ большіе праздники, тогда закладывались старинныя дрожки съ фартуками, называемыя архіерейскими, на которыя и мы съ Лизой усаживались и сопровождали тетушку.

Намъ съ Лизой запала въ голову дерзкая мысль съѣздить на ярмарку. Для этого я сочла необходимымъ предварительно освѣдомиться о состояніи тетушкиныхъ экипажей у бывшаго лейбъ-кучера дѣдушки, Карпа Иваныча, супруга Ѳедосьи Петровны, бодраго, плечистаго старика, съ сѣдою бородой, нахмуренными сѣдыми же бровями, придававшими ему суровый видъ, что̀ однако не мѣшало ему быть очень добрымъ человѣкомъ.

Я нашла Карпа Иваныча у конюшни; онъ несъ корзину съ овсомъ.

— Здравствуй, Карпъ Иванычъ!

— Здравствуйте, матушка Евгенія Александровна!

— А что̀, Карпъ Иванычъ, можно ѣхать въ нашей линейкѣ?

— Вѣдь куда ѣхать, сударыня? до церкви-то можетъ доѣдетъ.

— Нѣтъ, этакъ верстъ за десять?

— Ну, нѣтъ, сударыня, плоховата! вѣдь съ кончины покойнаго дѣдушки она такъ и стоитъ не починена, — и колеса-то того

и гляди на полверстѣ разсыплются... Вы изволите знать, какая ѣзда у тетеньки,—только въ церковь Божью, такъ туда на дрожкахъ завсегда.

— Ахъ, Боже мой! какъ же быть, Карпъ Иванычъ? намъ бы на ярмарку хотѣлось...

— Такъ что же, сударыня, прикажите коляску осмотрѣть, въ ней можно ѣхать; почистить ее да посмазать — коляска четвероместная, прекрасная... даромъ, что старинная, а и новымъ не уступитъ... Настоящая аглицкая.

— Какъ это хорошо, Карпъ Иванычъ! такъ ты, если тетенька спроситъ, такъ и скажи, что можно ѣхать...

— Слушаю-съ.

— Смотри же, такъ и скажи, что можно ѣхать...

И я полетѣла къ тетушкѣ.

Когда всѣ препятствія были устранены, я съ торжествующимъ видомъ объявила Лизѣ и Марьѣ Ивановнѣ, что тетушка отпускаетъ насъ на ярмарку, на что̀ Марья Ивановна одобрительно сказала, что я «молодецъ!» а Лиза улыбнулась съ довольнымъ видомъ и проговорила: «ай да, Геничка!»

Насталъ и день, ожидаемый нами такъ нетерпѣливо. Я проснулась раньше обыкновеннаго. Утро было ясное. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, былъ — мое парадное бѣлое платье, чѣмъ свѣтъ разглаженное и развѣшенное на стѣнѣ Дуняшей; но увы! короткій лифъ и старинный покрой его только теперь вспомнились мнѣ. Я призадумалась, мнѣ стало не ловко; меня обуяло непостижимое малодушіе, чуть не вызвавшее слезы на глаза; но я поборола это чувство всею силой воли и храбро одѣлась...

Лиза явилась нарядная, праздничная, въ новенькомъ розовомъ платьѣ, съ тонкою таліей и пышными оборками...

Я поручена была надзору Марьи Ефимовны, бѣдной и уже не молодой дѣвицы, имѣвшей претензію на свѣтскость, постоянно гостившей въ «хорошихъ домахъ», по ея выраженію, и, вправду, любимую всѣми за свой разсудительный, кроткій характеръ. Даже гордая старуха Прасковья Васильевна удостоивала ее своего вниманія. Она нерѣдко занимала роль временной гувернантки при молодыхъ дѣвицахъ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ была принята и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ за безукоризненную чистоту нравовъ.

Марья Ефимовна, къ счастію, посѣтила насъ наканунѣ, и потому тетушка предложила ей честь руководить меня на новомъ, незнакомомъ мнѣ поприщѣ.

Марья Ивановна не обидѣлась, что ей, какъ будто, не довѣряли, и, съ свойственною ей добротой и веселостью, заняла свое мѣсто.

Тетушка приказала намъ заѣхать къ знакомой ей помѣщицѣ, Аннѣ Андреевнѣ, у которой тоже когда-то пировала въ молодости. Анна Андреевна посѣщала насъ иногда разъ въ годъ, и тетушка, отправляя меня къ ней, все равно, что сама платила визитъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должна была принять это Анна Андреевна, знавшая слабость тетушкинаго здоровья.

Когда мы, со всѣмъ одѣтыя, пришли къ тетушкѣ, она внимательно осмотрѣла меня и Лизу; потомъ, подозвавъ Марью Ефимовну, сказала, отдавая ей деньги:

— Потрудись, другъ мой, купить Геничкѣ кисеи на платье, по ея вкусу...

На крыльцѣ ожидало насъ странное зрѣлище: Карпъ Иванычъ въ синемъ, парадномъ, полинявшемъ отъ времени, кучерскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на высочайшихъ козлахъ высочайшей коляски, походившей на огромнаго размѣра фантастическое насѣкомое.

Лиза померла со смѣху.

— Вотъ Ноевъ-то ковчегъ! вскрикнула она. — Удивимъ мы ярмарку. Да это...

Но восклицаніе ея прервано было легкимъ толчкомъ и выразительнымъ взглядомъ Марьи Ивановны, пораженной появленіемъ въ сѣняхъ тетушки, неожиданно поднявшейся проводить насъ.

— Ничего, милая, смѣйся! сказала тетушка, выходя на крыльцо,—въ твои годы простительно смѣяться. Еслибъ я была въ состояніи сдѣлать для васъ новый экипажъ, то конечно не поскупилась бы; но въ этой коляскѣ, другъ мой, ѣзжали люди не хуже тебя.

Барское самолюбіе тетушки, при иныхъ случаяхъ, бывало очень щекотливо.

Лиза, избалованная своею осторожностью, рѣдко допускавшею ее до промаховъ, раздражительно и тяжело принимала всякое замѣчаніе. Она ничего не отвѣчала, но сдѣлалась мрачна и холодна, какъ осенняя ночь. Для меня было всегда что-то страшное въ этомъ сосредоточенномъ, молчаливомъ гнѣвѣ... Мнѣ также стало

неловко и непріятно... Лучше бы тетушка меня побранила, а не Лизу, подумала я. Мы усѣлись; коляска, скрипя и побрякивая, покатилась по дорогѣ. Я съ безпокойствомъ поглядывала на Лизу.

— Вѣдь какая маменька, Богъ съ ней! сказала Марья Ивановна:—ну, что̀ за важность, что Лизавета разсмѣялась... Какову она ей пику подпустила!—А ты, полно, не огорчайся, прибавила она, обращаясь къ Лизѣ,—это тебѣ въ новость, а вотъ какъ я, бывало, что̀ отъ нея переносила! иной разъ не знаешь съ которой стороны и подойдти,—да все терпишь, какъ быть. Нѣтъ, вѣдь на маменькинъ-то характеръ угодить ой-ой!

— Еще теперь что̀! подхватила Марья Ефимовна:—еще нынче не то стала Авдотья Петровна—и годы, и горе ее убили, много кротче стала...

Эти разсужденія и другіе разговоры успѣли развеселить и разсѣять Лизу. Я смѣшила ее разными замѣчаніями на счетъ Карпа Иваныча и обратила ея вниманіе на тѣнь его фигуры, рисовавшейся на дорогѣ, ярко освѣщенной солнцемъ. Носъ Карпа Иваныча и вся его фигура принимали странную форму и необыкновенные размѣры.

Десять верстъ казались мнѣ, не выѣзжавшей далѣе церкви, неизмѣримымъ разстояніемъ. На половинѣ пути мною начала овладѣвать пріятная усталость, сливавшаяся съ какою-то свѣтлою, упоительною мечтательностью... Цѣпь очаровательныхъ призраковъ опутала меня—дремота сомкнула глаза...

— Душечка, Евгенія Александровна! уснули? разбудилъ меня голосъ Марьи Ефимовны:—пріѣхали, мой ангелъ...

Я открыла глаза. Коляска наша стояла передъ крыльцомъ незнакомаго, большаго деревяннаго дома, длинный и мрачный фасадъ котораго напомнилъ описаніе аббатствъ въ читанныхъ мною романахъ.

Мы вышли изъ экипажа на широкое крыльцо; двое сѣдыхъ лакеевъ отворили намъ дверь въ залу, гдѣ накрытъ былъ столъ на довольно большое количество приборовъ. У входа въ гостиную толпилось нѣсколько мущинъ; я была такъ смущена, что не могла отличить между ними ни одного лица, всѣ они сливались для меня въ одну темную, движущуюся массу, которая разступилась, чтобъ пропустить насъ въ гостиную, наполненную дамами

въ такихъ пестрыхъ, разнообразныхъ нарядахъ, что у меня зарябило въ глазахъ.

Я въ первый разъ была въ такомъ многочисленномъ обществѣ. Машинально шла я за Марьей Ефимовной и Лизой и, слѣдуя ихъ примѣру, подошла къ хозяйкѣ, сидѣвшей на диванѣ въ огромнѣйшемъ чепцѣ съ лиловыми лентами и кружевами, въ турецкой шали и бѣломъ капотѣ.

Это была крошечная старушка съ восковымъ лицомъ и двумя длинными зубами напереди. Она поцѣловала меня, назвала «милушкой» и спросила о здоровьи тетушки. Я отвѣчала, что̀ слѣдуетъ, и, совершенно сконфуженная, съ пылающими щеками, отошла, чтобъ занять первое попавшееся мнѣ на глаза кресло. Оно приходилось съ краю къ дверямъ, въ которыя мы вошли. Смущеніе мое было неописанно, когда я увидѣла себя съ одной стороны окруженною мущинами, съ другой попомъ и дьякономъ, сидѣвшими чинно и молчаливо.

Лиза, помѣстившаяся недалеко отъ хозяйки, между дамами, насмѣшливо улыбалась мнѣ, показывая глазами на моихъ сосѣдей. Смущеніе начинало уже во мнѣ уступать мѣсто смѣху, когда Марья Ефимовна подозвала меня къ себѣ.

— Сядьте здѣсь, мой ангелъ, сказала она вполголоса,—ну, что̀ вы тамъ сѣли — не хорошо!

Я была рада соединиться съ Лизой.

— Посмотри, сказала Лиза шепотомъ,—вонъ,—этотъ военный: кажется, не дуренъ. Онъ на насъ смотритъ...

И, вправду, глаза одного молодаго человѣка въ военномъ мундирѣ были устремлены на нашу сторону. Лицо его было довольно красиво и принадлежало къ числу тѣхъ, которыя называютъ расписными. Русые усики его были вздернуты, и сѣрые глазки смотрѣли быстро и живо.

Лиза, говоря со мной, поглядывала на него исподтишка.

Оглядѣвшись, я была рада найдти между гостями Анны Андреевны многихъ изъ нашихъ сосѣдокъ, въ томъ числѣ Катерину Семеновну и Машу Филиппову, барышню, гостившую иногда у насъ по праздникамъ, и стала смѣлѣе и развязнѣе.

Отъ нихъ узнали мы, что лицо, обратившее на себя вниманіе Лизы, былъ поручикъ Котаевъ, братъ девяти сестеръ и сынъ бѣдныхъ родителей. Пять изъ сестеръ его находились въ чи-

слѣ гостей; всѣ онѣ были нехороши собой, но бойки и говорливы.

Старшая Котаева предложила намъ идти въ садъ, и всѣ дѣвицы поднялись за нами. Поручикъ и еще одинъ рябоватый юноша последовали за нами; послѣдній, черезъ нѣсколько минутъ, очутился со мной рядомъ и завелъ слѣдующій разговоръ:

— Какая прекрасная погода-съ!

— Да, сегодня хороша.

— Какъ *гля* васъ нравится ярмарка?

— Мы еще не были.

— Тетушка ваша никуда не выѣзжаютъ-съ?

— Она слаба здоровьемъ.

— Какъ это *они* васъ отпустили?

— Такъ и отпустила...

— Лаврентій Иванычъ! обратилась къ нему, шедшая возлѣ меня Дуня Котаева,—вы что покупали на ярмаркѣ?

— Да ничего еще не покупалъ-съ; у жида супирчикъ торговалъ, да дорого проситъ, проклятый.

— На что̀ вамъ супирчикъ?

— Такъ-съ, на рукѣ носить; прехорошенькій, съ незабудочкой-съ.

— Вѣрно кому-нибудь на память хотите подарить?

— Вы, Авдо̀тья Сергѣвна, сейчасъ и вывѐдите Богъ знаетъ что̀...

— Что̀ мнѣ выводить, — такъ сказала. А у васъ видно совѣсть не чиста?...

— Нѣтъ, у меня совѣсть чиста-съ; у васъ у самихъ-то, видно, не чиста-съ.

— Я думаю!...

— Вотъ, Евгенія Александровна! рѣшите нашъ споръ, сказалъ, подходя къ намъ, вслѣдъ за Лизой, поручикъ, съ вѣткой акаціи въ рукахъ,—Лизавета Николавна не вѣрятъ, что зеленый цвѣтъ значитъ надежда...

— Право не знаю, отвѣчала я, — но, мнѣ кажется, значеніе надежды прилично зеленому...

— Видите, Лизавета Николавна!...

— Неправда, Геничка выдумываетъ...

— Зеленый цвѣтъ значитъ надежда, надежда! закричала одна

изъ Котаевыхъ:—я знаю, у меня есть тетрадка, и тамъ написано что̀ каждый цвѣтъ значитъ.

— Видите, моя правда, Лизавета Николавна! повторилъ поручикъ.

— Неправда! сказала она съ кокетливымъ упрямствомъ.

— Отчего же вы не хотите надежды?

— Надежда обманываетъ...

— Помилуйте, да человѣкъ живетъ надеждой. Вотъ, я, напримѣръ, я бы умеръ безъ надежды...

— Не умерли бы...

— Конечно, еслибъ я сталъ умирать передъ вами, вы и тогда, пожалуй не повѣрили бы...

Лиза засмѣялась и покраснѣла, Котаевы залились звонкимъ смѣхомъ, который однако тотчасъ былъ прекращенъ призывомъ къ обѣду.

Послѣ обѣда все общество, кромѣ хозяйки и нѣкоторыхъ пожилыхъ дамъ, отправилось на ярмарку.

Наша коляска ѣхала въ ряду шести или семи экипажей, столь же фантастическихъ, какъ и она сама. Лиза посмѣивалась надъ ними, потому что уже имѣла понятіе о лучшихъ. Шумъ, дребезгъ, покрываемые по временамъ взрывомъ хохота Котаевыхъ, были удивительные.

Наконецъ весь поѣздъ остановился передъ рядомъ низкихъ балагановъ, покрытыхъ рогожнымъ навѣсомъ, изъ-подъ котораго выглядывали любопытныя лица крестьянъ и крестьянокъ. Кругомъ также толпился народъ.

Пріѣздъ нашъ обратилъ общее вниманіе. Толпа слѣдовала за нами. Женщины старались подойдти ближе, брали насъ за платья, произносили вслухъ свои сужденія о нашихъ нарядахъ. Иныя ласкали и приговаривали насъ. Слуги, сколько возможно, старались освободить насъ отъ этого прилива любопытныхъ зрителей. Эти усилія и собственные интересы вскорѣ отвлекли отъ насъ большую половину. Деревянная посуда красиво пестрѣла на солнцѣ, серьги и бусы плѣняли красныхъ дѣвушекъ.

Мнѣ становилось скучно. Я посмотрѣла на Лизу, рядомъ съ которою шелъ поручикъ. Онъ дѣлалъ такую плачевную физіономію, прикладывая руку къ сердцу, что я не могла удержаться отъ улыбки. Этой улыбкѣ суждено было быть замѣченной. Поручикъ

случайно посмотрѣлъ въ мою сторону. Какое-то безпокойство овладѣло имъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы большая насмѣшница! сказалъ онъ.

— Отчего вы такъ думаете?

— Такъ, я это замѣтилъ... Вы сейчасъ насмѣхались надо мной.

— Мнѣ кажется, я не смотрѣла на васъ.

— Нѣтъ, смотрѣли.

— Какая увѣренность!

— Вы, должно-быть, очень веселаго характера!

— Да, но мнѣ часто бываетъ грустно.

— Вамъ бываетъ грустно? отчего?

— Такъ. Неужели вамъ никогда не бываетъ грустно?

— Вѣрно есть причина?

— Можетъ-быть и есть, сказала я и опять невольно улыбнулась.

— Вотъ, опять насмѣхаетесь. Я васъ буду бояться.

— Не бойтесь, я не опасна.

— Вы этого не можете знать. Впрочемъ, у васъ, какъ у всѣхъ насмѣшницъ, кажется, непреклонное сердце.

— Вотъ, и не угадали. Сердце у меня самое мягкое.

— Да? право?...

Онъ бросилъ на меня одинъ изъ самыхъ побѣдительныхъ взглядовъ. Но, увы! я снова не могла удержаться отъ улыбки; онъ смѣшался и проговорилъ:

— Нѣтъ, право, я васъ буду бояться,—и скользнулъ въ толпу къ Лизѣ, которая уже начинала замѣтно надувать губки.

Нагулявшись, мы, прежнимъ порядкомъ, возвратились къ Аннѣ Андреевнѣ, откуда, напившись чаю, отправились домой.

VI.

— Что ты влюбилась что-ли въ Котаева, спрашивала меня Лиза на другой день, голосомъ, который звучалъ скрытымъ безпокойствомъ,—что вы съ нимъ говорили такъ долго на ярмаркѣ?

— Неужели долго? Кажется, я сказала нѣсколько словъ. Мнѣ было скучно, Лиза.

— А я подумала, ужь не влюбилась ли ты въ Котаева, сказала она, помолчавъ.

— Полно, ты, кажется, сама-то къ нему неравнодушна. Признайся, Лиза, неравнодушна?

Лиза тихонько засмѣялась и отвернулась.

— Что̀, небось, неправда, не угадала? Что̀ же ты скрытничаешь со мной?

— Ахъ, Геничка! вѣдь онъ прехорошенькій! сказала она, вся покраснѣвъ.—Да ты не думай, что я такъ по уши въ него влюбилась... Нѣтъ, я немножко... Какъ онъ смотритъ, Геничка! ужасъ, какъ смотритъ... Ты замѣтила?

— Нѣтъ, не замѣтила.

— Какая ты разсѣянная! А какова у него талія? а? какова? ты, я думаю, и этого не замѣтила?

— Право, не замѣтила; я и не посмотрѣла на его талію.

— Знаешь ли, Геничка, вѣдь онъ пріѣдетъ къ намъ, онъ мнѣ говорилъ.

— Право? Ну, вотъ, видишь ли, значитъ онъ тобой заинтересовался.

— Мущинамъ, Геничка, вѣрить нельзя, важно замѣтила Лиза.

Въ первое воскресенье, поручикъ явился къ обѣднѣ въ нашъ приходъ и былъ приглашенъ тетушкой обѣдать и ночевать у насъ, потому что жилъ не близко, и вечера наступали ранніе и темные. Веселый характеръ и военные разказы поручика понравились тетушкѣ.

Лиза, несмотря на свою скрытность, не могла не высказать мнѣ своей радости. Раскраснѣвшіяся щеки дѣлали ее прехорошенькой, и поручикъ очень часто на нее поглядывалъ.

Послѣ обѣда мы гуляли въ саду. Лизѣ пришлось даже остаться съ нимъ наединѣ, потому что меня отозвали на нѣсколько времени къ тетушкѣ найдти какую-то нужную записку.

Я выпросила у тетушки позволеніе Лизѣ остаться со мной ночевать, что̀ въ послѣднее время уже случалось не разъ, къ большому моему удовольствію.

После ужина, мы, я, Лиза и гость, опять пошли въ садъ. Сентябрь дарилъ насъ прекрасными лунными ночами. Звѣзды ярко блистали на небѣ, и нашъ домъ, въ окнахъ котораго свѣтился огонь, живописно смотрѣлъ изъ большихъ кленовъ, сохранявшихъ еще половину своихъ листьевъ. Вечерняя тишина изрѣдка нарушалась встрепенувшеюся птицей, испуганною нашими шагами. Лиза и поручикъ шли рядомъ. Въ голосѣ ихъ слышно было волненіе; я видѣла, какъ рука его не разъ касалась руки Лизы. . . . Я отстала и шла уныло и одиноко по темной аллеѣ.

Мнѣ было грустно. Въ душѣ моей раждалась жажда любить и быть любимой. Я не завидовала Лизѣ: поручикъ рѣшительно не нравился мнѣ; но душа моя страстно звала и искала кого-то... Удивительно, только въ ту минуту я не думала о Павлѣ Иванычѣ. Другой образъ, другой идеалъ создавался въ моемъ воображеніи... Совѣсть упрекнула меня... и я овладѣла странною настроенностью моей души.

VII.

Ночь. Луна бросаетъ косвенные лучи въ окна нашей спальни.

— Что̀ ты вздыхаешь, Лиза? спрашиваю я мою подругу. Да ты сидишь на постелѣ! Что̀ съ тобой?

— Такъ, Геничка, ничего, грустно отвѣчаетъ она.

— Какъ ничего, милая моя! ты никогда такъ не вздыхаешь.

— Ахъ, Геничка! меня очень тревожитъ одно обстоятельство.

— Что̀ такое?

— Это можетъ погубить меня.

— Ради Бога, скажи; нельзя ли помочь?

— Вотъ, видишь ли, я не знаю, право, что̀ со мной сдѣлалось: точно онъ колдунъ какой! Право, ужь я думаю, это не даромъ, вѣдь есть приворотныя травы... видишь ли, я дала ему записку, онъ выпросилъ ее на память моего почерка; не могла ему отказать, точно съ ума сошла!...

— Ну, такъ что̀ же? гдѣ же тутъ бѣда?

— Ахъ, какая ты! какъ гдѣ? да кто его знаетъ? онъ можетъ показать записку, будетъ хвастаться...

— Что̀ ты, Лиза! какъ можно!

— Да развѣ мало такъ случается? Когда я гостила у Татьяны Петровны, такъ былъ ужасный случай съ одною ея знакомой: она также дала записку еще въ дѣвушкахъ, потомъ вышла замужъ за другаго... Что жь? Прежній-то и прислалъ мужу ея записку, а тотъ чуть не застрѣлилъ ее. Такъ и разъѣхались.

Я содрогнулась.

— Вотъ, Геничка, какія вещи бываютъ на бѣломъ свѣтѣ! А я въ театрѣ видѣла, какъ одинъ мужъ за платокъ задушилъ жену, а послѣ узналъ, что понапрасну, да и самъ убилъ себя. Я чуть не заплакала, какъ она пѣла: «Ива, ива зеленая...»

— Надо непремѣнно достать записку, сказала я рѣшительно испуганная.—Хочешь, я завтра выпрошу ее у него?

— Онъ не отдастъ да и обидится. Нѣтъ, нельзя. Вотъ что̀: онъ положилъ ее въ карманъ жилета, и я видѣла, какъ Ѳедосья Петровна раскладывала его платье въ залѣ, подлѣ его комнаты. При ней искать мнѣ было нельзя. Прокрадемся тихонько...

— Ну, а если онъ не спитъ? спросила я съ ужасомъ.

— Вѣрно спитъ. Вѣдь пробило два часа. . . . Какъ не спать! Мы сперва у двери послушаемъ. Ты только проводи меня.

— Милая! какъ мы пойдемъ?

— Такъ и пойдемъ, ты только проводи меня.

Я встала. Мы скоро одѣлись и какъ можно тише добрались до залы.

Лиза приложила ухо къ замочной скважинѣ и отворила дверь; когда увѣрилась, что все было тихо, она осторожнымъ, но безтрепетнымъ шагомъ вошла въ комнату, отыскала на стулѣ черный, шелковый жилетъ и, протянувъ впередъ руку съ запиской, на ципочкахъ, возвращалась къ двери, у которой я стояла на часахъ. Она, въ своемъ бѣленькомъ капотцѣ, показалась мнѣ легкимъ ночнымъ видѣніемъ.

Съ тихимъ скрипомъ притворяемой нами двери, раздался скрипъ другой двери и шумъ шаговъ; но мы находились уже въ

темномъ корридорѣ, слѣдовательно, внѣ опасности быть замѣченными.

Мы пришли въ свою комнату торжествующія.

— Рада ты, Лиза? спросила я.

— Еще бы не рада! отвѣчала она, разрывая на мелкіе кусочки записку.—Ну, Геничка! спасибо! сослужила службу!..

— Да что̀ же я сдѣлала?

— Какъ что̀! да другая ни за что̀ бы не пошла.... Я этого не забуду.

И она поцѣловала меня. Эта ласка пробудила всю мою прежнюю нѣжность къ ней.

— Ахъ, Лиза! сказала я, обнимая ее:—ты меня ужь не такъ любишь! А я все та же Геничка.

— Чего ты не выдумаешь, Геничка! Я все такъ же люблю тебя... Ну, слава Богу! достали записку. Вѣришь ли, какъ это меня мучило!

— Не напрасно ли ты мучилась? Если онъ любитъ тебя, такъ записки не показалъ бы никому.

— А кто его знаетъ, любитъ онъ или нѣтъ!

— Онъ развѣ не говорилъ тебѣ? Зачѣмъ ему лгать?

— Нельзя вѣрить, Геничка, всему, что̀ говорятъ... особливо мущины; они часто обманываютъ нашу сестру.

Мы долго не могли заснуть, и когда насъ разбудили къ утреннему чаю, на дворѣ уже побрякивали колокольчики на парѣ рыженькихъ лошадокъ, заложенныхъ въ крашеную телѣжку и готовыхъ умчать отъ насъ поручика, который казался грустнымъ и часто вздыхалъ, глядя на Лизу.

Къ великому моему удивленію, Лиза была почти равнодушна и ко вздохамъ, и къ отъѣзду его; по временамъ, на лицѣ ея проглядывало даже легкое удовольствіе...

Послѣ завтрака онъ уѣхалъ. Когда колокольчикъ затихъ, Лиза, стоявшая задумчиво у окна, сказала, обращаясь ко мнѣ:

— Ну, и Богъ съ нимъ!

— Ты грустишь, Лиза? тебѣ жаль его!

— Все это пустяки, Геничка. Погрущу да и перестану, отвѣчала она со вздохомъ.

Точно, она не вспомнила болѣе о поручикѣ, который вскорѣ уѣхалъ въ полкъ.

VIII.

Конецъ сентября и весь октябрь прошли тихо и однообразно. Дурная погода удерживала сосѣдей по домамъ, и мы, по выраженію тетушки, жили какъ въ монастырѣ. Мнѣ нравилась такая жизнь; она вводила меня опять въ тотъ очарованный кругъ, изъ котораго вырывали меня гости и разсѣяніе. Я читала по вечерамъ тетушкѣ, и весь день была съ Лизой, которая снова сдѣлалась для меня доброю подругой.

Межь тѣмъ деревья теряли послѣдніе свои листья, крутимые осеннимъ вѣтромъ; небо хмурилось, глядя на печальную картину осени, и мелкій снѣжокъ, время отъ времени, будто бѣлая кисея, покрывалъ землю. Начало ноября неожиданно подарило насъ раннею зимой. Ярко глянулъ мнѣ въ окно первый морозный день, заискрились снѣжные узоры на стеклахъ окошекъ, голубые столбы дыма подымались надъ противоположною деревней, и сосновая роща рѣзко нарисовалась на бѣломъ полѣ. Садъ представлялъ сказочный хрустальный дворецъ, обледенѣлые сучки березъ сіяли алмазами, и бѣлый покровъ дорожекъ былъ такъ ровенъ и блестящъ, что глазъ съ трудомъ выносилъ видъ его. Трескъ затопленныхъ печей и шумящій самоваръ разливали какое-то веселье и бодрость въ душѣ.

Однажды, Лиза не приходила долѣе обыкновеннаго. Наконецъ, я завидѣла ее въ окошко и выбѣжала къ ней на встрѣчу. Она вошла, дыша свѣжестью, съ разрумянившимися щеками; на длинныхъ рѣсницахъ блестѣли таявшія снѣжинки и придавали особенный блескъ ея глазамъ.

— Видишь, сказала она съ улыбкой, показывая запечатанный конвертъ.

— Что̀ это, письмо?

— Отъ Татьяны Петровны къ Авдотьѣ Петровнѣ. За мной пріѣхали!..

У меня будто упало сердце. Я такъ мало думала о разлукѣ съ ней, и чѣмъ веселѣе принимала эту разлуку Лиза, тѣмъ грустнѣе и тяжелѣе было мнѣ скрывать свою печаль, а скрывать заставляла меня тайная, внутренняя гордость. Мнѣ было просто обидно казаться печальною и тоскующею о ней, безъ раздѣла и участія съ ея стороны.

Мы нетерпѣливо дожидались, пока найдутся тетушкины очки, какъ нарочно затерявшіяся на этотъ разъ, и прочитается письмо. Очки нашлись, но тетушка читала такимъ тихимъ шепотомъ, что мы ничего не могли разслушать. Послѣ чтенія письма тетушка приняла серіозный и озабоченный видъ и бросила на меня взглядъ, давшій мнѣ ясно разумѣть, что письмо касалось и меня.

Видя, что тетушка отложила объясненіе, мы ушли къ себѣ, то-есть въ мою комнату.

— Вѣрно Татьяна Петровна проситъ тебя къ себѣ погостить, сказала Лиза. — Дай Богъ, чтобъ тебя отпустили! Какъ ты думаешь, отпуститъ она тебя?

— Не знаю, Лиза....

— Тебѣ хочется ѣхать?

— Я Татьяны Петровны не люблю.

— Да что̀ тебѣ за дѣло до Татьяны Петровны. Было бы весело. Право, вѣдь ужь здѣсь надоѣло, Геничка!

Меня позвали къ тетушкѣ.

— Мнѣ надо, другъ мой, поговорить съ тобой, сказала она.— Вотъ сестрица Татьяна Петровна проситъ тебя въ гости къ себѣ, то какъ ты думаешь, Геничка?

Этимъ вопросомъ тетушка поставила меня въ довольно затруднительное положеніе. Живя съ ней вмѣстѣ столько лѣтъ, я уже достаточно примѣнилась къ ея характеру, чтобы понять, что вопросъ этотъ былъ только одна форма. Этимъ я не хочу сказать, чтобы тетушка дѣйствовала деспотически; но она болѣе любила угадывать желанія, чѣмъ видѣть ихъ ясно и положительно выраженными. Она любила ставить людей въ подобныя затруднительныя положенія и всегда была довольна, когда изъ нихъ ловко вы-

путывались. Это, по ея мнѣнію, было задаткомъ ума и будущаго умѣнья жить въ свѣтѣ. Она очень хорошо понимала, что эта поѣздка была для меня занимательною новизной и средствомъ пробыть еще нѣсколько времени съ Лизой, но была бы недовольна, еслибъ я настоятельно выразила ей это. Что же я могла отвѣчать? Сказать, что мнѣ хочется ѣхать — значило показать, что я съ радостью принимаю первую возможность разстаться съ ней. Отречься отъ желанія ѣхать, — очень легко могло случиться, что тетушка схватилась бы за это, чтобъ избавиться отъ непріятной для нея разлуки со мной.

Я, какъ умѣла, отклонилась отъ прямаго отвѣта и сказала только, что тетушка Татьяна Петровна можетъ обидѣться отказомъ на ея приглашеніе, и что поѣздка моя въ настоящее время рѣшительно не зависитъ отъ желанія или нежеланія моего, а будетъ чисто дѣломъ домашней политики, для которой, по благоусмотрѣнію тетушки, я готова жертвовать моею волей. Я не забыла также выразить ей, что мнѣ не легко съ ней разстаться и что только мысль, что разлука не будетъ продолжительна, смягчаетъ мое горе.

Тетушка все время, пока я говорила, молча и задумчиво била по столу тактъ рукою.

— Геничка! сказала она, когда я перестала говорить: — ты умное дитя; поди, поцѣлуй меня, душа моя! Мнѣ грустно тебя отпустить, но это необходимо. Сестрица Татьяна Петровна имѣетъ, какъ родная, право этого требовать. Да вѣрно и тебѣ, мой другъ, хочется ѣхать?

— Тетушка! отчего бы вамъ не ѣхать со мной?

— Дитя мое! у меня болятъ ноги, да и сама я слаба. Какая ужь я путешественница! ты меня замѣнишь передъ сестрицей. Смотри же, Геничка! веди себя осторожно, будь осмотрительна, какъ прилично молодой, воспитанной дѣвицѣ. Да я увѣрена, прибавила она съ торжественностью:—что дочь сестры моей не ударитъ себя лицомъ въ грязь, не сдѣлаетъ ничего такого, что было бы дурно или предосудительно; тебѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ, ты должна обсуживать свои поступки... ну, да мы еще объ этомъ поговоримъ съ тобой; ступай теперь къ своей подругѣ, а мнѣ нужно потолковать со старостой...

— Ну, что̀? отпускаетъ? спрашивала Лиза, когда я пришла къ ней.

— Отпускаетъ.

— Что̀ же ты голову-то повѣсила?

Мнѣ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось очень грустно съ той минуты, когда поѣздка моя была уже дѣломъ рѣшеннымъ. Мысль оставить тетушку, этотъ домъ, пригрѣвавшій меня столько лѣтъ подъ своимъ кровомъ, комнатку мою, освѣщаемую по утрамъ восходящимъ солнцемъ, гдѣ мнѣ такъ весело бывало просыпаться; всѣхъ этихъ добрыхъ людей, на глазахъ которыхъ я выросла. Здѣсь сердце мое пустило глубокіе корни привычки и привязанности; здѣсь я играла ребенкомъ, мечтала взрослой, плакала влюбленной... Каждый уголъ печально говорилъ мнѣ прости, на каждомъ лицѣ читала я привѣтъ и сожалѣніе. Я чувствовала, что не быть мнѣ нигдѣ такъ любимой,—и вотъ, когда исполнялось мое желаніе увидѣть городъ, новыя лица и мѣста, у порога родной двери сердце мое обливалось горечью разлуки, страшившею меня и казавшеюся безконечною.

Что жь? развѣ нельзя было остаться, не ѣхать? Нѣтъ, мнѣ, какъ вѣчному жиду, слышался могучій, повелительный голосъ: впередъ!—Это былъ голосъ молодости, голосъ того тайнаго, внутренняго закона, влекущаго человѣка противъ его воли къ познанію и страданію; закона, заставляющаго дерево расти и старѣться, цвѣтокъ распускаться и вянуть...

Начались мои сборы; нѣжнымъ заботамъ тетушки не было конца.

Въ день отъѣзда, утромъ, какъ только я проснулась, пришла ко мнѣ Ѳедосья Петровна.

— Вотъ матушка, вы и уѣзжаете отъ насъ! сказала она. — Тоскуютъ объ васъ тетенька... хоть *онѣ* и скрываютъ это. Сегодня еще гдѣ, до свѣту, поднялись, все сидѣли на постели, молились и плакали...

Я сама заплакала.

Утренній чай, завтракъ, за которымъ находились Катерина Никитишна и Лиза съ матерью, окончились тихо и молчаливо. Наконецъ веселая и добрая Марья Ивановна не могла долѣе выносить грусти, которая гнела насъ съ тетушкой.

— Да что̀ это вы, ангелъ мой, маменька, такъ призадумались!

вскрикнула она,—что̀ и въ самомъ дѣлѣ, Господи помилуй, что̀ за горе такое? не на вѣкъ разстаетесь... Полноте, родная, какъ это вамъ не грѣхъ такъ сокрушаться! Да и ты, Геничка́, носъ повѣсила! не на годъ уѣзжаешь, погостишь да и опять къ намъ пріѣдешь! Вонъ, моя Лизавета веселехонька, умница, и мнѣ легче, а вотъ ты плачешь, а маменька пуще тоскуетъ. А вотъ, ангелъ мой, погодите, мы ихъ отправимъ, а сами въ карты сядемъ играть. Катерина Никитишна опять будетъ козырять да ставить ремизы...

Но чувствительная Катерина Никитишна проливала горькія слезы. Она имѣла удивительную способность плакать о чужомъ горѣ больше, чѣмъ сами огорченные.

— Хорошо, мой другъ... могла только отвѣтить тетушка, и съ тревогой обратила глаза на вошедшую Ѳедосью Петровну, которая торжественно доложила, что «лошади поданы».

Тутъ послѣдовали сцены прощанья, со слезами , молитвой и благословеніями, послѣ которыхъ мы съ Лизой и горничною Дуняшей, невообразимо закутанныя, усѣлись въ повозку, наполненную узелками съ подорожниками и разными разностями, и потонули во множествѣ подушекъ.

Полозья визгливо скрипѣли по снѣгу, бубенчики звенѣли, кучеръ пронзительно посвистывалъ, все это вмѣстѣ составило такой оглушительный, нестройный хоръ, что я сидѣла, какъ ошеломленная и нѣсколько минутъ не могла не только собраться съ мыслями, но даже разслушать голоса Лизы, и только по движенію губъ и улыбкѣ догадывалась, о чемъ она говорила.

Такъ отправилась я въ путь, который привелъ меня къ новымъ лицамъ, къ новымъ чувствамъ и впечатлѣніямъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

— Черти! окаянные! что̀ не посвѣтите! куда всѣ разбѣжались, точно псы какіе! разбудилъ меня чей-то незнакомый голосъ, на третій день вечеромъ нашего путешествія.

Лошади, изрѣдка мотая головами, побрякивали бубенчиками, заиндевѣлый воротникъ моей шубы мазнулъ меня непріятно по лицу, и ясное, морозное небо блистало звѣздами, когда я высунула голову изъ повозки, стоявшей на дворѣ довольно тѣсномъ, окруженномъ строеніями. Лиза съ усиліями вылезала изъ кучи подушекъ, заспавшаяся Дуняша̀ была неспособна подать ей помощь; человѣкъ нашъ разсудилъ прежде вытаскивать узлы, вѣроятно думая, что мы не пропадемъ, всегда успѣемъ выйдти.

На крыльцѣ, съ сальною свѣчой, воткнутою въ широкодонный мѣдный подсвѣчникъ, стояла женщина и произносила вышеприведенныя ругательства. Свѣтъ отъ огня падалъ на ея голову, повязанную темнымъ платкомъ, и освѣщалъ дурное, рѣзкое, но не злое лицо съ бойкими глазами.

— Ну, вылѣзай Геничка! сказала Лиза.

Я сдѣлала безсильную попытку и опять упала въ повозку. Всѣ члены мои будто онѣмѣли, а ворохъ одежды путалъ меня.

Лиза захохотала. Опомнившаяся Дуняша подала мнѣ руку, чтобъ высадить меня, а прибѣжавшій долговязый лакей довершилъ ея предпріятіе.

— Что вы это, окаянные! — заговорила женщина, стоявшая со свѣчой, обратясь къ лакею,—куда запропастились? натка! дѣтей некому изъ повозки высадить! совѣсти-то въ васъ нѣтъ!

— Нельзя было, Степанида Ивановна, десертъ подавали. Да вѣдь они не къ парадному крыльцу подъѣхали.

— Не къ парадному—такъ и не надо выйдти высадить! Полно, полно, что ты это врешь-то!—трубку чай сосалъ, безсовѣстная башка!

— Только ругается!..

— Пожалуйте сударыни сюда, у насъ гости; ужь не прогнѣвайтесь, оттого къ дѣвичьему крыльцу и подъѣхали. Пожалуйте, перезябли чай. Сейчасъ самоваръ поставимъ, — говорила намъ Степанида Ивановна, идя впереди.

Мы вошли сперва въ теплую дѣвичью, наполненную горничными, потомъ въ небольшую комнатку, названную Степанидой Ивановной чайной; два шкафа съ чайными чашками и три самовара на большомъ кругломъ столѣ оправдывали это названіе.

Скинувъ съ себя все лишнее, мы сѣли на кожаный диванъ, единственную мебель комнаты. Тутъ только Степанида Ивановна, остановясь передо мной, устремила на меня любопытный, проницательный взоръ.

— Крошечную еще видѣла! воскликнула она съ умиленіемъ,— а теперь вонъ, ужь большая барышня стала! что тетенька-то Авдотья Петровна здорова-ли? Чай состарѣлась ужь? Ну, да вѣдь и годковъ-то не мало: я дѣвчонкой была, а онѣ ужь были въ порѣ... Что маменька-то ваша здорова-ли, Лизавета Николавна?

Получивъ удовлетворительные отвѣты на всѣ пункты, Степанида Ивановна занялась принесеннымъ бурливымъ самоваромъ и напоила насъ горячимъ, душистымъ чаемъ, во все время разливанья котораго, она неумолкаемо говорила, изрѣдка прерывая какою-нибудь выразительною бранью къ прислуживавшей дѣвочкѣ свои разказы, изъ которыхъ мы узнали всю исторію ея жизни:

какъ оторвали ее молодехоньку, отъ отца-матери и отдали въ приданое за Татьяной Петровной; сколько она горя натерпѣлась, и какъ она получила призваніе остаться въ дѣвицахъ и отвергла блистательныя партіи: баринова камердинера Василья и дворецкаго Прохора, но что въ послѣдствіи раскаялась: «Правда, что въ дѣвкахъ меньше горя, меньше заботъ, дѣтей нѣтъ, сердце не болитъ, сама не связана: «одна голова—никогда не бѣдна»... Но зато незамужнюю—всякій обидитъ, а замужемъ, какъ за каменною стѣной».

— Нѣтъ, матушки-барышни, будутъ хорошіе женихи, съ Богомъ выходите... Вотъ ужь у этой есть на примѣтѣ, продолжала она, обратясь къ Лизѣ и слегка касаясь рукой ея платья.

Лиза стыдливо улыбнулась.

— На дняхъ обѣщалъ быть, у родныхъ гоститъ. Что̀? небось, сердечко-то ёкаетъ? Не теряй счастья, вѣдь на маменькино-то состояніе нечего надѣяться. А человѣкъ онъ умный, хорошій, ну, и генералъ его любитъ...

— А не знаете, Степанида Ивановна, получилъ онъ мѣсто? съ живостью спросила Лиза.

— Нѣтъ еще, но обѣщаютъ скоро дать. Ну, вѣдь генералъ его очень любитъ. — Что̀ ротъ-то разинула? убирай чашки! — Послѣднія слова относились къ заслушавшейся дѣвочкѣ, которая бросилась къ столу и стала мыть и перетирать чашки.

— Тетенька желаютъ васъ видѣть, барышни, сказала вошедшая въ комнату, кислая, худая фигура уже знакомой мнѣ горничной Татьяны Петровны, пріѣзжавшей съ ней въ нашу усадьбу.

— Да всѣ ли разъѣхались гости, Анна Васильевна? спросила Лиза:—вѣдь мы по дорожнему одѣты.

— Всѣ разъѣхались. Нилъ Иванычъ да Антонъ Силычъ у насъ еще, да они не взыщутъ.

— Ну, старики, ничего, сказала Лиза.—Что они все также жуютъ, да до полуночи въ карты бьются?

— Что̀ имъ дѣлать-то больше-съ, вяло отвѣчала Анна Васильевна,—одно занятіе.

— Пойдемъ, Геничка! Вѣдь Татьяна Петровна поздно ложится; она поговоритъ съ нами, да вѣрно скоро и отпуститъ спать. А правду тебѣ сказать, я ужасно устала, да и у тебя глаза закрываются... Гдѣ они сидятъ?

— Въ портретной-съ. Вотъ я вамъ посвѣчу, въ коридорѣ огня-то нѣтъ.

Мы послѣдовали за Анной Васильевной до дверей портретной, откуда слышался громкій и твердый голосъ Татьяны Петровны и какіе-то хриплые, шипящіе голоса ея собесѣдниковъ.

Портретная была небольшая, четвероугольная комната, принимавшая довольно мрачный характеръ отъ фамильныхъ, большаго размѣра портретовъ, висѣвшихъ на стѣнахъ ея и угрюмо глядѣвшихъ изъ темнаго фона. Тутъ были большею частію мущины въ екатерининскихъ и павловскихъ мундирахъ; изъ женскихъ только Татьяна Петровна, молодая, въ пудрѣ и кружевахъ, красовалась надъ диваномъ, да еще незнакомое лицо молодой, очень красивой женщины, дальней нашей родственницы, какъ узнала я послѣ. Ни лицамъ, ни положеніямъ ихъ, художникъ не позаботился придать ни малѣйшаго выраженія жизни. Однако глаза у нихъ были такіе, что такъ, казалось, и *смотрѣли* на васъ. Это была одна изъ причинъ, почему Лиза, судя по ея разказамъ, боялась входить одна въ портретную, въ сумерки или при слабомъ освѣщеніи.

При входѣ нашемъ, Татьяна Петровна обратилась къ намъ и сказала:

— А, дорогія гостейки! милости просимъ...

Она поцѣловала меня холодно и чопорно.

Два старика, сидѣвшіе съ ней около стола, положивъ карты, вперили въ насъ любопытные взоры. Одинъ изъ нихъ былъ худъ и сгорбленъ, съ мутными глазами и выдавшеюся впередъ нижнею челюстью; другой плѣшивъ, краснощекъ и довольно бодръ, съ маленькими быстрыми черными глазками. Худенькій старичокъ, Нилъ Иванычъ, прищепетывалъ и говорилъ тихо; зато Антонъ Силычъ заговорилъ съ нами хриплымъ басомъ.

— Подойдите сюда, сударыня, сказалъ онъ мнѣ,—дайте поцѣловать вашу ручку. Я тетеньку вашу, Авдотью Петровну, зналъ еще молодою, волочился даже за ней... хе, хе, хе! здорова ли ужь она? Ужь теперь, я думаю, не пойдетъ танцовать экосезъ! хе, хе, хе!—Совершенный цвѣточекъ! прибавилъ онъ поднося свѣчку къ самому моему носу...—Дайте еще поцѣловать вашу ручку...

— Вы сударыня, не вѣрьте ему—укуситъ, сказалъ Нилъ Ива-

нычъ и беззвучно засмѣялся, причемъ глаза съёжились такъ, что образовали чуть замѣтныя свѣтленькія точечки.

— А ты бы и радъ укусить, да зубовъ нѣтъ... Хе, хе, хе!

Татьяна Петровна между тѣмъ разговаривала съ Лизой, получившею послѣ также свою долю любезности отъ стариковъ.

Вскорѣ Татьяна Петровна простилась съ нами на сонъ грядущій.

Насъ положили въ большую, довольно холодную комнату. Меня, привыкшую спать при свѣтѣ лампадки, непріятно поразили потемки. Едва я открывала глаза, какъ въ этомъ черномъ морѣ мрака, окружавшаго меня, начинали показываться незнакомыя лица, съ неподвижными чертами и ярко сверкающими глазами. Вѣроятно это было слѣдствіе волненія отъ дороги и усталости.

Завернувшись въ одѣяло, я не имѣла силъ произнести ни одного слова, а еслибъ и могла, то чувствовала, что звукъ собственнаго моего голоса испугалъ бы меня еще болѣе. Лиза не успѣла прилечь, какъ уже крѣпко уснула, и дыханіе ея раздавалось мѣрно и ровно въ тишинѣ.

Наконецъ и я уснула, но самымъ безпокойнымъ сномъ; все видѣнное и слышанное мною перепутывалось въ воображеніи и принимало странные, подъ-часъ уродливые виды и оттѣнки: то казалось мнѣ, что повозку нашу опрокинули, и я тону въ снѣжномъ сугробѣ; то Антонъ Силычъ гонится за мной съ явнымъ желаніемъ укусить, и я бѣгу отъ него въ портретную, гдѣ оживаютъ и выходятъ изъ рамъ видѣнные мною портреты, окружаютъ меня, протягивая ко мнѣ руки и произнося невнятныя рѣчи...

Лучь восходящаго солнца, падавшій мнѣ прямо на глаза въ незавѣшенное окно, разбудилъ меня и разогналъ всѣ обманчивыя сновидѣнія. Я встала и сѣла у окна, изъ котораго видно было множество крышъ, зеленыхъ и красныхъ, освѣщенныхъ розовымъ блескомъ морознаго утра. Волнующіеся голубые клубы дыма, неясный говоръ пробуждающейся улицы, погрузили меня въ неопредѣленное раздумье.

Мысль моя понеслась къ тетушкѣ, ясно представила мнѣ ее, въ бѣлой косыночкѣ, передъ чайнымъ столомъ. — «Нѣтъ моей Генички!» будто слышалось мнѣ, и неодолимая грусть разлилась въ моемъ сердцѣ; я заплакала.

Такъ сидѣла я, предаваясь теченію мыслей, пока не пріотворилась дверь нашей комнаты и не выглянула сперва голова Степаниды Ивановны, а потомъ и вся ея особа.

— Ай-да ранняя птичка! вскричала она.—Натка! сидитъ ужь подъ окошечкомъ. Съ добрымъ утромъ матушка! прибавила она,—каково спали-почивали?

— Здравствуйте, Степанида Ивановна!

— Али вамъ не покойно было?

— Нѣтъ, очень покойно, да вѣдь я привыкла рано вставать.

— Ну, да вѣдь тетенька-то, я думаю, и ложится пораньше нашего; а унасъ порядокъ-то въдомѣ, матушка, вонъ какой: когда такъ часовъ до трехъ наша-то заиграется, а ты все и дежуришь до свѣту; такъ иногда, грѣшные люди, и попроспимъ... Вишь, какая бѣлянка, сказала она, отстраняя слегка воротъ моей сорочки, — вся въ маменьку бѣлизной! Красавица была. Любила меня покойница... Лизавета Николаевна! пора вставать сударыня, ужь барыня проснулась. Самоваръ скоро подадутъ.

Лиза зѣвнула и приподнялась.

— Здравствуйте, Степанида Ивановна!

— Съ добрымъ утромъ, сударыня!

— Степанида Ивановна! пошлите къ намъ Дуняшу.

— А вотъ сейчасъ. Вѣдь и мнѣ пора, поваръ чай ждетъ.

Вскорѣ мы предстали передъ Татьяну Петровну.

Она сидѣла за чайнымъ серебрянымъ приборомъ и съ важностью и вниманіемъ аптекаря, приготовляющаго какое-нибудь сложное лѣкарство, клала порцію чая въ чайникъ. Передъ ней подобострастно сидѣла какая-то постная женская фигура съ острымъ носомъ и недовольною миной. Это была ея компаньйонка Амфиса Павловна, дѣвица лѣтъ сорока на видъ, но увѣрявшая, какъ сказывала Лиза, что ей только двадцать пять. Жидкіе волосы ея были жирно примазаны и такъ гладко причесаны, что голова ея будто оклеена была темною тафтой.

Наканунѣ мы не видали ея, потому что она была въ гостяхъ.

— Вотъ и гостьи мои! обратилась къ ней Татьяна Петровна, поздоровавшись съ нами.

Амфиса Павловна подошла ко мнѣ и со словами: «очень пріятн познакомиться!» облобызала меня.

— Ты, Геничка, будь съ ней осторожна, сказала мнѣ Лиза, какъ

скоро остались мы съ ней однѣ, — это такая змѣя, сейчасъ насплетничаетъ.

Татьяна Петровна приказала сшить мнѣ два приличныя платья, на присланныя со мной тетушкою деньги, и потому вскорѣ я могла, уже не краснѣя, занять мѣсто въ ея гостиной, гдѣ изрѣдка появлялась какая-нибудь нарядная гостья большаго губернскаго свѣта, заѣзжавшая послѣ поздней обѣдни, а по вечерамъ собирались Нилъ Иванычъ, Антонъ Силычъ и двѣ или три пожилыя пріятельницы. Съ прочими Татьяна Петровна была знакома только по визитамъ, для поддержанія вѣса въ обществѣ.

Татьяна Петровна, я думаю, не могла не чувствовать нѣкотораго удовольствія, когда за пяльцами, въ ея пустой диванной, помѣстились два молодыя, веселыя существа. Не думаю, чтобъ ей, какъ ни черства она была по наружности, была противна наша тихая между собою болтовня и дружный смѣхъ, на который она и сама иногда благосклонно улыбалась. Она нерѣдко, съ худо-скрытою досадой, высказывала свое мнѣніе, что мать моя сдѣлала большую ошибку, поручивъ мое воспитаніе моей тетушкѣ.

— Конечно, говорила она,—сестрица добра и нельзя отнять у ней многихъ достоинствъ, но не по ея характеру и не съ ея средствами воспитывать молодую дѣвушку хорошей фамиліи. У меня Геничка была бы совсѣмъ другая. Танцовать не умѣетъ, по-французски не говоритъ! Жалости достойно! Теперь она конечно этого не чувствуетъ, а вѣдь кто знаетъ? можетъ-быть ей придется жить и въ свѣтѣ: тогда пріятно ли будетъ?

— Тетушка, сказала я,—будьте столько добры, поучите меня французскому языку!

— Отчего же нѣтъ? отвѣчала она,—хоть и поздно, но если будетъ свое стараніе, ты еще можешь сколько-нибудь успѣть.

Лиза не мало ворчала на меня за эту выходку.

— Вотъ, говорила она,—очень нужно было навязать себѣ такую заботу, учи на память, пиши да переводи; да я бы тысячи рублей не взяла. Будто безъ французскаго языка нельзя прожить весело! Я удивляюсь, Геничка, что̀ у тебя за страсть учиться. Мнѣ и Павла Иваныча уроки такъ надоѣли до смерти. Одна ариѳметика, бывало, съ ума сведетъ.

Я училась усердно и успѣшно, опережая уроки Татьяны Пе-

тровны, легко и скоро перешла трудности первоначальныхъ правилъ и заслужила не только одобреніе, но и удивленіе учительницы.

Наконецъ, послѣ недѣльнаго нашего пребыванія у Татьяны Петровны, пріѣхалъ и женихъ Лизы, задержанный прежде какими-то дѣлами.

Это былъ небольшаго роста молодой человѣкъ, съ одною изъ тѣхъ неопредѣленныхъ физіономій, о которыхъ, когда видишь ихъ въ первый разъ, думается, что гдѣ-то мы встрѣчали ихъ прежде. Онъ былъ не глупъ, веселаго характера и имѣлъ пріятный голосъ; цѣловалъ у Татьяны Петровны ручки, называлъ меня сестрицей, хотя я рѣшительно не могла понять, съ которой стороны я приходилась ему съ родни. Ждали только генерала, чтобъ сдѣлать формальную помолвку, ибо Лиза уже отпраздновала день своего рожденія, въ который ей минуло шестнадцать лѣтъ. На свадьбу выписывали и Марью Ивановну.

Татьяна Петровна оказывала особенное расположеніе къ жениху, называла его Ѳедюшей и давала ему тысячу мелочныхъ порученій, которыя онъ выполнялъ исправно.

Дѣвичья была завалена лоскутками отъ шившагося приданаго, на которое Амфиса Павловна поглядывала съ худо-скрытою завистью. Я смотрѣла на всѣ эти приготовленія съ безотчетнымъ любопытствомъ. Мысль о супружествѣ въ первый разъ ясно пришла мнѣ въ голову со всѣмъ ея важнымъ и страшнымъ значеніемъ. Я втайнѣ удивлялась спокойствію Лизы, которая такъ легко, будто шутя, брала на себя великую отвѣтственность составить счастіе другаго человѣка. Иногда же, глядя на всю суматоху, окружавшую невѣсту, на вниманіе къ ней всѣхъ и каждаго, на праздничный видъ, который она разливала вокругъ себя, я думала, что быть невѣстой весело...

Пріѣхалъ и генералъ, столь нетерпѣливо ожидаемый, плотный, плечистый старикъ, съ широкими черными бровями и съ сильною сѣдиной въ густыхъ волосахъ, принявшихъ отъ нея стальной цвѣтъ. Голосъ у него былъ рѣзкій, скрипучій, глаза живые и веселые.

Татьяна Петровна встрѣтила его, какъ роднаго. Онъ даже остановился у нея въ домѣ. На меня онъ мало обращалъ вниманія.

Наступилъ день помолвки. Призванъ былъ священникъ, освѣщена большая зала, приглашены были кое-кто изъ знакомыхъ, которые съѣхались къ девяти часамъ вечера.

Въ девять часовъ, Лиза, вся въ бѣломъ, выведена была торжественно Татьяной Петровной изъ внутреннихъ комнатъ. Она и женихъ, въ новомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, поставлены были посрединѣ. Священникъ прочиталъ молитву и обрядъ обрученія былъ совершенъ. Послѣ начались поздравленія, подавалось шампанское.

Съ тѣхъ поръ, какъ подруга моя приняла великое званіе невѣсты, интересы наши, съ каждымъ днемъ, расходились все больше и больше. Къ ея жениху я не чувствовала ни малѣйшей симпатіи и не могла тепло и сердечно войдти въ эту новую ея привязанность. Съ утра до вечера она была занята или съ своимъ женихомъ, или примѣриваньемъ новыхъ платьевъ. Все это удаляло насъ другъ отъ друга и поселяло во мнѣ чувство невольнаго, грустнаго отчужденія. Итакъ я все болѣе и болѣе погружалась душой въ то неопредѣленное, тягостное одиночество, которое еще тяжеле налегало на меня, когда я бывала окружена посторонними.

Я не могла сойдтись дружески ни съ одною изъ немногихъ знакомыхъ дѣвицъ, хотя всѣ онѣ были очень любезны со мной. Странное дѣло! въ домѣ моей тетушки, будучи почти ребенкомъ, я казалась старѣе своихъ лѣтъ; теперь же, когда я была почти взрослою, всѣ считали меня ребенкомъ. Можетъ-быть, причиной этому была моя неловкость и неопытность въ жизни, придававшая, вѣроятно, лицу моему выраженіе дѣтской робости.

Татьяна Петровна написала къ моей тетушкѣ письмо, въ которомъ ясно и положительно доказала необходимость, для моей же пользы, оставить меня еще на нѣсколько времени въ ея домѣ; моя тетушка, не безъ горя, но со всею покорностью благоразумной, чуждой всякаго эгоизма, привязанности, согласилась на это.

Я облила слезами письмо доброй тетушки и покорилась новому испытанію. Мнѣ хотѣлось домой; мнѣ до смерти надоѣла жизнь у Татьяны Петровны, гдѣ ни одинъ отрадный лучь не согрѣвалъ души моей, гдѣ самыя привязанности были холодны и странны, и выражались съ какою-то боязнью и принужденностью.

Во снѣ и въ мечтахъ улыбался мнѣ мирный уголокъ, откуда вѣяло на меня любовью и тишиной; тамъ все было мнѣ дорого, близко и знакомо; тамъ была я хозяйка, здѣсь дѣвочка, взятая погостить, которой на каждомъ шагу дѣлаютъ одолженіе.

Истинною для меня радостью былъ пріѣздъ доброй Марьи Ивановны, которая также не легко оставляла гнѣздо свое и вполнѣ сочувствовала мнѣ.

— Не дождешься, когда домой-то! говорила она на третій день своего пріѣзда, въ сумерки, сидя въ чайной на кожаномъ диванѣ, —въ гостяхъ хорошо, а дома лучше! то ли дѣло! здѣсь сиди на вытяжкѣ! Всѣмъ бы хорошо, да церемонно больно: вотъ, напяливай платокъ да хорошій чепецъ. Теперь маменька, я думаю, за чаемъ, а здѣсь скоро ли дождешься? въ девятомъ часу пьютъ! А ужь эти поздніе обѣды, такъ хуже мнѣ всего! Ты еще долго пробудешь здѣсь, Геничка?

— Да, отвѣчала я со вздохомъ,—мнѣ хочется учиться.

— Трудно тебѣ, мой другъ, вѣдь ужь ты не маленькая! Вотъ, судьба-то! одну замужъ выдаютъ, другую за книгу сажаютъ... Хорошо еще, что охота есть. Маменька затоскуется по тебѣ. А вѣдь она предобрая, обратилась Марья Ивановна къ подходившей Степанидѣ Ивановнѣ, указывая на меня.

— Да въ кого злой-то ей быть! подхватила та:—и маменька-то ея была предобрая, царство ей небесное! Да, вотъ, все только не весела что-то. Али съ подруженькой-то жаль разстаться?

— Какъ, я думаю, не жаль, Степанида Ивановна? сама посуди, росли вмѣстѣ, замѣтила Марья Ивановна.

Въ это время подошла къ намъ Лиза.

— Что? гдѣ женихъ-то твой, Лизавета?

— Съ Татьяной Петровной уѣхалъ ко всенощной, отвѣчала та недовольнымъ тономъ.—Да что это вы, маменька, здѣсь усѣлись, пойдемте въ залу; на меня такой страхъ напалъ, какъ одна осталась....

— А что, развѣ *показалось*? съ таинственнымъ любопытствомъ спросила Марья Ивановна.

— Я въ этой портретной до смерти боюсь, точно что въ углахъ шевелится...

— Что мудренаго! Вѣдь во многихъ домахъ *кажется*... У васъ, Степанида Ивановна, этого нѣтъ?

— Какъ вамъ сказать, Марья Ивановна? сама я ничего не видала, а сдается какъ-будто въ портретной что-то *нечисто*. Агашка разъ пошла за барыниной табатеркой, въ сумерки, да и, говоритъ: не помню себя, какъ пришла, ноги задрожали; точно, говоритъ, по обоямъ-то кто руками шаркаетъ, да какъ я, говоритъ, выбѣжала, такъ вслѣдъ-то мнѣ о-охъ, точно кто вздохнулъ.

— Господи Іисусе! тихо произнесла Марья Ивановна.

— Да меня хоть убей, сказала Лиза,—я теперь ни за что̀ не пойду одна въ эту портретную,

— А кто знаетъ, можетъ, и душа чья-нибудь требуетъ покаянія. Вѣдь, вотъ, говорятъ, Геничка, прадѣдушка твой умеръ не своею смертью... подсыпали ему... жена-то свела съ какимъ-то молодцомъ интригу...

— Что̀ это вы, маменька, какія страсти разказываете! Эдакъ, пожалуй, и ночью приснится.

— А ты перекрестись, отвѣчала Марья Ивановна.

— О-охъ, грѣхи людскіе! воскликнула Степанида Ивановна: —чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Чай и ты слыхала, Степанида Ивановна?

— Слыхала, сударыня. Разказывала покойная мачиха, больно стара была. Точно, говорятъ, это дѣло было нечисто, взяла на душу покойница великій грѣхъ!

— Да, вотъ оно какъ! произнесла Марья Ивановна.—Нѣтъ, какъ въ одной деревнѣ чудо-то было: женщина нечистаго родила!..

— Господи помилуй! воскликнула въ свою очередь Степанида Ивановна.—Какъ же это?

— А вотъ какъ: не было у ней дѣтей, а мужъ-то ее не любилъ; какъ напьется, такъ бить да корить ее тѣмъ, что дѣтей у нея нѣтъ; отъ тебя, говоритъ, и Богъ-то отступился. И молилась она, и обѣщанья давала, а дѣтей все не было; стала она тосковать, задумала утопиться. Сидитъ разъ вечеромъ одна, и говоритъ: «хоть бы, говоритъ, *не нашъ* то помогъ». Не успѣла она это, мать моя, выговорить, какъ дверь въ избу растворилась и вошелъ мущина — высокій, черный, безобразный! «Ну, говоритъ, будутъ у тебя дѣти, только ты, говоритъ, до году на ребенка креста не надѣвай, а то худо тебѣ будетъ...

Вотъ, и обеременѣла баба, родила сына и креста на него не надѣла. Только ребенокъ необыкновенный, глаза горятъ, какъ уголья; какъ никого нѣтъ, вылѣзетъ изъ колыбели да подъ печку и лѣзетъ. Недалеко и до году: разъ, мать прядетъ одна у люльки, а онъ вдругъ и говоритъ: «мама! я тебя съѣмъ!» да и въ другой разъ: «мама! я тебя съѣмъ!..» И взялъ такой ужасъ эту бабу — упала она передъ образомъ со слезами: «Господи! говоритъ, прости мое согрѣшеніе!..» Во время ея молитвы дверь въ избу опять отворилась, вошелъ старичокъ, весь сѣдой, какъ лунь, и лицо благообразно.—Я, говоритъ, помогу твоему горю, только молись Богу; окропи, говоритъ, ребенка богоявленскою водой, да молчи, что̀ бы ни случилось, а черезъ годъ родишь ты младенца, дай ему имя Николай, въ честь чудотворца Николая. Старичокъ, какъ сказалъ это, такъ и пропалъ. Баба взяла богоявленской воды, окропила младенца и промолвила: «исчезниты, окаянный!» А тотъ захохоталъ да молвилъ страшнымъ голосомъ: «Ну, счастлива!» и вспыхнулъ, вмѣстѣ съ люлькой, синимъ пламенемъ. Баба упала безъ памяти, а какъ очнулась, то въ избѣ ни люльки, ни ребенка не было, только сѣрой пахло.... Поблагодарила она Бога, а черезъ годъ принесла младенца, назвала его Николаемъ, и мужъ сталъ любить, и все пошло хорошо.

— Ну, Марья Ивановна, эку вы страсть разказали! Да вотъ оно что значитъ молитва-то! Батюшка Царь Небесный милуетъ насъ грѣшныхъ, а мы вотъ въ грѣхѣ сгорѣли. Хоть бы моя жизнь: служишь, служишь, а вѣдь иногда Татьяна Петровна такъ обидитъ, что только всплачешь горько передъ образомъ, и легче станетъ; ровно кто шепчетъ: ну, Степанида, не плачь, потерпи...

— Степанида Ивановна! свѣчекъ пожалуйте, произнесъ слуга такъ неожиданно, что мы всѣ вздрогнули.

— Чего-о? вскричала Степанида Ивановна голосомъ, не похожимъ уже на голосъ кающейся грѣшницы.

— Свѣчекъ пожалуйте; двѣ свѣчки: въ фонарь да въ прихожую.

— А огарки гдѣ?

— Догорѣли.

— Какъ догорѣли? Врешь ты все! когда имъ догорѣть? куда вы ихъ дѣли?

— Куда ихъ дѣть? я ихъ не съ кашей ѣмъ.

— Не съ кашей ѣмъ! Чай, въ три листика цѣлую ночь бились, окаянные!

— Вы видѣли что ли?

— Молчи же, нехорошая харя! ужь, право, барынѣ пожалуюсь, право, пожалуюсь, кричала она, выходя изъ комнаты и звуча ключами.

— Вишь, какая у насъ хорошенькая! проворчалъ ей вслѣдъ слуга, которому, вѣроятно, очень не понравились слова: «нехорошая харя».

Брань для Степаниды Ивановны была то же, что̀ пища для желудка, свѣтъ для глазъ. Отними у нея способность браниться, она непремѣнно впала бы въ хандру и занемогла. Брань была исходомъ всѣхъ ея горестей, разрѣшеніемъ всякаго мрачнаго расположенія духа. Пока Степанида Ивановна бранилась, можно было быть увѣреннымъ, что она не сдѣлаетъ никакого существеннаго зла. Она никогда не сердилась, не дулась, не питала ненависти, но бранилась, бранилась постоянно... Сама прислуга уже привыкла къ этому, какъ къ необходимому очищенію ежедневныхъ грѣшковъ, и я увѣрена, что еслибъ въ одинъ «прекрасный» день брань Степаниды Ивановны перестала раздаваться въ дѣвичьей и коридорѣ, сердца горничныхъ и слугъ наполнились бы невообразимымъ безпокойствомъ и страхомъ. Сальный огарокъ, лишняя горсть муки, лишняя ложка масла, при выдачѣ повару, все дѣлалось предметомъ ея ворчанья, все вызывало ея негодованіе и обѣщанія пожаловаться барынѣ, — обѣщанія, которыя, въ продолженіе двадцати лѣтъ, почти никогда не сбывались.

На дворъ въѣхалъ возокъ.

— Видно Татьяна Петровна пріѣхала, сказала Марья Ивановна, — подите ее встрѣчать, а я погодя приду.

Мы пошли въ залъ и не мало удивились, когда, вмѣсто Татьяны Петровны, увидали незнакомаго господина, высокаго роста, уже пожилаго, щеголевато одѣтаго. Нахмуренный видъ и сверкающіе глаза заставили насъ остановиться въ недоумѣніи посреди залы.

— Дома Татьяна Петровна? спросилъ онъ довольно грубо.

— Нѣтъ, она еще у всенощной и вѣрно скоро возвратится.

— Ну, сказалъ онъ, — такъ я ждать ее не буду. А вы, пожалуста

скажите, что пріѣзжалъ къ ней господинъ въ парикѣ, котораго она, вѣрно, была бы рада видѣть.

— Да она скоро возвратится, сказала я.

— А вы, лапки, кто такія? спросилъ онъ насъ.

Лиза посмотрѣла на него изумленными глазами и медлила отвѣчать.

— Я племянница Татьяны Петровны, Евгенія Р., а это дѣвица М.

Господинъ еще разъ окинулъ насъ орлинымъ взоромъ, потомъ сдѣлалъ шагъ впередъ, взялъ меня обѣими руками за голову и поцѣловалъ въ лобъ; то же самое сдѣлалъ и съ Лизой.

— Мы съ батюшкой твоимъ когда-то друзья были, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—но послѣ разошлись и я обронилъ его изъ сердца навсегда, потому что человѣкъ, въ которомъ я обманусь или усомнюсь хоть разъ въ жизни, умираетъ для меня. Но это не помѣшаетъ тебѣ открыть въ душѣ моей источникъ таинственнаго, высокаго влеченія къ юной душѣ твоей. И ты, душка, приглянулась мнѣ, обратился онъ къ моей подругѣ, еще разъ поцѣловалъ насъ въ лобъ и вышелъ, говоря: — Скажите Татьянѣ, что я еще буду у ней.

Съ минуту оставались мы безмолвны, подъ вліяніемъ неожиданной, странной встрѣчи. Намъ казалось, что все еще смотрятъ на насъ эти острые глаза, сверкающіе изъ-подъ круто-нависшихъ бровей; слышится рѣчь, какою еще никто не говорилъ съ нами.

— Кто это такой? что̀ за явленіе? сказала Лиза и разразилась хохотомъ.

— Богъ его знаетъ, отвѣчала я. — Какой странный человѣкъ!

— Ужь это не прадѣдушка ли твой явился съ того свѣта? сказала Лиза.

— Прадѣдушка бы явился въ екатерининскомъ мундирѣ.

— Можетъ его на томъ свѣтѣ перерядили.

— Если такъ, то тамъ прекрасное бѣлье и духи.

— А можетъ, отъ него и ладономъ пахло.

— Кто это былъ? полушепотомъ спросила входившая Марья Ивановна.

— А кто его знаетъ? отвѣчала Лиза и принялась разказывать

Марьѣ Ивановнѣ о нашей встрѣчѣ, передразнивая, по обыкновенію, и рѣчь, и манеры незнакомца.

Татьяна Петровна пришла въ великое волненіе, узнавъ о неожиданномъ посѣщеніи удивившаго насъ господина. Она говорила, что это для нея дорогой гость, что онъ человѣкъ необыкновеннаго ума и высокой нравственности, что у него тѣсныя связи и знакомства съ столичною знатью, что оригинальность его вездѣ извѣстна.

Она тотчасъ же написала къ нему записку съ приглашеніемъ откушать у нея завтрашній день.

Широкобровый генералъ тоже зналъ Артемія Никифорыча Тарханова и подтверждалъ за одно съ Татьяной Петровной, что онъ человѣкъ необыкновенный, неразгаданный, «тонкая особа», мистикъ и масонъ, — все, что̀ угодно; что онъ взялъ на себя роль чудака неспроста, и никто бы не умѣлъ ею воспользоваться такъ выгодно, какъ онъ; что этою ролью онъ проложилъ себѣ широкій и блестящій путь на житейскомъ поприщѣ.

И цѣлый вечеръ толковали они о пріѣзжемъ, припоминая нѣкоторые его поступки, облекающіе его въ непроницаемую таинственность.

Жадно вслушивалась я въ эти разказы. Ни одной черты, ни одного слова не проронила я изъ нихъ; со всѣмъ любопытствомъ неопытной души приникала я къ этому мрачному, непонятному образу.

На другой день я ждала Тарханова съ безотчетнымъ волненіемъ. Глаза мои поминутно обращались на дверь гостиной, пока не появилась въ нихъ его мрачная фигура.

Онъ, молча, несмотря на радостныя восклицанія Татьяны Петровны, разцѣловался съ ней и подалъ руку генералу, сказавъ:

— Здравствуйте, Абрамъ Иванычъ!

Намъ съ Лизой онъ свысока поклонился и только.

На гостиную Татьяны Петровны набѣжала туча... Всѣ притихли, даже весельчакъ - генералъ умолкъ послѣ нѣсколькихъ попытокъ завести или поддержать разговоръ. Гость, на всѣ вопросы хозяйки отвѣчалъ монотонно, односложно, какъ человѣкъ, который едва понимаетъ, что̀ ему говорятъ.

Такъ прошло время до обѣда. Я удивлялась терпѣнію Татьяны Петровны, которая не переставала сохранять любезную улыбку.

Для меня переходъ отъ вчерашней ласковости къ такой холодности былъ невыносимъ и казался просто обиднымъ.

Послѣ обѣда Тархановъ вдругъ сдѣлался разговорчивъ и лилъ потоки краснорѣчія. Онъ проповѣдывалъ презрѣніе благъ земныхъ, сладостныя, таинственныя возношенія. То ставилъ свою особу, какимъ-нибудь разказомъ изъ своей жизни, на недосягаемую нравственную высоту, и глаза его сверкали невыносимо; то вдругъ неожиданно и смиренно падалъ съ этой высоты, признавая себя великимъ грѣшникомъ. То передавалъ съ искусствомъ и наслажденіемъ тонкаго гастронома всѣ подробности великолѣпнаго обѣда (не забывая даже цѣну винъ), которымъ онъ угостилъ графа или князя такого-то; то переходилъ къ жизни «одного» пустынника, повѣдавшаго ему «великія тайны духовнаго міра...»

Рѣчь его пересыпалась иногда непонятными для меня выраженіями и блескомъ оригинальнаго краснорѣчія.

— Ему были необыкновенныя искушенія... говорилъ онъ о пустынникѣ: — къ нему являлась женщина дивной красоты. Всячески обольщала его... звала съ собой... но онъ отогналъ ее молитвой... Я хотѣлъ поселиться съ нимъ, да *путеводитель* приказалъ мнѣ ѣхать въ другое мѣсто.

Дошла и до меня очередь.

— А мнѣ, Татьяна Петровна, племянница твоя понравилась.

— Она очень счастлива, что обратила на себя ваше вниманіе.

— Отчего это она сидитъ у тебя въ углу и все наблюдаетъ?

Татьяна Петровна засмѣялась.

— Поди сюда, Геничка, душа моя, сядь къ намъ поближе.

Я сѣла ближе къ столу.

— А знаешь что, лапка, у тебя пресчастливая физіономія. Ты, юная душа, не принадлежишь къ ряду обыкновенныхъ, меркантильныхъ душъ. Ты сама не понимаешь своего внутренняго богатства; ты еще во мракѣ, но если бы разъяснить этотъ мракъ, то для тебя открылись бы такія высокія, духовныя наслажденія, о которыхъ профанамъ и на мысль не приходитъ. Она должна быть преумная, сказалъ онъ Татьянѣ Петровнѣ.

— Увидите сами, отвѣчала та лаконически,—но способности у нея прекрасныя.

— А ты, Лиза, сказалъ онъ, входившей съ женихомъ Лизѣ,—

ты вся въ своемъ женихѣ. Ты будешь хорошею женой и хозяйкой. Вотъ она, Геничка, такъ хорошею хозяйкой не будетъ...

Это мнѣ не понравилось.

— Отчего вы думаете, сказала я,—что я не способна быть хорошею хозяйкой? Я не позволю себѣ быть безполезною, какъ ни тѣсенъ былъ бы кругъ моей жизни.

— Кругъ твой не тѣсенъ, моя радость: онъ такъ просторенъ и необъятенъ, что ты не найдешь въ немъ границъ. Не жалкая, мелочная участь предстоитъ тебѣ, Геничка; иная доля ждетъ тебя...

Съ душевнымъ волненіемъ прислушивалась я къ пророческому тону словъ его, ласкавшихъ мое самолюбіе. Мнѣ уже казалось, что на далекомъ горизонтѣ моего будущаго всходила и разгаралась новая звѣзда. Мнѣ казалось, что его устами говоритъ сама судьба; внутренній трепетъ проникъ меня, всѣ силы души моей проснулись! Со всею рѣшимостью восторженнаго воина, я готова была броситься въ битву жизни, бороться до конца за все лучшее и благородное души...

Лицо мое, вѣроятно, противъ моей воли, выразило эти ощущенія, потому что Тархановъ зорко, внимательно поглядѣлъ на меня исподлобья.

— У ней должна быть сильная душа, продолжалъ онъ,—она вся въ себѣ сосредоточена; даромъ, что она смотритъ такою смирненькою — нѣтъ, она дѣвица себѣ на умѣ. Вонъ, у ней есть между бровями черта, много говорящая...

— Благодарю васъ, сказала я.—Вы заставите меня полюбить себя.

— Да, вонъ, она какой каламбуръ отпустила! Ну, ладно, мой ангелъ, мужайся, шей себѣ семиверстные сапоги, шагай дальше...

Послѣ этого онъ сдѣлался веселъ и любезенъ со всѣми; всякому умѣлъ сказать, по своему, что-нибудь пріятное. Шутилъ съ пріѣхавшими къ чаю Ниломъ Иванычемъ и Антономъ Силычемъ, называя ихъ «любезными старцами», — и уѣхалъ, повидимому, въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

— Какъ ты раскраснѣлась! сказала Лиза, когда мы пришли въ нашу спальню. — Что̀ тебѣ напѣвалъ цѣлый вечеръ этотъ ястребъ?

— Ты слышала.

— Ничего я не слыхала. Стану я слушать его разсужденія! скука смертная! половину не понимаешь,—точно не по-русски говоритъ. Откуда онъ этакія слова выискиваетъ? — *Амбиберъ*, пне... пно... да мнѣ и не выговорить!

— Пневматологія.

— Это что̀ же значитъ?

— Я и сама не знаю, Лиза. Я спрошу его.

— Вотъ, еще что̀ выдумала. Полно, не дѣлай этого.

— Отчего же?

— Да это стыдъ!

— Какой же тутъ стыдъ спросить, чего не знаешь?

— По мнѣ какъ хочешь... Ты ужь что-то очень растаяла отъ его рѣчей. Не очень-то я ему вѣрю.

Я ничего не отвѣчала, я была въ какомъ-то странномъ раздраженіи духа.

На другой день Тархановъ уѣхалъ въ свою деревню и прислалъ мнѣ въ подарокъ нѣсколько книгъ французскихъ и русскихъ писателей, въ прекрасныхъ переплетахъ; нѣкоторые экземпляры наполнены были прелестными гравюрами.

На оберткѣ, въ которой присланы были книги, написано было крупнымъ почеркомъ:—«Е. А. Р. въ залогъ пріязненнаго расположенія отъ Артемія Тарханова».

Татьяна Петровна стала ко мнѣ ласковѣе прежняго.

— Вотъ, видишь, милая Геничка, сказала она, — съ какими людьми знакомишься ты у меня. Что̀ бы хорошаго увидала ты, сидя вѣчно въ твоемъ Амиловѣ? Тебѣ надо побыть у меня побольше. Расположеніе такихъ людей, какъ Артемій Никифорычъ, должно цѣнить. Это человѣкъ необыкновенный.

Отпраздновали и свадьбу Лизы. Она съ мужемъ, получившимъ мѣсто въ П—ой губерніи, вскорѣ уѣхала, вслѣдъ за генераломъ.

II.

Грустно было мнѣ разстаться съ Лизой, я чувствовала, какъ одна изъ горячихъ моихъ привязанностей оторвалась и канула въ море прошедшаго, оставя по себѣ болѣзненный слѣдъ въ сердцѣ, гдѣ она выросла и жила столько лѣтъ. Съ тоской про-

водила я и добрую Марью Ивановну. Вокругъ меня распространилась мучительная пустота, населяемая, по временамъ, страшными призраками и тихими воспоминаніями.

Подарокъ Тарханова получилъ для меня въ это время не малую цѣну. Я поняла, что̀ значитъ поэзія, прочитавъ Пушкина; Гоголь потрясъ мою душу всею увлекающею силою своего таланта... Чтеніе этихъ произведеній открывало новый міръ моей умственной дѣятельности; отвѣчало на многіе вопросы, разъясняло остававшіеся прежде для меня темными; заставляло задумываться надъ многимъ въ жизни.

Сочиненія на французскомъ языкѣ усиливали мои старанія успѣть въ немъ, и старанія не остались безплодны.

Однажды Татьяна Петровна уѣхала вечеромъ на партію. Пусты и мрачны оставались парадныя комнаты дома, вся жизнь котораго сосредоточилась въ теплой дѣвичьей, гдѣ при сальной, нагорѣвшей свѣчѣ слышались смѣхъ и громкіе разговоры горничныхъ. По временамъ, рѣзкій голосъ Степаниды Ивановны раздавался по длинному коридору.

Комнатъ не намѣрены были освѣщать для одной меня, но ихъ, по своему, освѣщала въ этотъ вечеръ луна полнымъ, волшебнымъ свѣтомъ своимъ, нарисовавъ на полу клѣтки оконныхъ рамъ, съ нѣсколькими тощими растеніями, томившимися на окнахъ. Затѣйливые листы гераніума, мелкая бахрома розмарина, казалось, дрожали и двигались, озаренные серебреными лучами. Блестки мороза искрились и сверкали на стеклахъ.

Я сѣла къ окну и заглядѣлась на ясное, тихое, необъятное небо.

Вдругъ, новая, темная полоса на полу привлекла мое вниманіе. Когда я подняла глаза, передо мной стоялъ Тархановъ; онъ стоялъ прямо, вытянувъ впередъ шею и устремивъ на меня испытующій взоръ. Мнѣ невольно вспомнилось названіе ястреба, данное ему Лизой. И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ положеніи, съ своимъ короткимъ загнутымъ носомъ и блестящими глазами, онъ чрезвычайно походилъ на хищную птицу.

— Здравствуй, другъ мой! сказалъ онъ, когда взоры наши встрѣтились.—Что̀ ты тутъ дѣлаешь?

— А, вотъ, смотрю на звѣзды.

— Возносись выше звѣздъ, моя радость, не останавливайся

на нихъ; все это бренность и прахъ. Въ законахъ духа нашего есть такая высота, такая сладость, передъ которыми все видимое ничего не значитъ.

— Но это такъ хорошо; это помогаетъ возвышаться душѣ.

— Эге! да ты, я вижу, наклонна къ романтизму. Ну, а читали ли вы присланныя мною книги?

Я выразила ему свое удовольствіе и благодарность.

— Это что̀, это все пустяки! То ли еще ты отъ меня увидишь и получишь. Ты еще, лапка, едва прикоснулась къ чашѣ жизни, и только еще облизываешь края этой чаши. Нѣтъ! я введу тебя въ такой міръ наслажденій, что всѣ теперешнія белендрясы твоего воображенія покажутся пошлы и глупы.

Я почувствовала какую-то внутреннюю неловкость отъ этихъ пышныхъ обѣщаній.

— Я хочу, Геничка,продолжалъ онъ,—чтобъ ты любила меня, чтобъ я былъ для тебя всѣмъ. На дружбу мою ты можешь полагаться, какъ на каменную стѣну. Я поднесу тебѣ чашу такого упоительнаго напитка, что уста твои не захотятъ оторваться отъ него, и весь этотъ жалкій кругъ твоей теперешней жизни и не вспомнится тебѣ. Я познакомлю тебя съ замѣчательными людьми. Я оборву всѣ шипы предразсудковъ и ложныхъ понятій съ прекрасныхъ розъ твоего сердца, потому что считаю тебя выше многихъ женщинъ... А знаешь что̀, лапка, не прокатиться ли намъ? Я пріѣхалъ въ саняхъ.

— Какъ же безъ спросу Татьяны Петровны?

— Со мной тебѣ нечего спрашиваться.

И послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости я согласилась. Мы сѣли въ прекрасныя сани. Пара большихъ вороныхъ лошадей тихимъ шагомъ повезла насъ по хрустящему снѣгу, облитому луннымъ свѣтомъ.

— Тише, братецъ, ради Бога, тише! говорилъ Тархановъ кучеру, и съ непритворнымъ страхомъ охалъ и вскрикивалъ при каждомъ небольшомъ ухабѣ.

— Я не боюсь скорой ѣзды, Артемій Никифорычъ, сказала я, вообразивъ, что страхъ его былъ за меня, и со всѣмъ своеволіемъ ребенка, который начинаетъ понимать, что онъ любимецъ, крикнула кучеру: — пошелъ!

Сани полетѣли, слегка ковыляясь по ухабамъ и склоняясь, по временамъ, то на ту, то на другую сторону.

— Злодѣйка! варваръ! ой батюшки! ой! убьетъ она меня! стой, братецъ, стой! кричалъ Тархановъ въ неописанномъ ужасѣ.

Я хохотала до слезъ и успокоивала его, но напрасно; кучеръ сдержалъ лошадей, и мы опять поѣхали шагомъ.

— Неужели вы такъ боитесь? спросила я.

— Боюсь, братецъ, ужасно боюсь.

«А! подумала я, если онъ также презираетъ и блага міра, какъ мелочныя его опасности, то что̀ же такое всѣ возношенія его духа, всѣ его великолѣпныя разглагольствованія!»

— Заѣдемъ, Геничка, ко мнѣ. Я остановился въ лучшей здѣшней гостиницѣ,—взялъ три номера. Грязно только.

Мы подъѣхали къ большо́му длинному каменному зданію, надъ дверьми котораго блестѣла крупная надпись : «Гостинница Вѣна. Въходъ въ номера.»

Поднявшись на высокую лѣстницу и, пройдя длинный, плохо освѣщенный и грязный коридоръ, гдѣ встрѣтились намъ двое мущинъ въ шубахъ, да какая-то закутанная женская фигура, вошли мы въ комнату, двери которой распахнулись передъ нами на обѣ половинки; у каждой, почтительно и подобострастно, стоялъ слуга въ ливреѣ; и чѣмъ робче опускали они глаза, тѣмъ суровѣе, мрачнѣе и важнѣе становилось лицо Тарханова.

— Писемъ нѣтъ? спросилъ онъ.

— Есть, ваше превосходительство! два письма съ почты.

Пожилой человѣкъ, съ добрымъ лицомъ, торопился зажигать на всѣхъ столахъ стеариновыя свѣчи. Это былъ камердинеръ Тарханова, съ которымъ онъ всегда обращался съ полушутливою ласковостью.

— Лампъ нѣтъ, экая мерзость! Зажигай, старина, всѣ свѣчи, сказалъ онъ.—Дай намъ чаю, да къ чаю чего-нибудь получше.

— Сейчасъ, ваше превосходительство!

— Вотъ, моя временная келья! сказалъ Тархановъ, входя со мною въ небольшую, болѣе другихъ уютную комнату.

Два покойныя кресла придвинуты были къ круглому столу, на которомъ горѣли четыре свѣчи; тонкій, раздражающій запахъ какого-то куренья, пріятно подѣйствовалъ на мои нервы.

— У Татьяны, сказалъ онъ, — домъ настоящій сарай; она не

умѣетъ разлить вокругъ себя этой теплоты, этого bien-être, какъ говорятъ Французы, которое ты могла бы разлить около себя. Она никогда не была способна къ этому. Ну, что̀ ты живешь у ней? Ты не живешь, а прозябаешь. У тебя тамъ душа точно окована. Вотъ, теперь ты другая; вонъ у тебя и рожицато оживилась.

И, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ вдругъ сдѣлалось хорошо. Какіе-то новые инстинкты пробудились во мнѣ, я почувствовала себя ловкою и развязною. Тархановъ не казался уже мнѣ тѣмъ мрачнымъ, недоступнымъ человѣкомъ, какимъ я воображала его нѣсколько часовъ назадъ. Я видѣла въ немъ добраго, благодѣтельнаго генія. Я сдѣлалась весела, говорлива, откровенна.

— Ахъ, ты моя принцесса! сказалъ онъ, улыбаясь едва ли не въ первый разъ во все время нашего знакомства. — Подайте намъ сладкаго!

И тотчасъ разнообразный десертъ поставленъ былъ на столъ.

— Кушай, моя радость, говорилъ Тархановъ, — ты, чай, не видала ничего этого у Татьяны.

— Я никогда объ этомъ не думаю, отвѣчала я съ чувствомъ затронутаго самолюбія.

— А я ужь привыкъ, я всякій день лакомлюсь, сказалъ онъ, будто не замѣчая тона моихъ словъ. — А гдѣ же медвѣжонокъ? спросилъ онъ.

На этотъ вопросъ изъ-за спинки дивана вынырнулъ неожиданно мальчикъ лѣтъ двѣнадцати съ лихорадочными глазами и пропищалъ:

— Здѣсь, ваше превосходительство!

— Куда ты это залѣзъ?

Тархановъ взялъ нѣсколько винограду и конфетъ и, со словами: «на, вотъ тебѣ!» протянулъ мальчику руку, которую тотъ поцѣловалъ, — и необыкновенный человѣкъ, какъ ни хмурился, но не могъ скрыть удовольствія, промелькнувшаго на его лицѣ отъ этого знака подобострастія.

— Это сынъ одного бѣднаго чиновника, я везу его съ собой, помѣщу въ какое-нибудь заведеніе. Ты, медвѣжонокъ, я чай, у отца съ матерью этого и не видывалъ? а?

Глаза мальчика сверкнули какъ-то особенно.

— Не видывалъ вѣдь? а?

— Нѣтъ... отвѣчалъ тотъ нерѣшительно.

— Ну, ступай.

И медвѣжонокъ юркнулъ за диванъ.

Сцена эта непріятно на меня подѣйствовала, и веселость моя начинала исчезать.

— А, вотъ, я тебя, Геничка, сейчасъ поподчую тѣмъ, чего ты никогда не ѣдала...

Онъ открылъ красивую шкатулку и вынулъ оттуда коробочку съ какими-то сахарными лепешками.

— Ну, что̀? каково? спрашивалъ онъ самодовольно.

— Не хорошо,—отвѣчала я, отвѣдывая одну лепешечку.

— Провинціялка ты, братецъ!

— Развѣ хулить то, что̀ не нравится—провинціялизмъ?

— Горяча ты больно, я вижу! сказалъ онъ, и глаза его сверкнули неудовольствіемъ.

— А вы? вы хладнокровны?

— Шутишь, моя радость, не тебѣ опредѣлить меня.

— Гдѣ же мнѣ, неопытной, глупой дѣвочкѣ... я васъ совершенно не понимаю, сказала я съ притворнымъ простодушіемъ.

Онъ снова самодовольно улыбнулся.

— А вотъ, Геничка, сказалъ онъ,—какъ ты думаешь, отчего я посѣдѣлъ? Я страстно былъ влюбленъ въ одну женщину, ну, и она любила меня. Что̀ же!—она, однажды, въ обществѣ и начала показывать свою власть надо мной. Это меня такъ поразило, что я всю ночь не спалъ, а когда всталъ поутру, то бакенбарды у меня и половина волосъ посѣдѣли... Съ этихъ поръ, я прекратилъ съ ней знакомство...

Я поняла, что этотъ камешекъ былъ брошенъ въ мой огородъ.

— Однако пора; я вамъ надоѣдаю.

— Нѣтъ, радость моя, ты мнѣ никогда не надоѣшь...

Послѣ этого, онъ сталъ вздыхать и прикрылъ рукою свое разгорѣвшееся лицо.

Онъ провожалъ меня въ тѣхъ же саняхъ до дому Татьяны Петровны.

Когда мы поѣхали, я почувствовала тяжесть на плечѣ; это была рука Тарханова.

— Знаешь ли, для чего я положилъ руку на твое плечо?

— Нѣтъ, не знаю.

— Для того, чтобъ пролить магнетическую струю въ твою душу.

Но магнетическая струя не проливалась, и я радехонька была пріѣхать домой, потому что начинала уже тревожиться самовольнымъ отъѣздомъ своимъ.

Татьяна Петровна еще была въ гостяхъ, когда я возвратилась.

Я дождалась ея пріѣзда и разказала ей о прогулкѣ съ Тархановымъ.

— Ну, что жь, сказала она,—онъ человѣкъ почтенный, пожилой, женатый. Отчего не пользоваться его расположеніемъ?

Отношенія мои къ Тарханову становились раздражительны и тяжелы, несмотря на то, что онъ обладалъ способностью обуять мое воображеніе, взволновать, оглушить, поразить меня таинственностью своего краснорѣчія и отнять смѣлость сдѣлать какую-либо попытку стряхнуть съ себя его вліяніе. Едва я успѣвала сдѣлать какую-нибудь догадку, какъ онъ опрокидывалъ, затемнялъ истину съ свойственнымъ ему только искусствомъ и ронялъ вину этой догадки на меня же.

Онъ опуталъ меня странною властью, но душа моя билась и рвалась, какъ пойманная птичка въ сѣтяхъ этой власти. Сколько разъ мысль моя съ тоской и призывомъ неслась къ Павлу Иванычу, приникая съ любовью къ безмятежному пріюту моего дѣтства, гдѣ не тяготѣлъ на мнѣ гнетъ невыносимой, нравственной неволи! Сколько разъ пробуждалась во мнѣ рѣшимость сказать этому человѣку: оставьте меня, ваша дружба тяжела мнѣ!— но, какъ только устремлялись на меня эти сверкающіе глаза, рѣшимость моя исчезала, и несозрѣвшія силы души измѣняли.

— Ты не возмечтай о себѣ слишкомъ много, Геничка, говорила мнѣ Татьяна Петровна,—такихъ любимицъ, какъ ты, было у него нѣсколько сотенъ, и всѣ онѣ скоро ему надоѣдали. Онъ очень капризенъ и недовѣрчивъ. Одно неосторожное слово, и дружба его исчезнетъ.

Слѣдующая и послѣдняя сцена съ Тархановымъ оправдала слова ея и положила конецъ тягостному вліянію кошемара, душившаго меня уже около двухъ мѣсяцевъ.

Въ одинъ вечеръ, Татьяна Петровна, по настоянію Тарханова, продолжала въ портретной начатую пульку съ Амфисой Павлов-

ной и съ неизмѣнными своими партнерами, Ниломъ Иванычемъ и Антономъ Силычемъ.

У меня болѣла голова, и я почти лежала на диванѣ, въ гостиной, когда подошелъ ко мнѣ Тархановъ.

— Оставайся такъ, лапка, сказалъ онъ, когда я хотѣла встать,— ты этакъ очень хороша.

Я улыбнулась со всѣмъ самодовольствіемъ польщеннаго, женскаго самолюбія.

Онъ сѣлъ противъ меня и прикрылъ глаза рукою, будто боясь напугать меня яркостью своего взгляда.

— Какая у тебя ножка, Геничка! вдругъ вскричалъ онъ и неожиданно, страстно прильнулъ губами къ ногѣ моей.

Я быстро встала.

Онъ схватилъ меня за руки, и привлекши къ себѣ, дрожа и задыхаясь, проговорилъ:

— Забудь, забудь для меня всѣхъ!

Завѣса спала съ глазъ моихъ.

— Это дружба? сказала я, освободясь отъ него и съ полнымъ негодованіемъ посмотрѣвъ ему въ лицо, но тотчасъ же опустила глаза, потому что онъ былъ страшенъ въ эту минуту.

— А вы что̀ же изволили подумать? сурово сказалъ онъ.

— Я подумала, что вы не такъ неразгаданны, какъ многіе это воображаютъ.

— Вы меня поддразниваете? сказалъ онъ мрачно. — Не обожгитесь.

— А вы? вы мало дразнили меня? Теперь моя очередь.

— Что̀ вы сказали? и голосъ его звучалъ неописаннымъ гнѣвомъ.—Вы дѣвочка, которая еще не умѣетъ ни жить, ни понимать людей умнѣе себя! Прощайте, Евгенія Александровна! вы никогда уже болѣе не появитесь въ области моей дружбы. Вамъ угодно было порвать струну, которая привязывала меня къ вамъ.

— Струна эта звучала не въ ладъ, сказала я смѣло

Онъ взялъ шляпу и, крикнувъ: «прощай, Татьяна!» вышелъ.

— Онъ уѣхалъ, Артемій Никифорычъ уѣхалъ? кричала Амфиса Павловна, выставляя изъ-за желтой драпировки свою остроконечную физіономію.

— Кажется, уѣхалъ.

— А, вы здѣсь, душечка! что же это, отчего онъ такъ скоро уѣхалъ?

— Не знаю.

— Какъ же это онъ и вамъ, либимицѣ-то своей, не сказалъ?

— Не знаю.

— Ахъ, вѣдь, впрочемъ, онъ престранный, преоригинальный человѣкъ!

— Амфиса Павловна! тебѣ сдавать, крикнула Татьяна Петровна.

— Вы ужь, душечка, не поссорились ли съ нимъ? Вѣдь вы еще молоды, не опытны; съ такими людьми надо умѣть, да и умѣть обращаться.

— Васъ тетушка зоветъ, Амфиса Павловна.

Она ушла, бросивъ любопытный взглядъ и оставя меня еще подъ гнетомъ тягостнаго впечатлѣнія.

Грустно, больно мнѣ было сдѣлаться игрушкою странной мистификаціи и найдти неожиданно врага подъ личиною друга. Жизнь пугала меня, будущность представлялась въ тускломъ и обманчивомъ мерцаніи. Ладья едва отплыла отъ берега, а уже море, дотолѣ свѣтлое и покойное, начало волноваться...

— Вотъ, чудакъ! говорила Татьяна Петровна, узнавъ на другой день о внезапномъ отъѣздѣ Тарханова изъ города.—Уѣхалъ, не простясь! Впрочемъ, онъ часто такъ дѣлаетъ. Ужь не отъ него ли? прибавила она, принимая письмо отъ вошедшаго человѣка.—Ахъ, нѣтъ, это отъ сестрицы, Геничка! вотъ и къ тебѣ.

«Сокровище мое, ненаглядная Геничка! писала мнѣ тетушка. Желаю знать о твоемъ здоровьи. Сердце мое вѣдаетъ только, какъ тягостна разлука съ тобою. Съ нетерпѣніемъ ожидаю радостнаго свиданія и надѣюсь на милосердіе Царицы Небесной, что Она не лишитъ меня этого утѣшенія на старости лѣтъ моихъ. Желаю быть тебѣ здоровой и помнить твою старую тетку. Прощай, ангелъ мой! цѣлую тебя несчетно разъ. Я, послѣднее время, стала что-то прихварывать, но ты не безпокойся, это скоро пройдетъ. Да будетъ надъ тобой Божеское благословеніе и мое, и проч.

«P. S. Скворецъ твой живъ и здоровъ, я сама смотрю за нимъ.»

Почеркъ былъ замѣтно слабѣе обыкновеннаго, что повергло меня въ большое безпокойство на счетъ здоровья тетушки.

— Нечего дѣлать, Геничка, сказала мнѣ Татьяна Петровна,— тебѣ надо ѣхать: сестрица пишетъ, что не здорова и что очень желаетъ тебя видѣть.

И сердце мое сладостно забилось при мысли о возвращеніи въ родной уголъ. Ясно рисовались мнѣ тихія картины моего недавняго дѣтства, тѣмъ болѣе отраднаго, что душою уже начинала овладѣвать какая-то преждевременная, нравственная усталость. Въ эти три мѣсяца моего гощенья у Татьяны Петровны я будто пережила цѣлые длинные годы.

— Что̀, Евгенія Александровна, скоро ли домой-то? спрашивала меня вечеромъ Дуняша.

— А хочется тебѣ домой?

— Ой, да какъ еще хочется! хоть бы, кажется, однимъ глазкомъ на батюшку съ матушкой взглянула. Да и что̀ здѣсь? — все не такъ, какъ у насъ. Дѣвицы-то здѣшнія только бы пересмѣять да за воротами повертѣться. Вы, говорятъ, съ барышней-то деревенщины. Одна Степанида Ивановна поласковѣе, и видно, что съ нашей стороны. А какъ эта Амфиса Павловна, точно змѣя шипитъ. Этта вышла въ дѣвичью, да и ну судить, да рядить объ васъ... Она и гордая-то, говоритъ, и думаетъ-то о себѣ не вѣсть что̀!.. она, говоритъ,—да вы барышня не разсердитесь,—все съ Тархановымъ кокетничаетъ. Ей-Богу-съ! такъ и говоритъ. Ужь Степанида Ивановна напустилась на нее: стыдитесь, говоритъ, Амфиса Павловна! что̀ еще она понимаетъ? гдѣ такому птенчику кокетничать? вы, говоритъ, по себѣ, видно, судите. Она, говоритъ, съ нимъ кататься ѣздила, да къ нему заѣзжала. Такъ что̀ же, говоритъ Степанида Ивановна, отчего и не покататься; вы, и постарѣе, да чай бы не отказались... А я говорю: онѣ, молъ, сударыня, не тайкомъ ѣздили, про то и Татьяна Петровна знаютъ.—Не тайкомъ, говоритъ, да все не хорошо. А Степанида Ивановна ей: полноте, полноте! Она и пошла вонъ, какъ не солоно хлѣбала. Охъ, привелъ бы Господи до дому-то добраться!

Настало и послѣднее утро моего пребыванія у Татьяны Петровны.

Проснувшись, я окинула взглядомъ мою большую спальню, украшенную комодомъ, тремя стульями и диваномъ, служившимъ мнѣ постелью, надъ которымъ висѣла большая темная картина, представляющая старика, склонившагося надъ закрытою книгой.

Я подошла къ окну, гдѣ встрѣтила первое утро въ чужомъ домѣ. Тотъ же розовый блескъ освѣщалъ разноцвѣтныя крыши виднѣвшихся строеній, также клубился голубой дымъ.

« Завтра комната эта будетъ пуста, подумала я, никто не будетъ смотрѣть съ участіемъ на задумчивое лицо старика.. »

И, ярко освѣщенное лучомъ февральскаго солнца, оно казалось оживало, и черты его будто выражали тихую, грустную думу. Странная сила привычки! мнѣ стало жаль его оставить.

— Ты, Геничка, сказала мнѣ Татьяна Петровна, когда я уже была готова въ путь,—заѣзжай къ Ельчановой, она намъ родня, и обидится, что ты почти мимо воротъ проѣдешь. Тамъ ночуешь, познакомишься съ своими кузинами, ея дочерьми.

Послѣ этого она простилась со мной довольно ласково, сказавъ, что надѣется, что я опять пріѣду къ ней, что это будетъ мнѣ полезно.

Степанида Ивановна цѣловала и приговаривала меня съ особеннымъ чувствомъ, Амфиса Павловна также облобызала меня на дорогу.

III.

И, снова, какъ три мѣсяца назадъ, заскрипѣли полозья по ухабистой дорогѣ; зазвенѣли бубенчики, раскинулось передъ глазами блестящее снѣжное пространство, замелькали тамъ и сямъ села, деревни, лѣса и лѣсочки. Порою, задумчивая ель осыпала насъ рыхлымъ снѣгомъ съ задѣтой вѣтки, или фигурная береза сверкала въ своемъ хрустальномъ нарядѣ. Въ воздухѣ летали алмазныя искры, и холодъ порядкомъ щипалъ носъ и щеки, несмотря на то, что февраль былъ уже за половину.

Вслѣдствіе приказанія Татьяны Петровны, повозка, къ концу дня, остановилась у двухъ-этажнаго деревяннаго дома, и я не успѣла оглянуться, какъ была уже въ объятіяхъ двухъ полныхъ, здоровыхъ дѣвицъ, съ большими клѣтчатыми платками на шеѣ. Онѣ мигомъ стащили съ меня всю теплую одежду, приговаривая:

— Ахъ, ma chère, какъ мы рады! мы давно желали тебя видѣть, милая кузинушка!

Въ дверяхъ залы стояла мать ихъ, пожилая, некрасивая женщина.

— Очень рада, chère amie, сказала она,—что ты навѣстила насъ.

И овладѣвъ мною, она повела меня въ гостиную, съ ситцевою, очень несвѣжею мебелью, и усадивъ возлѣ себя, осыпала разспросами о моей тетушкѣ и о Татьянѣ Петровнѣ.

Между тѣмъ въ маленькой диванной, старшая кузина Анюта суетилась за самоворомъ; другая, Варя, спросила у матери ключи и, получивъ огромную связку ихъ изъ кармана послѣдней, ушла хлопотать, вѣроятно, по хозяйству.

— Гдѣ будете чай-то кушать, маменька? крикнула Анюта.

— Куда тебѣ угодно, chère amie? обратилась ко мнѣ Александра Дмитревна:—сюда, или безъ церемоніи, къ самовару?

Я, разумѣется, предпочла послѣднее.

— Премиленькая Геничка! сказала Александра Дмитревна.— Я тебя еще крошкой видѣла.

— Кушай, душечка, кузинушка! проговорила Анюта, подавая чашку.

Скоро пришла и Варя съ огромнымъ бѣлымъ хлѣбомъ въ рукахъ.

— Кажется, ты могла бы приказать подать кому-нибудь и положить на подносъ. Догадки-то у васъ нѣтъ ни въ чемъ! сказала Александра Дмитревна.

— Я такъ, безъ церемоніи, маменька.

— Нисколько не умно, отвѣчала ей мать довольно раздражительно.

— Вотъ жизнь-то наша, шепнула мнѣ Анюта,—все ворчитъ.

— Помилуй, Анна Сергѣвна, зачѣмъ ты закрыла самоваръ? вѣдь погаснетъ. Кажется, можно бы хоть чай-то налить со вниманіемъ!

— Вотъ все-то этакъ, ma chère, шепнула мнѣ съ другой стороны Варя.

Къ чаю пришелъ Сергѣй Ѳедорычъ, мужъ Александры Дмитревны, небольшой человѣчекъ, лѣтъ пятидесяти на видъ, съ огромнымъ горбатымъ носомъ и выпуклыми голубыми глазами.

— А, здравствуйте! сказалъ онъ довольно мужиковато:—очень радъ! Что̀ сестра Авдотья Петровна? Какъ поживаетъ Татьяна

Петровна?... все въ городѣ въ картишки дуется? Что она не пріѣдетъ къ намъ погостить? мы бы какъ разъ партійку составили.

— Да, безъ тебя-то ей, видно, не съ кѣмъ играть, сказала Александра Дмитревна.

— Нѣтъ, мы бы славно побились, право славно! Большая стала, прибавилъ онъ, глядя на меня, — а вѣдь маленькая была, у кормилицы сидѣла!... А я сейчасъ у плотниковъ былъ. Сарай теплый строю. Лѣсъ купилъ славный, да какъ дешево: по восьми гривенъ бревно. У насъ сосѣдъ попроигрался да и продалъ за безцѣнокъ. Отличный будетъ сарай. Десять саженъ въ длину, а восемь въ ширину. Плотники свои; вотъ я ими же и домъ-то выстроилъ, а нанять не дешево бы стало!

— Какой ты странный, Сергѣй Өедорычъ! очень интересно Геничкѣ знать о твоихъ постройкахъ; ты думаешь онѣ всѣхъ такъ же занимаютъ, какъ тебя, сказала Александра Дмитревна.

— А что? вѣдь вы, я думаю, и впрямь ничего не понимаете?

Онъ рязсмѣялся и вышелъ, унося съ собою недопитый стаканъ чаю.

— Вотъ жизнь-то моя, chère amie! Вѣришь ли, съ нимъ ни о чемъ дѣльномъ поговорить нельзя, со вздохомъ сказала Александра Дмитревна. — Ну, что же вы? Двѣ васъ, а ни которая не догадается приказать убирать самоваръ! Можно бы, кажется!

Послѣ чаю, кузины увлекли меня въ свои владѣнія наверху, состоявшія изъ двухъ просторныхъ комнатъ. Въ каждой изъ комнатъ стояла кровать, отгороженная ширмами, обтянутыми зеленымъ полинялымъ каленкоромъ, оторваннымъ во многихъ мѣстахъ.

Нѣсколько полуизорванныхъ романовъ валялось на окнахъ. Вездѣ царствовалъ безпорядокъ и сомнительная чистота.

Двѣ полныя служанки подошли къ намъ и употребили всѣ усилія, чтобъ поцѣловать у меня руку. Кузины обращались съ ними ласково и фамильярно.

— Это вотъ моя фрейлина, а это моя, говорили онѣ, каждая показывая на свою.

— За моей-то папенька волочится, сказала Варя, — да она все отъ него прячется.

— Вѣдь у насъ папенька-то любитъ поволочиться, сказала Анюта,—а маменька-то ревнива: ну, и пойдетъ исторія! У насъ была гувернантка, и той отказали изъ-за него: а какая милая, добрая! Мы ее очень любили. Марьѣ Алексѣвнѣ, экономкѣ, тоже отказала маменька изъ ревности.

— Ахъ, ma chère, скучная наша жизнь! Кажется, еслибы Богъ послалъ какого-нибудь порядочнаго жениха, такъ и думать долго нечего.

— Мало ли бы что̀! Скажи, ma chère, ты влюблена въ кого-нибудь?

— Нѣтъ, ни въ кого.

— Скрытничаешь! не можетъ быть.

— Увѣряю васъ,—а вы?

— Ахъ, душка ты моя, кузинушка! Есть у меня зазнобушка, да не знаю, онъ-то любитъ ли меня? Это землемѣръ, молоденькій, хорошенькій! Какъ посмотритъ, такъ мое сердечко и замретъ.

— Онъ сватается за тебя?

— То-то и горе, что не сватается.

— Да у него ничего нѣтъ, кромѣ жалованья, сказала болѣе положительная Варя.

— Неужели же папенька-то насъ не отдѣлитъ, все братьямъ отдастъ?

— Дожидайся, когда еще отдѣлитъ. Папенька, ma chère, совсѣмъ объ насъ не думаетъ. Маменька же больше; хоть поворчитъ, а все кой о чемъ позаботится.

— У насъ, ma chère, копѣйки своихъ деньжонокъ нѣтъ, въ каждомъ грошѣ давай отчетъ.

— Спать ляжемъ, такъ и тутъ она дозоромъ ходитъ.

— Ты, душечка кузинушка, не хочешь ли покушать чего-нибудь?

— Я сейчасъ пила чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

— Много ты съѣла бѣлаго хлѣба, точно цыпленокъ пощипала. Оттого ты такая худенькая. А ты, по нашему, кушай больше — вонъ мы какія! Хочешь, Варя, ѣсть? Я сейчасъ принесу, до ужина еще долго.

— Принеси.

— Какая Анюта смѣшная, сказала мнѣ Варя, по уходѣ сестры

— увѣрена, что землемѣръ къ ней не равнодушенъ, а онъ влюбленъ въ меня, да я не пойду за него, если и посватается. За меня здѣшній засѣдатель хочетъ свататься. Онъ этта на маменькины именины пріѣзжалъ, такъ не отходилъ отъ меня. И къ Анютѣ наклевывается женишокъ, да и хорошій, ma chère: помѣщикъ, 70 душъ. Это бы счастье; онъ не такъ молодъ, но солидный, прекрасный человѣкъ.

— Да вѣдь ей землемѣръ нравится! Она не будетъ любить другаго.

— Выйдетъ замужъ, такъ полюбитъ, ma chère. Какая еще ты неопытная!

Скоро возвратилась Анюта и притащила большой кусокъ соленой рыбы, полъ-пирога и нѣсколько ломтей чернаго хлѣба.

— Агаша! ты смотри у лѣстницы; какъ заслышишь, что маменька идетъ, сейчасъ скажи, мы въ минуту уберемъ подъ кровать, а то разбранитъ.

Онѣ, къ великому моему удивленію, въ нѣсколько минутъ, съ неподражаемымъ аппетитомъ уничтожили почти весь принесенный запасъ.

— Ну, любезныя кузины, исполать вамъ! сказала я, смѣясь.

— Мы, ma chère, по-деревенски. Вонъ ты какая слабенькая!

И въ самомъ дѣлѣ, лицо мое казалось блѣднымъ передъ ихъ яркимъ румянцемъ, и вся я была мала и тщедушна въ сравненіи съ ними, что̀ очень ихъ забавляло.

Анютѣ, въ продолженіе вечера, пришла странная фантазія, носить меня на рукахъ. Она подхватила меня, несмотря на всѣ сопротивленія съ моей стороны, и начала бѣгать со мной по комнатѣ.

— Прекрасно! прекрасно! сказала неожиданно вошедшая Александра Дмитревна. — Да ты этакъ ей голову сломишь, безстыдница! это у насъ большая дѣвушка, невѣста! Вотъ, chère amie, ты можешь судить объ умѣ твоей кузины. Пойдемте ужинать. А васъ, сударыня, надобно было бы оставить безъ ужина.

Мнѣ очень было совѣстно и жалко, что бѣдную Анюту такъ прибранили изъ-за меня. Она шла позади, потупя голову; но когда я заглянула ей въ лицо, то увидѣла, что она едва удерживается отъ смѣха.

На другой день утромъ, я простилась съ этимъ страннымъ

семействомъ. Добродушныя кузины осыпали меня поцѣлуями и просьбами не забывать ихъ. Анюта не утерпѣла и наложила мнѣ тихонько, въ дорожный мѣшокъ, разныхъ колобковъ и крендельковъ домашняго печенья.

IV.

Все ближе и ближе подвигалась я къ Амилову. Уже замелькали въ вечернемъ сумракѣ знакомыя деревни; вотъ повернули въ сторону и поѣхали по косогору надъ замерзшею рѣчкой; миновали мостикъ, ведущій на мельницу; нырнули въ огромнѣйшій ухабъ подъ ближайшею деревушкой; окна избъ свѣтились огнемъ, бросая розовый блескъ на снѣгъ; въ воздухѣ потянуло чѣмъ-то роднымъ; какая-то особенная тишина вѣяла надъ этою уединенною стороной. Еще четверть версты,—и Амилово, осѣненное высокимъ садомъ своимъ, открылось моимъ глазамъ.

Дуняша спала и потому не изливала своихъ восторговъ.

Мы уже у крыльца. Ѳедосья Петровна встрѣчаетъ насъ, окруженная другими горничными.

— Радость-то наша пріѣхала! Загостилась, сударыня. Тетенька-то затосковалась по васъ! восклицаютъ мнѣ.

Вдругъ дверь залы растворилась, и тетушка, поддерживаемая Марьей Ивановной и Катериной Никитишной, появилась въ своей бѣленькой косыночкѣ.

— Гдѣ она? пріѣхала Геничка! сокровище мое! Господи! благодарю тебя!

Катерина Никитишна плачетъ отъ умиленія; Марья Ивановна улыбается сквозь слезы...

— Чаю, Ѳедосья! чаю поскорѣе! кричитъ тетушка: — да булочекъ подай. Вѣдь я друга-то моего ждала, всего настряпала. Радость ты моя, радость!

И она съ горячей любовью еще разъ прижала мою голову къ своей груди.

Я обошла всѣ комнаты. Каждая вещь стояла на томъ же мѣстѣ, въ томъ же порядкѣ; такъ же цѣплялся плющъ за мохъ ни чѣмъ не оклеенныхъ стѣнъ; тѣ же портреты Суворова и Цицерона красовались надъ диванами въ гостиной; дымчатая кошка лежала

на томъ же стулѣ у печки, и скворецъ мой спалъ въ своей клѣткѣ, завернувъ головку подъ крылышко.

И мысль, что я дома, что я счастлива, поглотила все существо мое въ этотъ незабвенный вечеръ.

Передо мной развертывалась жизнь тихая, какъ пустыня, свѣтлая, какъ ручей въ ясную погоду, а я недовѣрчиво отдавалась ея теченію, вопрошала будущее и трепетно устремляла взоръ въ темную даль... Сердце пробуждалось въ этой тишинѣ и требовало жизни, и напѣвало странныя жалобы, странныя мольбы, потрясавшія все существо мое горькою отрадой. Неодолимое очарованіе заставляло меня прислушиваться къ этому голосу сердца и отнимало силы заставить его молчать... Волны мечтаній снова нахлынули на меня, понесли, закачали, затомили мою душу... Это не были мечты заоблачнаго міра, — не было ангеловъ съ золотыми крыльями, не было идеаловъ холоднаго совершенства, — нѣтъ, призраки мои носили печать жизни и страсти; они выходили изъ міра сего, но выходили такими, что къ нимъ лежала душа моя и трепетало сердце теплымъ и чистымъ сочувствіемъ. Они были, какъ я же, изъ плоти и крови; какъ я же, любили, страдали, сомнѣвались и грустили; вмѣстѣ со мной любовались Божьимъ міромъ и не проходили безучастно мимо того, что̀ зовется въ немъ добромъ и зломъ...

А ясные дни мелькали одинъ за другимъ, подводя все ближе и ближе время весны. Мартъ уже былъ въ исходѣ. Наступила Страстная Недѣля.

Уныло гудѣлъ колоколъ нашей церкви, собирая богомольцевъ. Тетушка молилась и постилась; Катерина Никитишна тоже ѣла одну капусту и хлѣбъ, отводя душу только чаемъ. Мы съ Марьей Ивановной, хотя и не такъ безропотно томили себя голодомъ, но не отставали отъ нихъ. Ѳедосья Петровна не пила даже чаю послѣ господъ, и однажды, чуть не приколотила «грѣховодницу» Дуняшу за то, что она съѣла кусокъ хлѣба передъ обѣдомъ. Стыдила ее цѣлый часъ и хотѣла пожаловаться ея матари; но Дуняша отвела бѣду, возложа всю вину на искусителя рода человѣческаго, который, какъ извѣстно, и горами качаетъ, не только такими слабыми созданіями, какъ она.

Въ Великій Четвертокъ жгли соль и чистили ризы на образахъ.

На другой день (въ Великую Пятницу) мыли и чистили въ домѣ все, что̀ можно было мыть и чистить.

Мы съ Марьей Ивановной укрылись въ мою комнату отъ страшнаго нашествія бабъ и дѣвокъ, вооруженныхъ мокрыми тряпками. Ихъ нашло около десяти, хотя и половины было бы достаточно для водворенія страшнаго безпорядка, какой производили онѣ; но ужь такъ было заведено изстари. Онѣ кричали, перебранивались, перекорялись. Ѳедосья Петровна, какъ дѣятельный и разумный начальникъ, поспѣвала всюду вовремя, распоряжалась, грозила и заставляла на нѣкоторое время умолкать несносныхъ крикушъ.

Тетушка, по обыкновенію, съ удивительнымъ терпѣніемъ переносила весь этотъ гамъ, сидя за ширмами на своей постелѣ, пока и оттуда не выгнали ее неумолимыя поломойки.

Она присоединилась къ намъ.

— А, да здѣсь хорошо, тепло, сказала она, входя,—солнышко свѣтитъ. Какъ пріятно солнце въ это время!

— Вы бы, маменька, ангелъ мой, скушали что-нибудь, подкрѣпили себя, вы эдакъ ослабѣете, сказала Марья Ивановна, бросясь, вмѣстѣ со мной и Катериной Никитишной, поддержать пошатнувшуюся тетушку.

— Вотъ, друзья мои, сказала, улыбаясь, тетушка,—видно куликнула спозаранку.

— Видно и впрямь, родная, продолжала шутку Катерина Никитишна,—праздникъ встрѣтили.

— Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ. Геничка, другъ мой, не покушать ли тебѣ чего-нибудь? не ослабѣй ты у меня!

Я успокоила тетушку.

— Словно и домъ-то другой сталъ, какъ соколъ-то нашъ пріѣхалъ, сказала Катерина Никитишна:—и Авдотья Петровна разцвѣла. А то скажетъ, бывало, слово, да и задумается.

— Охъ, ужь какая мнѣ была тоска безъ нея, безъ моего друга!

— А мнѣ развѣ не было тоски? сказала я.

— Тосковала и она, маменька, подтвердила Марья Ивановна.

— Поди-ка ты ко мнѣ, дитя мое, поцѣлуй меня!

Послѣ обѣда водворилась тишина, и солнце, сквозь промытыя стекла, еще ярче озаряло вечерними лучами комнаты.

На другой день, то-есть въ Великую Субботу, утромъ, начинались другія хлопоты: Анисья, поварова жена, мѣсила въ дѣвичьей, на чистой доскѣ, куличи.

Тетушка увѣряла, что она печетъ лучше своего мужа, а на самомъ дѣлѣ, старушка моя чувствовала нѣчто въ родѣ отвращенія къ мужской прислугѣ и, по возможности, старалась окружать себя женщинами. Бѣлое, сдобное тѣсто уже возвышалось подъ искусными руками Анисьи тремя фигурными пирамидами, изъ которыхъ одна поменьше назначена была мнѣ, какъ то бывало во времена моего дѣтства, когда эта «собинка» приводила меня въ восхищеніе. Чувство собственности сильно развито въ человѣкѣ, и въ словахъ: это мое! заключается особенная прелесть.

Я могла распоряжаться, какъ мнѣ угодно, моимъ маленькимъ куличикомъ, дѣлить и отдавать его кому хочу.

Тетушка, казалось, совершенно забыла, что мнѣ уже семнадцатый годъ; она утѣшала меня и заботилась обо мнѣ, какъ о малюткѣ. И эта теплота чистѣйшей и глубокой привязанности въ самомъ дѣлѣ разнѣживала и смиряла мою душу до младенческой ясности.

«Подайте дидяти; спросите дитятю, угодно ли ей..?» такъ выражалась тетушка въ своихъ заботахъ обо мнѣ.

Иногда Ѳедосья Петровна улыбалась на подобное приказаніе, а Катерина Никитишна или Марья Ивановна, шутя, замѣчали:

— Экое у насъ дитятко!

— Ну, друзья мои, говорила тетушка, — для меня она всегда дитя. Помнишь, Катенька, какъ она тутъ домики строила? или, бывало, посажу ее на этотъ столъ да разказываю сказки... Все-то прошло! идетъ время, не остановится...

И тетушка задумчиво опускала голову, подъ гнетомъ какой-то тайной тяжелой мысли.

Тетушка сама начиняла изюмомъ и миндалемъ три пирамиды и очень была довольна, когда и я приняла участіе въ ея трудѣ.

— Вотъ ужь одинъ денекъ и до праздника! привелъ бы Господь дожить! сказала Марья Ивановна.—А, признаться, надоѣла ужь постная пища. Я думаю, и вы, маменька, ждете чайку со сливочками?

— Охъ, ужь не говори, милая! постный чай хуже микстуры для меня. Смотри же, Ѳедосья, чтобы сливки были съ пѣнками.

— Какъ же, сударыня, самыхъ густыхъ наснимаю.

— То-то, то-то! да чтобъ утопить хорошенько! Вотъ, сюда, другъ мой, здѣсь пусто, обратилась тетушка ко мнѣ, и пальцемъ вдавила въ тѣсто крупную изюмину.

Къ вечеру все въ домѣ притихло въ ожиданіи праздника. Вечерній сумракъ медленно одѣвалъ предметы своимъ мечтательнымъ покровомъ. Во всѣхъ комнатахъ затеплились лампадки. Прислуга говоритъ шепотомъ, ходитъ осторожно, будто боясь нарушить торжественность ожиданія и спугнуть радостное чувство, запавшее въ душу каждаго.

Тетушка, послѣ долгой молитвы, отдыхаетъ; Катерина Никитишна мирно храпитъ на лежанкѣ въ моей комнатѣ; Марья Ивановна ушла домой.

Праздникъ носится въ воздухѣ, вѣетъ въ тишинѣ, разцвѣтаетъ въ сердцахъ. Старъ и малъ ждутъ его съ одинакимъ нетерпѣніемъ. Онъ глядитъ въ окна, разливается трепетнымъ мерцаніемъ на ризахъ образовъ, дышитъ на всѣхъ отрадой, заглядываетъ въ самые углы сердца человѣческаго, озаряетъ ихъ ясными лучами. Это свѣтлое перепутье на жизненной дорогѣ, гдѣ утомленная душа подкрѣпляется и, съ новыми силами и съ тайною надеждой, идетъ дальше подъ тяжелою ношей заботъ и труда.

Бьетъ одиннадцать.

Ѳедосья Петровна несетъ лучшій тетушкинъ чепчикъ, расправляетъ на немъ ленты, раздуваетъ примятый рюшъ и бережно кладетъ на столикъ. Кошка съ любопытствомъ слѣдитъ за свѣсившимися концами лентъ и, не успѣла Ѳедосья Петровна отойдти, какъ чепчикъ уже лежитъ на полу, сдернутый бархатною лапкой.

— Брысь! ахъ, ты, проклятая! вотъ я тебя!..

Я засмѣялась.

— Не чему, сударыня, смѣяться-то; ну, какъ бы изорвала, либо измяла, чтобы тетенька-то сказала? не сказала бы спасибо.

И чепецъ вознесенъ былъ на шкафъ съ книгами.

Вотъ и двѣнадцать! Въ воздухѣ пронесся и разлился торжественный звонъ.

Всѣ засуетились.

— Маменька, ангелъ мой! ужь ударили, сказала, вошедшая тоже въ парадномъ чепцѣ съ лиловыми лентами, Марья Ивановна.

— Готова, другъ мой, иду. Геничка-то гдѣ?

— Здѣсь.

— А Катенька?

— Здѣсь, родная, здѣсь,—я за вами!

И всѣ мы стѣснились въ узенькомъ коридорѣ, ближайшимъ путемъ пробираясь въ прихожую, потому что для тетушки тяжелъ былъ каждый лишній шагъ. Двѣ горничныя шли впереди со свѣчами; Ѳедосья Петровна и Анисья вели тетушку подъ руки, едва помѣщаясь съ нею рядомъ; шествіе завершали я, Катерина Никитишна и Марья Ивановна.

У крыльца стояли столь извѣстныя дрожки съ фартуками, на которыя мы всѣ четверо помѣстились.

Апрѣльская ночь обдала насъ тонкимъ проницающимъ воздухомъ, накрыла чистымъ, прозрачнымъ, голубымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами. По дорогѣ въ церковь, не ясно, будто тѣни, движутся группы прихожанъ, слышится говоръ. Колокольня горитъ плошками.

Мы переѣхали и мостикъ, подъ которымъ бурлитъ въ весеннемъ разливѣ рѣчка; поднялись на гору, остановились у освѣщеннаго четырьмя плошками входа въ церковь, наполненную уже богомольцами, протѣснились на свои мѣста, и радостное: Христосъ воскресе! потрясло всѣ души, оживило всѣ сердца, повторилось въ устахъ каждаго, сравняло, помирило всѣхъ въ общемъ, братскомъ лобзаніи...

— Христосъ воскресе! кумушка, Катерина Никитишна!

— Во истину воскресе! кума, Арина Степановна! какъ поживаешь?

— Живу помаленьку, маюсь еще на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ, Богъ привелъ и до праздника дожить. Кресенка-то твоя становится такая хорошенькая.

— Слава Богу!

— Да побывай къ намъ на праздникѣ-то.

— Побываю, побываю!

— Ты у Авдотьи Петровны разгавливаешься?

— У Авдотьи Петровны.

— Она и меня приглашала, дай Богъ ей здоровья, да нельзя, дѣтки ждутъ.

— Ну да какъ, чай, не ждать!

— Христосъ воскресе! Евгенія Александровна!

— Во истину воскресе, Прасковья Ильинишна! вы къ намъ?

— Нельзя, дорогая моя! старикъ-то мой дома ждетъ; хвораетъ и въ церковь божью не въ силахъ былъ дотащиться.

— Ужь какъ вы милы, моя красавица! точно ангелъ стоитъ, сказала, подходя ко мнѣ, Анна Филипповна, сосѣдка, въ розовой шляпкѣ необычайной формы и величины. Шляпка эта двадцать лѣтъ тому назадъ подарена ей одною богатою помѣщицей и надѣвалась постоянно каждый годъ въ двунадесятые праздники.

Анна Филипповна даже въ своемъ кругу считалась оригинальною по своимъ понятіямъ о модахъ и упорно держалась своихъ мнѣній, увѣряя, что моды выдумываютъ портнихи, чтобъ вытаскивать больше денегъ изъ кармана добрыхъ людей.

Солнце всходило великолѣпно, когда мы въ прежнемъ порядкѣ усѣлись на дрожки и возвращались домой; ни одно облачко не мрачило небесной лазури.

— Смотри, Геничка, какъ играетъ солнышко, сказала Марья Ивановна.

И въ самомъ дѣлѣ, оно будто колыхалось, переливаясь радужными лучами.

Тетушка благоговѣйно перекрестилась.

— Вся тварь радуется сегодня, прибавила она.

Несмотря на то, что тетушка приглашала почти всѣхъ сосѣдей, на дѣлѣ оказалось много званныхъ и мало избранныхъ: всякій желалъ провести этотъ день дома, въ своей семьѣ. Священникъ и дьяконъ съ женами обѣдали у насъ.

Явились и чай со сливками, и разнообразнѣйшая закуска. Къ обѣду пріѣхалъ изъ уѣзднаго города Митя, сынъ Марьи Ивановны, кончавшій курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Изъ маленькаго мальчика образовался длинный, сухощавый юноша, съ глуповатою физіономіей и добродушною улыбкой, открывавшею рядъ широкихъ, бѣлыхъ зубовъ. Я не могла постичь, откуда взялся у него такой толстый, некрасивый носъ.

— Вотъ и мой Дмитрій... умильно сказала Марья Ивановна.

— Какъ онъ выросъ! замѣтила я.

— Здравствуйте, сестрица! здоровы ли вы? Христосъ воскресе-съ!

— Что ты долго ѣхалъ? спросила Марья Ивановна.

— Да какъ же-съ, маменька, нельзя: дорога-то очень дурна.

— Ну что̀, какъ тамъ у васъ?

— Да что-съ, ничего-съ, помаленьку поживаемъ. Дмитрій Андреичъ, городничій, чинъ получили. Обѣдъ хотятъ дѣлать и нашего смотрителя пригласятъ.

— Ну, вотъ!

— А въ Великій Четвергъ пожаръ былъ, два дома мѣщанскихъ сгорѣли.

— Ахъ, Боже мой!

— Экой гнѣвъ Божій! съ чувствомъ отозвалась попадья.

Послѣ обѣда, когда гости разошлись, а тетушка Катерина Никитишна и Марья Ивановна легли отдыхать, я осталась одна съ Митенькой, и онъ повелъ со мной слѣдующій разговоръ:

— Что̀, каково погостили у Татьяны Петровны, сестрица? Веселились?

— Нѣтъ, скучно было.

— Вотъ и мою сестрицу Богъ пристроилъ. А вы такъ совсѣмъ перемѣнились, не узнаешь васъ.

— И вы, Митя, очень перемѣнились. Теперь вѣрно не станете разорять птичья гнѣзда?

— Ой, гдѣ ужь, сестрица! о другомъ надо ужь теперь думать.

— Ну, что̀ вы подѣлываете въ вашемъ училищѣ?

— Учимся-съ. У насъ строго-съ. Слава Богу, нынче послѣ экзаменовъ выйду.

— Куда же вы думаете поступить?

— Да въ судъ-съ. Аѳанасій Алексѣичъ обѣщалъ мѣстечко дать.

— Отчего вамъ не поступить въ гимназію, а оттуда въ университетъ?

— Ой, что̀ вы, сестрица! куда! очень трудно-съ. Вотъ, и теперь-то долбишь, долбишь, такъ что голова кругомъ идетъ. Нѣтъ-съ, ужь куда намъ! Вонъ у насъ есть ученикъ, такъ тотъ хочетъ въ гимназію, да по ученой идти-съ. Стихи пишетъ. Ей-Богу-съ! Какъ это, сестрица, пишутъ стихи? И Богъ его знаетъ, откуда такъ складно выходитъ! Да меня, кажется, убили бы, я бы ни одного стишка не написалъ.

— Учится-то онъ хорошо?

— Ии, какъ учится! первый ученикъ-съ!

Молчаніе.

— Чтò вы, сестрица, въ окошко такъ смотрите? ужь не гулять ли думаете? Вы прежде были охотница. Да еще грязно-съ.

— Нѣтъ, я смотрю, вонъ кажется, подъ липкой, разцвѣли подснѣжники.

— Да не угодно ли, я вамъ нарву?

— Ахъ, какъ можно! грязно.

— Ничего, помилуйте-съ, у меня сапоги не промокнутъ. Я не нѣженъ, привыкъ. Сейчасъ вамъ нарву...

— Мнѣ совѣстно, Митенька, вы очень добры.

— Помилуйте, сестрица! да это чтò! пустяки-съ! я для васъ не то готовъ сдѣлать.

Я смотрѣла въ окно, какъ услужливый Митя, отважно шагая черезъ весеннія лужи, добрался до толстой липы, подъ которою цвѣли подснѣжники.

Черезъ минуту онъ воротился съ пучкомъ темноголубыхъ цвѣтовъ, прекрасныхъ и нѣжныхъ, какъ первая мечта о счастіи, робко поникшихъ на своихъ тоненькихъ стебелькахъ.

Я была очень благодарна Митѣ.

— Вотъ, сестрица, у насъ черезъ мѣсяцъ экзамены будутъ.

— Ну такъ что же? Вы не боитесь?

— Нѣтъ-съ, Богъ милостивъ, выйду. Да вотъ учитель словесности, проклятый, выдумалъ сочиненія задавать къ экзамену. Ну, какіе у насъ сочинители! одинъ, два, да и обчелся. Опиши ему, видите ли, осень... Вотъ тутъ-то я и погибъ: какъ ее опишешь? осень, извѣстно, грязь и дожди; чтò тутъ описывать! Развѣ отца Алексѣя попросить?

— Давайте вмѣстѣ сочинять; можетъ-быть, я вамъ помогу...

— Ахъ, матушка, сестрица! вотъ ужь благодѣтельница! Позвольте ручку поцѣловать!

— Полноте, чтò вы!

— Да какъ же, помилуйте! Вы меня просто, можно сказать, оживили.

Вошла Марья Ивановна. Лицо ея сохраняло слѣды недавняго сна. Митя сообщилъ ей свою радость.

— Вотъ дай Богъ тебѣ здоровья! сказала она. — Господи, прибавила она,—подумаешь, какъ трудно это ученье! чтò муки примутъ! Ну, хорошо, какъ у кого есть способность, а кому не дано-то, тутъ чтò станешь дѣлать?

— Да мнѣ, маменька, только курсъ-то кончить, а тамъ, Богъ милостивъ, легче будетъ.

— А-а-а! славную же высыпку задала. Ты не уснула, Геничка? Маменька-то еще почиваетъ! Ну, да вѣдь утомилась. Въ ея годы, еще какъ ее Богъ носитъ. Вотъ и Катерина Никитишна. Чт̀о, мать, выспалась?

— И какъ еще прекрасно! словно убитая спала.

V.

Время шло. Садъ зацвѣлъ и зашумѣлъ густыми волнами зелени. Надъ лугомъ вились и жужжали миріады блестящихъ насѣкомыхъ, мелькали пестрыя бабочки. Теплый, душистый воздухъ охватывалъ нѣгой и лѣнью.

Въ началѣ мая, къ намъ пришла вѣсть, что родной братъ тетушки купилъ заочно небольшое помѣстьице съ поля на поле съ нашею усадьбой и самъ намѣренъ скоро прибыть и поселиться близь насъ.

Тетушка лѣтъ пятнадцать не видала его. Онъ былъ вдовъ и большею частію находился на службѣ въ отдаленныхъ губерніяхъ; но въ настоящее время былъ безъ должности, чт̀о и заставило его покуда прибѣгнуть къ деревенской жизни. Изъ разговоровъ о немъ Марьи Ивановны и Катерины Никитишны, я могла заключить, что въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ несчастную слабость попивать. Тетушка также слышала объ этомъ и очень тревожилась, потому что боялась пьяныхъ. Впрочемъ, она говорила, что Василій Петровичъ прежде былъ очень веселаго, общительнаго характера и не имѣлъ особенной страсти къ вину, а такъ любилъ покутить иногда съ пріятелями.

Въ одинъ теплый, ясный день, послѣ обѣда, тетушка, Марья Ивановна и Катерина Никитишна мирно играли въ карты. Этимъ новымъ занятіемъ обязаны онѣ гощенью Татьяны Петровны, которая не могла жить безъ картъ. Она первая дала имъ понятіе о преферансѣ, только что входившемъ въ моду.

Въ отворенныя окна врывался вѣтерокъ, отдувая по временамъ темный платокъ, прикрѣпленный къ окну, чтобъ защитить играющихъ отъ солнца, или открывая нѣсколько картъ, во время сдачи.

— Ну вотъ, говорила Марья Ивановна, если это случалось съ картами Катерины Никитишны,—теперь знаю, у кого тузъ бубенъ, ужь не выйду съ этой масти, не безпокойся.

— Такъ какъ же это? надо бы пересдать, отвѣчала кроткая Катерина Никитишна.

— Ну, вотъ еще, пересдавать! козыряй, козыряй, поставь ремизецъ.

— Ничего, Катенька; одна карта ничего не значитъ, отзывалась тетушка,—вѣдь это она тебя пугаетъ.

— Пугаетъ, и впрямь, родная.

Марья Ивановна находила всегда особенное удовольствіе запугать, спутать робкую Катерину Никитишну. Иногда, какъ у Марьи Ивановны совсѣмъ не было игры, она объявляла семь въ червяхъ и устремляла пристальный, магнетическій взглядъ на Катерину Никитишну, ясно говорившій: «попробуй только вистовать, поставишь ремизъ». И послѣдняя смотрѣла сперва на Марью Ивановну, потомъ считала на рукахъ взятки, потомъ опять нерѣшительно взглядывала на Марью Ивановну и, встрѣчая тотъ же угрожающій взоръ, произносила: «пасъ!» Тогда Марья Ивановна торжественно открывала карты.

— Такъ съ чѣмъ же ты играла? говорила Катерина Никитишна.

— А тебѣ кто не велѣлъ вистовать?

— Да я почемъ знала!

— Ахъ, Катенька, Катенька! восклицала тетушка,—чего же ты струсила? да тебѣ бы и меня пригласить!

— Да вы сами-то, родная, что же не пошли?

— Да у меня взятки невѣрны... Вѣдь она была бъ безъ трехъ.

— Да была бы, ангелъ мой, маменька, непремѣнно безъ трехъ; вѣдь ужь я такъ, на рискъ...

— Ну, такъ кто же тебя зналъ? разсуждала Катерина Никитишна.

— А ты развѣ своихъ картъ не видишь. . . Ахъ, ты, блаженная!

— Блаженная!.. Ты зачѣмъ пугаешь?

Тетушка смѣялась, а Марья Ивановна была счастлива, что развеселила ее.

Таковы были игрицы тетушки, Марья Ивановна и Катерина

Никитишна. Играли онѣ, разумѣется, безъ денегъ, но всегда записывали вѣрно выигрышъ и проигрышъ.

Въ этотъ день Марьѣ Ивановнѣ было особенное счастье: Катерина Никитишна поставила уже нѣсколько ремизовъ, какъ вошедшая горничная доложила, что какой-то бѣдный отставной чиновникъ пріѣхалъ за подаяніемъ.

Тетушка велѣла позвать его.

Вошелъ средняго роста, плотный мущина; черты лица его были мягки, пріятны и носили остатокъ красоты; небольшіе, свѣтлые, живые, сѣрые глаза выражали умъ.

Онъ въ молчаніи остановился посреди комнаты; тетушка посмотрѣла на него съ какимъ-то безотчетнымъ безпокойствомъ и наконецъ воскликнувъ: «Вася!» быстро отодвинула столъ и поднялась съ креселъ.

— Другъ, сестра! воскликнулъ гость, трагически воздѣвъ руки.

Чувствительная Катерина Никитишна и даже Марья Ивановна проливали слезы.

Обѣ онѣ знали Василья Петровича; но не видали его почти со времени своей молодости. Самъ дядя плакалъ, какъ женщина.

— Вотъ, говорилъ онъ, — я, бѣдный странникъ, увидалъ наконецъ родительскій домъ, и самъ пріобрѣлъ уголъ, гдѣ могу спокойно дожить свой вѣкъ.

— Постарѣли вы, Василій Петровичъ, сказала Катерина Никитишна, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Ну, и вы не помолодѣли! А помнишь, Катерина Никитишна, прошлое время? Вѣдь ты тогда не такая сѣдая крыса была, какъ теперь.

Со мной дядя обошелся ласково.

Весь вечеръ, до ужина, прошелъ для нихъ въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ. Я слушала съ удовольствіемъ живые, полные юмора разказы дяди и анекдоты изъ его жизни.

Передъ ужиномъ онъ спросилъ водки и выпилъ нѣсколько рюмокъ, послѣ чего голосъ у него сдѣлался рѣзче, глаза безпокойнѣе, шутки грубѣе. Послѣ ужина, выпилъ еще нѣсколько рюмокъ и сталъ придираться къ тетушкѣ, передразнилъ Катерину Никитишну, назвавъ ее дурой и прибавивъ, что она всегда была такой.

— Ну, вотъ, умникъ какой! отвѣчала та, стараясь обратить все въ шутку.

Наконецъ тетушка объявила, что пора на покой. Дядя былъ этимъ недоволенъ и обидчиво извинялся, что такъ обезпокоилъ насъ, что не видавшись столько лѣтъ, онъ никакъ не думалъ, что такъ скоро отяготитъ насъ своимъ присутствіемъ и отправился домой, оставя всѣхъ въ довольно-непріятномъ расположеніи духа.

Черезъ нѣсколько дней, онъ просилъ насъ къ себѣ на новоселье. Многіе изъ сосѣдей были также приглашены, не забыты были и сосѣдки.

Усадьба его была отъ насъ всего за версту; расположенная на берегу рѣчки, она состояла изъ небольшаго, довольно стараго домика, за которымъ тянулся рядъ крестьянскихъ избъ. Все имѣньице состояло душъ изъ пятнадцати. При домѣ находился запущенный огородъ, съ густыми черемухами и рябинами, между которыми красовались двѣ, три яблони.

Дядя выказалъ чрѐзвычайно мелочную заботливость на счетъ угощенія, самъ хлопоталъ о столѣ съ тетушкинымъ поваромъ и, казалось, былъ очень доволенъ своими хлопотами.

За обѣдомъ было даже шумно. Дядя завелъ съ отцомъ Алексѣемъ какой-то отвлеченный споръ, въ которомъ Андрей Николаичъ принялъ большое участіе. Кричалъ также не мало одинъ сосѣдъ, никогда не бывавшій у тетушки, по случаю своего довольно буйнаго характера и примѣрной храбрости, выказанной имъ въ нѣкоторыхъ праздничныхъ дракахъ.

Однимъ словомъ, кругъ, собранный дядей, принялъ совсѣмъ другой характеръ и получилъ какую-то смѣлость и самостоятельность, несмотря на присутствіе тетушки.

Къ вечеру графины съ водкой чаще и чаще опоражнивались, и бесѣда становилась шумнѣе.

Тетушка собралась ѣхать; къ ней подошелъ дядя.

— Какъ! сказалъ онъ:—родная сестра оставляетъ домъ своего брата прежде всѣхъ?!

— Другъ мой! я устала.

— Устала? развѣ ты не можешь у меня отдохнуть? Я, по милости родителя моего, имѣю свой уголъ и могу принять сестру мою.

Дядя употреблялъ это выраженіе, желая намекнуть на то, что мать его отдала все свое имѣніе дочерямъ.

—Конечно, заговорилъ онъ плаксиво,—я несчастный человѣкъ: родные бросили меня, сестра не хочетъ побыть у брата нѣсколько часовъ. Что же? развѣ у меня неприлично что-нибудь, развѣ я сдѣлалъ что-нибудь дурное?

— Ничего, другъ мой; но я лучше пріѣду къ тебѣ въ другой разъ, на цѣлый день.

— Не нужно мнѣ въ другой разъ! сердито сказалъ онъ и вышелъ.

— Что съ нимъ, ангелъ мой маменька, станешь дѣлать! сказала Марья Ивановна: — попало въ голову!

Въ эту минуту въ другой комнатѣ раздалось громкое нестройное пѣніе. Хоромъ сосѣдей управлялъ дядя и кричалъ на дьячка за то, что онъ фальшивитъ.

— Ну, вотъ и врешь, не туда залѣзъ! до-о-кса, до-о-кса сикирія! и дядя билъ тактъ по столу рукой, такъ что рюмки и стаканы составляли какой-то дикій акомпаниментъ его пѣнію.

Насъ, привыкшихъ къ тишинѣ, пугала эта шумная пирушка. Тетушка, по временамъ, даже вздрагивала. Мы съ Марьей Ивановной старались успокоить ее и другихъ робкихъ собесѣдницъ, находя въ себѣ силы шутить и смѣяться.

— Не подрались бы они! сказала одна изъ сосѣдокъ: — вѣдь мой-то куда какъ задоренъ, какъ въ голову-то попадетъ.

Въ это время вошелъ дядя съ рюмкой въ рукѣ.

— Что пьянъ я? говорилъ онъ. — Геничка! смотри, пьянъ ли я? Я сейчасъ по одной половицѣ пройду. Смотри, сестра!

И онъ сталъ ходить передъ нами взадъ и впередъ, по одной половицѣ, довольно твердымъ, хотя и медленнымъ шагомъ.

— А вотъ онъ такъ не пройдетъ по одной половицѣ, вотъ сосѣдъ-то не пройдетъ.

Онъ указалъ на крикливаго сосѣда, стоявшаго въ дверяхъ.

— Пройду не хуже тебя, отвѣчалъ тотъ.

— Ну-ка! ну-ка!

Сосѣдъ сдѣлалъ опытъ.

— А ты зачѣмъ ногами-то виляешь!

— Я виляю? матушка, Авдотья Петровна! рѣшите...

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала тетушка,—нѣтъ, вы тверды на ногахъ.

— Нѣтъ, пошатнулся, извини.

— Ужь если почтенная наша Авдотья Петровна сказала, что я твердъ на ногахъ, то значитъ ты врешь, сосѣдъ!

— Я вру? нѣтъ, любезный, шутишь... Ты, сидя-то здѣсь, въ медвѣжьемъ углу, научился врать...

— Полноте, сказала я, подходя къ сосѣду,—стоитъ ли спорить изъ пустяковъ!

— Матушка, Евгенія Александровна! пожалуйте ручку, не погнушайтесь! вѣдь вы, ангелъ, можно сказать...

И сосѣдъ, къ неописанному моему удивленію, залился слезами.

Дядю, между тѣмъ, отвлекла Марья Ивановна какою-то шуткой.

Остальные, полупьяные гости тоже вышли къ намъ; но, къ счастію, скоро оставили насъ въ покоѣ, соединясь за круглымъ столомъ въ другой комнатѣ.

Чтобъ выбраться изъ этой новой для меня и душной атмосферы, мы должны были прибѣгнуть къ хитрости: лошади поданы были къ заднему крыльцу, и мы уѣхали тихонько, не простясь съ дядей.

Я вздохнула свободно, какъ только свѣжій воздухъ пахнулъ на меня. Весь этотъ шумъ, несвязныя рѣчи, пьяныя лица, запахъ вина и табаку были мнѣ противны; усиліе, которое я дѣлала, чтобъ скрыть отъ тетушки непріятное впечатлѣніе, до того утомило меня, что мнѣ показалось, будто я тоже опьянѣла между этими людьми.

Вечеръ былъ тихій и теплый, когда мы выѣхали отъ дяди; дорога къ нашему дому шла лѣсомъ; запахъ пихтъ и сосенъ разносился въ воздухѣ; розовый лучъ заката золотилъ ихъ вершины и падалъ на лица моихъ спутницъ, озаряя ихъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ. Этотъ розовый блескъ на старыхъ морщинистыхъ лицахъ казался мнѣ чѣмъ-то нездѣшнимъ; мнѣ стало страшно, будто настала минута ихъ перерожденія, и внутренній пламень объялъ ихъ, для того чтобъ разрушить все ветхое и грубое ихъ существа и обновить ихъ для иной, новой жизни.

Съ замирающимъ сердцемъ, глядѣла я на тетушку и теперь только замѣтила, что время и послѣдняя болѣзнь не мало прибавили морщинъ на лицо ея; что голова ея тряслась и выбившіеся изъ-подъ чепчика волосы были совсѣмъ бѣлы. Серіозный видъ, со-

храняемый ею во всю дорогу, недовольное выраженіе ея губъ, мѣрный шумъ тихо катившихся дрожекъ и вообще молчаніе еще болѣе поддерживали во мнѣ это тяжелое впечатлѣніе.

Мысль о возможности лишиться доброй тетушки, въ первый разъ ясно представилась мнѣ и внесла въ мою душу предчувствіе истиннаго, положительнаго горя.

Съ пріѣздомъ домой разсѣялись мои грустныя мысли; мирныя комнаты, съ осѣняющею ихъ зеленью, хлопотливость Өедосьи Петровны, приказанія тетушки старостѣ, разговоры Катерины Никитишны съ Марьей Ивановной, все это вводило меня невольно и незамѣтно для меня самой въ обычную колею жизни.

— Маменькѣ-то, кажется, непріятно было, сказала Марья Ивановна,—что онъ въ такомъ видѣ угостилъ ее на первый разъ; я обмирала, чтобъ у нихъ чего не вышло съ Кузьмой Сидорычемъ. Долго ли до грѣха? Видно послалъ Богъ сосѣда-то не смирнаго. Да онъ насъ здѣсь завоюетъ.

— Ну, полно, ужь и завоюетъ! какъ ты хочешь, Марья Ивановна, чтобъ мущина не выпилъ! возразила Катерина Никитишна.

— Да вѣдь онъ и нерѣдко такъ бываетъ. Поживи-ка съ нимъ, узнаешь каковъ молодецъ. Нѣтъ, ужь я слышала о немъ...

— Что̀ же, Господи помилуй, не приколотитъ же!

— Да что за удовольствіе? Пойдутъ непріятности; у насъ вѣдь здѣсь былъ женскій монастырь.—Что̀, Геничка, обратилась она ко мнѣ, весело ли было у дядюшки-то?

Я улыбнулась въ отвѣтъ.

— Вотъ, друзья мои, сказала тетушка, усѣвшись въ свое кресло,—на какомъ пиру были мы! Признаться, мнѣ очень было непріятно: что̀ за компанію выбралъ и слѣдъ ли ему такъ орать и такіе фарсы выкидывать! И что за лицо, что за голосъ сдѣлались, смотрѣть страшно! прежде онъ совсѣмъ другой былъ.

— Да вы, ангелъ мой маменька, не разстроивайтесь; вотъ вы огорчитесь, а вамъ это вредно.

— Ахъ, Марья Ивановна! да вѣдь онъ не чужой мнѣ!

Простясь съ тетушкой, я ушла въ садъ и долго бродила по темнымъ аллеямъ, сквозь густую зелень которыхъ кротко мерцали звѣзды, и лучи ихъ зажигали въ моемъ сердцѣ сладостныя, неопредѣленныя чувства, которыя, будто музыка, убаюкивали меня и заставили сладко заснуть, когда я, возвратясь домой, легла на

свою постель... Но и сквозь сонъ казалось мнѣ, что ночные сильфы, влетая въ открытое окно, рѣяли надъ моимъ изголовьемъ и напѣвали тихія пѣсни...

Вдругъ, подъ окномъ, раздалось такое громкое пѣніе, что его никакъ нельзя было принять за пѣніе сильфовъ. Я вскочила съ постели, не зная что̀ подумать, пока не узнала голоса дяди. Онъ пѣлъ:

«Дуброва шумитъ»...

Я наскоро одѣлась и подошла къ окну, передъ которымъ стоялъ дядя.

— Какову я тебѣ серенаду задалъ? сказалъ онъ мнѣ:—ну что вы здѣсь живете! совсѣмъ заплесневѣли; вотъ, мы васъ расшевелимъ...

— Я боюсь, что вы разбудите тетушку.

— Сестру? это что̀ за нѣжности! Конечно, вы большія барыни живете здѣсь; сохрани Богъ васъ обезпокоить, имѣете тонкій сонъ... Извините, Евгенія Александровна, старика дядю, что осмѣлился обезпокоить васъ; вѣдь вы нѣжная дѣвица, вы на нашего брата смотрите съ презрѣніемъ. Извините, извините!

И онъ, съ насмѣшливою почтительностью, раскланивался со мною.

— Что это, баринъ, и ночи-то на васъ нѣтъ! сказала съ крыльца Ѳедосья Петровна:—вѣдь вы эдакъ сестрицу-то перепугаете...

— Конечно, сестрицу-то перепугаете, передразнилъ онъ Ѳедосью Петровну, потомъ крикнулъ:—молчи, старая вѣдьма! А вотъ, Геничка, ты бы старика-дядю и угостила, велѣла бы поднести ему... Прикажи вотъ этой вѣдьмѣ вынести сюда рюмочку...

— Да ключи-то у барыни подъ подушкой, сказала Ѳедосья Петровна.

— Такъ чортъ же съ вами! я къ попу пойду, если ужь въ домѣ родной сестры родная племянница пожалѣла дядѣ рюмку водки!..

И онъ пошелъ по дорогѣ.

Я долго не могла заснуть, взволнованная непріятнымъ ощущеніемъ. Мнѣ было больно и обидно за дядю, и образъ его вы-

тѣснилъ всѣ свѣтлыя видѣнія, налетѣвшія на меня до его появленія.

На другой день, утромъ, Ѳедосья Петровна не утерпѣла, чтобы не пересказать тетушкѣ о ночной прогулкѣ дяди, и это очень взволновало и разсердило тетушку.

— Ахъ, Боже мой! говорила она за чаемъ:—ужь до чего дошелъ, по ночамъ шататься, безпокоить ребенка (то-есть меня). Ахъ, онъ пьяница! Нѣтъ, я ему скажу, какъ ему угодно, чтобъ онъ такихъ фарсовъ не выкидывалъ.

Я увѣряла, что еще не спала и нисколько не испугалась; но тетушка не вѣрила, думая, что я этимъ хочу только успокоить ее.

Передъ обѣдомъ, я сидѣла на крыльцѣ, по старой привычкѣ дѣтства. Зеленый коверъ разстилался передо мной, какъ и въ былое время; сосновый лѣсъ съ полуденнымъ вѣтеркомъ посылалъ свои благоуханія. Теперь ужь никто не удержитъ меня идти по дорогѣ и погрузиться въ густую тѣнь лѣса. Мнѣ не нужно, съ замирающимъ сердцемъ, проситься у тетушки... Но я сидѣла неподвижно, носясь далеко мыслію, воскрешая въ умѣ прошедшее. Лиза, Павелъ Иванычъ, жизнь у тетушки Татьяны Петровны, мрачный образъ Тарханова — вставали и проносились передо мной, будто требуя отчета въ различныхъ впечатлѣніяхъ, оставленныхъ ими въ душѣ моей.

По дорогѣ отъ лѣса шелъ дядя. Онъ шелъ тихо, опираясь на палку и сгорбившись, что̀ придавало ему видъ старика.

Первымъ безотчетнымъ моимъ движеніемъ было встать и уйдти, но я преодолѣла это движеніе и отважно отправилась къ дядѣ на встрѣчу. Я помнила вчерашній сердитый тонъ, упрекъ и ругательство, съ которыми онъ насъ оставилъ и ожидала, что и сегодня разразится гроза.

— Здравствуйте, дядюшка! сказала я, подходя къ нему.

— Здравствуй, другъ мой! отвѣчалъ онъ, охая и цѣлуя меня съ нѣжностью:—радость ты моя! Я вчéра обезпокоилъ тебя! Извини ты меня!

— Э, полноте, есть ли о чемъ толковать! я и забыла о вчерашнемъ. Что вы это охаете?

— А, вотъ, сегодня безъ ногъ совсѣмъ. Что сестра? Я думаю, сердится на меня?

Я не знала что̀ отвѣчать.

— Знаетъ она, что я куралесилъ ночью?

— Кажется.

— Вотъ вѣдь ты какая ябедница, сказалъ онъ полушутливо,—сейчасъ и выдала дядю!

— Я ничего ей не говорила?

— Такъ это все эта вѣдьма Ѳедосья! продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.

Я не отвѣчала.

Такъ дошли мы до дому.

Дядя, крехтя и охая, вошелъ съ печальнымъ видомъ къ тетушкѣ и сказалъ тономъ кающагося грѣшника:

— Сестра! прости! я вчера огорчилъ тебя. Дай ручку!

Состраданіе замѣнило въ сердцѣ тетушки приготовленный выговоръ.

— Ну, ужь Богъ съ тобой! сказала она.—Экъ тебя перевернуло!

Дядя продолжалъ охать. Добрая Катерина Никитишна также приняла въ немъ участіе. Марья Ивановна еще не приходила.

— Прикажи, сестра, дать мнѣ рюмочку; силъ нѣтъ, всѣ кости болятъ.

Тетушка слегка поморщилась; дядя быстро взглянулъ на нее и опустилъ глаза.

— Дай ему, Ѳедосья, рюмочку, сказала тетушка вошедшей Ѳедосьѣ Петровнѣ.

Вскорѣ дядя вышелъ въ дѣвичью.

— А ты, старая корга, сказалъ онъ Ѳедосьѣ Петровнѣ, смягчая это выраженіе голосомъ шутки,—сейчасъ переплеснула сестрѣ о вчерашнемъ! А еще я хотѣлъ угостить тебя по-пріятельски!

— Да вѣдь какъ же, Василій Петровичъ: ну какъ бы онѣ узнали послѣ отъ другихъ, гнѣваться бы стали.

— А кто смѣетъ сказать? А! у васъ все шпіоны, переносчики!

— Не извольте обижать, Василій Петровичъ, заговорили дѣвки, присутствовавшія въ дѣвичьей,—у насъ никакихъ шпіоновъ нѣтъ. Наше ли дѣло говорить о господахъ?

Ѳедосьѣ Петровнѣ было непріятно.

— А вотъ ты, бабушка, продолжалъ дядя вкрадчиво, — чтобъ загладить свою вину, поднеси мнѣ рюмочку; тогда ужь, Богъ съ тобой, такъ и быть, не буду помнить зла.

Ѳедосья Петровна вынесла изъ кладовой графинъ и рюмку.

— Я не иначе выпью, какъ съ тѣмъ, чтобъ и ты выпила.

— Что̀ съ вами будешь дѣлать, баринъ, сказала развеселясь Ѳедосья Петровна, — проказникъ этакой!

Она выпила рюмку.

Ѳедосья Петровна была совершенно побѣждена.

— Не будешь ябедничать, а? То-то же смотри у меня! А на мировую надо еще рюмочку выпить. И онъ выпилъ.

Дядя былъ рѣшительно неистощимъ въ изобрѣтеніи предлоговъ выпить, и къ обѣду совершилось его измѣненіе: лицо раскраснѣлось, глаза забѣгали быстро; лѣнивыя движенія смѣнились безпокойными; голосъ зазвучалъ грубо и сердито.

Я съ любопытствомъ наблюдала этого человѣка, столь тихаго и мирнаго въ трезвомъ видѣ, и столь раздражительнаго и несноснаго, какъ скоро попадало ему въ голову.

Изъ его рѣчей и поступковъ можно было замѣтить, что онъ дѣйствовалъ не безсознательно, что вино помогало ему высказывать свои затаенныя досады и горести, причина которыхъ крылась въ его стремительной, безпокойной натурѣ, но до того подавленной врожденною слабостью характера, что, трезвый, онъ не имѣлъ силы сказать что-нибудь рѣзкое или непріятное для другихъ. Сердился ли онъ на человѣка, казалось ли ему что-нибудь сказаннымъ на его счетъ (онъ былъ подозрителенъ и самолюбивъ) — онъ ни взглядомъ, ни словомъ не обнаруживалъ въ то время своихъ впечатлѣній, а нарочно выпивалъ на другой день лишнее и вымещалъ все сторицею. Такимъ образомъ, поработясь несчастной страсти, онъ въ то же время дѣлалъ изъ нея слугу себѣ.

Послѣ обѣда, дядя придирался нѣсколько разъ то къ Катеринѣ Никитишнѣ, то къ Марьѣ Ивановнѣ, пришедшей къ обѣду; вывелъ изъ терпѣнія тетушку укорами въ недостаткѣ нѣжности къ брату. Старушка ушла за ширмы и поручила намъ «не пускать къ ней злодѣя».

Мнѣ предстояла не очень веселая жизнь, по милости дяди: безконечный рядъ мелочныхъ, но все-таки непріятныхъ сценъ,

видѣлся мнѣ впереди и отравлялъ тишину души моей, какъ рой мошекъ и комаровъ отравляетъ прелесть яснаго, теплаго вечера.

Сцены эти разстроивали и сердили тетушку, что̀ въ ея годы могло произвести дурное вліяніе на ея здоровье. Дядя и меня не оставлялъ въ покоѣ. Пьяный, онъ называлъ меня неиначе какъ: «Евгенія Александровна», «вы», «мечтательная дѣвица». Съ искусствомъ, ему только свойственнымъ, придирался онъ къ каждому невинному моему слову и выводилъ изъ него, что я или думаю смѣяться надъ нимъ, или считаю его глупѣе себя.

Странная была эта натура! До всего ему было дѣло, все его тревожило; онъ ревновалъ горничныхъ, разбиралъ ссоры, подозрѣвалъ всѣхъ въ какихъ-то недобрыхъ противъ себя намѣреніяхъ. А между тѣмъ, въ немъ не было ни барской спѣси, ни презрѣнія къ низшимъ себя по состоянію; нерѣдко даже проглядывали въ немъ порывы искренней доброты и настоящаго русскаго хлѣбосольства,—все это вмѣстѣ съ его живымъ, находчивымъ умомъ, съ опытностью, пріобрѣтенною годами и разнообразными столкновеніями въ жизни, могло бы сдѣлать изъ него самаго пріятнаго и любезнаго человѣка. Къ несчастію, все это помрачалось частыми непріятными выходками въ нетрезвомъ видѣ, какимъ-то внутреннимъ недовольствомъ и желчною раздражительностью, вѣроятно, не безъ причины запавшими ему въ душу. Онъ не былъ горькимъ пьяницей и, когда хотѣлъ, владѣлъ своими страстями. Притомъ, онъ любилъ дѣятельность и скучалъ безъ службы.

Къ ночи пріѣхалъ Митенька, что̀ возвѣстилъ намъ необычайный лай сабакъ, вызвавшій Дуняшу на крыльцо, откуда она и принесла мнѣ эту новость.

На другой день, къ утреннему чаю, онъ явился съ Марьей Ивановной засвидѣтельствовать почтеніе тетушкѣ. Входъ ихъ имѣлъ на этотъ разъ что-то торжественное: Марья Ивановна шла впереди, въ чистомъ чепцѣ, широкая оборка котораго завертывалась на ходьбѣ назадъ и представляла что-то въ родѣ ореола кругомъ ея довольнаго лица. Митенька, кончившій уже курсъ въ уѣздномъ училищѣ, выступалъ за нею въ новомъ сюртукѣ и пестромъ жилетѣ.

— Поздравляю тебя, Марья Ивановна! сказала тетушка: — Богъ привелъ тебѣ дождаться сына большаго... И тебя, Митенька,

поздравляю. Посмотрите, да онъ сталъ молодецъ, прибавила она.

Митенька пріятно улыбнулся, покраснѣлъ отъ удовольствія и еще разъ поцѣловалъ у тетушки ручку.

— Да вотъ теперь одна забота, сказала Марья Ивановна, — какъ бы его къ мѣстечку пристроить.

— А Богъ милостивъ, маменька! Аѳанасій Алексѣичъ обѣщалъ.

Вскорѣ пришелъ дядя.

Прежде нежели онъ вошелъ къ намъ, громкій голосъ его уже доходилъ до насъ.

— Пожаловалъ дорогой гость, сказала тетушка: — видно попало въ голову, вонъ какимъ соловьемъ заливается.

— Да ужь, кажется, есть, сказала Марья Ивановна.

Въ эту минуту взоры наши поражены были странною картиной: дядя остановился въ дверяхъ, держа подъ мышкой бѣлаго индѣйскаго пѣтуха, который съ глупымъ любопытствомъ вытягивалъ свою безобразную голову и пронзительно кричалъ.

Не выпуская изъ рукъ пѣтуха, дядя почтительно подошелъ къ тетушкѣ, поцѣловалъ у нея руку и сказалъ смиреннымъ голосомъ.

— Я пришелъ къ тебѣ на судъ, сестра! сдѣлай милость, запрети своему пѣтуху ходить ко мнѣ въ огородъ.

— Изволь, мой другъ, сказала тетушка съ насмѣшливою покорностью, — завтра же велю заколоть его на жаркое.

— Нѣтъ, что̀ заколоть! зачѣмъ заколоть! Ты запрети ему.

— Кажется, ты помѣшался, Василій Петровичъ!

— А! заговорилъ онъ сердито, — я помѣшался! нѣтъ, я не помѣшался. А твои люди успѣли вчера высѣчь моего козла за то, что онъ пришелъ на дворъ къ вамъ!

И за тѣмъ пошли безконечныя варіяціи на эту тему, пока дядя не перешелъ къ болѣе любимой имъ, а именно къ недостатку родственнаго расположенія къ нему со стороны родной сестры его, которая готова промѣнять его на послѣдняго своего двороваго мальчика. Тетушка вышла изъ терпѣнія, назвала его «крючкомъ» и ушла за ширмы въ свою комнату, оставя насъ на жертву его любезности.

— Вы, кажется, вчера вечеромъ изволили прогуливаться подъ

моею усадьбой? обратился онъ ко мнѣ. — Что бы удостоить дядю вашимъ посѣщеніемъ!

— Было уже поздно.

— Поздно! Конечно, вы предавались своимъ мечтаніямъ?

— Кому же и мечтать-съ, какъ не молодымъ дѣвицамъ? вмѣшался Митя.

— А, господинъ ученикъ уѣзднаго училища! Мое почтеніе! Поздравляю васъ съ окончаніемъ блестящаго образованія. По батюшкѣ пошли.

— Нечего вамъ, Василій Петровичъ, трогать моего батюшку, сказалъ Митя.

— Что? крикнулъ дядя свирѣпо:—что ты сказалъ? Вы слышали, обратился онъ къ намъ, — вы были свидѣтели. Развѣ я сказалъ что дурное объ его отцѣ? Ахъ ты, молокососъ! да какъ ты осмѣлился сказать это мнѣ, — мнѣ?.. Да ты знаешь ли?.. да ты что еще?.. кричалъ онъ, ближе и ближе подступая къ Митѣ, поблѣднѣвшему и струсившему не на шутку.

— Василій Петровичъ, Василій Петровичъ! закричали въ ужасѣ въ одинъ голосъ, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, Марья Ивановна и Катерина Никитишна, подбѣжали къ нему и старались удержать его.

— Вы что, тетери?! крикнулъ онъ на нихъ; ну, чего испугались, за кого вы меня принимаете? Что, струсилъ? сказалъ онъ Митѣ. Дуралей, дуралей! шутки не видитъ! Ну, полно, братъ! поцѣлуемся. А ты, Геничка, прикажи мнѣ рюмочку дать.

Я исполнила его просьбу, послѣ чего онъ отправился къ тетушкѣ просить прощенія, умолялъ выйдти и божился, что больше никакой непріятности ей не сдѣлаетъ. Тетушка простила его, частію для того, чтобъ отдѣлаться отъ него, частію вслѣдствіе сердечной доброты, не могшей устоять противъ смиреннаго самообвиненія дяди, который исполнилъ свое обѣщаніе и во все остальное время дня былъ веселъ и пѣлъ чувствительные романсы, русскія пѣсни, пѣлъ съ душой, голосомъ, хотя уже утратившимъ свою свѣжесть, но не лишеннымъ пріятности.

— Вотъ вѣдь, сестрица, сказалъ Митя, выходя со мною въ садъ:—Василій Петровичъ понапрасну меня обидѣлъ.

— Не огорчайтесь, Митя! онъ сдѣлалъ это безъ намѣренія.

— Да я на него не сержусь, Богъ съ нимъ!

— У васъ доброе сердце.

— Я, сестрица, зла никому не желаю. Грѣхъ желать зла. Вѣдь вотъ онъ и къ вамъ все придирается, а душа у него добрая. Что̀ вы это разглядываете? ахъ, Господи! — червяка! и онъ залился добродушнымъ смѣхомъ.

— Посмотрите, какой красивый! и я поднесла на ладони къ его лицу большаго, пестраго, пушистаго червяка.

— Ой, полноте-ка! я ихъ терпѣть не могу! сказалъ онъ, отступая назадъ.

— Ужь не боитесь ли?

— Нѣтъ, чего бояться. Вотъ, мышей такъ боюсь. Господи! подумаешь, продолжалъ онъ,—чего-чего Богъ не создалъ! Ну, для чего, кажется, на свѣтѣ эти мыши проклятыя? А вотъ вы, сестрица, я думаю, читали естественную исторію? Въ Африкѣ-то, въ Америкѣ-то какъ: тигры, леопарды живутъ. Какъ бы они у насъ были,—кажется, и въ лѣсъ-то бы не вышелъ.

— И у насъ есть медвѣди, отвѣчала я.

— Что̀ медвѣдь? ничего! отъ медвѣдя спастись можно: упасть на землю да и не дышать,—такъ, говорятъ, ни за что не тронетъ. Одинъ мужикъ встрѣтился въ лѣсу съ медвѣдемъ, да и началъ вокругъ дерева ходить; тотъ покружился, покружился за нимъ, да и пошелъ прочь. Да, слава Богу, въ здѣшнихъ лѣсахъ не водятся. А вы, я думаю, сестрица, скучаете здѣсь? Господи! давно ли, кажется, маленькія были! бывало все играете. А вотъ меня такъ гоняли отъ себя.

— Вы не умѣли играть съ нами.

— А помните ли, какъ вы обманули меня? велѣли запереть себя въ хижинкѣ и увѣрили, что вы колдуньи, что если я запру васъ, да постою у дверей, такъ вы изчезнете. Я и заперъ васъ; а вы вылѣзли тихонько въ окошечко да и убѣжали. Я посмотрю, а васъ ужь и нѣтъ въ хижинкѣ; перепугался, бѣгу домой, кричу; а вы сидите обѣ на балконѣ да смѣетесь. Вотъ ужь моя сестрица замужемъ, мать семейства будетъ; пора ужь и вамъ выходить. Да правда жениховъ-то у насъ здѣсь нѣтъ. А вѣдь вы очень похорошѣли противъ того, какъ маленькія были. А что, сестрица, вы влюблялись ли когда?

— А вы?

— Вотъ вѣдь вы какія, сказалъ онъ и засмѣялся.—Нѣтъ-съ,

куда мнѣ влюбляться? мнѣ надо о другомъ думать. Да и страшно влюбляться-то; любовь, говорятъ, мучительна; еще какая попадется: пожалуй насмѣется да обманетъ.

— Я не знала, Митя, что вы такъ дурно думаете о женщинахъ.

— Ахъ, сестрица! А женщины-то объ мущинахъ еще хуже думаютъ. Сами виноваты, а все на нихъ.

— А ужь онѣ непремѣнно выноваты?

— Конечно, всякіе бываютъ и мущины, и женщины. Вотъ вы, сестрица, я думаю, какъ полюбите, такъ ужь не измѣните.

— Почему вы знате?

— Нѣтъ-съ, да ужъ это видно . . .

Но объяснить мнѣ, изъ чего это видно, Митя никакъ не могъ.

Съ этихъ поръ, онъ не пропускалъ случая заводить со мной подобные разговоры. Сперва мнѣ было отъ нихъ скучно; но, въ послѣдствіи, его простодушіе, его младенческое невѣдѣніе людей и жизни стали занимать меня.

Окруженная людьми, не могшими мнѣ, по лѣтамъ своимъ, сочувствовать ни въ чемъ я видѣла въ Митѣ товарища мнѣ, если, не по понятіямъ, то по молодости, и потому я нерѣдко бывала рада когда къ вечеру, возвращаясь съ охоты, онъ заходилъ къ намъ, всегда веселый и улыбающійся, садился возлѣ меня въ уголокъ, разказывалъ о лѣшихъ и медвѣдяхъ, или высказывалъ свои мнѣнія о любви и о трудности жить на свѣтѣ.

Но сердце мое ощущало страшную пустоту. Эта жизнь безъ цѣли и дѣятельности, несмотря на ея миръ и беззаботность, порой тяжело ложилась мнѣ на душу. Одна природа неизмѣнно лелѣяла меня своимъ разнообразіемъ, своею таинственною жизнью. Теплый вечеръ наносилъ мнѣ мечты; ясное раннее утро вливало въ меня бодрость и силы. Въ минуты безотчетной тоски, я убѣгала въ садъ съ намѣреніемъ выплакаться; но когда глаза мои останавливались на кустахъ сирени, увѣшенной душистыми, цвѣтущими бѣлыми и лиловыми кистями, или встрѣчали полузакрытую зеленью розу, или глядѣли на густую, сочную траву, а эхо слушало шепотъ листьевъ, тогда все вниманіе мое устремлялось на эти очарованные предметы и тоска моя отлетала... Успокоенная,

примиренная, возвращалась я домой, и долго не смѣла ничего просить у жизни.

Неожиданно дядя получилъ должность, по ходатайству одного стариннаго своего пріятеля, и, послѣ четырехъ-недѣльнаго пребыванія въ нашей сторонѣ, уѣхалъ. Я была рада, да и всѣ не были опечалены; но когда тройка, уносившая его, заворотила за лѣсъ и поднявшееся на дорогѣ облако пыли разсѣялось, мнѣ стало грустно и жаль этого человѣка.

А что̀ будетъ со мною? Какія еще встрѣчи предстоятъ мнѣ?.. Грустно и страшно!

VI.

— Вотъ, ангелъ мой Машенька, говорила Марья Ивановна, садясь за карточный столъ черезъ недѣлю или больше послѣ дядина отъѣзда,—теперь у насъ опять женскій монастырь. Шутила-то нашъ уѣхалъ. Рай пресвѣтлый безъ него! А то страхъ съ нимъ! сядешь за карты, того и гляди что придерется, закричитъ. И вѣдь экой человѣкъ! никого не оставитъ въ покоѣ. Митя мой, и тотъ ему помѣшалъ, и того обидѣлъ.

— Ужь такой несносный характеръ, сказала тетушка.

— Полноте, ангелъ мой, это онъ съ нами только воевалъ; съ кѣмъ не хочетъ, такъ посмотрите, какъ тихъ. Вѣдь онъ до пьяна никогда не напивается, всегда въ полной памяти.

— Какъ ты хочешь, Марья Ивановна,—мущина! возразила Катерина Никитишна.—Бывало, мой покойникъ, какъ попадетъ ему въ голову, такъ святыхъ вонъ неси! Вотъ Авдотья Петровна помнитъ, какъ я прибѣгала къ ней съ разбитой-то губой.

— Да, Катенька, потерпѣла ты отъ него!

— Царство ему небесное! проговорила Катерина Никитишна со слезами на глазахъ; — иногда бывало всплачешь, а иногда и разсмѣешься.

Къ вечернему чаю пришла Арина Степановна. Она пришла верстъ за пять. Круглое лицо ея лоснилось отъ жару и было красно; большіе глаза глядѣли пугливо; смятый, подозрительной чистоты чепчикъ покривился.

— Да поправь, кумушка, чепецъ-то, сказала Катерина Никитишна.

— Ну, матушка, хорошо. Хоть какъ-то бы нибудь, да на головѣ держался.

— Какъ поживаешь, Арина Степановна? спросила тетушка.

— Ой, матушка, Авдотья Петровна, ужь какое мое житье! съ дѣтками-то измаялась. Бѣднымъ людямъ плохое житье, Авдотья Петровна.

— Ну, полно, расхныкалась, сказала Марья Ивановна,—а ты лучше скажи не слыхала ли чего новенькаго?

— А что новенькаго-то? Вотъ Аграфена Сергѣвна дочку помолвила за Кренева, онъ въ судѣ служитъ. Да, я чай слышали, что въ Завѣдово молодой помѣщикъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ?

— Да, пріѣхалъ. При жизни-то батюшки побывать не хотѣлъ, а какъ тотъ умеръ, такъ къ наслѣдству-то тутъ какъ тутъ.

— Да что пріѣзжать-то было, старикъ помѣшанный.

— Да вѣдь и помѣшанный, Марья Ивановна, а все же отецъ.

— Да оно такъ, конечно...

Эта вѣсть заинтересовала всѣхъ, не исключая и насъ съ тетушкой.

Завѣдово отстояло отъ насъ верстахъ въ пяти. По слухамъ, это была усадьба большая и запущенная. Жилъ въ ней долго старикъ помѣщикъ, который, овдовѣвъ подъ старость, пересталъ заниматься хозяйствомъ и повелъ жизнь уединенную и странную. Никого не принималъ, никуда не выѣзжалъ и даже дома постоянно сидѣлъ въ своей комнатѣ, окна которой не отворялись и середи краснаго лѣта; читалъ онъ однѣ и тѣ же старыя книги, носилъ теплый тулупъ. Послѣ смерти жены, онъ оставилъ свой большой каменный домъ и переселился въ деревянный флигель. Никто изъ

людей не смѣлъ входить къ нему безъ дозволенія, не смѣлъ напомнить о часѣ обѣда или ужина, когда самъ старикъ забывалъ, или не хотѣлъ ихъ потребовать. Когда же ему случалась надобность въ прислугѣ, онъ стучалъ кулакомъ въ стѣну, за которою находилась кухня, гдѣ жили кухарка и мальчикъ, единственныя почти лица, видавшія его въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Исключеніе оставалось только за старостой, доставлявшимъ ему два раза въ годъ сборъ оброковъ. При появленіи его, въ старикѣ вдругъ пробуждались хозяйственныя заботы и интересы: онъ расспрашивалъ обо всемъ подробно и не забывалъ ничего,—и это держало старосту въ нѣкоторомъ страхѣ.

Помѣщикъ умеръ одинокимъ, на рукахъ людей, оставивъ имѣніе своему единственному сыну, служившему въ какомъ-то губернскомъ городѣ и почти съ дѣтства не заглянувшему подъ родительскій кровъ. Былъ ли онъ въ ссорѣ съ отцомъ, или какія другія причины принудили его къ этому, никто не зналъ.

Барыня, закинувшая намъ вѣсть о пріѣздѣ Данарова, была уже дома и «маялась» тамъ съ своими ребятишками, когда я, гуляя въ вечерній часъ подъ густымъ навѣсомъ деревьевъ, думала о пріѣзжемъ. Я старалась угадать его наружность, его свойства, пріемы.

Однажды, послѣ обѣда, когда всѣ предавались отдыху, я сидѣла одна въ залѣ за пяльцами, лѣниво стегая иголкой по канвѣ. Я шила погонъ для Мити, обѣщанный ему за пучки полевыхъ цвѣтовъ, такъ часто приносимые имъ для меня съ охоты. Солнце сіяло жарко; вѣтеръ, врывавшійся въ открытыя окна, доносилъ благоуханіе цвѣтущихъ липъ (это было въ половинѣ іюня) и тонкій запахъ резеды. Герань опустила листы, утомленные горячими лучами; скворецъ изрѣдка вскрикивалъ и снова дрожалъ въ клѣткѣ. Все было проникнуто благоухающею, пріятно-томящею теплотой. Я перестала работать, откинулась на спинку стула и стала смотрѣть въ окно, изъ котораго видны были только разросшіеся кусты сирени. Вѣтки ихъ касались рамы окошка и будто просились въ комнату, едва качаемыя вѣтеркомъ; множество пчелъ жужжало и кружилось надъ ними, иныя залетали въ окно и бились на стеклахъ. Суетливыя мухи весело и любопытно садились на все, что̀ ни попадало, щекотали мнѣ лицо и надоѣдали порядкомъ. Меня одо-

лѣвала дремота, но я боролась съ ней; мнѣ не хотѣлось закрыть глаза, перестать глядѣть на зелень, облитую такимъ чудеснымъ солнечнымъ свѣтомъ, на небо, которое сіяло такою чистою, безоблачною лазурью . . .

— Барышня! сказала торопливо и таинственно вошедшая Ѳедосья Петровна : — Завѣдовскій помѣщикъ!

Прежде чѣмъ я успѣла обернуться, въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, средняго роста, блѣдный, худощавый, съ прекрасными правильными чертами лица; темные глаза его смотрѣли холодно и насмѣшливо. Съ перваго взгляда видъ его возбуждалъ участіе, смѣшанное съ любопытствомъ.

— Данаровъ, сказалъ онъ, поклонясь довольно небрежно. — Могу ли я видѣть Авдотью Петровну?

Я пригласила его въ гостиную, сказавъ, что тетушка отдыхаетъ и вѣроятно скоро проснется.

— Я подожду, сказалъ онъ и сѣлъ въ кресло съ видомъ усталости.

Я не начинала съ нимъ разговора; мнѣ казалось, ему было лѣнь говорить, и взяла съ окна вязанье.

— Какъ это вы работаете въ такой жаръ? сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Я не успѣла отвѣчать, какъ вошла тетушка.

Гость обратился къ ней почтительно и, послѣ необходимой рекомендаціи своей особы, объяснилъ причину своего посѣщенія, сказавъ, не обинуясь, что кромѣ удовольствія познакомиться съ ней, ему нужно переговорить о продажѣ ея пустоши, смежной съ его полями. Тетушка объявила цѣну, на которую онъ легко согласился.

Послѣ этого разговоръ обратился на старинное знакомство тетушки съ его покойными отцомъ и матерью. Тетушка видала его еще ребенкомъ.

Данаровъ вдругъ сдѣлался разговорчивъ и предупредителенъ, разказывадъ тетушкѣ политическія новости, обращался иногда и ко мнѣ съ разными замѣчаніями, произвелъ на старушку самое выгодное впечатлѣніе и уѣхалъ довольно поздно.

Обращеніе Данарова не пахло надутостью богатаго барича, у

него не было самонадѣянныхъ замашекъ модныхъ львовъ, ни щепетильной изысканности въ одеждѣ. Но въ его манерахъ было что-то такое, что̀ становило самолюбіе на сторожу, ласкало и дразнило его, и затѣвало съ нимъ заманчивую игру. Его сужденія, взглядъ, то равнодушный, то̀ проницательный и живой; движенія, то быстрыя, то лѣнивыя; улыбка, умѣвшая придавать особенный смыслъ самому простому слову, — все это осталось у меня въ памяти и невольно приводило меня къ вопросу: пріѣдетъ ли онъ опять?

Онъ пріѣхалъ черезъ недѣлю. Это былъ день рожденія Митеньки; сосѣди и я обѣдали у Марьи Ивановны, а послѣ обѣда рѣшили провести вечеръ у насъ.

Тетушка не была у Марьи Ивановны, потому что высокая лѣстница была для нея не малымъ затрудненіемъ, и Марья Ивановна, въ подобные торжественные дни, приносила ей на домъ разнообразный завтракъ и считала это за визитъ тетушки къ ней.

Мы переходили гурьбой широкій дворъ отъ дома Марьи Ивановны, когда показалась коляска Данарова. Поравнявшись съ нами, онъ вышелъ изъ экипажа и подошелъ свободно, какъ старый знакомый.

Три барышни и двѣ поповны доставались въ этотъ вечеръ на мою долю. Я должна была занимать ихъ, какъ дѣвица и хозяйка, потому что въ нашей сторонѣ дѣвушки и замужнія составляли два отдѣльные кружка, какъ скоро ихъ собиралось нѣсколько вмѣстѣ. Барышни были жеманны и недовѣрчивы, потому что рѣдкія свиданія и высокое, по ихъ понятіямъ, положеніе тетушки проводили между нами непереходимую черту, которую не могли изгладить никакія усилія съ моей стороны. При малѣйшей попыткѣ развеселить ихъ и сдѣлать откровенными, онѣ угодливо улыбались и отвѣчали уклончиво и осторожно. Скрытность со мною была ихъ непреклоннымъ правиломъ. Подобныя отношенія, смѣшанныя съ чувствомъ невольной, затаенной зависти ко мнѣ, дѣлали ихъ присутствіе тяжелымъ и скучнымъ для меня.

Двѣ изъ нихъ были дочери извѣстной уже Арины Степановны, существа блѣдныя и безцвѣтныя; третья, Маша Филиппова, личность болѣе замѣчательная, съ смуглымъ, худощавымъ личикомъ, съ прекрасными черными глазами, полузакрытыми густыми длинными рѣсницами, съ тонкими губами, сжатыми постоянною и

какою-то неопредѣленною улыбкой, съ выдавшимся впередъ, слегка-заостреннымъ подбородкомъ, съ манерами вкрадчивыми, не лишенными своего рода кокетства. Ей было двадцать четыре года; она нерѣдко гостила у родныхъ въ уѣздномъ городѣ, а послѣ отъѣзда Лизы часто и у насъ, и была довольно развязна и смѣла. Вообще вся физіономія ея обращала на себя вниманіе; но, какъ мнѣ казалось, никогда не могла внушить довѣрія. Названіе «цыганочки», втихомолку данное ей почти общимъ голосомъ, шло къ ней какъ нельзя болѣе.

При появленіи незнакомаго молодаго человѣка, глаза ея любопытно сверкнули, и щеки вспыхнули легкимъ румянцемъ. Лишь только онъ приблизился ко мнѣ, какъ она, взявъ подъ руки дочерей Арины Степановны, отошла въ сторону и шла вдали, до самаго дома, громко разговаривая и смѣясь, что̀ заставило Данарова нѣсколько разъ посмотрѣть въ ихъ сторону.

Черезъ нѣсколько минутъ, гостиная тетушки наполнилась, и Ѳедосья Петровна засуетилась за самоваромъ. Тутъ я пригласила дѣвицъ въ садъ, гдѣ еще цѣлы были качели, устроенныя тетушкой для потѣхи моего недавняго дѣтства.

Митенька, въ качествѣ любезнаго кавалера, сталъ усердно работать своими мощными руками, раскачивая трехъ дѣвицъ, усѣвшихся на узенькую дощечку. Поповны помогали ему, въ надеждѣ, что дойдетъ очередь и до нихъ. Машенька, считавшаяся первою пѣвицей въ околодкѣ, затянула звонкую русскую пѣсню; все общество подстало къ ней и составило хоръ, который хотя и не отличался музыкальнымъ искусствомъ, но и не терзалъ уха фальшивыми нотами.

Едва только показался Данаровъ въ густой рябиновой аллеѣ, какъ голосъ запѣвалы пресѣкся и прочія невольно умолкли.

— Не я ли помѣшалъ вашему пѣнію? сказалъ онъ, подходя къ Машѣ, успѣвшей сойдти съ качелей.

— Ужь какія мы пѣвицы, отвѣчала она, немного жеманясь и оправляя платье.

— Не вѣрьте-съ, сказалъ Митя,—у нихъ голосъ очень хорошъ.

— Вы хотите, чтобъ я ушелъ? сказалъ ей Данаровъ.

— Зачѣмъ же уходить? будто ужь безъ пѣсенъ нельзя?

— Нельзя ли спѣть?

Я присоединила мою просьбу къ просьбѣ Данарова.

Маша отвѣчала мнѣ:—«да извольте, пожалуй!»—и затянула, наклонивъ голову и потупивъ глазки:

«Лѣса, поля густыя, зеленые луга....»

Въ ея напѣвѣ была странная смѣсь простонароднаго съ искусственнымъ, и дикая грусть, не лишенная прелести, невольно захватывала душу при звукахъ этого чистаго, звонкаго голоса. Я взглянула на Данарова. Онъ стоялъ неподвижно у столба качелей; послѣдняя тѣнь румянца сбѣгала съ лица его; глаза будто стали темнѣе и глубже.

— Какъ это дѣйствуетъ на душу! сказалъ онъ.

— Чтò? спросила я.

— Пѣсня.

— А пѣвица?

— И пѣвица... а на васъ?

— И на меня тоже...

— Чтò тоже? пѣвица?

— Не угодно ли покачаться? спросилъ насъ Митя.

— Садитесь, Евгенія Александровна, прибавила Маша.—Не угодно ли и вамъ? обратилась она къ Данарову.

Я отказалась. Данаровъ сѣлъ на качели и пригласилъ Машу.

Не то безпокойство, не то грусть, не то досада скользнула у меня по сердцу; но въ ту жь минуту мнѣ сталъ смѣшонъ такой капризъ чувства. Я улыбнулась невольно. Маша и Данаровъ мелькали передъ моими глазами, будто призраки; бѣлое кисейное платьице Маши развѣвалось точно облако, и мнѣ показалось, что вотъ сейчасъ они поднимутся на воздухъ и исчезнутъ въ пространствѣ... Но они не исчезли и сошли на землю.

У Данарова, отъ непривычки къ качелямъ, кружилась голова. Онъ сѣлъ на траву.

— Сядемъ и мы, сказала Маша; и мы сѣли въ кружокъ.

Качели находились въ концѣ широкой аллеи, прозванной нами съ Лизой *долинкой*. Эта долинка была мѣстомъ нашихъ общественныхъ увеселеній; здѣсь мы бывало въ Семикъ и Троицынъ день, съ позволенія тетушки, собравъ дворовыхъ и горничныхъ дѣвушекъ, пригласивъ заранѣе ту же Машу Филиппову и дочерей Арины Степановны, завивали вѣнки, затѣвали хороводы и

горѣлки, и завтракали въ саду, что̀ казалось намъ верхомъ увеселенія.

Горѣлки были для насъ почти то же, что̀ олимпійскія игры для Грековъ. Здѣсь каждая старалась превзойдти своихъ соперницъ въ быстротѣ бѣга, въ умѣньи поймать для себя пару. Бѣгать я считалась мастерицей, и въ былое время гордилась этимъ.

Я заговорила съ Данаровымъ, сидѣвшимъ между мной и Машей, о моемъ прошедшемъ дѣтствѣ, со всѣмъ эгоизмомъ ребенка, разказывающаго взрослому о своихъ куклахъ. Въ половинѣ рѣчи, я спохватилась и поспѣшила кончить разказъ.

Вѣроятно улыбка выразила мою мысль, потому что онъ сказалъ мнѣ:

— Вы думаете, это не интересуетъ меня?

— Я въ этомъ увѣрена.

— Ну, какъ хотите, возразилъ онъ, и брови его нахмурились.

Это выраженіе досады, почти гнѣва, подѣйствовало на меня такъ странно, такъ магнетически, что я на минуту смутилась, сама не знаю отчего.

Въ это время Катерина Семеновна, самая молодая и веселая дама изъ оставшихся въ гостиной, соскучившись сидѣть на одномъ мѣстѣ, приближалась къ намъ, вѣя своимъ пестрымъ шарфомъ, надушеннымъ мускусомъ.

Я встала и быстро пошла къ ней на встрѣчу. Катерина Семеновна поцѣловала меня, назвала ангеломъ и, обвивъ рукою мою талію, подошла со мной къ оставленному мною кружку.

Катерина Семеновна была несчастлива въ супружествѣ, терпѣла по временамъ нужду; но умѣла такъ беззаботно перемѣшивать слезы со смѣхомъ, пѣсни съ горемъ; сохраняла, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, такую юность души и характера,— юность, въ которой не было ничего вынужденнаго, придуманнаго, начало которой было въ ея натурѣ, а не въ смѣшномъ желаніи казаться моложе. И потому, когда она присоединялась къ молодежи, пѣла или бѣгала въ горѣлки, никому не приходило въ голову сказать: «ну, подъ лѣта ли ей?» какъ говаривали иногда объ одной помѣщицѣ, незнакомой съ нами, которая бѣлилась и румянилась, и танцовала у знакомыхъ со всѣми притязаніями

плѣнять и блистать... Катерина Семеновна пѣла и веселилась, и имѣла бы право примѣнить кь себѣ слова поэта:

Ich singe, wie der Vogel singt.

Она была очень моложава на лицо. Рыжеватые волосы вились отъ природы, но она тщательно приглаживала ихъ и позволяла выбѣгать только двумъ тоненькимъ локончикамъ за ушами. Она берегла свой пестрый шарфъ и приданыя платья; любила прiодѣться, не для того, чтобъ нравиться, а для того, чтобъ сосѣдки сказали: «какая ты сегодня нарядная!»

Исторiя ея жизни была грустная: она воспитывалась въ домѣ одной богатой помѣщицы, которая, чтобы избавиться отъ лишней заботы, постаралась выдать ее замужъ за одного изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ въ нашемъ сосѣдствѣ, и онъ, въ чаянiи будущихъ благъ отъ воспитательницы своей жены, считалъ себя счастливымъ женихомъ. Благодѣтельница Катерины Семеновны дала ей въ приданое нѣсколько старыхъ платьевъ изъ своего гардероба, пуховикъ и двѣ подушки, да тѣмъ и заключила свои милости... Заботы супружества рано захватили потокъ ея молодыхъ надеждъ и удовольствiй, придавили развитiе ея понятiй и оградили ее печальнымъ, тѣснымъ кругомъ, безвыходность и безцвѣтность котораго помогалъ ей выносить беззаботно веселый характеръ и тотъ же застой развитiя; но гораздо болѣе и надежнѣе помогала увѣренность, что ужъ такъ Богу угодно. На этомъ краеугольномъ камнѣ крѣпко и твердо стояли почти всѣ окружавшiя меня лица, борясь съ житейскими невзгодами, какъ со зломъ, столь же необходимымъ въ жизни, какъ ненастные дни и зимнiя метели въ природѣ.

— Да что̀ же вы, барышни, хоть бы пѣсни пѣли или играли бы какъ-нибудь, а то сидятъ, какъ кукушки, и носики повѣсили.

— Да запѣвайте, Катерина Семеновна, отвѣчала ей Маша.

Катерина Семеновна запѣла: «не бѣлы снѣги»—тонкимъ, немного визгливымъ голосомъ. Маша и поповны подтягивали ей.

— Ну, теперь, хоть въ горѣлки бы что̀ ли, сказала она, кончивъ пѣсню.—Вотъ и этого барина надо растормошить, прибавила она, указывая на Данарова. — Нѣтъ ужь, батюшка, попали къ намъ, такъ нечего дѣлать, прошу не отставать; у насъ попросту.

— Я очень радъ, будьте моею парой, сказалъ онъ.

— Ну, ужь что̀ я вамъ за пара! вы выбирайте молоденькихъ; ужь что̀ вамъ ловить такихъ старухъ, какъ я!

— Развѣ вы старуха?

— Да ужь не молоденькая, только на лицо-то молода, да характеръ у меня такой веселый: на свѣтъ съ такимъ родилась.

— Чтожь? это счастье. Вы и при горѣ меньше страдаете, чѣмъ другіе.

— Ахъ, Николай Михайлычъ! вѣдь веселье да пѣсни всякій раздѣлитъ, а поди-ка съ горемъ-то къ чужимъ людямъ, помочь не помогутъ, а только надоѣшь; такъ я и благодарю Бога, что у меня такой характеръ. Поплачу дома, а какъ въ люди, такъ ровно и все прошло... За то, ку̀да ни покажусь: Катерина Семеновна, пѣсенку спой; Катерина Семеновна, игры затѣй; ты у насъ разгула, ты намъ соловей... А поди-ка съ длиннымъ-то лицомъ,— всякій отвернется.

Пары уставились. Кавалеромъ моимъ былъ Митя; горѣла Маша, но она скоро поймала Катерину Семеновну, и Данаровъ остался горѣть.

Съ невольнымъ и страннымъ чувствомъ страха я летѣла стрѣлой по мягкому дерну; за мной съ ожесточеніемъ гнался Данаровъ. Митя довольно неповоротливо поспѣшалъ ко мнѣ на помощь; я, какъ могла, ободряла его словами и жестами. Наконецъ, чтобъ сократить кругъ, я бросилась въ середину пихтовой рощицы, зацѣпилась платьемъ за сухую вѣтку и осталась неподвижно во власти моего преслѣдователя. Смѣшно вспомнить, но какое-то томительное чувство овладѣло мной на мгновеніе; чтобъ скрыть это, я разсмѣялась, подавая руку Данарову, и присоединилась къ играющимъ.

Мы сѣли на траву, позади всѣхъ.

— Всѣ ваши усилія убѣжать отъ меня остались напрасны, сказалъ онъ:—и стоило ли такъ долго мучить и себя, и меня?

— Напротивъ, это очень весело; и еслибъ не досадная вѣтка, не поймать бы вамъ меня.

— Ну, чтожь изъ этого? Я усталъ и не буду больше бѣгать.

— Я тоже устала.

— А можетъ-быть вѣтка играла роль судьбы, сказалъ онъ.

Я засмѣялась, что̀, какъ мнѣ показалось, несовсѣмъ было пріятно ему.

Горѣлки кончились. День вечерѣлъ; гости собрались домой. Мы возвратились въ комнаты.

Когда кончилось прощанье гостей съ тетушкой, Данаровъ тоже взялся за шляпу.

— А вы что̀ такъ торопитесь? сказала ему тетушка: — еще рано; имъ идти пѣшкомъ, оттого я ихъ и не удерживаю. Если вамъ не скучно, сдѣлайте намъ удовольствіе, останьтесь; вечеръ прекрасный.

Данаровъ поблагодарилъ и остался. Маша осталась ночевать у насъ.

Вечеръ въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный, такъ что даже для тетушки вынесли кресло на балконъ. Мы съ Данаровымъ, Маша, Катерина Никитишна и Марья Ивановна помѣстились на ступенькахъ.

Сквозь сѣть деревьевъ алѣла заря; легкій туманъ подымался въ аллеяхъ; изъ цвѣтниковъ неслась струя благовоннаго воздуха. Было столько нѣги и прелести въ полудремлющей природѣ, столько страстнаго упоенія въ пѣсни соловья, что можно было забыться и повѣрить вѣчности счастія, любви и молодости.

— Экая благодать! сказала Катерина Никитишна:—что̀ за погодка стоитъ! съ сѣнокосомъ безъ горя управимся.

— Не худо бы дождичка, примолвила Марья Ивановна.

— Не худо бы, конечно, да вѣдь росы большія,—травку-то и поправляютъ. У васъ гдѣ косятъ, родная? спросила она тетушку.

Зашелъ разговоръ о хозяйствѣ и другихъ близкихъ къ нему предметахъ.

А садъ между тѣмъ темнѣлъ да темнѣлъ; глубина аллей становилась безпредѣльнѣе и безпредметнѣе; какая-то притягательная сила лилась изъ этой глубины и мрака; одни кусты воздушныхъ жасминовъ, облитые бѣлыми цвѣтами, стояли, какъ привидѣнія, подъ тѣнью густыхъ липъ, и будто призывали меня, распространяя въ тишинѣ свой раздражающій запахъ.

Я не утерпѣла и сошла съ балкона, чтобъ нарвать букетъ. Маша послѣдовала за мной; вскорѣ подошли къ намъ и Марья

Ивановна съ Данаровымъ. Маша сорвала цвѣтокъ и приколола къ платью.

— Какіе цвѣты любите вы больше? спросилъ ее Данаровъ.

— Незабудки, отвѣчала она,—и эти люблю: такъ хорошо пахнутъ. А вы какіе любите?

— Не скажу, отвѣчалъ онъ.

Она засмѣялась своимъ тихимъ, будто сдержаннымъ смѣхомъ.

— Развѣ это секретъ? сказала она.

— Именно секретъ.

— Да какой же тутъ секретъ? не понимаю. Вотъ я люблю незабудки, такъ и говорю, что люблю.

— А вотъ видите ли что̀? я теперь ужь знаю вашъ вкусъ, ваши мечты и многое могу угадать изъ тайнъ вашего сердца.

— У меня нѣтъ никакихъ тайнъ сердца; да и угадать вы не можете. Мое сердце нельзя скоро угадать.

— Попробую.

— По напрасну будете трудиться.

— А вотъ я ужь знаю, что голубые глаза часто видятся вамъ во снѣ.

— Вотъ и не угадали! и она опять засмѣялась.

— Ну, такъ черные.

— И не черные... никакіе!

— Неужели вамъ не нравятся, или не нравились никакіе?

— Мало ли хорошихъ глазъ на свѣтѣ!

— Такъ вы никогда не были влюблены?

— Никогда.

— Вы говорите неправду.

— А можетъ-быть и правду.

Мы пошли по аллеѣ. Марья Ивановна нашла, что въ саду сыро и воротилась на балконъ.

— Маша, вы говорите неправду, сказала я,—вѣрно вы были влюблены.

— А вы сами, Евгенія Александровна?

Этотъ вопросъ смутилъ меня; я не отвѣчала.

— Желалъ бы я послушать, какъ вы говорите неправду, сказалъ мнѣ Данаровъ.

— Я не доставлю вамъ этого удовольствія.

— Молчаніе—знакъ согласія, смѣло сказала Маша.

— Знакъ очень двусмысленный, отвѣчала я.

Въ это время испуганная стая галокъ шумно поднялась надъ нашею головой и полетѣла на другое мѣсто. Маша вскрикнула и въ страхѣ схватила руку Данарова.

— А вы не испугались? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ; я такъ часто гуляю здѣсь одна по вечерамъ, что ужь привыкла къ такимъ неожиданностямъ.

Мы поворотили къ дому.

— Запахъ отъ этихъ цвѣтовъ слишкомъ силенъ; у васъ разболится голова, сказалъ мнѣ Данаровъ:—дайте, я донесу.

Я подала ему цвѣты; принимая ихъ, онъ слегка коснулся моей руки, и будто огненная струя пробѣжала по всему существу моему.

Мы уже снова стояли передъ жасминовымъ кустомъ, противъ балкона. Данаровъ попросилъ позволенія нарвать для себя жасминовъ; когда въ рукахъ у него были оба пучка цвѣтовъ, онъ подалъ мнѣ тотъ, который самъ нарвалъ.

Послѣ ужина онъ уѣхалъ.

Когда мы пришли въ нашу спальню, Маша подошла къ зеркалу и съ какою-то особенною нѣгой прищурила свои глазки и поправила волосы.

— Я думаю, вы скучаете, Евгенія Александровна; все однѣ да однѣ, сказала она.

— Да, иногда скучаю. А вы рѣдко скучаете?

— Дома-то скучно, а какъ въ городѣ, у родныхъ гощу,—тамъ весело. А здѣсь ужасно скучно. Маменька все охаетъ; бѣдность, недостатки; братья надоѣдаютъ, шалятъ.

— Выходите замужъ, Маша, сказала я.

— Да за кого? жениховъ-то нѣтъ. За бѣднаго выйдти, что̀ хорошаго? а съ состояніемъ ищутъ приданаго; вѣдь нынче все на интересѣ. Вы почемъ платили за эту кисею?

— Не знаю; это тетушка у разнощика купила.

— Хорошенькая. Я хотѣла, на прошлой недѣлѣ, купить себѣ голубой, да денегъ не было... Какъ хорошо пахнутъ! сказала она, подходя къ цвѣтамъ, поставленнымъ въ стаканъ съ водою.—Нико-

лай Михайлычъ и себѣ такой же пучокъ нарвалъ. Видно, онъ охотникъ до цвѣтовъ. Онъ у васъ часто бываетъ?

— Всего два раза былъ.

— Какой онъ веселый, не гордый и собой недуренъ. Какую это вы книжку читаете? французскую? хороша?

— Да, хороша. Тутъ описано, какъ одна дѣвушка изъ простой мѣщанки сдѣлалась знатною дамой.

— И это правда?

— Правда.

— Вотъ счастливица! такое счастье рѣдко бываетъ.

— А бываетъ.

— Намъ такого счастья не будетъ... сказала она, распуская свои длинные черные волосы.

— А какъ знать, Маша? можетъ-быть, васъ ожидаетъ прекрасная участь,

— Ужь какая моя участь! проговорила она со вздохомъ. — Да вы ужь легли, Евгенія Александровна?

— Да; потрудитесь отворить окно.

— Вѣдь комары налетятъ.

— Опустите кисею.

— А свѣчу погасить?

Она подошла ко мнѣ вся въ бѣломъ. Смуглое лицо ея такъ рѣзко выдавалось изъ оборокъ спальнаго чепчика; глаза горѣли двумя яркими звѣздами; тонкія губы полураскрылись и выказывали рядъ жемчужныхъ зубовъ; тонкія стройныя руки были обнажены; она казалась мнѣ прекрасною; но въ этой красотѣ было что-то колючее и одуряющее, какъ въ ядовитомъ запахѣ тропическихъ цвѣтовъ... Въ одно время и хотѣлось смотрѣть на нее, и закрыть глаза.

— Прощайте, покойной ночи, пріятныхъ сновъ! сказала она, наклонясь поцѣловать меня.—Какія вы бѣленькія, хорошенькія! А я-то! продолжала она, подходя со свѣчой къ зеркалу,—точно муха въ молокѣ!

— А глаза-то у васъ, Маша,—прелесть!

— Да вѣдь ужь только глаза-то и есть порядочнаго. Покойной ночи, Евгенія Александровна!

VII.

На другой день, сумрачное, дождливое утро встрѣтило мое пробужденіе?

Маши уже не было въ комнатѣ, когда я проснулась; она всегда вставала рано. Я открыла окошко, дождевыя струи, журча, катились съ крыши и протягивались хрустальными нитями передъ моими глазами.

Босоногій мальчишка прыгалъ на дворѣ, громко припѣвая:

Дождикъ, дождикъ! перестань,
Я поѣду на Ердань
Богу молиться, Христу поклониться.

— А ты что̀ врешь! крикнулъ другой, давъ ему щелчка:—дождичка-то надо.

Мальчики заспорили и подрались. Но вдругъ яркая радуга показалась на туманномъ небѣ; оба мальчика стали голосить, что̀ было у нихъ силъ:

Радуга-дуга!
Подавай дождя,
Сѣмечка на кашку,
Ленку на рубашку...

— Ахъ, вы, окаянные! ахъ, вы, чертенята! раздался голосъ Ѳедосьи Петровны, которая, приподнявъ платье, сходила съ мокраго крыльца:—вотъ я васъ! вздумали горланить подъ барышнинымъ окошкомъ! да вѣдь вы перепугаете ее, она еще почиваетъ.

— Нѣтъ, ужь вонъ барышня-то встала, отвѣчали они убѣгая.

— Самоваръ готовъ, Евгенія Александровна.

Въ это время показалась и Марья Ивановна. Руки ея пресмѣшно растопырились, придерживая платье; стоптанные башмаки шлепали по лужицамъ; голова, прикрытая платкомъ, привѣтливо кивала мнѣ. Несмотря на дождь, она подошла къ моему окну и сказавъ вполголоса:—Геничка! ты, послѣ чаю, приди сюда, я тебѣ покажу одну штучку,—быстрыми шагами пошла къ дому.

За чаемъ, она, по временамъ, подмигивала мнѣ и посмѣивалась, что̀ сильно возбуждало мое любопытство. Я поспѣшила въ мою

комнату и, не безъ волненія, поджидала къ себѣ Марью Ивановну. Она явилась, но, увы! за ней слѣдовала и Маша. Марья Ивановна движеніемъ глазъ дала мнѣ понять, что при ней нельзя, и я принуждена была поддерживать разговоръ о дождѣ, который уже пересталъ.

Теплый, дождливый, лѣтній день всегда имѣетъ для меня большую прелесть. Грудь освѣжается, вдыхая влажный, душистый воздухъ, въ головѣ становится туманно, а на сердцѣ тепло и ясно; какая-то здоровая, веселая лѣнь разливается по всему существу; но на этотъ разъ я была безпокойна, меня мучили догадки и любопытство.

Маша, будто по внушенію добраго генія, вышла, вспомнивъ, что ей надобно еще выучиться у Дуняши вязать одинъ узоръ. Сердце забилось у меня сильно, какъ скоро я осталась одна съ Марьей Ивановной.

— Чтò ты испугалась, моя радость? сказала она:—вѣдь ничего непріятнаго нѣтъ... Вотъ, сказала она, вынимая изъ кармана бумажникъ,—вчерашній гость обронилъ въ саду, а я подняла да и не отдала ему нарочно, вижу тутъ есть записочки, узнаемъ-ка секреты его. На-ка, Геничка, прочитай; я не разберу, мелко написано... Вотъ здѣсь деньги; ну, до этого я не дотронусь...

Я быстро отступила назадъ; меня обожгла мысль, что я узнаю чужую тайну, узнаю неправеднымъ, непозволительнымъ образомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! этого нельзя, невозможно! Богъ съ нимъ, чтò намъ до него за дѣло! сказала я.

— Э, полно, моя радость! отвѣчала она:—да чтò за важность! развѣ ему будетъ какой вредъ отъ этого? это ужь лишняя деликатность, Геничка. Да и какія тутъ тайны? просто записка какая-нибудь. И не подписано. Я, пожалуй, Митю заставлю прочитать..

Мысль ввѣрить Митѣ то, чтò я сильно боялась и сильно желала узнать, поколебала меня. Притомъ же я будто оскорбляла добрую Марью Ивановну, представляя чѣмъ-то ужаснымъ поступокъ, который она считала самымъ невиннымъ и простымъ.

Въ непріятной борьбѣ долга съ любопытствомъ и страхомъ поссориться съ Марьей Ивановной, которая уже начинала хмуриться, взяла я изъ ея рукъ записку. О, какъ я желала убѣжать съ этою запиской въ самый глухой и тѣнистый уголъ сада и прочитать ее одна, совершенно одна! но, увы! голова Марьи Ивановны

приклонялась ко мнѣ, стараясь заглянуть въ развернутый листъ атласистой, душистой бумаги, на которомъ было нѣсколько строчекъ мелкаго и тонкаго почерка.

— Ну-ка, что̀ тамъ написано? нетерпѣливо спрашивала она.

Строки, прочитанныя мною дрожащимъ голосомъ, были слѣдующія:

«Вы хотѣли этого: мы разстаемся навсегда, только не друзьями. Я не прощу вамъ тѣхъ страданій, какія вы заставили испытать меня; и не могу заглушить въ душѣ моей желанія, чтобъ судьба отплатила вамъ когда-нибудь за меня. Жалѣю васъ: кто не умѣетъ вѣрить, не умѣетъ любить.»

— Это онъ, видно, поссорился, сказала Марья Ивановна.—Вотъ въ этой что̀?

И она подала мнѣ другую записку того же почерка; я взяла уже безъ борьбы, даже безъ любопытства, а съ чувствомъ неопредѣленной тоски.

На первой запискѣ выставлено было 3-е, а на второй 14-е января. Вотъ что̀ заключала она:

«Я сумашедшая. Чувствую, что унижаюсь передъ вами, не имѣя силъ даже на столько, чтобъ не послать вамъ этихъ строчекъ. Я не хочу, я не могу разстаться съ вами такимъ образомъ! Сегодня вечеромъ я буду одна; приходите. Я хочу, я требую этого.»

— А тутъ какіе-то счеты, сказала Марья Ивановна, подавая еще одну бумажку.

Я возвратила записки Марьѣ Ивановнѣ; она бережно положила ихъ на прежнее мѣсто, замкнула портфель и сказала, отдавая мнѣ:

— Какъ онъ пріѣдетъ, такъ ты отдай ему, Геничка; скажи, что сама нашла.

— Почему жь вы не хотите сами отдать?

— Да мнѣ-то неловко; вѣдь я съ нимъ вмѣстѣ вчера ушла отъ васъ, онъ и догадается, что бумажникъ я еще при немъ нашла; ну, а ты могла и позже гулять, или рано по утру. Видно въ него крѣпко была влюблена какая-нибудь...

Приходъ Маши избавилъ меня отъ затрудненія продолжать разговоръ объ этомъ предметѣ. Маша быстро взглянула на насъ

своими прищуренными глазками и погрузилась въ вязанье новаго узора.

Послѣ обѣда Маша отправилась домой, а домашніе предались отдыху. До этого времени я ни минуты не оставалась одна, и новое ощущеніе, вспыхнувшее въ душѣ моей при чтеніи этихъ записокъ, какъ-то замерло и затаилось въ присутствіи другихъ. Я чувствовала только, по временамъ, приливъ грусти и досады, вызывавшій почти слезы на глаза мои. И какъ я рада была сойдти въ тѣнистую аллею!

Темныя тучки похаживали еще по небу, застѣняя солнце. Душистая сырость вѣяла съ недавно-смоченной зелени. Но я забыла обо всемъ; глаза мои съ тоской устремлялись на бумажникъ Данарова, и будто читали на немъ печальный для меня приговоръ судьбы.

Онъ любилъ и его любили! думала я съ горечью;—и какъ разстались они, и что̀ говорили въ послѣднее свиданіе? Вѣрно она хороша, очень хороша... Я отбросила ненавистный бумажникъ и заплакала.

Проплакавшись, я вспомнила, что какъ ни противенъ мнѣ бумажникъ, все же нельзя его оставить покойно лежать въ густой травѣ, а должно возвратить, по принадлежности, его владѣльцу. Мнѣ заранѣе стало неловко при мысли, что я должна буду подать Данарову вещь, которая касалась предмета довольно щекотливаго. Собственная моя особа представилась мнѣ въ самомъ смѣшномъ видѣ, скромно подающая несчастный бумажникъ и краснѣющая, вслѣдствіе нѣкотораго непріятнаго пятнышка на совѣсти...

Я рвалась всѣми силами души, чтобъ избавиться отъ этого нравственнаго истязанія, и наконецъ придумала отдать бумажникъ тетушкѣ, для передачи Данарову.

— Гдѣ ты нашла его, мой другъ? спросила меня тетушка.

— Въ саду, отвѣчала я, и тутъ же вспомнила слова тетушки, говоренныя мнѣ не разъ въ уединенныхъ бесѣдахъ съ нею: «берегись, Геничка: одно дурное дѣло непремѣнно ведетъ за собой, другое...»

Сперва я узнала, по доброй волѣ, чужую тайну; теперь солгала передъ тетушкой, потому что не могла же я выдать Марью Ивановну и тѣмъ унизить ее нѣкоторымъ образомъ во мнѣніи

первой. «Одно дурное дѣло ведетъ за собой неизбѣжно другое,» повторилось еще разъ въ душѣ моей.

Между тѣмъ виновница моихъ преступленій явилась съ довольнымъ и покойнымъ лицомъ, хранившимъ еще остатки сладкаго сна, разложила карточный столъ, и съ словами: «что̀ терять золотое время», предалась невинной игрѣ въ преферансъ.

Спустя нѣсколько дней, возвращаясь съ довольно дальней прогулки, я увидѣла экипажъ Данарова на нашемъ дворѣ.

Когда я вошла въ гостиную, то немало удивилась, увидя Данарова, сидѣвшаго съ тетушкой и Марьей Ивановной за карточнымъ столомъ. Я узнала, что онъ самъ предложилъ замѣнить отсутствующую Катерину Никитишну и весело подшучивалъ надъ Марьей Ивановной. Я поклонилась ему довольно разсѣянно. Онъ сказалъ мнѣ обычное: «здоровы ли вы?» и продолжалъ игру и начатый разговоръ.

— Ну, что̀ же послѣ? обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ну, послѣ она вышла за него и наглядѣться не могла, любила безъ памяти.

— А онъ?

— Онъ что̀? да такъ забралъ ее въ руки, пикнуть не смѣла; дѣлала, что̀ приказывалъ. Бывало, гдѣ на вечерѣ только что разтанцуется, онъ подойдетъ, да скажетъ: «домой пора», и пойдетъ бѣдняжка за нимъ, даже жалко ея было. Ревнивецъ страшный— не говори ни съ кѣмъ, не гляди ни на кого... Этакой-то уродъ! Вѣдь вотъ вы нынѣшніе, не вѣрите, а это у насъ въ Курскѣ было при мнѣ.

Исторія была мнѣ знакома. Въ ней дѣло шло о молодой дѣвушкѣ красавицѣ, вышедшей за безобразнаго стараго жениха, о которомъ она сперва и слышать не хотѣла; но онъ сказалъ, что быть ей его женою, и съ помощію одного знахаря, приворожилъ ее къ себѣ.

Я сѣла подлѣ тетушки и помогала припоминать ей взятки и ходы, что̀ она часто забывала.

— Вы знаете эту исторію? спросилъ онъ меня.

— Знаю.

— Вѣрите вы подобнымъ вещамъ?

— Можно ли сказать: вѣрю или не вѣрю о томъ, чего мы не испытали, и вовсе не знаемъ.

— Испытайте.

— Какимъ образомъ?

— Приворожите кого-нибудь.

— Нужно знахаря.

— А Марья Ивановна?

— Что̀ я, колдунья что ли? сказала она, засмѣявшись.

— Я вѣрю, сказала тетушка,—что въ природѣ есть подобныя тайны.

— А вы? спросила я Данарова.

Онъ взглянулъ на меня и медленно отвѣчалъ: «вѣрю», между тѣмъ какъ на губахъ его играла улыбка противорѣчія.

Я сомнительно покачала головой.

— Мало ли во что̀ я вѣрю и не вѣрю, прибавилъ онъ съ едва замѣтною раздражительностью.

— Ахъ, Боже мой, не забыть бы мнѣ! сказала тетушка.—Вы, Николай Михайловичъ, обронили у насъ въ саду бумажникъ... Геничка! онъ у меня тамъ, въ столикѣ; принеси, мой другъ.

Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо при этомъ неожиданномъ переходѣ къ бумажнику. Мнѣ показалось однако, что Данаровъ не замѣтилъ моего смущенія.

— Кто это добрый человѣкъ нашелъ его? спросилъ онъ, принимая отъ меня бумажникъ.

Марья Ивановна бросила на меня значительный взглядъ. Я снова вспыхнула и отвѣчала:

— Я нашла его.

«Одно дурное дѣло»... началъ нашептывать мнѣ неумолимый, внутренній голосъ, отъ котораго становилось мнѣ неловко и досадно.

— Вечеръ чудесный, пойдемте въ садъ, сказалъ Данаровъ, выходя за мной, послѣ чаю, на балконъ.

— Пойдемте.

— Ну, какъ вы провели это время? спросилъ онъ меня.

— Я много думала о нашихъ послѣднихъ разговорахъ, сказала я.

— Я тоже много думалъ о нихъ.

— Что̀, ваша хандра мучила васъ?

— Кто мыслитъ, тотъ страдаетъ. Пушкинъ хотѣлъ жить для того, «чтобъ мыслить и страдать».

— И можетъ-быть, на мой закатъ печальный,
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной...

Договорила я невольно стихи Пушкина.

— Любовь, сказалъ онъ грустно. — Потрудитесь прочитать эти двѣ записочки, и скажите, какъ вы думаете, любила ли искренно та, которая писала ихъ?

Я взяла записки.

— Я думаю, каковъ предметъ любви, такова и любовь, сказала я.

— Можетъ-быть вы правы. Но вѣдь это равно относится ко всѣмъ.

— Есть натуры, которыя всегда возбудятъ какую-то безпокойную, мучительную любовь.

— Неужели же я принадлежу къ числу такихъ натуръ?

— Не знаю...

— Могу ли я любить искренно, постоянно, глубоко?

— Не знаю, Николай Михайловичъ: какъ могу я знать? Вы любили, вамъ лучше знать, какъ вы можете любить.

— А вы и знать не хотите.

— Ахъ, Боже мой, не спрашивайте меня!

— Почему же? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Такъ.

— Я предполагалъ въ васъ болѣе участія къ моей особѣ.

— Кто же вамъ сказалъ, что во мнѣ нѣтъ къ вамъ участія?

— Хорошо участіе! сказалъ онъ, смѣясь.—Ну, Богъ съ вами, это не помѣшаетъ мнѣ считать васъ лучшею изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ на своемъ вѣку...

— Съ чего вы это взяли, отвѣчала я съ горечью,—не считайте меня лучше другихъ!

Голосъ у меня дрожалъ, и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ.

— Что̀ съ вами? сказалъ онъ тревожно и съ участіемъ. — Вы сегодня въ странномъ расположеніи духа...

— Меня мучитъ одно, повидимому, пустое обстоятельство. Я вамъ разкажу.

И я разказала ему исторію съ бумажникомъ.

— Теперь легче? спросилъ онъ меня тихо и ласково.

— Легче!

Марья Ивановна, подосланная къ намъ, вѣроятно, тетушкою для приличія, прервала нашъ разговоръ.

— Мнѣ нравится вашъ садъ, сказалъ онъ, когда мы уже возвращались домой:—онъ какъ-будто нарочно устроенъ для того, чтобъ гулять, мечтать и думать. Безо всякихъ щепетильныхъ затѣй, три длинныя, прямыя аллеи и одна широкая поперекъ; передъ домомъ цвѣтникъ: чего проще и лучше? Въ сторонѣ куртины яблонь и ягодъ...

— Я бывала въ вашей усадьбѣ, сказала Марья Ивановна: — богатая усадьба! Какое надворное строеніе, прелесть! все каменное, домъ тоже каменный, большой. Вы въ домѣ живете, или во флигелѣ?

— Въ домѣ, отвѣчалъ Данаровъ, жаль только, — что въ немъ иногда приходятъ странныя желанія... напримѣръ, застрѣлиться.

— Господь съ вами! вскричала въ ужасѣ Марья Ивановна,— это на васъ искушеніе.

Я ничего не сказала, невольная дрожь пробѣжала по мнѣ.

— Именно искушеніе! сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— А вотъ вы женитесь лучше, продолжала она.

Онъ вздрогнулъ въ свою очередь и быстро перемѣнилъ разговоръ.

— Николай Михайловичъ! сказала я ему, когда Марья Ивановна отошла впередъ, потому что по сторонамъ аллеи была густая трава, и троимъ идти было неудобно:—не оставайтесь долго въ этомъ мрачномъ домѣ, перейдите лучше во флигель; не поднимайте лучше печальныхъ воспоминаній, не допускайте такихъ страшныхъ мыслей. Пріѣзжайте къ намъ, пріѣзжайте чаще... чтобъ быть меньше наединѣ съ своими думами.

— Какъ я люблю, когда вы говорите такъ, отъ души, сказалъ онъ:—когда вы выражаете больше голосомъ и движеніемъ, нежели словами.

— Не въ томъ дѣло, сказала я шутя:—вы дайте слово бывать у насъ чаще.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то неопредѣленно и сказалъ:

— Мнѣ кажется, я не могу не исполнить вашего приказанія.

— Приказанія! какъ это великолѣпно сказано! замѣтила я, смѣясь.

Онъ улыбнулся тихо и задумчиво...

Зачѣмъ, думала я, прислушиваясь къ шуму экипажа, уносившаго его, зачѣмъ не могу я видѣть его чаще, чаще, каждый день!.. Можетъ-быть, мое присутствіе, мое участіе облегчили бы тягость его страданій; можетъ-быть, въ этой душѣ измученной и рано уставшей, воскресла бы сила жизни...

Когда Данаровъ уѣхалъ, Марья Ивановна зорко посмотрѣла на меня и, погрозивъ пальцемъ, сказала:

— Плутъ ты, Геничка !

Исторія знакомства моего съ Павломъ Иванычемъ жива была въ моей памяти; я не могла вспомнить о ней безъ нѣкотораго непріятнаго чувства, и потому ни добродушіе Марьи Ивановны, ни желаніе высказаться не могли подвинуть меня на откровенность. Страхъ быть непонятою, снова подвергнуться ложному истолкованію чувствъ моихъ, внушалъ мнѣ желаніе таить всѣ новыя и живыя ощущенія моего сердца.

Съ этихъ поръ Данаровъ бывалъ у насъ часто; съ этихъ поръ сердце мое сильнѣе и сильнѣе билось при его появленіи...

Однажды онъ засталъ у насъ Машу Филиппову, приглашенную тетушкой погостить. Тетушка была не такъ здорова, потому и не выходила къ намъ.

День былъ вѣтреный и дождливый; дурная погода будто отразилась на лицѣ и въ расположеніи духа Данарова; брови его хмурились, въ движеніяхъ обнаруживалось безпокойство и недовольство; во взглядѣ выражалось холодное безучастіе ко всему окружающему.

Онъ небрежно помѣстился въ тетушкиномъ широкомъ креслѣ и попросилъ позволенія курить.

Марья Ивановна съ насмѣшливою улыбкой показала мнѣ на него глазами; Маша искоса бросала на него проницательные взгляды.

— Какая дурная погода сегодня, сказала ему Марья Ивановна:
— Васъ не помочилъ дождь ?

Онъ медлилъ отвѣчать, потомъ, будто нехотя, проговорилъ : «нѣтъ», и пустилъ густую струю дыма.

— Вы куда вчера ѣздили, Николай Михайлычъ ? спросила его Маша.

— А вы какъ знаете, что я ѣздилъ вчера ?

Маша засмѣялась и сказала :

— Да ужь видно знаю!.. Вѣдь вы мимо насъ проѣхали.

Я шила усердно и не говорила ни слова.

— Евгенія Александровна! сказалъ онъ мнѣ:—вы сегодня совсѣмъ не любезная хозяйка. Вы, кажется, и не замѣчаете моего присутствія. И стóитъ ли эта дрянь, продолжалъ онъ, указывая движеніемъ головы на пяльцы,—чтобъ портить за ней глаза!

— Извините меня, я не люблю, чтобъ называли дрянью вещи, которыми я занимаюсь, отвѣчала я равнодушно.

— Право? Въ такомъ случаѣ, прошу извиненія, А, вотъ, вчера я былъ у Раскатовыхъ, тамъ хозяйки были гораздо любезнѣе васъ.

— Вѣрно и вы не были такіе сердитые, какъ сегодня, сказала Маша.

— Они очень богатые люди, замѣтила Марья Ивановна, — и по зимамъ живутъ въ Москвѣ.

— Это видно. Жаль, что самого Раскатова прихлопнетъ скоро параличъ, такъ раздулся онъ. Тогда,—увы! что̀ станется съ его затѣями на англійскій ладъ? Сумѣетъ ли его дражайшая половина поддержать свое достоинство?

— Да вѣдь что̀ затѣи-то ихъ? сказала Маша:—все имѣніе въ долгу.

— Тѣмъ лучше, тутъ-то и надо показать умѣнье пускать пыль въ глаза.

— А каковы барышни-то? спросила Марья Ивановна:—вѣдь, говорятъ, красавицы.

— Совершенство! какія у нихъ ручки! жаль только, что онѣ слишкомъ много заняты ими. У старшей чудесные зубы, и какъ она мастерски показываетъ ихъ! Какіе взгляды, Боже мой, какіе взгляды! До чего, подумаешь, можетъ дойдти женщина въ искусствѣ владѣть глазами! А какъ образованы онѣ, какъ много читали французскихъ романовъ, какъ много словъ говорятъ и какъ мило говорятъ! Вы незнакомы съ ними, Евгенія Александровна?

— Нѣтъ.

— И прекрасно. Слава Богу, что судьба поставила васъ въ сторонѣ отъ большаго свѣта... котораго Раскатовы представляютъ маленькій образчикъ.

— Знаете ли, иногда мнѣ грустно думать, что судьба закрыла мнѣ входъ въ тотъ кругъ, гдѣ все было бы для меня ново и занимательно. Меня беретъ любопытство посмотрѣть на лица,

которыя тамъ дѣйствуютъ; онъ манитъ меня, какъ все неизвѣданное.

— И вамъ пришлось бы размѣнять свою душу на мелочи и вынести одно глубокое разочарованіе...

— Тогда я снова вернулась бы въ этотъ мирный уголокъ освѣжиться и отдохнуть.

— То-то и есть, что воротиться не такъ легко, какъ вы воображаете: въ этомъ омутѣ людскаго тщеславія и малодушія есть что-то одуряющее, не дающее оглянуться и поискать прежняго. Впрочемъ, что̀ же не попробуете вы?

— Войдя въ общество безъ средствъ, я попала бы въ одно изъ самыхъ непріятныхъ положеній... Я самолюбива и не могла бы уберечь себя отъ мелочныхъ оскорбленій, не могла бы сносить ихъ покорно и смиренно. Чтожь бы вышло изъ этого? Неровная борьба...

— А желалъ бы я посмотрѣть на васъ въ этой борьбѣ.

— Надѣюсь, что желаніе ваше не исполнится.

Вмѣсто отвѣта, онъ посмотрѣлъ на меня съ легкою улыбкой.

Я пошла провѣдать тетушку. Она сидѣла на постелѣ и тихо, мѣрно покачивалась всѣмъ корпусомъ, что̀ всегда означало, что она озабочена какою-нибудь важною думой. Я, освѣдомившись объ ея здоровьи и узнавъ, что ей получше, хотѣла уже уйдти, какъ она остановила меня и приказала сѣсть возлѣ себя.

— Геничка! пойдешь ли ты за него? спросила она меня.

Вопросъ ея испугалъ и смутилъ меня.

— Скажи мнѣ откровенно, продолжала она, — пойдешь ли ты за него?

— Я... я ничего не знаю,—это не приходило мнѣ въ голову... Да и онъ самъ, вѣроятно, объ этомъ не думалъ.

— Нѣтъ, мой другъ, молодой человѣкъ не станетъ даромъ ѣздить такъ часто въ домъ къ старухѣ, у которой живетъ молоденькая дѣвушка. По крайней мѣрѣ, въ мое время такъ бывало. Не для меня же или не для Марьи Ивановны пріѣзжаетъ онъ. Или онъ хочетъ свататься къ тебѣ, или только поволочиться за тобой для своего развлеченія.

— Тетушка!

— Ты еще такъ неопытна, такъ довѣрчива, что это кажется тебѣ невѣроятнымъ. А я пожила на свѣтѣ и могу уже здраво су-

дить объ этихъ вещахъ; на своемъ вѣку видала этому примѣры. Видала, какъ и клятвы, и обѣщанія мужскія разлетались прахомъ... Потому, другъ мой, я обязана предостеречь тебя. Я стара, не могу замѣчать за вами; будь же осторожна, и пока не будутъ ясны его намѣренія, смотри на него, какъ на злѣйшаго врага твоего счастія и нашего общаго спокойствія. Будь осторожна! повторила она съ энергіей.

— Боже мой! сказала я съ горестію:—неужели вы не увѣрены во мнѣ?

— Я вѣрю тебѣ, дитя мое, вѣрю, что ты не унизишь себя никакимъ недостойнымъ поступкомъ; не позволишь ему никакой вольности, да и онъ самъ не позволитъ себѣ,—вѣдь онъ умная и хитрая штука; но онъ можетъ незамѣтно опутать твое сердце...

Сомнѣніе, возбужденное тетушкой, бросило на Данарова тѣнь, отъ которой мнѣ становилось грустно и тяжело.

Боже мой! думала я, неужели и въ самомъ дѣлѣ я обманулась въ немъ; неужели онъ хочетъ только играть моими чувствами!...

При одной мысли объ этомъ, лицо мое запылало негодованіемъ и горечью, въ груди захватывало дыханіе. Я вышла черезъ крыльцо въ садъ, чтобъ утишить душевное волненіе, пробѣжала длинную аллею до конца и почти упала на дерновую скамью. День былъ сырой и холодный.

— Однѣ, здѣсь, въ такую сырую погоду! раздался возлѣ меня голосъ Данарова.

Я вздрогнула и быстро встала съ мѣста.

— Что̀ случилось? сказалъ онъ, взглянувъ на меня и невольно отступивъ назадъ: — что̀ такое? что̀ вы узнали? Отчего вы такъ встревожены?

Я успѣла немного собраться съ мыслями, принудила себя улыбнуться и отвѣчала:

— Ничего, вы испугали меня. Пойдемте домой; здѣсь въ самомъ дѣлѣ сыро.

И я пошла впередъ. Не слыша за собой шума шаговъ Данарова, я оглянулась и увидѣла его стоящаго на прежнемъ мѣстѣ, неподвижно, со склоненною головой, какъ у человѣка чѣмъ-нибудь внезапно пораженнаго.

Между тѣмъ набѣжало сѣрое, густое облако и порывъ вѣтра

рванулъ вѣтки деревъ; закапали крупныя, рѣдкія капли дождя; я оглянулась еще разъ,—онъ оставался въ томъ же положеніи.

— Николай Михайловичъ! закричала я ему: — пойдемте же, можно ли оставаться здѣсь теперь?

Онъ будто не слыхалъ меня.

Я воротилась. Лицо его было блѣдно; вѣтеръ волновалъ его волосы; жизнь будто убѣжала изъ его взора; губы сжимались горькою и странною улыбкой. Весь онъ былъ проникнутъ такою безнадежною печалью, что душа моя наполнилась чувствомъ глубокой, нѣжной, страстной жалости. Сомнѣнія, опасенія, наставленія тетушки, собственная личность моя,—все изчезло передъ этимъ непостижимымъ чувствомъ.... Онъ такъ былъ мнѣ дорогъ и милъ въ эту минуту, что еслибъ дуло пистолета угрожало ему, я не поколебалась бы защитить его собою...

— Данаровъ! можно ли такъ задумываться, сказала я ему, слегка касаясь рукой плеча его. — Пойдемте, смотрите, какой дождь и вѣтеръ!

Онъ быстро поднялъ голову и оглядѣлся, какъ человѣкъ, пробужденный отъ сна.

— Пойдемте, ради Бога, сказалъ онъ:—зачѣмъ вы остаетесь здѣсь? такъ можно простудиться.

— Чтò же съ вами дѣлать? я васъ звала, вы не слыхали или не хотѣли идти.

— Со мной случаются странныя вещи: бываютъ минуты, когда я теряю способность видѣть и слышать все, чтò вокругъ меня происходитъ, и похожу на человѣка, усыпленнаго магнетизмомъ. Я бы долженъ былъ предупредить васъ и заранѣе попросить снисхожденія къ подобнымъ припадкамъ.

— Они находятъ на васъ такъ, безъ причины?

— Зачѣмъ вамъ знать это?

— Нескромность моего вопроса оправдывается живымъ участіемъ, съ которымъ онъ былъ сдѣланъ.

— Живое участіе раждается отъ довѣрія къ той особѣ, которая возбуждаетъ его, иначе оно только обидная жалость. Вы могли бы повѣрить мнѣ?

— Въ чемъ?

— Во всемъ, безусловно.

Я не отвѣчала.

— Желали бы вѣрить?

— О да, желала бы!

— Не слушайте никого и ничего, кромѣ вашего сердца.

— Оно, говорятъ, плохой совѣтникъ.

Онъ съ волненіемъ провелъ рукой по лицу и сказалъ почти съ досадой:

— Ну, поступайте, какъ знаете.

— Пойдемте поскорѣе, сказала я,—наша прогулка въ такое время можетъ показаться очень странною.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Не лучше ли вамъ пройдти въ ту калитку, а я пойду черезъ балконъ; такимъ образомъ мы избѣгнемъ ложныхъ, глупыхъ толковъ, которыхъ вы такъ боитесь. Да, впрочемъ, прибавилъ онъ,—такая предосторожность напрасна: въ комнатахъ никого нѣтъ.

— Какъ никого нѣтъ? спросила я съ изумленіемъ. — Куда же дѣлись Марья Ивановна, Маша, Катерина Никитишна?

— Онѣ всѣ ушли: къ Марьѣ Ивановнѣ кто-то пріѣхалъ: дочь ли, сынъ ли, не помню хорошенько, и онѣ всѣ ушли туда, къ ней.

— Лиза! вскричала я съ живостію:—Лиза! возможно ли! и я почти бѣжала къ дому.

— И вы имъ рады? спросилъ онъ.

— Какъ не рада! это подруга моего дѣтства. Какъ же вы до сихъ поръ не сказали мнѣ, что она пріѣхала?

— Я забылъ; этотъ проклятый сонъ на яву всему причиной.

— Видно онъ былъ или очень хорошъ, или очень дуренъ, что такъ сильно поразилъ васъ.

— Я не желаю вамъ подобныхъ сновъ.

— А вы часто ихъ видите?

— Нерѣдко.

— Говорятъ, лучшее средство избавляться отъ тяжелыхъ сновъ—разказывать ихъ.

— Я разкажу вамъ послѣ.

— Едва ли вы послѣ найдете удобное время для этого, общество наше прибавится.

— А какъ вы думаете, долго они пробудутъ здѣсь?

— Я думаю не коротко, они пріѣхали издалека.

— Сонъ мой не долго разказывать: я видѣлъ, что я отброшенъ отъ всего, что̀ дорого и мило мнѣ, въ далекую, безотрадную сторону, гдѣ не свѣтитъ солнце, не цвѣтутъ цвѣты...

— Вы хандрите, Николай Михайловичъ! что̀ вамъ за охота мучить себя!

Мы были уже въ гостиной.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ, взявшись за шляпу.—Покуда прощайте! Въ вашемъ новомъ обществѣ я буду несносенъ сегодня. Постараюсь пріѣхать въ другой разъ, въ лучшемъ расположеніи духа.

— Какъ же вы поѣдете въ такой дождь? это рѣшительно невозможно.

— Напротивъ, очень возможно; я велю поднять коляску.

— Останьтесь, Николай Михайловичъ; тетушкѣ будетъ непріятно. Она не любитъ отпускать гостей въ дурную погоду. Право, подумаютъ, что мы поссорились...

— У васъ удивительная способность убѣждать, стращая разными предположеніями и преувеличеніями.

Тетушка вышла къ намъ, оправившись отъ головной боли и принарядившись для встрѣчи нежданыхъ гостей, о которыхъ ей уже доложили.

Я пожаловалась ей на упрямство Данарова, и она помогла мнѣ уговорить его остаться.

Вскорѣ пришла и Катерина Никитишна, вѣстницей скораго прибытія новопріѣзжихъ. Лицо ея сохраняло слѣды недавнихъ слезъ, пролитыхъ отъ умиленія, при видѣ встрѣчи матери съ дочерью. Она разказывала подробности этой встрѣчи и прибавила, что, кромѣ Лизы и ея мужа, пріѣхалъ еще братъ послѣдняго.

— Молодой человѣкъ? имѣла я неосторожность спросить.

На меня устремился взоръ Данарова, взоръ, горѣвшій яркою, возмутительною насмѣшкой. Катерина Никитишна, вслѣдствіе глухоты своей, не отвѣчала на мой вопросъ.

— Молодой, молодой, сказалъ онъ мнѣ вполголоса, съ выраженіемъ той же насмѣшки,—очень любезный, веселый, не то что этотъ несносный, капризный Данаровъ, который такъ надоѣдаетъ своею хандрой...

— Ахъ, Николай Михайловичъ! сказала я ему съ грустнымъ укоромъ:—а кто недавно возмущался противъ ложныхъ толковъ?

— Да это будетъ, я чувствую, что это будетъ! сказалъ онъ желчно, измѣняясь въ лицѣ.

— Не забудьте привезти на будущій разъ обѣщанныя книжки журналовъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ онъ, немилосердо комкая свою шляпу.

— Чѣмъ же шляпа виновата? сказала я ему, улыбаясь, и встала, чтобъ идти на встрѣчу пріѣзжимъ, голоса которыхъ раздавались уже въ прихожей.

Непривычно и странно мнѣ было видѣть въ нашихъ небольшихъ комнаткахъ столько новыхъ лицъ, особенно мущинъ. Даже физіономія Мити, который выглядывалъ изъ-за плечъ мужа Лизы и его брата, показалась мнѣ незнакомою; сама же Марья Ивановна, шедшая впереди всѣхъ, представилась мнѣ волшебницей, по волѣ которой явились эти гости.

Лиза, въ шелковомъ платьѣ, въ щеголеватомъ чепчикѣ и мантильѣ, была настоящею дамой и казалась гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Большіе, сѣрые глаза ея смотрѣли, по прежнему, спокойно и безстрастно. Мужъ ея пополнѣлъ; братъ его былъ молодой человѣкъ, высокій, стройный, съ курчавыми, бѣлокурыми волосами. Лицомъ онъ былъ похожъ на Ѳедора Матвеича, но только лучше. Въ его взглядѣ и походкѣ была та веселая самонадѣянность юности, свойственная натурамъ легкимъ и беззаботнымъ. Звали его Александръ Матвеичъ.

Встрѣча моя съ Лизой если не была трогательна, то была искренння и радушна; но Катерина Никитишна не преминула и тутъ пролить нѣсколько слезъ.

— Что̀ онѣ должны теперь чувствовать? говорила она.—Вотъ, и мнѣ Богъ привелъ видѣть Лизавету Николаевну замужемъ. Время-то какъ идетъ! А Марья Ивановна, чай, ногъ подъ собой не слышитъ, материнское сердце болько!

Опомнившись послѣ здорованій и первыхъ распросовъ, я замѣтила, что Данарова не было съ нами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ съ балкона.

— Данаровъ! что ты? какими судьбами? вскричалъ Александръ Матвеичъ, подходя къ нему.

— Александръ! Вотъ не ожидалъ!

И молодые люди обнялись.

Затѣмъ Данаровъ былъ представленъ Лизѣ, а съ мужемъ ея онъ былъ также знакомъ прежде.

Лиза, сказавъ ему нѣсколько общихъ фразъ, посмотрѣла на меня внимательнымъ, испытующимъ взоромъ, и я почувствовала, что не потеряла еще привычки смущаться отъ этого взора.

— Такъ вотъ какъ! сказала она, входя со мной въ мою комнату: — у васъ нынче молодые люди завелись. Не пришлось бы мнѣ попировать на твоей свадьбѣ, Геничка!

— Помилуй, съ чего ты это взяла?

— Да вѣдь, онъ, говорятъ, къ вамъ часто ѣздитъ.

— Такъ что̀ жь изъ этого?

— А то, что значитъ онъ влюбленъ въ тебя.

— Я, по крайней мѣрѣ, не увѣрена въ этомъ.

— Да и ты неравнодушна къ нему...

— Когда жь ты могла замѣтить это, Лиза?

— Да ужь меня не обманешь; хоть ты и хитришь, да и я не промахъ.

Я молчала.

— Напрасно скрытничаешь: не сегодня, такъ завтра узнаю.

Она сжала губы и стала снимать чепчикъ.

— Терпѣть не могу чепцовъ; головѣ тяжело.

— Вотъ ты теперь, какъ прежде, Лиза, сказала я, — точно и не замужемъ.

— Нѣтъ ужь, Геничка, не то, что̀ прежде; и ты ужь не та стала, много перемѣнилась. Не та ужь дружба ко мнѣ...

— Ты ошибаешься, Лиза; дружба та же, только привычка ослабѣла. Ты знаешь, я всегда дика послѣ долгой разлуки. Вотъ, поживемъ, увидишь. Я думала, что ты разлюбила меня.

— Ахъ, Геничка, ты не думай этого. Сама вспомни, какой переворотъ былъ въ моей жизни. Я у Татьяны Петровны какъ въ туманѣ ходила.

— Ну, а теперь счастлива ты?

— Теперь мнѣ остается только Бога благодарить. Ѳедя души во мнѣ не слышитъ. Меня бранятъ, что я съ нимъ не ласкова, а не понимаютъ, что этакъ лучше, не избалуешь. Мужа баловать не надо. Посмотри за то, какъ онъ цѣнитъ, когда я съ нимъ бываю поласковѣе, ни въ чемъ не откажетъ. А у меня ужь такой

характеръ. А вотъ Александръ Матвеичъ опять,—какой милый, добрый. Когда ты его узнаешь, ты сама полюбишь его. Какъ мы пріятно живемъ въ Т**! Знакомые у насъ такіе славные; мы съѣзжаемся по вечерамъ, танцуемъ, въ карты играемъ. Когда Ѳедя поетъ, и мы за нимъ хоромъ. И что̀ хорошо, безо всякой церемоніи; а ужь какъ я не люблю, гдѣ церемонно! помнишь, у Татьяны Петровны, всѣ въ струнку вытянуты.

— Ты мнѣ этого не говорила.

— Нельзя было, Геничка, могли услыхать, передать ей; какая бы была непріятность! Анфиса Павловна вездѣ подслушивала. Пойдемъ однако туда; не разсердилась бы Авдотья Петровна, что мы ушли. Я еще и Данарова-то вашего хорошенько не видала. Какой онъ блѣдный, испитой,—боленъ что ли?

Мы воротились въ гостиную

Погода между тѣмъ разгулялась. Вѣтеръ утихъ; разорванныя тучи убѣгали къ сѣверу; вечернее солнце свѣтило ярко и обѣщало великолѣпный закатъ.

Мы всѣ, кромѣ старушекъ, вышли на балконъ и размѣстились на ступенькахъ.

Александръ Матвеичъ осыпалъ Данарова живою рѣчью и воспоминаніями о прошедшемъ.

— Помнишь, говорилъ онъ,—нашу жизнь въ университетѣ, нашу маленькую комнатку; толстую хозяйку, которую мы такъ часто сердили, и наши тощіе карманы, которые сердили насъ въ свою очередь? помнишь, румяную Анюту, за которою ты, злодѣй, волочился, а я ревновалъ не на шутку? Помнишь, Ваню Крапивина, Колю Скрипицына и всѣхъ? Препоэтическое, братецъ, было время! И какъ послѣ всѣ мы разлетѣлись по разнымъ сторонамъ! Вотъ ужь и я четыре года на службѣ; ты вдругъ сталъ богатымъ помѣщикомъ... А чувствительная вдовушка, съ которою ты распѣвалъ страстные романсы и въ то же время посмѣивался надъ ея сентиментальностью... и потомъ нечувствительная, прелестная Нина, подъ окнами которой такъ часто задавали мы серенады вздоховъ, увы! не доходившихъ до ея сердца... Куда все это изчезло?

— Охота тебѣ, сказалъ Данаровъ, — поднимать весь этотъ старый хламъ! скажи лучше, что̀ было съ тобой послѣ?

— Да что̀ послѣ! ничего особеннаго... Много непріятностей,

много хлопотъ, затрудненій опредѣлиться на службу; да, спасибо, добрые люди помогли; вотъ брату спасибо, онъ старался.

— Ну, и ты доволенъ?

— Да, покуда доволенъ, а тамъ думаю въ Петербургъ. А ты какъ провелъ эти годы? Ты, Данаровъ, очень перемѣнился: постарѣлъ, похудѣлъ... А, кажется, теперь тебѣ надо разцвѣтать... Будетъ, потерпѣлъ нужды...

Я невольно посмотрѣла при этихъ словахъ на Данарова. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, много измѣнился даже послѣ того, какъ я видѣла его въ первый разъ... около губъ и глазъ обозначились рѣзкія черты, придававшія его физіономіи угрюмое и печальное выраженіе.

— Всему виною хандра, отвѣчалъ онъ.

— Женись, братецъ; это лучшее лѣкарство отъ хандры.

— Какой вздоръ! отвѣчалъ Данаровъ, вспыхнувъ, и перемѣнилъ разговоръ.

Данарову, во весь остатокъ вечера, не удалось сказать со мной ни слова наединѣ. По какому-то странному капризу, онъ сталъ любезничать съ Машей. Просилъ ее учить его вязать чулки, спускалъ петли, путалъ нитки; даже разъ, передавая ей вязанье, поймалъ одинъ изъ ея тоненькихъ, сухихъ, смуглыхъ пальцевъ и держалъ съ минуту, устремивъ на нее престранный, презамысловатый взглядъ. Она краснѣла, смѣялась, отшучивалась и кокетничала, не хотѣла сидѣть съ нимъ рядомъ, спрятала колечко, которое онъ просилъ дать ему посмотрѣть. Я предалась съ Лизой воспоминаніямъ о прошедшемъ, что̀ не мѣшало мнѣ однако, въ глубинѣ души, чувствовать себя оскорбленною обращеніемъ Данарова съ Машей.

— Гдѣ теперь Павелъ Иванычъ? спросила меня Лиза.

— Не знаю, я о немъ ничего не слыхала съ тѣхъ поръ.

— Онъ теперь у хорошаго мѣста, сказала Маша, — какъ мы слышали, учителемъ въ домѣ богатаго помѣщика.

— Гдѣ же это? далеко?

— Отсюда далеко, туда за о́секъ. Не помню какъ фамилія помѣщика.

— Что̀ это за Павелъ Иванычъ? спросилъ Данаровъ Машу.

— Это жилъ прежде учитель у Марьи Ивановны, отвѣчала та, сжавъ лукаво губы и бросивъ на меня летучій взоръ.

— Давно?

— Да, ужь давно.

— Что̀, онъ былъ влюбленъ въ васъ?

— И не думалъ, отвѣчала она.

— Не въ васъ ли онъ былъ влюбленъ, Лизавета Николавна?

— Вотъ еще, сказала Лиза, я его терпѣть не могла.

Маша шепнула что-то Данарову, послѣ чего онъ прекратилъ свои вопросы; но глаза его загорѣлись такимъ злымъ блескомъ, что мнѣ нужно было призвать на помощь всю твердость, чтобъ выдерживать его взоръ холодно и спокойно.

Лиза наблюдала за нимъ изподтишка. Присутствіе его въ этотъ вечеръ было для меня тяжело и непріятно.

— Ну, Геничка, сказала мнѣ Лиза, когда онъ уѣхалъ,—что онъ влюбленъ въ тебя, въ этомъ я теперь увѣрена; только характерецъ, нечего сказать! Будь у него милліоны, не пошла бы за него! Неужели ты рѣшишься?

— Полно, Лиза, мнѣ даже становится скучно толковать о немъ.

— Вотъ бы тебѣ женихъ, сказала она,—Александръ Матвеичъ. Вотъ ужь этотъ такъ ангелъ!

— Что̀ у тебя за страсть сватать меня!

— Помилуй, да что̀ же? Въ дѣвкахъ что̀ ли ты намѣрена оставаться? Вотъ радость!

— Тетушка не вышла же замужъ.

— Тетушка твоя еще не указъ... Нѣтъ, я была бы радехонька, еслибъ тебя Богъ пристроилъ. Состояніе у тебя небольшое. Хорошо, пока Авдотья Петровна жива, а умретъ, куда ты дѣнешься? Къ Татьянѣ Петровнѣ, такъ вѣдь ужь тамъ житье-то не такое будетъ. Здѣсь тебѣ всѣ угождаютъ, а тамъ ты должна будешь всѣмъ угождать, да все переносить — и косые взгляды и кислыя мины. Положимъ, что Авдотья Петровна не оставитъ тебя, да вѣдь много ли у ней у самой-то? Она маменькѣ говорила, что даетъ тебѣ вексель въ пять тысячъ серебромъ, а имѣнье родовое; нельзя и Василья Петровича обидѣть, у него сынъ. Нѣтъ, тяжело тебѣ будетъ, Геничка!

Я отъ души поцѣловала Лизу за добрую заботливость ея обо мнѣ.

— Конечно, продолжала она въ раздумьи,—у Данарова хорошее состояніе; восемьсотъ душъ не бездѣлица; да вѣдь, пожалуй,

не рада будешь и тысячѣ, какъ характеръ-то ужасный. Посмотри, ревнивецъ какой; ничего не видя, каковы онъ глаза сдѣлалъ, какъ говорили о Павлѣ Иванычѣ, точно чортъ; на меня даже страхъ нашелъ. Нѣтъ, ты, Геничка, подумай хорошенько. А эта Филипиха-то что̀ тутъ егозитъ? Чего она добивается? ужь она не думаетъ ли за него замужъ выйдти? Какъ же, посмотритъ онъ на нее! Никогда я не любила ее. Хитрячка!

Къ намъ подошла Марья Ивановна, Лиза передала ей свое мнѣніе о Данаровѣ.

— Какъ же ты хочешь, Лизавета, сказала Марья Ивановна, принимая сторону Данарова,—чтобъ ему было пріятно слышать о Павлѣ Иванычѣ? Вѣдь я слышала, что Марья-то подшепнула ему...

— А что̀, маменька?

— А то, что Геничка была влюблена въ него.

— Такъ что̀ же! отвѣчала Лиза, — ему и нужно было эдакіе страшные глаза дѣлать? Поможетъ что ли онъ? Полноте, маменька, заступаться за него; у него долженъ быть ужасный характеръ.

— Ничего не ужасный, а просто онъ еще не увѣренъ въ ней, вотъ это его и бѣситъ.

— Ахъ, маменька, какъ вы странно судите! если ужь онъ теперь не можетъ скрыть своей злости, что̀ же онъ мужемъ-то будетъ!

— Мужемъ совсѣмъ другое дѣло... Напрасно ты смущаешь ее.

— Я и не думаю ее смущать, сказала Лиза, обидясь,—съ чего вы это взяли?

— Лиза! сказала я: — развѣ я не вижу твоего добраго участія.

— Мнѣ-то что̀ смущать тебя; ты вольна въ себѣ, мнѣ не остановить тебя.

— Да развѣ я для того сказала, сказала струсившая гнѣва дочери Марья Ивановна,—я сказала такъ; я знаю, что ты добра ей желаешь. Ты ужь къ матери нынче слишкомъ взыскательна стала, Лизавета!

— Ну, полноте, маменька, что объ этомъ толковать; ничего невзыскательна. Пора намъ и домой, ужь поздно.

VIII.

Жизнь моя очень оживилась. Лиза, мужъ ея и братъ, сопровождаемый Марьей Ивановной, являлись каждый день, по желанію тетушки, къ утреннему чаю и оставались у насъ до поздняго вечера.

Молодые люди нравились старушкѣ; она съ участіемъ слѣдила за ихъ веселымъ разговоромъ, улыбалась на ихъ шутки, съ удовольствіемъ слушала пѣніе Өедора Матвеича; иногда вторилъ ему неудачно братъ его, у котораго, какъ говорилъ Өедоръ Матвеичъ, къ пѣнію была охота смертная, да участь горькая. Александръ Матвеичъ не обижался, а смѣялся вмѣстѣ съ другими, иногда только въ отмщеніе сбивалъ съ толку Өедора Матвеича въ серединѣ какого-нибудь романса. Молодые люди полюбили тетушку безъ памяти, и наперерывъ старались угождать ей. Старушка баловала ихъ въ свою очередь: заказывала любимыя ихъ кушанья, подарила имъ тонкихъ, домашнихъ полотенъ. Она не мало радовалась и тому, что мнѣ весело.

Къ Лизѣ я снова начала привязываться. Надо сказать правду, замужство перемѣнило ее къ лучшему. То, что̀ прежде казалось въ ней холодностью, перешло теперь въ спокойную разсудительность. Самая строгость ея къ сердечнымъ порывамъ смягчилась. Цѣль жизни была достигнута; любовь мужа и довѣренность его къ ней дѣлали ее счастливою, слѣдовательно болѣе довѣрчивою, хотя все еще природная скрытность иногда брала у нея верхъ; но странно то, что вмѣстѣ съ тѣмъ скрытность другихъ раздражала и отталкивала ее.

Несмотря на то, что я была сердита на Данарова, мысль моя нерѣдко уносилась въ Завѣдово и слѣдила за его хозяиномъ. По временамъ, я прислушивалась къ каждому шуму и снова ждала его, хотя не прошло трехъ дней послѣ послѣдняго его посѣщенія.

Въ продолженіе этого времени, Александръ Матвеичъ былъ у него и, возвратясь, назвалъ его чудакомъ, хандрой, скептикомъ.

— Да онъ, просто, не умѣетъ пользоваться жизнію, сказалъ онъ, —покойный старикъ совсѣмъ испортилъ и раздражилъ его своею скупостью... И теперь онъ не можетъ еще опомниться. Бѣдняжка

терпѣлъ столько нужды, долженъ былъ занимать, отказывать себѣ во всемъ, и теперь онъ какъ будто мститъ судьбѣ за прошлыя страданія, не беретъ отъ нея ничего. Живетъ въ пустомъ, старомъ домѣ, не доставляя себѣ никакихъ удовольствій, никакого комфорта. О, еслибъ у меня было такое независимое состояніе!

— А можетъ-быть, онъ такъ же скупъ, какъ отецъ его, сказала Лиза.

— Кто его знаетъ! почти съ горечью сказалъ Александръ Матвеичъ.—Не такой былъ онъ прежде...

— Однако онъ обошелся съ вами по-дружески? спросила я.

— Да; только тяжело видѣть въ немъ это мертвое равнодушіе къ самому себѣ, это отсутствіе молодости и откровенности. Какое-нибудь тайное, большое горе довело его до этого!

— Не влюбленъ ли онъ въ кого-нибудь безнадежно? сказала Лиза.

На другой день, въ 11 часовъ утра, я одна ходила въ саду; гости только что встали (что̀ я узнала отъ дѣвушки Марьи Ивановны, пробѣжавшей мимо забора сада), потому что наканунѣ просидѣли очень долго, не желая терять чудныхъ часовъ теплой, лѣтней ночи. Мы съ тетушкой напились чаю однѣ и ждали ихъ только къ завтраку.

Поворачивая изъ одной аллеи въ другую, я увидала Данарова, который шелъ мнѣ на встрѣчу. Онъ поздоровался со мной холодно.

Я не рѣшалась заговорить съ нимъ, и мы оба нѣсколько минутъ ходили молча.

— Прекрасно! наконецъ сказалъ онъ, теряя терпѣніе: — прекрасно! Влюбиться въ перваго попавшагося мущину, въ ничтожество, въ семинариста; обрадоваться ему — драгоцѣнному подарку судьбы, и бросить свое сердце въ лужу грязи! Влюбиться! Какъ вы еще въ колыбели не влюбились въ кого-нибудь?

При первыхъ словахъ, страшный порывъ негодованія и досады закипѣлъ у меня въ душѣ; но черезъ минуту слова Данарова показались мнѣ бредомъ горячешнаго, а подъ конецъ до того смѣшными, что я сперва отвернулась, чтобъ скрыть улыбку, потомъ расхохоталась.

Это его, повидимому, озадачило и прохладило.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! сказалъ онъ уже скорѣе печально,

чѣмъ раздражительно:—еслибъ вы могли заглянуть въ мою душу, у васъ не достало бы силъ смѣяться; вы не смотрѣли бы на меня этимъ спокойнымъ, наблюдающимъ взоромъ; то, что̀ теперь вамъ кажется непонятнымъ, имѣетъ глубокое и правильное основаніе въ моемъ сердцѣ.

Я рѣшилась молчать до послѣдней невозможности и стала обламывать сухія вѣтки съ куста сирени.

— Вы въ самомъ дѣлѣ не намѣрены сегодня говорить со мной ни слова? сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.

— Что̀ вамъ угодно? отвѣчала я.

Онъ порывисто сломилъ свѣжую вѣтку. Я осмотрѣла ее съ сожалѣніемъ, отбросила и пошла домой. Онъ послѣдовалъ за мной.

— Сегодня разцвѣлъ кустъ бѣлыхъ розъ, сказала я ему,—если вы не будете ломать его, я вамъ покажу.

— Не буду, отвѣчалъ онъ, улыбаясь тихо и грустно, безо всякихъ признаковъ гнѣва.

— Данаровъ! сказала я ему строго и печально: — вы должны извиниться передо мной; вы оскорбили меня самымъ страннымъ и неприличнымъ образомъ.

Онъ схватилъ мою руку и крѣпко прильнулъ къ ней губами.

— Геничка! проговорилъ онъ съ увлеченіемъ: — развѣ вы не видите, что любовь къ вамъ сводитъ меня съ ума!...

Онъ весь измѣнился: его лицо, озаренное страстью, было прекрасно; въ голосѣ звучало все, что̀ было нѣжнаго и любящаго въ душѣ человѣка...

— Геничка, продолжалъ онъ, — неужели и теперь вы не скажете мнѣ ничего, ничего утѣшительнаго!

— Что̀ сказать? отвѣчала я, взволнованная до глубины души. —нужны ли слова?

— Желалъ бы я знать одно, сказалъ онъ, снова овладѣвъ моею рукой, — любитъ ли меня, хоть немного, эта упрямая дѣвушка Евгенія Александровна? И не думаетъ ли еще она о своемъ прежнемъ обожателѣ?

— Желала бы я также знать, что̀, этотъ несносный Данаровъ влюбленъ ли еще въ ту женщину, которая писала ему такія страстныя записочки?

Онъ улыбнулся и бросилъ на меня горсть листовъ бѣлой розы, сказавъ:

— Онъ никогда не любилъ ее истинно. А вы?

— Это было такое свѣтлое, тихое чувство, что я вспоминаю о немъ безъ раскаянія, съ благодарностью...

— Отъ души желаю, чтобъ провалились сквозь землю всѣ семинаристы на свѣтѣ! сказалъ онъ.

— Это отъ того, что вы теперь гораздо болѣе заняты собственнымъ чувствомъ, нежели моею особой.

— Это сказано зло, но несправедливо...

Въ эту минуту на балконѣ раздались голоса.

— Боже мой! сказала я съ испугомъ: — ужь всѣ собрались; пойдемте туда. Ахъ, Николай Михайловичъ! прибавила я:—грѣхъ вамъ было такъ подкрадываться къ моему сердцу, опутать и смутить его до такой степени....

Ясность его духа мгновенно исчезла.

— Ради Бога, Евгенія Александровна, одно слово: любите ли вы меня? сказалъ онъ тревожно.

— Развѣ вы не видите? отвѣчала я, и выбѣжала въ калитку сада.

Прежде нежели я присоединилась ко всѣмъ, я зашла въ мою комнату. Голова у меня кружилась, сердце било тревогу; какой-то теплый, радужный туманъ покрывалъ всѣ предметы. Всѣ мои холодныя, благія рѣшенія исчезли, — я любила его! Я чувствовала, что всѣ сомнѣнія, всѣ представленія разсудка не могли дать и капли того счастія, которое охватило меня теперь, когда я вѣрила, любила, когда образъ его стоялъ передо мной, закрывая собой и прошедшее и будущее моей жизни...

Да, я любила его! Его слова, его голосъ проливали на меня невѣдомое наслажденіе; сладостный трепетъ проникалъ меня при мысли, что я снова увижу его, и никто изъ нихъ не будетъ знать, что, десять минутъ назадъ, этотъ самый Данаровъ, который такъ лѣниво, такъ холодно говоритъ съ ними, сказалъ мнѣ, что онъ любитъ меня, что онъ думаетъ только обо мнѣ, замѣчаетъ только меня...

Вмѣсто того, чтобъ спѣшить къ гостямъ, я сидѣла у окна, въ моей комнатѣ, и повторяла сердцемъ все, что̀ случилось со мной въ то утро... Притомъ же широкій дворъ, пролегавшая черезъ него дорога, бревна, приготовленныя для постройки флигеля, кухня, баня, худой заборъ, колодецъ съ двумя покривившимися столбами, между которыми на перекладинѣ качалась бадья, — все

это казалось мнѣ такъ мило, такъ ново, что я рѣшительно не имѣла желанія встать съ мѣста и идти слушать человѣческіе голоса, чуждые тайнѣ моей души, видѣть людей, съ которыми, въ настоящую минуту, у меня не было ничего общаго.

И долго бы просидѣла я такъ, еслибъ мускулистая рука не ухватилась за подоконникъ, и вслѣдъ затѣмъ не упалъ на мои колѣна пучокъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣсколько вѣтокъ смородины.

Я догадалась, что это Митя воротился съ охоты.

У него была страсть удивить и напугать нечаянностью своего появленія, и потому онъ часто, уходя, назначалъ позже срокъ своего возвращенія, подкрадывался незамѣтно, чтобъ предстать вдругъ изумленнымъ зрителямъ и былъ совершенно счастливъ, когда появленіе его встрѣчалось крикомъ невольнаго испуга. Марья Ивановна и Катерина Никитишна чаще всѣхъ доставляли ему это удовольствіе: иногда, въ срединѣ какого-нибудь страшнаго разказа, первая, повернувшись въ сторону и увидавъ въ дверяхъ безмолвную и неподвижную фигуру своего сына, котораго воображеніе ея, настроенное на чудесное, никакъ не позволяло ей узнать съ перваго раза,—вздрагивала и неистово вскрикивала, заражая своимъ страхомъ Катерину Никитишну, а нерѣдко и меня.

Итакъ, я легко догадалась, что пучокъ цвѣтовъ былъ брошенъ Митею.—Не прячьтесь, не испугали, сказала я, подбирая цвѣты и выглянувъ за окно, гдѣ стоялъ Митя, притаившись у стѣны.

— Посмотрите-ка, сестрица! сказалъ онъ, махая передо мной большою убитою птицей, которую держалъ за одно крыло:—глухарь, да славный какой! Въ Заказѣ убилъ; ихъ тамъ много. Вы бывали ли въ Заказѣ когда-нибудь?

— Можете себѣ представить, никогда! вѣдь это не такъ далеко?

— Ну, версты двѣ будетъ. А что̀ за лѣсъ! чистый, дерево къ дереву. Ужь понравился бы вамъ. Бѣлыхъ грибовъ много, сухарокъ, ягодъ. Вотъ бы когда всѣмъ, компаніей, туда собраться...

— А что̀, Митя, прекрасная мысль! какъ бы это устроить?

— Такъ чтожь, можно: маменьку подговорить да сестру. Да, вотъ, она легка на поминѣ.

— Здравствуй! помилуй, что ты пропала? сказала Лиза, войдя ко мнѣ.—Это она съ Митей любезничаетъ.

— Чего ты не выдумаешь! отозвался тотъ, скромно краснѣя.

— А онъ и покраснѣлъ!

Лиза расхохоталась и принялась дразнить бѣднаго Митю.

— Такъ вотъ какъ! я не знала, это новость! Геничка тебѣ голову вскружила! браво, братецъ, браво! То-то онъ ей и цвѣты приноситъ и ягоды...—Ай да Митя! говорила она, какъ-то особенно растягивая каждое слово и такимъ тономъ, отъ котораго въ самомъ дѣлѣ немудрено было покраснѣть бѣдному Митѣ. Такъ учитель говоритъ ученику, пойманному въ шалости:—прекрасно, очень хорошо!

— Ну, что̀ ты его мучишь понапрасну? сказала я Лизѣ, когда Митя, который сперва застѣнчиво отшучивался, наконецъ разсердился и неровными шагами отправился въ кухню передать повару убитаго глухаря.

— Полно, пожалуста, онъ радехонекъ... Я по себѣ знаю; бывало, превесело, когда кѣмъ-нибудь дразнятъ; хоть и сердишься, а все весело...

— Помилуй, это произведетъ принужденность въ обращеніи.

— Ну, что за важность! да пойдемъ туда. Данаровъ здѣсь давно.

— Я видѣла его.

— Зачѣмъ же ты удалилась?

— Замечталась здѣсь, а потомъ съ Митей болтала.

И она увела меня съ собой.

— Геничка, такъ не дѣлаютъ, сказала мнѣ тетушка, встрѣтясь съ нами въ комнатѣ, смежной съ гостиной: — гостей однихъ не оставляютъ; это неловко и невѣжливо.

— Вотъ тебѣ и выговоръ, сказала Лиза.

Но я находилась въ такомъ состояніи духа, что меня было трудно огорчить или разсердить.

— Соберемтесь когда-нибудь въ Заказъ пить чай, сказала я Лизѣ, подходя къ гостиной.

— Прекрасная мысль! отвѣчала она: — можно устроить это въ родѣ пикника. Назначимъ день и пригласимъ Николая Михайлыча.

Намѣреніе наше принято было всѣми съ удовольствіемъ, только исполненіе его, по случаю сомнительной погоды, отложено было до послѣзавтра. Но погода, какъ на зло, портилась все болѣе; ежедневные дожди больше недѣли держали насъ дома.

Өедоръ Матвеичъ съ братомъ играли въ шахматы; Лиза съ тетушкой, матерью и Катериной Никитишной, сидѣли за преферансомъ. Данаровъ бывалъ у насъ почти каждый день. Его хандра, его раздражительность часто наводили печальную тѣнь на мою любовь. И теперь, когда онъ зналъ, что любимъ глубоко, онъ не переставалъ мучить меня, подчасъ мелочными капризами, желчными выходками, перемѣшивая ихъ съ пламенными выраженіями страсти.

Лишнее слово съ Александромъ Матвеичемъ вызывало у него вспышку незаслуженной ревности, веселая улыбка на лицѣ моемъ была предметомъ иногда самыхъ горькихъ укоровъ въ эгоизмѣ и спокойствіи съ моей стороны, тогда какъ онъ страдаетъ, тогда какъ онъ подавленъ гнетомъ самыхъ безрадостныхъ сомнѣній. Его бѣсила невозможность оставаться со мной наединѣ, бѣсила дурная погода, бѣсила даже самая любовь его ко мнѣ... Онъ жаловался на мою осторожность, преслѣдовалъ названіемъ малодушія мои старанія скрывать чувство отъ постороннихъ.

Онъ бросалъ меня, попеременно, отъ досады къ грусти, отъ блаженства быть любимой къ тоскѣ разочарованія, онъ томилъ, дразнилъ мое сердце съ неподражаемою тираніей, и въ тоже время умѣлъ заставить любить себя страстно. Чего хотѣлъ онъ? Чего требовалъ? Я теряла голову.

Наконецъ выдался ясный денекъ, въ который положено было отправиться послѣ обѣда въ Заказъ. Къ Данарову послали съ утра записку просить его обѣдать.

Послѣ завтрака, мы всѣ, кромѣ тетушки, занятой хозяйственными распоряженіями во внутреннихъ комнатахъ, собрались въ гостиной и толковали о предстоявшей прогулкѣ.

— А вы, маменька, съ нами? спросила Лиза Марью Ивановну.

— Ну, нѣтъ; вѣдь это далеко, я устану, отозвалась Марья Ивановна,—да и шутка ли забраться туда сейчасъ послѣ обѣда.

— Вы пріѣзжайте послѣ, въ экипажѣ Данарова, вмѣстѣ съ чаемъ и другими припасами.

— Мы идемъ въ Заказъ! сказала я весело входящему Митѣ.

— И я съ вами, отвѣчалъ онъ.

— Да ужь какъ тебѣ не съ нами! вмѣшалась Лиза:—Геничка идетъ, а ты останешься, возможно ли это?

— Сестра! ты опять! сказалъ онъ, почти грозно. Это обратило на него общее вниманіе; Лизу поддерживали Ѳедоръ Матвеичъ и братъ его. Одинъ только Данаровъ не преслѣдовалъ Митю. Онъ сидѣлъ, молча, и задумчиво чертилъ карандашемъ по листу бумаги.

— Вы рисуете? спросила я его.

— Когда-то рисовалъ, только очень давно.

— Нарисуйте что-нибудь.

Онъ взялъ чистый листъ и, въ непродолжительномъ времени, искусною рукой набросанъ былъ ландшафтъ: по крутому берегу, кой-гдѣ усѣянному мелкимъ ельникомъ, вилась дорога; вдали, на возвышенности, видѣлись крыши строеній, изъ которыхъ рѣзко выдавался большой барской домъ, съ полуразрушеннымъ бельведеромъ. Данаровъ сумѣлъ дать особенный запустѣлый видъ этому зданію. Оно стояло въ тѣни, ни струйки дыма изъ бѣлыхъ трубъ его, тогда какъ другіе домики топились, и свѣтъ падалъ на ихъ окна.

Между тѣмъ, пока рисунокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, на другомъ листѣ бумагѣ, подъ карандашомъ Данарова, явилось смѣющееся лицо Марьи Ивановны. Сходство было разительное.

— У васъ талантъ, Николай Михайловичъ, сказала я, подходя къ нему,—и вы...

— Что̀ я? подхватилъ онъ,—зарылъ его въ землю?.. До таланта далеко. Талантъ подавитъ всѣ мелочныя желанія, всѣ фальшивыя стремленія, и увлечетъ человѣка къ его назначенію, даже противъ всѣхъ усилій его воли... Талантъ тоже, что̀ страсть, неудержимая, неодолимая!..

— Неужели вы думаете, что страсть не можетъ быть уничтожена ни силою воли, ни обстоятельствами? А время? Развѣ не ослабляетъ оно всего? притомъ же у судьбы есть такія средства, противъ которыхъ не устоитъ никакая страсть. Замучитъ человѣка, исколетъ булавками, если не сладитъ съ нимъ большое горе.

— Что̀ вы называете большимъ горемъ?

— Тѣ бури жизни, которыя набѣгаютъ на васъ мгновенно и шумно; потери, несчастія, которыхъ не нужно ни таить, ни объяснять, въ которыхъ всякій принимаетъ участіе, гдѣ нѣтъ мѣста ни обвиненію, ни суду людскому.

— А все прочсе, по вашему, малое горе?

— Малое въ отношеніи къ людскому участію.

— Да стóитъ ли хлопотать о немъ? Развѣ не довольно съ насъ участія того, кого мы любимъ, кто понимаетъ насъ? Я знаю, что заставить друга погоревать, пострадать нашимъ горемъ, доставляетъ хотя горькую, но высокую отраду.... По степени этого страданія узнается сила его любви.... Вотъ отчего мнѣ тяжело твое веселье; вотъ отчего я мучу тебя моими сомнѣніями.... продолжалъ онъ вполголоса, замѣтивъ, что насъ не слушаютъ.— Я желалъ бы сдѣлать тебя счастливою только моимъ счастіемъ; но думать, что ты обойдешься безъ меня, эта мысль давитъ меня!..

— Другъ мой! ты можешь быть доволенъ: мое счастіе связано съ твоимъ, мое спокойствіе улетѣло...

— О, моя милая, не обвиняй меня! у меня вся надежда на силу любви твоей, — и эта надежда кажется мнѣ обманчивою!... Ты опутана такими крѣпкими сѣтями ложныхъ понятій: я боюсь, что страхъ людскаго суда вскорѣ станетъ между нами неодолимою преградой.

Вмѣсто отвѣта, я посмотрѣла на него съ тоской, желая понять все, чтò казалось мнѣ въ любви его темнымъ и загадочнымъ...

— Неужели ты не вѣришь? продолжалъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ.

— Чему должна я вѣрить?

— Тому, чтò живетъ здѣсь, въ моемъ сердцѣ — любви моей, Геничка!

— А чтò же, если не это, даетъ мнѣ силы выносить тяжелыя минуты безнадежности?

— Когда голодный волкъ душитъ овечку, его проклинаютъ, а виноватъ ли онъ, судя по истинному порядку вещей?.. Простишь ли ты человѣка, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, — у котораго причиной вины была одна только любовь къ тебѣ?

— О, конечно; но все же лучше овечкѣ не заходить въ лѣсъ и быть поближе къ пастухамъ.

И я отошла съ стѣсненнымъ сердцемъ къ игравшимъ въ шахматы, Ѳедору Матвеичу и брату его.

— Вы умѣете играть въ шахматы? спросилъ меня Ѳедоръ Матвеичъ.

— Нѣтъ; поучите.

— Съ удовольствіемъ. Вотъ видите, продолжалъ онъ, разставляя выточенныя изъ кости старинныя фигуры, гдѣ ферязи представляли рыцарскія головы въ шишакахъ, а пѣшки миніатюрныхъ вооруженныхъ воиновъ. — Вотъ, видите, это король, здѣсь королева, здѣсь офицеры или ферязи, и такъ далѣе. Здѣсь вся великая наука жизни, уроки, какъ избѣгать ухищреній враговъ, отражать ихъ нападенія, главное предвидѣть ихъ, выпутываться изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ и выходить изъ боя побѣдителемъ.

— А я, заговорилъ Александръ Матвеичъ,—часто на мѣстѣ короля воображаю молодую дѣвушку: рядъ крупныхъ фигуръ представляетъ родныхъ и знакомыхъ; рядъ мелкихъ—всю прочую житейскую сволочь. Всѣ они стараются изо всѣхъ силъ предохранить ее отъ искушеній молодости, оградить отъ вліянія перваго, по ихъ мнѣнію, врага ея—мущины; они хлопочутъ, суетятся, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто; она сама хотя дѣйствуетъ лѣниво и медленно, а все-таки помогаетъ имъ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ законовъ приличія. Но, увы! всѣ труды, всѣ старанія, рано или поздно, кончаются неизбѣжнымъ шахъ и матомъ...

— Неужели неизбѣжнымъ?

— Конечно бываютъ исключенія; иногда обѣ партіи остаются ни при чемъ. У хорошихъ игроковъ это рѣдко случается.

— Вы хорошій игрокъ?

— Не совсѣмъ; иногда дѣлаю невѣрные ходы.

— А что̀, пойдемъ мы въ Заказъ? спросила Лиза, входя.

— Непремѣнно.

— Кажется, дождя не будетъ, сказала она, подходя къ окну,— вѣтеръ разнесетъ облака. Что̀ вы еще рисовали? обратилась она къ Данарову. — Ахъ, Боже мой, что̀ вы сдѣлали! Посмотри, Геничка, онъ зачеркалъ и затушевалъ свой рисунокъ, такъ что ничего не видно.

Въ это время пришла тетушка и пошла къ обѣду, ласково пригласивъ насъ слѣдовать за нею.

Во время обѣда пришла Арина Степановна съ одною изъ дочерей и Маша Филиппова. Онѣ уже пообѣдали дома, потому что ихъ утро начиналось очень рано.

— Вы не устали, Маша? спросила я ее послѣ обѣда.

— Нѣтъ, а что̀?

— Мы надумали идти въ лѣсъ и даже пить тамъ чай.

— Съ удовольствіемъ. Мы совсѣмъ не устали. Далеко ли прошли — двухъ верстъ не будетъ. Я вѣдь къ вамъ отъ Арины Степановны; я у нихъ сегодня ночевала. Катя! вы пойдете? обратилась она къ дочери Арины Степановны.

Та изъявила свое согласіе.

— А Николай Михайлычъ съ вами? спросила меня Маша.

— Давеча онъ хотѣлъ идти съ нами.

Маша засмѣялась.

— Давеча хотѣлъ, сказала она,—а теперь, пожалуй, и передумаетъ.

— Отчего вы такъ полагаете?

— Вѣдь онъ такой, какъ на него найдетъ.

— Вы его хорошо знаете, Маша?

Она мгновенно придала своему лицу выраженіе совершеннаго равнодушія, и сказала:

— Да гдѣ вамъ такъ знать, какъ мы узнаемъ; мы ближе живемъ къ его усадьбѣ, да и жизнь наша не такая,—всякій слухъ до насъ скорѣе доходитъ. Этта, о праздникѣ, ихніе люди были; ну, вѣдь не запретишь, подъ окнами гуляютъ, говорятъ между собой,—слышишь. Домишко нашъ маленькій, низенькій.

Неопредѣленное чувство сомнѣнія и недовѣрія скользнуло у меня по душѣ.

Я взглянула на Машу: никогда я не видала ее такою хорошенькою: худенькая, стройная, въ розовомъ холстинковомъ платьѣ, стянутомъ чернымъ кушачкомъ; ея постоянно блѣдное личико разгорѣлось отъ движенія, черные глазки блестѣли бриліянтами и полузакрывались рѣсницами, съ выраженіемъ какой-то внутренней, скрытой нѣги; нельзя было равнодушно смотрѣть на нее. Тонкія, черныя, какъ смоль, брови то слегка хмурились, то приподнимались, будто тайная, сжатая насмѣшка шевелилась у нея въ головѣ.

Къ намъ подошелъ Данаровъ. Маша, съ какимъ-то капризнымъ кокетствомъ, скрестила руки, наклонила на сторону головку, повернулась и отошла. По лицу его пробѣжала едва замѣтная улыбка.

— Какъ она хороша сегодня! сказала я, показывая на нее вслѣдъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, — въ этой дѣвушкѣ много оригинальнаго. Когда вы стоите съ ней рядомъ, то сравненіе — ночь и день, приходитъ на умъ; въ васъ—все, начиная съ вашей души до наружности, — все озарено спокойнымъ, теплымъ свѣтомъ; нѣтъ обманчивыхъ призраковъ, не томится душа безотчетнымъ страхомъ. Смертельный врагъ вашъ можетъ спокойно спать на краю пропасти, въ вашемъ присутствіи. А тамъ, продолжалъ онъ, указывая взглядомъ въ ту сторону, гдѣ стояла Маша,—тамъ, все невѣрно, все полумракъ, полуправда; взоръ тонетъ въ этихъ черныхъ глазахъ на угадъ, не различая ничего, встрѣчая повсюду сомнѣнія.

— Право, сказала я, — по вашимъ словамъ, мы съ Машей годились бы въ героини романа; только изъ меня вышелъ бы характеръ блѣдный и скучный, а изъ нея—одно изъ тѣхъ увлекательныхъ лицъ, за которымъ читатель слѣдитъ съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ.

— Но въ жизни... Ахъ, еслибъ могли вы быть такою, какою воображаю я васъ въ тѣ минуты, когда чувство льется черезъ край переполненной души, когда, блѣднѣя, убѣгаютъ всѣ пустые страхи глупыхъ приличій, и сердце гордо и смѣло вступаетъ въ свои права... Воспитаніе старухъ испортило васъ; лучшая половина вашей жизни пройдетъ въ безплодной борьбѣ и грустныхъ лишеніяхъ... а послѣ...

Онъ остановился.

— Что же послѣ?

— Кто можетъ знать будущее! Часто цѣлая жизнь зависитъ отъ одной минуты, отъ какого-нибудь, повидимому, ничтожнаго обстоятельства!.. А вы не шутя разсердились на меня за невинное сравненіе, и ваше пылкое воображеніе тотчасъ нарисовало меня въ образѣ голоднаго волка...

— Нѣтъ, скорѣе глупая роль овечки испугала меня.

— Не хитрите: вы очень хорошо знаете, что сравненіе съ овечкой никакъ не можетъ идти къ вамъ. Во всякомъ случаѣ, я люблю, когда вы сердитесь... къ вамъ это такъ идетъ.

— Вы испортите мой характеръ; сдѣлаете меня раздражительною и несносною.

— Полюбите Александра Матвеича. У него такой мягкій характеръ.

— Благодарю за совѣтъ. Постараюсь...

— А кто знаетъ?..

— Пора идти; всѣ ужь готовы, сказала Лиза.

И мы отправились въ Заказъ.

День былъ теплый, но вѣтреный. Пыль поднималась по дорогѣ; густыя облачка плавали по небу; солнце то скрывалось, то обливало все яркими лучами.

Мы пошли лугомъ, чтобъ избавиться пыли.

Трава была скошена и убрана; полевые цвѣточки поднимали вновь по покосу свои головки. Мелкія гвоздички или *пѣтушки*, какъ называютъ ихъ у насъ въ народѣ, сверкали пунцовыми звѣздочками; стаи бабочекъ кружились надъ анютиными глазками; изумрудный жукъ важно засѣдалъ въ полевой астрѣ.

Кромѣ насъ, ни души не было видно ни въ поляхъ, ни на дорогѣ. На всемъ лежалъ пустынный просторъ; мысль гуляла по немъ неясно, неопредѣленно, но съ особенною отрадой. Но вотъ и темнозеленая стѣна лѣса становилась ближе, вѣтеръ сталъ менѣе ощутителенъ, а шумъ гуще и сильнѣе.

Мы вошли въ лѣсъ.

Стройными колоннами возвышались стволы елей, обнаженныя почти до самыхъ верхушекъ; земля, лишенная полнаго свѣта, не была покрыта травой, а изрѣдка украшали ее бархатные клочки моха да зелень черничника; верхушки деревъ качались и шумѣли глухо и будто лѣниво, между тѣмъ какъ внизу царствовала почти совершенная тишина, — не шевелились даже узорчатые листы папоротника.

Это былъ какой-то особенный, волшебный міръ, гдѣ невольно приходили на мысль всѣ преданія о лѣшихъ и вѣдьмахъ. Казалось, точно должны были обитать духи въ этомъ полумракѣ и уединеніи; лелѣять тишину, заводить обманчивыми отголосками смѣлыхъ посѣтителей въ глушь и дичь, мелькать блудящими огоньками, перекликаться фантастическимъ ау! хлопать въ ладоши и зло смѣяться.

Вступивъ подъ эти таинственные, недосягаемые, движущіеся своды, казалось, что уже находишься въ чужомъ владѣніи, что безъ спросу хозяина пробираешься впередъ, по запрещенной дорогѣ, и будто ждешь, что вотъ насмѣшливый или строгій голосъ остановитъ тебя.

Я никогда не бывала въ этомъ лѣсу. Онъ назывался *Заказомъ*, потому что запрещено было рубить его. При донесеніи прикащика, Заказъ нерѣдко служилъ предметомъ хозяйственныхъ толковъ. Иногда, зимой, въ прихожую являлся мужикъ въ полушубкѣ, занесенный снѣгомъ, умолялъ доложить о немъ «ея милости», то-есть тетушкѣ, и когда ея милость допускала его къ себѣ, онъ ей кланялся въ ноги и просилъ отдать ему топоръ, отнятый старостой, по его словамъ, понапрасну, потому что дерево, съ которымъ онъ ѣхалъ по Заказу, было срублено не тамъ, и проч. Тетушка называла мужика мошенникомъ, призывала старосту и, послѣ многихъ обвиненій со стороны послѣдняго и слабыхъ оправданій перваго, отдавался топоръ своему владѣльцу, съ необходимою угрозой, что впередъ ему не простятъ. Мужикъ снова кланялся въ ноги, говорилъ: «дай Богъ тебѣ, матушка, здоровья!» — и уходилъ довольный и счастливый.

Лѣсъ, въ которомъ мы прежде гуляли съ Лизой, былъ совсѣмъ другой: сосны и березы разростались въ немъ не высоко, но курчаво и развѣсисто; пересѣченный лужайками, небольшими болотами и заваленный мѣстами ломомъ, онъ имѣлъ характеръ веселый, цвѣтущій; оглашался пѣніемъ птицъ, наполнялся ароматомъ цвѣтовъ; солнечные лучи спорили съ трепетною тѣнью деревъ, ярко озаряли густую траву и разливали теплую, душистую сырость въ воздухѣ.

О, совершенно не похожъ онъ былъ на этотъ мрачный, будто очарованный Заказъ!

Походивъ нѣсколько времени, Лиза разостлала на землю свой бурнусъ и легла. Маша съ Данаровымъ и съ дочерью Арины Степановны помѣстились возлѣ нея.

Ѳедоръ Матвеичъ съ Митей ушли искать дичи.

— Отправлюсь и я собирать растенія для моего гербаріума, сказалъ Александръ Матвеичъ.

— Возьмите и меня съ собой, сказала я,—вы мнѣ разкажете что-нибудь еще о жизни цвѣтовъ и растеній.

— Едва ли! съ вами, пожалуй, захочется говорить о другой жизни, о жизни сердца.

— Будемъ, пожалуй, говорить о жизни сердца.

— Ну, давайте же говорить, сказалъ Александръ Матвеичъ, отойдя со мной, молча, нѣсколько шаговъ.

— Нѣтъ, скучно, прощайте! Идите собирать травы, а я пойду бродить одна.

— Прекрасно! покорно васъ благодарю! Впрочемъ, сказалъ довольно раздражительно всегда добрый и веселый Александръ Матвеичъ,—я очень хорошо знаю, что вы изъ меня сдѣлали пугало.

— Какимъ это образомъ?

— Такъ... Вы очень ловко грозите мною вашему Данарову; когда на него сердитесь, тогда особенно любезны со мной въ его присутствіи. Я не такъ глупъ, чтобъ не замѣтить этого и не такъ мало самолюбивъ, чтобъ не оскорбиться.

Слова эти были для меня странны и горьки, тѣмъ болѣе, что въ нихъ было нѣсколько правды: въ самомъ дѣлѣ, когда Данаровъ досаждалъ мнѣ, я невольно обращалась къ Александру Матвеичу, ища разсѣянія въ его веселомъ нравѣ и всегда оживленномъ разговорѣ; но оскорбить его мнѣ никогда не приходило въ голову.

Я посмотрѣла на него съ невольнымъ упрекомъ, пожала плечами и пошла въ другую сторону.

Мысль, что никто мнѣ не сочувствуетъ и не понимаетъ меня, что и самъ Данаровъ любитъ меня какъ-то порывисто и раздражительно, закрывая отъ меня свою душу, высказываясь темно и сбивчиво, что нѣтъ между нами яснаго, покойнаго, довѣрчиваго счастія, эта мысль тяжело налегла на меня.

Я вышла къ небольшой сѣчѣ, по которой густою зеленою массой разростались молодыя, еще не высокія елочки; солнце ярко освѣщало это мѣсто, оно было самое веселое, въ сравненіи съ мрачными сводами строевыхъ деревъ. Я сѣла на срубленное дерево, окруженная со всѣхъ сторонъ густою зеленою стѣной.

Черезъ нѣсколько минутъ, я услыхала голоса Данарова и Маши.

Я проскользнула въ густоту ельника и притаилась, съ неодолимымъ любопытствомъ, послушать ихъ разговоръ.

— Да, какже, повѣрю я вамъ, что не забудете! говорила Маша, садясь на оставленное мною мѣсто.—Вы говорите одно, а думаете другое.

— Что̀ же я думаю?

— Знаю я, что̀ вы думаете и о комъ.

— О комъ бы я ни думалъ, это не помѣшаетъ мнѣ находить глазки твои хорошенькими. Поцѣлуй меня, Маша!

— Чтò это право, даже досадно! Вы просто безъ стыда, безъ совѣсти! Узнала бы Евгенія Александровна!

— Э, Маша, ничего ты не понимаешь!

— Очень понимаю, что вы влюблены въ нее. Не влюблены что-ли? Нутка, солгите...

— Охъ, ты, всезнающая!

— Да ужь все знаю, все! Знаю то, чего вы и не воображаете!

— Чтò же такое?

— Хорошо, притворяйтесь. Еслибъ Евгенія Александровна знала все, чтò я знаю, она и думать-то о васъ перестала бы. Вѣдь не много такихъ дуръ, какъ я... Нѣтъ, вѣдь воспитанныя-то барышни любятъ съ оглядкой, не по нашему...

— Ты думаешь, она не можетъ любить?

— А я почему знаю... Мнѣ и при ней-то тошнехонько, а тутъ и безъ нея только и рѣчи, что объ ней. А чтò, вѣдь ничѣмъ не кончится, такъ только!

— Полно, чтò объ этомъ толковать!

— Ну, вотъ, чтò голову повѣсили? Не тоскуйте: тоской не поможешь. Вѣдь экой человѣкъ, прибавила она ласкающимъ голосомъ, отъ котораго у меня повернулось сердце,—знаешь, что не стòитъ, а жалѣешь. И чего, кажется, не сдѣлаешь, чтобы только развеселить его!

Она поцѣловала его, и взяла за руку.—Пойдемъ, насъ хватятся, —и они отправились далѣе.

Въ чувствѣ, наполнившемъ меня тогда, въ первую минуту не было ни досады, ни ревности: это было какое-то горестное изумленіе, поразившее меня такъ сильно, что нѣсколько минутъ я оставалась, какъ оцѣпенѣлая. По мѣрѣ того, какъ я собиралась съ силами, въ душѣ поднималось цѣлое море тягостныхъ ощущеній;—безсознательное томленіе смѣнилось жгучимъ чувствомъ безсильнаго, безполезнаго отчаянія и невыразимой обиды сердца.

Наконецъ я встала и пошла. Голова моя горѣла, въ ушахъ раздавался звонъ, земля будто колебалась подо мной... Наконецъ мнѣ показалось, что я падаю въ пропасть... Ничего подобнаго не случилось, я просто лишилась чувствъ.

Когда я открыла глаза, я лежала на землѣ, и мнѣ показалось, что я проснулась отъ тяжкаго сна.

Сердито шумѣли надо мной верхи елей; какая-то птичка рас-

пѣвала вблизи; стволы деревъ, освѣщенные косвенными лучами солнца, показывали, что день уже клонился къ вечеру. Я чувствовала слабость, какъ будто послѣ сильной усталости, и снова закрыла глаза, въ намѣреніи уснуть и забыться, какъ послышались знакомые голоса. Всѣ они громко произносили мое имя:

— Геничка! M-lle Eugénie! Евгенія Александровна! раздавалось по лѣсу.

— Что̀ имъ до меня за дѣло? подумала я:—отчего они не оставятъ меня въ покоѣ? и какъ было бы хорошо, еслибъ я лежала теперь въ могилѣ, никто бы не звалъ меня, никто бы не потревожилъ моего спокойствія. Развѣ бы въ какой-нибудь большой праздникъ, тетушка зашла бы послѣ обѣдни на мою могилу и поплакала бы. Вотъ, это бы было тяжело; да, тяжело было бы не откликнуться, не утѣшить ее!

— Да вотъ *онѣ*, вотъ! вскричала Маша, явившаяся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; вслѣдъ за ней я увидѣла и все наше общество.

Я собрала силы и пошла къ нимъ на встрѣчу.

— Мы васъ ищемъ, ищемъ, сказала Маша.—Да что̀ же вамъ вздумалось лежать тутъ? Вы вѣрно уснули?

— Помилуй, Геничка, ты насъ съ ума свела! заговорила Лиза.— Два часа ждали тебя. Маменька ужь пріѣхала, самоваръ готовъ, а тебя все нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ, мы отправились искать тебя.

— Да вы видите, что онѣ преспокойно спали здѣсь, сказала Маша.

— Прекрасно! сказалъ Александръ Матвеичъ: — а хотѣли мечтать.

— Я заблудилась.

— Васъ должно быть лѣшій обошелъ, сказалъ Александръ Матвеичъ.

— Вѣроятно. Онъ отмстилъ мнѣ за васъ.

— И подѣло́мъ!

— Зачѣмъ вы пошли однѣ? могли бы въ самомъ дѣлѣ заблудиться! сказалъ мнѣ Данаровъ.

Мнѣ было горько, мнѣ было обидно, что Данаровъ, заставившій меня такъ много и глубоко страдать, не сдѣлался мнѣ ненавистенъ; что я ни минуты не могла бы пожелать ему зла, что его слова, его голосъ, по-прежнему, были мнѣ пріятны, что онъ теперь былъ

для меня тоже, что для измученнаго невыносимою жаждой путника чаша отравленнаго, но сладкаго питья.

— Что̀ съ тобой случилось? отчего ты такъ блѣдна? отчего у тебя рука дрожитъ? сказалъ онъ, подавъ мнѣ руку и пропустивъ всѣхъ впередъ.

Я молчала.

— Гдѣ ты пропадала?

— Ахъ, Боже мой, въ лѣсу...

— Геничка! не бѣси меня, я надѣлаю глупостей...

— Вашъ гнѣвъ теперь уже не испугаетъ меня.

— Ради Бога, не мучь меня!.. сказалъ онъ съ живымъ безпокойствомъ.

— Такъ и быть, скажу для вашего успокоенія, что я долго сидѣла на сѣчѣ, вотъ, въ этой сторонѣ, гдѣ на маленькой площадкѣ, окруженной мелкимъ ельникомъ, лежитъ толстое, срубленное дерево...

— А, теперь начинаю понимать!.. Геничка, милая моя! какъ ты измучила себя по пустому! сказалъ онъ съ тою глубокою, грустною нѣжностью, какую только онъ умѣлъ придавать своему голосу.

— Въ чемъ еще хотите вы меня увѣрить?

— Да, я хочу васъ увѣрить во всемъ, чему я самъ вѣрю, съ полнымъ и яснымъ убѣжденіемъ моего разсудка... Трудное это дѣло для меня. Я начинаю съ вами душевную тяжбу, гдѣ всѣ доказательства основаны только на инстинктахъ сердца и тайныхъ, неуловимыхъ оттѣнкахъ человѣческой натуры, полныхъ своей особенной, но непогрѣшительной логики. Никогда бы не взялся я за это, еслибъ не надѣялся на ваше сердце, на вашу душу.

— Вамъ также весело играть моимъ сердцемъ, какъ огорчать и сердить меня поминутно.

— Слишкомъ опасная и дорогая для меня игра! Мнѣ хотѣлось бы говорить съ тобой много и долго, но мы постоянно окружены— ни минуты наединѣ! Неужели тебя не тяготитъ это? а я съ ума схожу... Ты называешь меня капризнымъ, раздражительнымъ: я выношу адскія муки. Ради Бога, смотри на мои странныя, желчныя выходки, какъ на крики больнаго, которому дѣлаютъ мучительную операцію. Гдѣ и какъ могу я видѣть тебя одну?

Я вздрогнула и остановилась.

— Знаю, продолжалъ онъ,—знаю, что трудно и страшно рѣшиться тебѣ на такой подвигъ; но это необходимо, увѣряю тебя,—необходимо для нашего общаго спокойствія; особенно теперь, когда я кажусь виноватымъ въ глазахъ твоихъ, теперь, когда ты готова подумать, что Маша...

Это имя, въ устахъ его, подняло съ души моей всю горечь, пробудило страданіе ревности, начинавшее уже засыпать при звукахъ его голоса, подъ неотразимымъ вліяніемъ его взгляда, его прикосновенія.

— Я васъ ни въ чемъ не обвиняю, ничего не предполагаю, ничего не требую, сказала я гордо.—И какое право имѣю я на это? Между нами нѣтъ и не будетъ никакихъ обязательствъ,—мы ничего не обѣщали другъ другу.

— А все-таки вы любите меня...

— О, у меня достанетъ силъ и разлюбить!

— Не мучьте себя понапрасну, придетъ пора, разлюбите безъ усилій... Пройдетъ годъ, два, другой будетъ на моемъ мѣстѣ; другой будетъ увѣрять васъ въ любви и преданности, и заставитъ можетъ-быть сильнѣе и сладостнѣе биться ваше сердце... Другой также пожметъ вашу руку и, дай Богъ, чтобы взоръ его устремился на васъ съ такимъ же искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, какъ мой! и вы ему, этому другому, повѣрите во всемъ, скажете полнѣе и задушевнѣе, чѣмъ мнѣ, слово любви и счастія...

— Никогда, никогда! сорвалось у меня нечаянно и необдуманно съ языка.

Онъ не сказалъ ни слова на это восклицаніе, но лицо его, едва ли не въ первый разъ, во все время нашего знакомства, озарилось такою ясною улыбкой...

— Могу ли же видѣть тебя одну? заговорилъ онъ, отставая отъ другихъ.—Выходи сегодня, когда всѣ улягутся, черезъ садъ, къ мельницѣ, я буду тебя ждать. Никто не увидитъ, не узнаетъ... не пугай себя нелѣпыми фантазіями: въ этомъ свиданіи, увѣряю, не будетъ ничего опаснаго для тебя. Мнѣ нужно высказаться, я теряю терпѣніе, жизнь становится невыносима... Ты придешь, Геничка, если считаешь меня не совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ, исполнишь мою просьбу! послѣ, располагай по волѣ твоими чувствами... Придешь ты? О, не откажи мнѣ въ этой жертвѣ, въ этой милости!

— Приду...

Послѣ чаю, мы всѣ собрались домой.

Я, чувствуя себя не совсѣмъ здоровой, сѣла въ экипажъ Данарова, съ Марьей Ивановной; прочіе пошли пѣшкомъ.

— Геничка! не разсердись ты на меня, сказала мнѣ Марья Ивановна дорогой,—вѣдь ты ужь даже скрыть не можешь, такъ влюблена въ него! побереги ты себя, посмотри, на что ты стала похожа, краше въ гробъ кладутъ; вѣдь эдакъ ты все здоровье разстроишь... Я не могу постичь, чего онъ ждетъ, что не дѣлаетъ предложенія?.. Остерегись, радость моя! смотри, не тѣшитъ ли онъ только себя...

Эти слова были для меня то же, что прикосновеніе къ свѣжей ранѣ... Я не выдержала и горько заплакала; Марья Ивановна заплакала вмѣстѣ со мной.

— Ты видишься съ нимъ тайно? спрашивала она меня, отирая глаза:—цѣлуетесь вы?

Я отрицательно качала головой, чувствуя, что вся кровь бросилась мнѣ въ лицо отъ этихъ вопросовъ.

— Что тебѣ, моя радость, такъ сокрушаться! Богъ милостивъ, еще все уладится.

Вскорѣ, послѣ прибытія нашего домой, Данаровъ уѣхалъ. Лиза съ Марьей Ивановной, простясь съ тетушкой, пришли въ мою комнату и долго утѣшали меня, и толковали о моей судьбѣ. Теперь любовь моя къ Данарову не была уже для нихъ тайной. Онѣ обѣ принимали во мнѣ самое искреннее участіе, хотя и плохо понимали мои чувства.

Въ десять часовъ всѣ разошлись; въ домѣ, съ каждою минутой, становилось тише. По временамъ еще, Ѳедосья Петровна вскрикивала на дѣвокъ, которыя укладывались спать...

Я съ невообразимымъ волненіемъ и безпокойствомъ прислушивалась къ этимъ послѣднимъ звукамъ засыпающей обыденной жизни; ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, посматривая въ окно, въ которое глядѣла ночь, темная отъ набѣгавшихъ густыхъ облаковъ, да врывался вѣтеръ, обдавая меня волной довольно прохладнаго воздуха.

Наконецъ пробило одиннадцать. Я осторожно вышла изъ комнаты, остановилась у затворенной двери тетушкиной спальни и слышала, какъ она громкимъ шепотомъ читала вечернія молитвы.

Что̀, еслибъ она знала? подумала я:—что̀бы съ ней было? что было бы со мной? Горе свело бы ее въ могилу... И я могу быть причиной ея смерти!

Дрожь пробѣжала по мнѣ при одной мысли объ этомъ, и душа замерла. Я отъ всего сердца раскаивалась, что неосторожно обѣщала это свиданіе Данарову, мной овладѣло было сильное желаніе воротиться въ свою комнату... но вмѣстѣ съ тѣмъ воображеніе представило мнѣ всю досаду, всю муку напраснаго ожиданія, которыя онъ перечувствуетъ... Да и притомъ меня увлекала тайная надежда, что онъ сниметъ съ души моей тяжелый камень сомнѣнія и недовѣрія, что онъ оправдается въ глазахъ моихъ; мнѣ такъ горько было считать его недобросовѣстнымъ человѣкомъ, такъ тяжело любить его, не уважая; а не любить я не могла! любовь моя къ нему, быстро и незамѣтно для меня самой, дошла до того, что я могла все простить ему сердцемъ, вопреки обвиненіямъ разсудка.

Я прошла корридоръ, залу, и остановилась еще разъ на минуту въ гостиной, передъ выходомъ на балконъ... Наконецъ задвижка повернулась подъ рукой, и садъ встрѣтилъ меня сердитымъ шумомъ... Мнѣ показалось, несмотря на темноту, что тысячи глазъ глядятъ на меня, что всѣ сосѣди и домашніе высыпали на балконъ, кричатъ, ахаютъ, съ укоромъ и насмѣшкой, указываютъ на меня, грозятъ пересказать все тетушкѣ...

Съ трудомъ отогнала я отъ себя страшныя видѣнія, и нашла силы продолжать путь. Садъ казался мнѣ безконечнымъ... вотъ, я дошла еще только до половины... вотъ, густая аллея изъ орѣшника... какъ темно, Боже мой, какъ темно! вѣтки задѣваютъ меня по лицу. Вотъ, глубокій вздохъ раздается надъ моей головой,— нѣтъ, это полуночникъ махнулъ своимъ тихимъ крыломъ... вотъ, чьи-то шаги слѣдятъ за мной... нѣтъ, это птицы шевелятся въ просонкахъ.

— Здѣсь я, Геничка, здѣсь я! произнесъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня слишкомъ знакомый мнѣ голосъ, и въ ту же минуту рука моя была въ рукѣ Данарова. — Какъ нарочно, такая темная и холодная ночь! какъ ты дрожишь, Геничка! бѣдненькая!

— Я боялась; такъ страшно было идти! Вы, я думаю, сами сомнѣвались, что я приду?

— Ни минуты! я зналъ, что сдержишь слово.

— Вы что-то хотѣли сказать мнѣ, очень важное..

— Да, очень важное: вопервыхъ то, что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, вовторыхъ... больше я ничего не помню...

— А вовторыхъ, мнѣ кажется, вы хотѣли доказать мнѣ, что, увѣряя меня въ любви, вы дѣлаете очень хорошее и доброе дѣло, увѣряя въ то же время Машу въ вѣчномъ нѣжномъ воспоминаніи. Я пришла васъ спросить, Данаровъ, какъ честнаго и благороднаго человѣка, что это значитъ? какъ перевести на слова подобные поступки?

— Какъ ты понимаешь любовь, Геничка? въ старинныхъ романахъ, она представляется какою-то сердечною кабалой, гдѣ имѣющій несчастіе влюбиться долженъ умереть для всего прочаго, ослѣпнуть для всѣхъ другихъ предметовъ жизни, изнурять себя постояннымъ, натянутымъ благоговѣніемъ къ предмету страсти, а предметъ этотъ разыгрывалъ роль царицы, дарилъ, повременамъ, благосклоннымъ взглядомъ вѣрнаго поклонника, ободряя его на большее терпѣніе, на высшіе подвиги самоистязанія... Такъ бываетъ въ старинныхъ романахъ, дитя мое... Читатели восхищались этимъ, но въ жизни случалось и случается иначе: въ жизни такая любовь скоро бы надоѣла, она была бы или притворство, или жалкое сумашествіе. Для меня любимая женщина не царица въ мишурной коронѣ, не ложное божество, требующее непрестаннаго поклоненія, для меня она только выше, милѣе, дороже всѣхъ женщинъ въ мірѣ; для меня она добрый другъ, прибѣжище въ горѣ, двойная радость при радости. И еслибъ передо мною была не только Маша, но первая красавица въ свѣтѣ, то и тогда та, которую люблю я, ничего не потеряла бы въ моемъ сердцѣ, потому что люблю я только ее, а къ прочимъ увлекаюсь не больше, какъ минутнымъ капризомъ... Вотъ какъ вы любимы мной, иначе любить не могу. Если довольны вы этою любовью—не отворачивайтесь отъ меня; пусть эта тревожная, пылкая головка склонится ко мнѣ съ довѣріемъ и лаской; если же нѣтъ, поступайте, какъ знаете... О, какъ могли бы мы быть счастливы, мой ангелъ, еслибъ...

— Еслибъ что?..

Онъ не отвѣчалъ, а только съ тяжелымъ вздохомъ схватилъ себя обѣими руками за голову.

— Данаровъ! какое-то несчастіе тяготитъ васъ... Я не знаю въ чемъ состоитъ оно и терзаюсь неопредѣленною мукой.

Между тѣмъ мы незамѣтно подвигались по направленію къ калиткѣ; я безсознательно переступила за нее...

— Да гдѣ ему, струситъ! послышался голосъ Александра Матвеича, въ огородѣ Марьи Ивановны, отдѣлявшемся отъ нашего сада только узкимъ прогономъ, тѣмъ самымъ, по которому птичница когда-то гнала стадо гусей, во время моего разговора съ Павломъ Иванычемъ.

— Да ужь не струшу, отвѣчалъ Митя, только вы не повѣрите.

— Онъ на половинѣ аллеи упадетъ въ обморокъ, говорилъ Ѳедоръ Матвеичъ.

— А вотъ, обѣгу кругомъ всего сада и принесу вамъ съ балкона горшокъ съ резедой.

— Эй, Митя, смотри, прибавила Лиза со смѣхомъ, — ничего нѣтъ хуже, какъ хвастовство...

— Струсишь, окунемъ въ рѣку! говорилъ Александръ Матвеичъ, скрипя отворяемыми воротами.

У меня подкашивались ноги; я готова была упасть. Данаровъ почти перенесъ меня черезъ гать... Я не противилась, мной овладѣла отчаянная храбрость. Такъ человѣкъ, уносимый бурнымъ потокомъ, истощивъ всѣ силы въ безплодной борьбѣ, отдается на волю его теченію; съ мыслію — будь что будетъ!

Широкое поле, залитое мракомъ, имѣло что-то страшное, безпредѣльное... Облака, точно тѣни, двигались въ высотѣ, принимая какія-то неясныя формы, ни одна звѣзда не проглядывала изъ-за нихъ! Иногда порывъ вѣтра проносился съ тихимъ воемъ, и рѣдкія капли, будто слезы, падали на наши лица. Мнѣ показалось, что перейдя земное поприще, нахожусь въ загробномъ мірѣ, что надо мной произнесенъ приговоръ, и я безконечно буду носиться съ тѣмъ, кого такъ люблю, по безпредметному и безпредѣльному полю вѣчности.

Мы оба молчали; наконецъ онъ прервалъ это тяжелое молчаніе.

— О, еслибъ ты могла гордо и равнодушно презирать людское мнѣніе и твердо перешагнуть черезъ цѣпь глупыхъ предразсудковъ!... Мы могли бы еще быть счастливы...

— Скажите мнѣ, ради Бога, что у васъ за цѣль вести меня

такимъ тяжелымъ, невѣрнымъ путемъ къ счастію, о которомъ вы такъ часто поминаете? Что вамъ за радость терзать, томить мою душу безплодными, мучительными жертвами? Тѣшитъ ли это ваше самолюбіе, или такъ уже вы созданы? Простите меня, Данаровъ,—я вѣрю, что вы благородный человѣкъ, но все-таки плохо понимаю васъ... Неужели, при встрѣчѣ со мной, вы ни разу не подумали, что̀ я должна буду перечувствовать, передумать, перестрадать, тогда какъ все могло бы пойдти иначе?... Называйте меня глупою, неразвитою, а по моему мнѣнію, любить человѣка, который не можетъ, или не хочетъ жениться, — почти преступленіе...

Онъ поблѣднѣлъ и устремилъ на меня взглядъ, въ которомъ выражалась такая душевная мука, что я невольно взяла его за руку.

— Ну, продолжай, Геничка, продолжай! карай меня до конца...

— Ради Бога, отпустите меня поскорѣе!

— Еще минуту... Жить съ тобой подъ одною кровлей, не страшась ни разлуки, ни измѣны; называть тебя съ гордостью женой моей, ввести тебя хозяйкой въ мой старый домъ, который превратился бы для меня въ великолѣпный замокъ... Ахъ, милая Геничка! скажи, не правда ли, вѣдь это было бы неизмѣримое счастіе?...

Глаза его блистали такъ ярко, голосъ дрожалъ и прерывался.

— Скажи, не такъ ли?... И что же, моя милая, продолжалъ онъ все тише, все ближе склоняясь къ плечу моему, — ничего этого не будетъ, не можетъ быть... по очень, очень... простой причинѣ: я... женатъ...

— Боже, помилуй насъ! вырвалось у меня отъ всей полноты внезапнаго, неожиданнаго удара...

Нѣсколько минутъ мы не могли произнести ни слова; будто желѣзная рука сдавила мнѣ грудь и горло.

Онъ лихорадочно прижалъ меня къ груди своей.

— Я теряю тебя навсегда! Неужели ты уже не любишь меня? Неужели благоразуміе твое достигаетъ такихъ страшныхъ предѣловъ?... Этого не можетъ быть!

— Другъ мой! То ли теперь время, чтобъ пытать люблю я васъ или нѣтъ?! Теперь, когда надо думать о разлукѣ... о томъ, какъ пережить страшное горе... Ахъ, Данаровъ! что вы надѣлали!

Зачѣмъ скрывали, зачѣмъ не сказали прежде! обоимъ было бы легче!

— Сперва, когда еще я не звалъ тебя, я не находилъ нужды объявлять о томъ, что̀ для меня тяжело и печально,—а послѣ... Геничка, послѣ... силъ у меня не было...

— Но ты любилъ и ее, твою... жену?

— Вотъ, какъ все было: отецъ мой, человѣкъ суроваго, страшнаго характера, былъ скупъ и мѣрялъ всѣхъ на аршинъ своихъ понятій. Въ довершеніе всего, онъ никогда не любилъ меня; во-первыхъ, потому, что̀ заподозрилъ мать мою въ какой-то интригѣ; вовторыхъ, потому, что я былъ довольно заносчивый, гордый мальчишка. Однажды, еще въ дѣтствѣ, на слова его: «и видно, что не мой сынъ» — я позволилъ себѣ сказать ему: «я и самъ былъ бы радъ имѣть другаго отца...» Съ этихъ поръ, совершенная холодность, которую не могла уничтожить даже смерть моей бѣдной, доброй матери, поселилась между нами. Несмотря на это, онъ никогда не могъ рѣшиться лишить меня наслѣдства, потому что я былъ послѣдняя поддержка нашего угасающаго рода. Окончивъ свое образованіе въ университетѣ, я вступилъ на службу. Вниманіе общества и собственное самолюбіе заставляли меня невольно исполнять всѣ его требованія. Я долженъ былъ прилично содержать себя: щеголеватый экипажъ, удобная квартира, хорошее платье казались мнѣ необходимыми, тѣмъ болѣе, что всѣ знали, что я единственный сынъ богатаго отца, хотя никто не зналъ, что отецъ не давалъ мнѣ почти ничего. Ложный стыдъ заставлялъ меня занимать и тратиться. Когда терпѣніе моихъ кредиторовъ истощилось, нѣкоторые изъ нихъ писали къ отцу и получили отказъ; другіе стращали меня непріятною публичностью, даже возможностью посидѣть въ тюрьмѣ... Я пришелъ въ отчаяніе и уже сбирался застрѣлиться. О моей крайности провѣдала хозяйка дома, гдѣ нанималъ я квартиру, богатая вдова, которая была неравнодушна ко мнѣ. Она предложила мнѣ свою руку и готовность заплатить мои долги. Несмотря на свою не первую уже молодость, она была еще не дурная и свѣжая женщина. Сердце мое было свободно, и объятія влюбленной въ меня женщины, не лишенной ни ума, ни образованія, показались мнѣ гораздо привѣтнѣе и пріятнѣе холодныхъ объятій преждевременной смерти. Не думая долго, мы обвѣнчались. Я находился въ той туманной порѣ

молодости, когда еще всякое чувство рисуется въ обманчивыхъ краскахъ. Въ послѣдствіи, вмѣсто нѣжной, снисходительной любовницы, я нашелъ взыскательную, ревнивую жену; я очутился въ кабалѣ; я почувствовалъ себя купленнымъ за слишкомъ дешевую цѣну, между тѣмъ какъ жена хотѣла увѣрить меня въ какомъ-то страшномъ пожертвованіи съ ея стороны. При первомъ ея укорѣ, я увѣрился, но поздно, что сдѣлалъ страшную, неисправимую ошибку, и измучилъ себя безплоднымъ раскаяніемъ. Ревность и раздражительность характера жены моей достигали крайнихъ предѣловъ; всѣ отношенія между нами сдѣлались до того натянутыми, что необходимо должны были порваться отъ малѣйшей случайности. Тутъ умеръ мой отецъ. Получивъ независимое состояніе, я отдалъ женѣ заплаченную за меня сумму, съ большими процентами, и предложилъ разстаться. Тутъ, разумѣется, послѣдовали непріятныя сцены обмороковъ, упрековъ, оскорбленій, — я всѣмъ пренебрегъ и вырвался на свободу. Цѣпь супружества порвана, Геничка, но не снята. Я прикованъ къ самой тяжелой ея половинѣ, я все-таки рабъ, безъ воли и силы... Ахъ, милая Геничка! какъ я наказанъ за то, что струсилъ передъ смертью!

— Не трусьте передъ жизнью, и я буду уважать васъ.

— Уважать! уважать! сказалъ онъ, вздрогнувъ: — вотъ слово, которое мнѣ такъ дико слышать отъ тебя, одно, безъ слова любить!

— Вы знаете, что послѣднее здѣсь, въ моемъ сердцѣ.

— О, дай Богъ, чтобъ это было такъ!..

— Вы не вѣрите?

Онъ печально улыбнулся и отвѣчалъ съ прежнею нѣжностью:

— Если ты захочешь,—я повѣрю.

Утренняя заря начинала заниматься.

— Никого не видно; я провожу тебя. Всѣ еще спятъ,—продолжалъ онъ, — никому нѣтъ дѣла, что бѣдный Данаровъ теряетъ надежду на счастіе, видя тебя, можетъ-быть, въ послѣдній разъ!..

— Ты уѣдешь? съ трудомъ могла я произнести.

— Да, я уѣду, куда-нибудь дальше; не могу же я оставаться въ здѣшней сторонѣ... Вѣдь такъ нужно, такъ должно по твоему? не такъ ли?

Мы вошли въ садъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, я остановилась, прислонясь къ знакомой старой березѣ. Блѣдный, взволнованный, онъ устремилъ на меня взоръ съ страннымъ выраженіемъ грусти и досады.

— Я угадалъ! ты не отвѣчаешь...

— Виновата ли я!

— Нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Чего не можетъ быть?

— Не можетъ быть, чтобъ ты рѣшилась разстаться со мной; нѣтъ, мы уѣдемъ вмѣстѣ, далеко отсюда. Что намъ за дѣло до нихъ, до твоей старой тетки? въ ея годы отъ горя не умираютъ. Пусть о насъ забудутъ, какъ мы забудемъ обо всѣхъ. Мы устроимъ чудную жизнь, мы окружимъ себя полнымъ счастіемъ... Уѣдемъ, моя милая! не раздумывай, не разсуждай, если любишь! Намъ нельзя такъ жить, такъ разстаться! На зло судьбѣ мы будемъ счастливы... Не такъ ли? Сегодня вечеромъ все будетъ готово. Я снова буду ждать тебя здѣсь, счастливый выше всякаго выраженія, — я приму тебя въ мои объятія, чтобъ никогда, никогда не разставаться!..

Его слова поражали меня горестнымъ удивленіемъ. Мнѣ становилось страшно, будто чье-то проклятіе невидимо пронеслось надо мной.

— Нѣтъ, лучше умереть, сказала я. И съ вашей стороны жестоко такъ пытать мои силы.

— Скажите, зачѣмъ же вы давали святое имя любви вашимъ ребяческимъ чувствамъ?

И лицо его приняло при этихъ словахъ холодное и суровое выраженіе.

— Что же они такое были? Боже мой! что же они были по вашему? сказала я, подавленная страшною тоской невыносимаго страданія.

— Увлеченіе мечтательной дѣвочки, капризъ ея тщеславнаго сердца... Не думаете ли вы, что я способенъ быть игрушкой подобнаго каприза? что я буду безнадежно умирать у ногъ вашихъ? Нѣтъ! подобная роль не по мнѣ... Не думайте видѣть во мнѣ отчаяннаго вздыхателя... съ этихъ поръ, я холодный поклонникъ вашей добродѣтели' вашего высокаго благоразумія.

— Я думаю, что вы жестокій, гордый, себялюбивый человѣкъ, сказала я.—Прощайте! мнѣ пора домой.

— До свиданія! отвѣчалъ онъ голосомъ, который звучалъ язвительнымъ равнодушіемъ, и вышелъ изъ сада.

Я безсознательно смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся за шумящею мельницей, и тихо пошла къ дому. Любви моей былъ нанесенъ ударъ, потрясшій ее до основанія...

Въ домѣ всѣ еще спали, когда я тихо прошла въ свою комнату, озаренную первыми лучами утренней зари. Только ночь прошла съ тѣхъ поръ, какъ я покинула ее, а я пережила годы... Вѣдь могла же я видѣть во снѣ все случившееся со мной. О, съ какою отрадой сидѣла бы я теперь, проснувшись и увѣрившись, что тяжелый сонъ миновался!.. Я бы встрѣтила утро мыслью о немъ и надеждой его увидѣть... Правда, и теперь я думала о немъ. О, еслибъ можно было не думать, еслибъ у человѣка была счастливая власть однимъ мановеніемъ воли вычеркнуть изъ памяти все печальное и мучительное, вырвать изъ сердца томительное чувство!.. Удары судьбы не убиваютъ, а увѣчатъ душу и повергаютъ ее въ долгое, болѣзненное безсиліе. Узнать, что онъ женатъ—было для меня конечно ужасно, но я чувствовала, что главное горе не въ томъ... Самое воспоминаніе было отравлено. Душа моя ныла и болѣла чувствомъ, похожимъ на то, какъ если бы у гроба милаго человѣка вы вдругъ увѣрились, что не стóитъ онъ ни любви, ни сожалѣнія!.. О, это было страшное чувство!..

Быстро смѣнялись въ головѣ моей мысли, такъ быстро, что начинали уже терять всякую стройность; я не могла ни удержать, ни удалить ихъ. Всякимъ усиліемъ къ этому причинялось мнѣ непонятное страданіе. Я хотѣла было встать и пройдтись по комнатѣ, но почувствовала такую слабость во всѣхъ членахъ, что съ трудомъ добралась до постели...

Тутъ забѣгали и запрыгали передо мной такіе странные образы, такія необыкновенныя превращенія, что я сперва совершенно растерялась, а потомъ и сама приняла въ нихъ участіе...

Когда я проснулась, около моей постели сидѣли Лиза, Марья Ивановна и Катерина Никитишна, и что-то шепотомъ говорили. Это меня изумило. Никогда не бывало, чтобъ онѣ сбирались въ

моей комнатѣ встрѣчать такъ тихо и осторожно мое пробужденіе. Я вставала довольно рано, а если и случалось, что просыпала, то Лиза всегда будила меня своею обычною фразой: «вставай, соня!» а Марья Ивановна трепала меня слегка по плечу, тоже, по обыкновенію, приговаривая: «вставай, невѣста, женихи пороги обили...» Теперь же онѣ сидѣли такъ важно, такъ серіозно, такъ многозначительно...

— Что со мной было? спросила я нерѣшительно, осматривая свою голову, обвязанную листами соленой капусты...—Который часъ?

— Десять часовъ, моя радость, отвѣчала Марья Ивановна.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Геничка? спросила Лиза.

— Неужели я была больна?

Но я почувствовала это при первомъ движеніи, по сильной слабости и круженію головы, да по какой-то странной усталости во всемъ существѣ.

— Я была безъ памяти? долго?

— Да, Геничка, сказала Лиза, — ты три дня была безъ памяти. Всѣхъ насъ перепугала, а ужь Авдотья Петровна на себя была не похожа. Богъ услышалъ ея молитвы.

— Бредила я?

Марья Ивановна улыбнулась.

— О чемъ я бредила, Марья Ивановна?

— И смѣхъ, и горе было съ тобой, отвѣчала она. — Меня называла просвирней; говорила, что мы всѣ оборотились въ птицъ и улетѣли на кровлю; Авдотья Петровна была у тебя танцовщица... и на кораблѣ-то ты ѣхала... да мало ли? и не припомнишь...

— А меня, примолвила Катерина Никитишна, — такъ все прогоняла отъ себя, да бранила, что я всю холодную воду и весь квасъ выпила, весь ледъ съѣла. А я тебѣ все пить теплое приносила.

— Ужь хотѣли за докторомъ посылать, сказала Марья Ивановна,—да, слава Богу, что не послали! что эти доктора — уморятъ скорѣе.

— Ну, когда уморятъ, а когда и помогутъ, отозвалась Катерина Никитишна.

Вскорѣ пришла тетушка; она плакала и цѣловала меня съ безпредѣльною нѣжностью.

— Помучила же ты насъ! сказала Лиза: — мы, вотъ три, поочередно, сидѣли съ тобой всѣ ночи. Что̀ какъ бы ты умерла! Господи помилуй! прибавила она со слезами на глазахъ.

— Какія вы добрыя! Дай вамъ Богъ здоровья и счастія! сказала я, заливаясь слезами, за что̀ Марья Ивановна сдѣлала мнѣ строгій выговоръ.

Черезъ нѣсколько времени Лиза осталась со мной одна.

— Кто тебѣ сказалъ, что Данаровъ женатъ? ты бредила объ этомъ, сказала она. — Ужь не отъ этого ли ты захворала? Мы боялись, чтобы Авдотья Петровна не догадалась; слава Богу, она не слыхала твоего бреда; хорошо, что глуха.

Я разказала ей все. И странное дѣло! разказъ этотъ не произвелъ въ душѣ моей никакого сильнаго потрясенія; точно цѣлые годы прошли послѣ моего свиданія съ нимъ, и сгладили всю живость настоящихъ впечатлѣній. Чувство будто улетѣло... Я было попробовала даже насильно воротить его, напрасно! воспоминаніе о Данаровѣ отзывалось въ моемъ сердцѣ только легкою грустью, не болѣе. Тѣлесный недугъ, если не убилъ, то до крайности ослабилъ нравственную болѣзнь.

Лиза пришла въ ужасъ отъ моей исторіи съ Данаровымъ и сказала, что если, послѣ всего этого, я буду еще любить его, то сама сдѣлаюсь не лучше его. Напрасно хотѣла я смягчить рѣзкое ея мнѣніе, оправдывая всѣми силами его поступокъ. Разъ высказавшись, она никогда ничего не измѣняла изъ своихъ приговоровъ.

Я узнала отъ Лизы, что Данаровъ пріѣзжалъ одинъ разъ во время моей болѣзни, и сказалъ въ разговорѣ при всѣхъ, что онъ женатъ, что это всѣхъ непріятно удивило. Послѣ этого, она все допытывалась, люблю ли я еще его; когда я увѣряла ее въ противномъ, она успокоивалась, но когда я задумывалась или вздыхала, она очень тревожилась, даже сердилась и старалась показать любовь мою унизительною для моего самолюбія.

— Вздыхай, мать моя, больше! тоскуй, есть изъ-за чего! говорила она раздражительно: — совѣтую убѣжать съ нимъ и сдѣлаться его любовницей.

Я оправлялась довольно быстро и была уже почти совершенно здорова, когда пришло время разстаться съ нашими гостями.

Отъѣздъ ихъ оставилъ страшную пустоту въ нашемъ уголкѣ. Не слышно стало веселыхъ голосовъ, прекратились прогулки и разговоры; нѣтъ болѣе любви въ моемъ сердцѣ... Какъ будто за ними по дорогѣ ушло мое счастье... Нѣтъ болѣе любви!... Такъ, по крайней мѣрѣ, думала я, провожая глазами ихъ удалявшійся экипажъ...

Но слишкомъ рано зарадовалась я своему сердечному спокойствію. О болѣзни говорятъ, что она входитъ пудами, а выходитъ золотниками, — то же самое можно примѣнить и къ чувству... Когда, спустя нѣсколько времени, въ одинъ ясный сентябрскій день, пришла я къ дерновой скамейкѣ, у которой узнала отъ Данарова о пріѣздѣ Лизы, когда вспомнила его сонъ на яву и всѣ подробности этой сцены, — сердце мое заныло, и горячія слезы полились по щекамъ. Старая рана открылась и заболѣла... Съ невыразимою нѣжностью припоминала я милыя черты и голосъ, звучавшій для меня такими сладостными нотами... И вспомнила я, что все это прошло, миновалось, что какая-то невидимая злая рука задернула свѣтлую картину непроницаемою тканью. Не будетъ ни тревожно-радостныхъ встрѣчъ, ни полныхъ прелести ожиданій; не вспыхнетъ *онъ* болѣе ни страстію, ни гнѣвомъ, ни ревностію на упрямую, своенравную, по его мнѣнію, Геничку... Что еслибъ явился онъ передо мною теперь нѣжнымъ, любящимъ, какъ бывало прежде, въ тѣ короткія, немногія минуты навсегда утраченнаго счастія.... Что̀ было бы со мной, что̀?... Мнѣ стало страшно за себя; я невольно ускорила шаги, какъ будто желая убѣжать отъ своего собственнаго сердца... Но не явился онъ, къ счастію, въ такую минуту, а пріѣхалъ позже, дня черезъ два.

Я была съ Марьей Ивановной въ своей комнатѣ, когда увидала въ окно знакомую коляску... Я невольно затрепетала и, видно, очень измѣнилась въ лицѣ, потому что Марья Ивановна бросилась ко мнѣ съ стаканомъ воды, приговаривая:

— Геничка! Геничка! не бережешь ты себя!..

Я мысленно поблагодарила судьбу, что при мнѣ не было ни Лизы, ни тетушки.

— Не выходи ты къ нему, говорила Марья Ивановна,—ну, какъ ты при немъ-то этакъ поблѣднѣешь: нехорошо, моя радость. Эхъ,

до чего ты влюбилась въ него! прибавила она со вздохомъ сожалѣнія. Пойду туда, а ты, покуда, оправься... Выйдешь ты?

Я отвѣчала утвердительно.

— Смотри, выдержишь ли?

Я успокоила ее.

Уже Данаровъ успѣлъ сѣсть за карточный столъ, уже Марья Ивановна начала что-то разказывать, когда я, успокоившись, рѣшилась выйдти въ гостиную. Онъ поклонился мнѣ сухо; холодно спросилъ о здоровьи, спокойно собралъ карты и началъ сдавать. Маленькая рука его ни разу не дрогнула, на губахъ играла равнодушная улыбка...

При такой встрѣчѣ, я вдругъ почувствовала себя гордою и сильною и поняла, что не уступлю ему ни на шагъ въ равнодушіи и видимомъ спокойствіи. Я сѣла противъ него между тетушкой и Марьей Ивановной, ни разу не опустила глазъ, встрѣчаясь съ его взоромъ; раза два поймала его наблюдательный, изумленный взглядъ и была довольна...

Темная вещь—сердце! Кто объяснитъ его капризныя требованія?..Если онъ ужь не любилъ меня, тѣмъ лучше было для меня и для него; что̀ могла принести такая любовь намъ обоимъ, кромѣ страданій? Не должна ли я радоваться по всѣмъ правиламъ благоразумія, что излѣченіе близко?.. Такъ нѣтъ — звучитъ и натягивается какая-то безпокойная струна, въ глубинѣ души вашей, и заставляетъ васъ держаться крѣпко за ускользающее чувство...

Наконецъ улучилась минута, когда онъ могъ говорить со мной: Марью Ивановну позвали домой, по хозяйству, но она обѣщала скоро воротиться; къ тетушкѣ пришелъ священникъ потолковать о средствахъ къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ храмѣ; Катерина Никитишна съ великимъ усиліемъ сводила счетъ выигрыша и проигрыша своего и Марьи Ивановны, неутомимой своей преслѣдовательницы въ картахъ.

Я удалилась къ окну и взяла работу.

— Вы хворали! спросилъ меня Данаровъ довольно небрежно.

Я утвердительно кивнула головой.

— Вѣроятно, простудились.

— Вѣроятно.

— Это худо.

— Ничего, поправлюсь...

— О, конечно! душевное спокойствіе, сознаніе исполненнаго долга — это лучшее лѣкарство. Можно васъ поздравить?

— Съ чѣмъ?

— Я слышалъ, вы выходите замужъ за Александра Матвеича. Онъ хорошій человѣкъ, вы будете счастливы.

— Я не замѣтила въ немъ и тѣни намѣренія жениться на мнѣ.

— А вы пошли бы за него?

— Можетъ-быть. Онъ точно хорошій человѣкъ.

— За что̀ же вы сердитесь? Виноватъ не я, виноваты обстоятельства.

— Вы непремѣнно хотите навязать мнѣ что-то такое, о чемъ я не думаю.

— Я сдѣлалъ все для вашего спокойствія, я объявилъ, что я женатъ и оставилъ притязанія на ваше сердце.

— Очень вамъ благодарна.

— Ваше благоразуміе подѣйствовало на меня заразительно.

— Я рада за васъ.

— Вы такъ удивительно приказываете вашему сердцу: этотъ человѣкъ не можетъ быть моимъ мужемъ, не люби его, и послушное сердце сейчасъ исполняетъ ваше повелѣніе…

Я не хотѣла возражать ему, потому что чувствовала припадокъ вспыльчивой досады.

Онъ смотрѣлъ на меня пристально, губы его слегка дрожали; я знала, что это было признакомъ начинающейся грозы..

— Я теперь думаю: какъ я ошибся въ васъ! сказалъ онъ.

— Вы можете думать, что̀ вамъ угодно: совѣсть моя покойна!

— Какая разсчетливость, какая положительность въ ваши годы!

— Напрасно вы хотите казнить меня вашими приговорами,— я не буду даже защищаться…

— Желаю вамъ счастливой и блестящей будущности, сказалъ онъ язвительно.—Мнѣ пріятно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ, я, можетъ-быть, встрѣчу васъ доброю хозяйкой, мирною помѣщицей, окруженною полдюжиной дѣтей, занятою соленьемъ грибовъ и нравственностью горничныхъ…

— Прощайте! сказала я, вставая:—я чувствую себя нездоровою, ухожу въ мою комнату и, въ свою очередь, желаю вамъ счастія по вашему вкусу.

— Мы еще увидимся?

— Вѣдь вы пріѣхали проститься?

— Можетъ-быть.

— Въ такомъ случаѣ, я постараюсь избѣгать встрѣчъ съ вами до тѣхъ поръ, пока вы не уѣдете отсюда.

— Эти встрѣчи вы считаете опасными?

— Нѣтъ, скорѣе непріятными.

На лицѣ его выразилось изумленіе и неудовольствіе.

—Вотъ какъ! сказалъ онъ:—а давно ли было иначе! Вы любили меня до тѣхъ поръ, пока не узнали, что я женатъ... Это дѣлаетъ честь вашему сердцу.

— Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не поняла васъ, пока вы не позволили себѣ оскорбить меня, пока не узнала всю глубину вашего эгоизма.

— Такъ ужь, въ такомъ случаѣ, пожалуста, не думайте, что я уѣзжаю отсюда для вашего спокойствія,—я вступаю въ службу и уже получилъ назначеніе. Еслибъ каждая влюбленная въ меня дѣвочка требовала, чтобъ я бѣжалъ отъ нея за тридевять земель,—мнѣ вскорѣ не нашлось бы мѣста на земномъ шарѣ...

Это было уже слишкомъ. Оскорбленная до глубины души, я въ послѣдній разъ, съ чувствомъ самаго искренняго гнѣва, посмотрѣла на него — и, не сказавъ ни слова, вышла.

Придя въ свою комнату, я предалась порыву безсильнаго отчаянія, долго сдерживаемой горькой досады. Я открыла окно, сорвала висѣвшій надъ моею кроватью сухой букетъ воздушныхъ жасминовъ, нарванный для меня Данаровымъ, вечеромъ, во время втораго его посѣщенія; судорожно мяла и рвала засохшіе листья, съ какимъ-то безумнымъ оцѣпенѣніемъ смотрѣла нѣсколько минутъ, какъ вѣтеръ уносилъ ихъ, и они исчезали въ полусвѣтѣ осенняго заката, обливавшемъ предметы какимъ-то зловѣщимъ, багрянымъ отблескомъ. Потомъ, безсильная, глубоко несчастная, бросилась я въ кресло и долго, громко, тяжело рыдала. Это были первыя слезы, не облегчавшія меня.

Я уже не плакала, когда шумъ и голоса въ корридорѣ дали мнѣ знать объ отъѣздѣ Данарова; я слышала, какъ вскричалъ онъ кучеру своимъ металлическимъ, звучнымъ голосомъ: «пошелъ!»—видѣла, какъ мимо оконъ моей комнаты, пронеслась его коляска, и что-то похожее на ненависть родилось въ моей душѣ.

Вскорѣ дошла до насъ вѣсть, что Данаровъ уѣхалъ въ Петербургъ.

IX.

Наконецъ хмурая осень смѣнилась холодною зимой: хлопья снѣга залѣпляли окна, и голыя деревья уныло качали свои обнаженныя вѣтви. Мимо дома тянулись обозы, и вороны пролетали тревожно, предвѣщая непогоду.

Какъ грустно, какъ безотрадно потянулись для меня однообразные дни! Воспоминаніе обо всемъ случившемся налегло на мои чувства тяжелымъ камнемъ и преслѣдовало меня всюду, едва оставляя мнѣ силъ скрывать отъ тетушки мрачное расположеніе моего духа,—преслѣдовало до тѣхъ поръ, пока еще болѣе печальный, болѣе горькій переворотъ въ моей жизни не ослабилъ, не заглушилъ его.

То, о чемъ я не могла подумать безъ ужаса,—то должно было наконецъ совершиться: тетушка на масляницѣ занемогла, а на второй недѣлѣ Великаго поста скончалась.

Съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносила она болѣзнь свою,—тиха и кротка была христіянская кончина ея.

Съ какимъ трепетнымъ ожиданіемъ встрѣчала я, во время болѣзни ея, каждый наступавшій день! Сегодня думала я, открывая глаза, утомленные безпокойнымъ сномъ и продолжительными бдѣніями по ночамъ, сегодня, можетъ-быть, ей будетъ лучше...

И она, въ самомъ дѣлѣ, увѣряла меня, что ей лучше, желая успокоить и утѣшить меня. Но Марья Ивановна и Катерина Никитишна, также безотлучно бывшія при ней, печально качали головой и глядѣли на меня съ состраданіемъ. Я уходила къ себѣ, горько плакала и молилась. Я чувствовала, что должна была порваться самая главная нить, привязывавшая меня къ мѣсту, гдѣ все мнѣ было мило и дорого. Чужіе люди, чужія мѣста угрюмо представлялись мнѣ въ моемъ будущемъ... гасла свѣтлая звѣзда единственной, но глубокой привязанности на моемъ тѣсномъ горизонтѣ; теряла я единственное сердце, которое откликнулось бы мнѣ и на краю свѣта, слѣдило бы за мной всюду съ безкорыстною любовью.

Какъ помню я этотъ рядъ безрадостныхъ вечеровъ, во время ея болѣзни, тишину, царствовавшую во всемъ домѣ, печальныя лица, запахъ летучей мази, лампаду, постоянно горѣвшую пе-

редъ образомъ надъ ея постелью, измѣнившееся лицо ея, на которомъ напечатлѣлись признаки близкаго разрушенія! Ангелъ печали и смерти залетѣлъ къ намъ и вѣялъ на всѣхъ своимъ крыломъ.

— Плоха она, больно плоха! говорила Марья Ивановна, приходя въ мою комнату. — Да ты, Геничка, что такъ сокрушаешься? вѣдь ужь не поможешь, моя радость; ужь такія и лѣта ея... а вѣдь и то сказать, можетъ, еще и выздоровѣетъ. Конечно лучше ко всему быть готовой. Господи! вотъ, что̀ значитъ привычка: мнѣ ее точно мать родную жалко: да, кажется, такъ все опустѣетъ, что и въ домъ-то не заглянешь. Все Василью Петровичу достанется; вотъ опять Богъ принесетъ его къ намъ! Не то ужь будетъ, не то!..

— Да ужь, разумѣется, не то, подхватила, обливаясь слезами Катерина Никитишна, — другой Адвотьи Петровны не нажить, — нѣтъ! А Евгенія-то Александровна кого лишается! какъ подумаешь, такъ, вѣришь ли, Марья Ивановна, духъ-то такъ и запечатается... Ну, что̀ вѣдь она, птенецъ еще! какъ ей жить сиротой? всего натерпится.

— А Богъ-то, отвѣчала Марья Ивановна, — никто какъ Онъ... и со вздохомъ уходила на дежурство къ больной.

Марья Ивановна вообще не любила останавливаться долго на мрачныхъ предметахъ; они имѣли для нея непродолжительную, постороннюю прелесть въ книгахъ и разказахъ; но въ жизни это была какая-то эпикурейская натура, она любила пропускать свѣтъ во всѣ мрачные уголки существованія. Такъ часто, выходя отъ больной, она обращалась къ Ѳедосьѣ Петровнѣ.

— Ѳедосья! Да принеси бруснички и моченыхъ яблоковъ, — вѣдь этакъ умрешь съ тоски; что̀ въ самомъ дѣлѣ! еще ничего не случилось. Можетъ, Богъ и милостивъ: что сокрушаться прежде времени? Садись-ка, Геничка, покушай, полно! Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а мы вотъ горлышко промочимъ: благо, она уснула.

Тутъ она начинала свои неистощимые разказы и успѣвала заставить и другихъ забыться и отдохнуть отъ печальныхъ мыслей.

Тяжела, страшна была минута, когда тетушка потребовала духовника. Исповѣдавшись и пріобщившись Св. Таинъ, она благословила меня, слабымъ голосомъ просила не сокрушаться о

ней и помнить, что «положенъ предѣлъ, его же не прейдеши», потомъ, обратясь къ окружавшимъ, сказала:

— Не оставьте ея, друзья мои, а я не жилица на этомъ свѣтѣ... Простите, если я въ чемъ виновата передъ вами...

Ей отвѣчали общими рыданіями.

Къ вечеру, въ этотъ день, она почувствовала себя хуже, а къ половинѣ ночи, будто электрическій ударъ, пронеслась вѣсть по всей усадьбѣ, что она скончалась...

ЧАСТЪ ТРЕТЬЯ

I.

Вскорѣ прислала за мной лошадей Татьяна Петровна, къ которой посланъ былъ нарочный для извѣщенія о тетушкиной кончинѣ. Она довольно любезно выразила въ письмѣ ко мнѣ свое желаніе взять меня къ себѣ.

Какъ ни тягостно мнѣ было оставить Амилово, но все же лучше уѣхать, чѣмъ оставаться до пріѣзда дяди, теперь законнаго и полнаго наслѣдника тетушкинаго имѣнія. И какъ горестно, какъ томительно проходили для меня часы въ осиротѣломъ домѣ, гдѣ еще всѣ оставшіеся люди считали меня своею барышней, и гдѣ всѣ они ходили съ печальнымъ, заплаканнымъ лицомъ.

Утромъ, въ день отъѣзда, я встала ранѣе обыкновеннаго, чтобъ наединѣ проститься съ предметами, столько лѣтъ служившими обстановкой моей молодой жизни. Это была невольная дань привычки и сожалѣнія о невозвратно-убѣгающемъ отъ меня ихомъ берегѣ, который съ сей поры скрывался надолго, можетъ-быть навсегда изъ глазъ моихъ; дань безотрадной и без-

надежной тоски о существѣ, потерянномъ для меня, чьей безграничной любви никто и ничто не могли замѣнить мнѣ.

Я вошла въ комнату тетушки; ясное февральское утро освѣщало ее безмятежнымъ свѣтомъ; кровать, ширмы, столикъ съ ея кружкой и табатеркой, любимый темный капотъ, висѣвшій на ширмахъ, кресло съ истертымъ сафьяномъ на ручкахъ и спинкѣ, все было на своемъ мѣстѣ, все вѣяло такимъ свѣжимъ воспоминаніемъ, все было еще такъ полно ея недавнимъ присутствіемъ, что становилось почти страшно, почти невѣроятно подумать, что она зарыта въ темной, холодной могилѣ!. Мнѣ казалось, что она со мной, что мысль ея говорила съ моею... Наконецъ я горько и безутѣшно зарыдала. Потомъ прошла въ гостиную, пустую и безмолвную. Полосатые диваны и стулья съ прорѣзными спинками стояли въ чинномъ порядкѣ, портреты Цицерона и Суворова безжизненно красовались по боковымъ стѣнамъ, а на средней какъ-то особенно улыбалась напудренная головка хорошенькой молодой женщины — это былъ портретъ тетушкиной подруги, умершей въ ранней молодости. Изъ оконъ видна была хрустальная сѣть деревьевъ и длинная аллея сада. Въ залѣ зацвѣтали авриколіи и вился плющь около двухъ зеркалъ, имѣвшихъ особенность придавать престранное выраженіе физіономіи и сворачивать на сторону черты лица, осмѣлившагося заглянуть въ нихъ.

— Прощай, Мурочка, прощай! обратилась я къ кошкѣ, грѣвшейся на солнцѣ:—ты ничего не чувствуешь, не понимаешь, не знаешь, что я уѣзжаю отсюда навсегда, не знаешь, какое горе случилось со мной... И ты, дружокъ, говорила я скворцу,— и ты ничего не знаешь, Марья Ивановна беретъ тебя къ себѣ и будетъ кормить. Ты не жди меня: завтра не подойду къ твоей клѣткѣ, не положу тебѣ корму; завтра я буду далеко, мой милый... мы ужь не увидимся...

Скворецъ слушалъ меня съ важнымъ видомъ, потомъ вытянулъ шейку и свиснулъ. Вошла Ѳедосья Петровна.

— Что̀, матушка, али съ охоткой-то прощаетесь, сказала она печальнымъ голосомъ. — Господи! прибавила она:—вотъ, опустѣетъ домъ-то. Экая тоска, экая тоска несосвѣтная! уѣдетъ и наша родная барышня! мы все васъ своею считали.

— Помните обо мнѣ, Ѳедосья Петровна.

— Ой, сударыня, вы то объ насъ забудете, а ужь мы-то вѣкъ не забудемъ. Полноте, матушка, глазки наплачете, прибавила она.

Послѣ обѣда мы выѣхали. Марья Ивановна и Катерина Никитишна проводили меня съ горячими слезами...

И вотъ, отправилась я въ зимней повозкѣ, какъ и полтора года тому назадъ, но теперь не радовала меня мысль о возвратѣ. Уже повозка давнымъ-давно тащилась по снѣжной дорогѣ; уже спутница моя, горничная Татьяны Петровны, давно спала сладкимъ сномъ, покачиваясь на каждомъ ухабѣ, а я все еще видѣла передъ собой знакомыя лица, столпившіяся на крыльцѣ; слышала голоса, которыхъ ужь, можетъ-быть, никогда не приведется болѣе слышать...

Въ Т** мы пріѣхали утромъ. Татьяна Петровна встрѣтила меня ласковѣе прежняго, она даже обняла меня. Одѣтая въ трауръ, она показалась мнѣ моложе и лучше прежняго.

Нѣсколько слезъ пролила она, разспрашивая о болѣзни и кончинѣ тетушки, потомъ заключила мудрымъ разсужденіемъ, что смерти никто не избѣжитъ, и что всѣмъ надо ожидать ея рано или поздно; но что все-таки ей душевно жаль сестрицы. Что̀ же касается до меня, то конечно она понимаетъ, какъ велика моя потеря,—но, какъ знать? прибавила она: — можетъ-быть, все къ лучшему.

Явилась и Амфиса Павловна и также изъявила свое «душевное сожалѣніе».

— Теперь поди, отдохни и переодѣнься къ обѣду, сказала мнѣ Татьяна Петровна,—а послѣ мы съ тобой поговоримъ кой о чемъ.

Я отправилась на верхъ, въ прежнюю комнату, гдѣ все было по старому: тотъ же комодъ, тѣ же два стула и два кожаные дивана, жесткіе, какъ деревянныя скамейки. Портретъ старика висѣлъ на томъ же мѣстѣ, только лицо его показалось мнѣ еще суровѣе, еще глубокомысленнѣе...

Невольно припомнила я первый мой пріѣздъ сюда съ Лизой. Какъ далеко ушла я душой отъ того времени, какъ состарѣлась нравственно!

Я вынула изъ чемодана свои вещи и стала укладывать въ ящики комода. Никто изъ горничныхъ не явился помочь мнѣ,

это было для меня ново и странно. До сихъ поръ я была такъ избалована ухаживаньемъ за собой, что почти не умѣла приняться за дѣло и даже такой пустой трудъ утомлялъ меня. Мнѣ стало досадно на себя и какъ-то совѣстно своей изнѣженности... Только тутъ пришло мнѣ въ голову, что такимъ образомъ я поставлю себя въ непріятную зависимость отъ другихъ, въ необходимость постоянно принимать одолженія. Я рѣшилась впередъ быть для себя болѣе полезною.

Вскорѣ пришла ко мнѣ Степанида Ивановна. Увидя, что я тащу въ уголъ пустой чемоданъ, она ахнула и всплеснула руками.

— Что̀ это, матушка, сама трудишься! сказала она.—Хорошо принимаемъ гостью! Да мало что̀ ли у насъ дѣвокъ! какъ собакъ, прости Господи, натолкано... Ну, ужь народецъ!

Затѣмъ она перешла къ моему положенію.

— Вотъ, заговорила она,—осталась сироткой безъ тетеньки! конечно, и наша-то вѣдь добра, ну, да ужь все не то, скупенька, иногда надъ пустяками дрожитъ, а большое пропадаетъ. А вѣдь, подумаешь, куда все пойдетъ? умретъ, все останется. Вотъ, у насъ варенье по три года стоитъ. Ужь я и то говорю: матушка! что̀ не кушаете? ужь засахарилось. Такъ, нѣтъ, говоритъ, не трогай, постоитъ. Ужь чего стоять, хоть ножемъ рѣжь... Да отказала ли вамъ что̀ тетенька-то покойница?

Эта мысль не приходида еще мнѣ въ голову, и потому меня затруднилъ вопросъ Степаниды Ивановны.

— Видно не успѣла, голубушка! Ужь плохо безъ своего жить, все лучше, какъ своя-то копѣечка есть.

Въ это время пришла горничная позвать ее зачѣмъ-то къ тетушкѣ.

— Безстыдница! халда окаянная! что̀ не вошла къ барышнѣ то?

Дѣвка разсердилась и отвѣчала:

— Да что̀ вы ругаетесь? мы никакого приказа не слыхали.

— А тебя надо носомъ ткнуть, тогда ты и сдѣлаешь...

— Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сказала я,—почему же она знала?

— Какъ, сударыня, не знать, только лѣность одна... сказала Степанида Ивановна и ушла.

Я попросила горничную помочь мнѣ одѣться, что̀ та исполнила съ кислою миной.

Во время моего туалета, посѣтила меня Амфиса Павловна.

— Вотъ вы и на житье къ намъ, сказала она.—Что̀, получаете ли письма отъ Лизаветы Николаевны?

— Я получила отъ нея одно письмо, послѣ того, какъ она гостила у насъ.

— Что же это она рѣдко пишетъ, послѣ такой дружбы?.. Лѣтомъ, они обѣщали къ намъ пріѣхать; они тогда и отъ васъ заѣзжали, только не надолго.

— Какъ бы это было хорошо! сказала я. — Вы не знаете, съ мужемъ она обѣщала пріѣхать?

— Какъ же, съ мужемъ. Татьяна Петровна и Александра Матвеича приглашали.

— Какъ я рада!

— Что же вы такъ рады Александру Матвеичу?

— Я всѣмъ имъ рада.

— Барышни молодыя, вмѣшалась горничная, — такъ и рады, все повеселѣе въ деревнѣ-то будетъ. Александръ Матвеичъ такіе веселые и изъ себя такіе красивые.

Господи! подумала я: ужь онѣ, ничего не видя, цѣлый романъ сочинили.

— Ужь на что̀ съ вами, продолжала горничная,—такъ и тутъ шутили да заигрывали...

— Ахъ, мать моя! сердито отвѣчала Амфиса Павловна:—на что̀ со мной! Да я уродъ, что ли, какой! Я еще, слава Богу, не остарокъ, мнѣ всего двадцать семь лѣтъ...

— Все же не семнадцать, справедливо замѣтила горничная.

— Многіе мущины предпочитаютъ женщинъ вашихъ лѣтъ,— сказала я, желая утѣшить оскорбленную Амфису Павловну.

— Конечно, отвѣчала она,—человѣкъ солидный, умный, никогда не выберетъ молоденькой.—И она вышла изъ комнаты, ласково примолвя: до свиданія, душенька!

— Что тебя-то до сихъ поръ не выберетъ умный-то человѣкъ? сказала вслѣдъ ей горничная.

— Она можетъ услышать, замѣтила я.

— А пусть... ужь она надоѣла мнѣ хуже горькой рѣдьки. Вѣдь я за ней хожу. Одно глаженье такъ съ ума сведетъ... не надѣнетъ юбки не глаженой. А ужь пялится, пялится передъ зеркаломъ, ахъ ты, Боже мой! то брови пощиплетъ, то щкеи

потретъ,—смотрѣть тошно! А передъ барыней-то, поглядите-ка, какой постницей прикидывается. А что не по ней, такъ сейчасъ и нажалуется... Вотъ, вы и совсѣмъ готовы.

Татьяна Петровна сказала мнѣ длинную рѣчь о моемъ положеніи, коснулась очень искусно правилъ общежитія и умѣнья вести себя при постороннихъ, не пропустила и того, какъ должно быть скромною и осторожною съ мущинами. Въ заключеніе, она сказала мнѣ, что покойница тетушка вручила ей вексель, данный на мое имя, въ пять тысячъ серебромъ, и что въ этой суммѣ все мое богатство. Татьяна Петровна совѣтовала мнѣ, когда я получу эти деньги по векселю, положить ихъ въ приказъ и не касаться ихъ безъ крайней надобности, прибавивъ, что въ ея домѣ, я не буду имѣть нужды въ необходимомъ.

— Конечно, прибавила она,—я не могу дѣлать тебѣ роскошнаго туалета, но ты будешь одѣта прилично. На балы я тоже тебя вывозить не стану, бѣдной дѣвушкѣ балы не нужны. Впрочемъ, когда снимешь трауръ, я буду брать тебя на простенькіе вечерки къ знакомымъ, гдѣ ты можешь потанцовать...

— Я не танцую, простодушно замѣтила я.

— Какъ не танцуешь? почему?

— По очень простой причинѣ—не умѣю.

— Ахъ, Боже мой! до чего упущено твое воспитаніе! Ну, нечего дѣлать! надо тебя поучить. У меня есть знакомая гувернантка, я ей и мѣсто-то доставила, попрошу ее. Дѣвицѣ въ твои годы нельзя не умѣть танцовать. Чѣмъ же ты будешь у меня заниматься? вышивать умѣешь?

— Да, умѣю.

— Ну, такъ я дамъ тебѣ работу. Вышей мнѣ, отъ нечего-дѣлать, воротничокъ, покажи свое умѣнье. Я достану узоровъ, а тамъ и для себя что-нибудь сработаешь. Вонъ, Амфиса прекрасно шьетъ, она и тебя поучитъ, чего не сумѣешь. Надо всегда что-нибудь работать: занятіе—украшеніе женщины. А тебѣ это можетъ очень, со временемъ, пригодиться. Много, много потеряла ты, что не жила у меня съ дѣтства, не то бы ты была! Ужь не бѣгала бы цѣлые дни по полямъ и лѣсамъ. Я не говорю, отчего не погулять: но чтобъ все было въ свое время и при-

лично. Посмотри-ка, продолжала она,—вонъ, у Анны Дмитревны десяти лѣтъ дѣвочка, какъ себя держитъ! какой входъ! какой поклонъ! Ну, да что о томъ говорить, чего ужь не воротить! Я надѣюсь, что и теперь ты многимъ воспользуешься; ты не глупа, этого нельзя у тебя отнять. Нужно побольше опытности да вниманія къ совѣтамъ старшихъ... Да, пожалуста, выбрось изъ головы пустую сантиментальность — она ни къ чему не поведетъ... Вспомни, въ какую пропасть ввалилась было ты, еще ребенкомъ! Хорошо, что я пріѣхала. Конечно, ты сдѣлала это тогда такъ, не понимая послѣдствій; ну, а ужь теперь, милая Геничка, другое дѣло: теперь ты должна дорожить своею репутаціей. Дѣвица все равно, что бѣлое платье — малѣйшее пятнышко замѣтно. Теперь пойдемъ обѣдать. Гдѣ же Амфиса?

— Здѣсь, отвѣчала та, вдругъ явясь въ дверяхъ, у которыхъ, по всей вѣроятности, она слушала рѣчь Татьяны Петровны.

Послѣ обѣда Татьяна Петровна пошла отдыхать, а я ушла въ свою комнату, которая теперь сдѣлалась для меня почти пріятна. Здѣсь я была одна, я была свободна; здѣсь я могла думать, плакать, молиться; здѣсь мнѣ открывался входъ въ мой тайный, задушевный міръ, гдѣ я вела бесѣду съ моимъ прошедшимъ, перебирая, какъ скупецъ свои сокровища, одно за другимъ мои воспоминанія. Здѣсь самое будущее принимало для меня, порой, радужные оттѣнки. Но теперь я пришла къ себѣ не съ мечтами, не съ воспоминаніями; въ ушахъ моихъ раздавались слова: бѣдной дѣвушкѣ балы не нужны; бѣдная дѣвушка должна работать... И, вотъ, какую-то гувернантку попросятъ, Христа ради, поучить бѣдную дѣвушку танцовать... и Татьяна Петровна сдѣлаетъ доброе дѣло, за которое я обязана буду заслуживать ей моею внимательностью и угожденіемъ!... Вся кровь бросалась мнѣ въ голову при этихъ мысляхъ, теперь, когда я была одна, потому что какое-то инстинктивное благоразуміе руководило мной въ присутствіе Татьяны Петровны, заставляя меня, молча, выслушать ее. До сихъ поръ я не была, не считалась бѣдною дѣвушкой,—мнѣ этого и въ голову не приходило. Я такъ была богата тамъ, гдѣ меня ласкали, гдѣ меня любили! И, вотъ, я столько гордая, самонадѣянная,—вдругъ уни-

жена, обезсилена... Я, бѣдная дѣвушка, живу въ чужомъ домѣ, на чужой счетъ!.. Душа моя рвалась и металась, какъ дикій конь, на котораго надѣли узду... Но чѣмъ больше рвалась она, тѣмъ упорнѣе вызывала я нравственныя силы на помощь самой себѣ, чтобъ одолѣть ея волненіе и смѣло взглянуть въ глаза неутомимой дѣйствительности. Была даже какая-то горькая отрада въ этой борьбѣ, въ этомъ желаніи твердо и смѣло не только выносить свое положеніе, но и становиться выше равнодушіемъ къ нему. Удастся ли это? я не знала.

II.

Уже около двухъ недѣль я жила у Татьяны Петровны. Великій Постъ былъ на исходѣ. Мартъ дарилъ тѣми розовыми, ясными закатами, которые такъ пріятно дѣйствуютъ на душу.

Я сѣла, однажды, къ окну, чтобъ полюбоваться, какъ горятъ подъ вечерними лучами главы церквей, окна и крыши домовъ, на которыхъ блестѣлъ и искрился недавно выпавшій уже весенній снѣгъ,—тотъ снѣгъ, о которомъ тетушка, бывало, говорила, что это «внучекъ за дѣдушкой идетъ.»

Улицы почернѣли, стекла въ окошкахъ оттаяли; прохожіе не кутались въ воротники шубъ; дамы гуляли въ ватошныхъ платьяхъ и бурнусахъ. Я нечаянно взглянула на окна противоположнаго дома и увидѣла у одного изъ нихъ двѣ женскія фигуры; онѣ сидѣли рядомъ, очень близко другъ къ другу, и весело смѣялись и говорили, глядя на проходящихъ. Лицо одной совсѣмъ прильнуло къ стеклу, и мнѣ не трудно было разглядѣть черныя брови, живые черные глазки и полныя розовыя щечки. Прехорошенькое личико! Другая была въ тѣни, но черезъ нѣсколько минутъ, косвенные лучи упали на нее и помогли мнѣ разсмотрѣть ея наружность. Эта была русая, чрезвычайно граціозная головка, съ пышными отливающими золотомъ волосами, съ чертами выразительными и пріятными. Въ улыбкѣ ея довольно большихъ, но правильно очерченныхъ губъ, было что-то необыкновенно привлекательное.

— Кто живетъ противъ насъ? спросила я Амфису Павловну, работавшую у другаго окна.

— Низановы, двѣ очень милыя дѣвицы; онѣ живутъ у своего дѣдушки, почтеннаго, солиднаго человѣка.

— Знакомы онѣ съ тетушкой?

— Знакомы; онѣ недавно были, да насъ не было дома.

— У нихъ нѣтъ ни отца, ни матери?

— Нѣтъ никого. Онѣ всѣмъ обязаны дѣдушкѣ; онъ ихъ какъ дочерей содержитъ. Особенно старшую, Софью, онъ ужасно любитъ, жить безъ нея не можетъ. Да, вотъ, онъ идетъ! Здравствуйте, Дмитрій Васильичъ! закричала Амфиса Павловна, умильно отвѣчая на поклонъ пожилаго мущины, снявшаго шляпу и открывшаго сѣдую голову, забывая, что онъ не могъ ее слышать.

Хорошенько разглядѣть его я не успѣла.

Лицо Амфисы Павловны нѣсколько минутъ сохраняло умильное выраженіе, послѣ его поклона.

Вошла Татьяна Петровна, возставшая отъ послѣ-обѣденнаго сна.

— А что̀, Амфисо̀чка, сказала она, — послать бы къ нашимъ старичкамъ (Нилу Иванычу и Антону Силычу), что они запали?

— Такъ что̀ же, пошлите... А я сейчасъ съ Дмитріемъ Васильичемъ раскланивалась.

— Тебѣ, мать моя, отъ него счастье, — онъ съ тобой всегда любезенъ.

— А чтожь, вѣдь онъ прекрасный человѣкъ.

— Поди-ка, пошли кого-нибудь къ старичкамъ.

На другой день, я подошла къ окну, въ надеждѣ увидѣть Низановыхъ. Брюнетка работала, блондинка читала; дѣдушка ихъ ходилъ по комнатѣ, часто останавливаясь у котораго-нибудь окна и барабаня пальцами по стеклу. Вскорѣ онъ ушелъ со двора; дѣвушки оставили занятія и опять стали говорить и смѣяться.

— Какъ онѣ счастливы! подумала я.

Порой онѣ смотрѣли на меня, наконецъ обѣ поклонились, я тоже поклонилась. Спустя нѣсколько минутъ, обѣ онѣ, въ шляпахъ и бурнусахъ, вышли изъ воротъ и поворотили къ намъ.

У меня забилось сердце отъ пріятнаго ожиданія. Я вышла въ залу и слышала, какъ звучный голосокъ спросилъ: «дома Тать-

яна Петровна?»—какъ слуга отвѣтилъ, что «ихъ дома нѣтъ (и въ самомъ дѣлѣ ея не было дома), а дома одна барышня».

— Ну, поди, спроси барышню, можетъ ли она принять насъ?

Я велѣла просить.

— Мнѣ захотѣлось поскорѣе познакомиться съ вами, сказала мнѣ Софья,—вы скучаете и мечтаете; мы тоже скучаемъ, порой; намъ будетъ веселѣе вмѣстѣ.

— А не мечтаете? спросила я.

— Я? нѣтъ; вотъ, она, Надя, мечтаетъ, она еще молода, а я ужь старуха.

— Вы старуха? сказала я, глядя на ея молодое пріятное лицо.

— Вы по лицу не судите, наружность обманчива. Впрочемъ, не бойтесь, я еще не такая старуха, чтобъ не понимать порывовъ и увлеченій молодаго свѣжаго сердца. Я старуха сама для себя, а не для другихъ. Не могу ли быть вамъ чѣмъ-нибудь полезна? У меня довольно книгъ, узоровъ, если угодно.

Я поблагодарила.

— Вы рѣдко выѣзжаете? спросила я.

— Рѣдко; не стоитъ хлопотъ.

— Какъ не стоитъ хлопотъ? нельзя же быть безъ общества.

— У меня есть нѣсколько домовъ, гдѣ я запросто, гдѣ я не связана ни глупымъ чванствомъ, ни смѣшною чопорностью— вотъ и общество. Впрочемъ, и нашему большому свѣту я дѣлаю нѣсколько офиціяльныхъ визитовъ, этимъ и кончаются всѣ мои отношенія къ нему. Я слишкомъ лѣнива, чтобы изучать всѣ его законы, чтобъ терять время на всѣ его сплетни и интриги. Интересы здѣшней аристократіи мнѣ чужды и странны.

— А притомъ же, сказала Надя,—нужны большія средства; свѣтскій туалетъ требуетъ много денегъ.

— О, моя милая! сказала Софья, слегка покраснѣвъ:—еслибы у меня были большія средства, я сумѣла бы употребить ихъ на что-нибудь получше и полезнѣе, чѣмъ на то, чтобъ блистать нарядами здѣсь.

— Ну, ужь все же лучше быть въ обществѣ, чѣмъ жить такъ, какъ мы живемъ—настоящій монастырь.

Софья улыбнулась.

— Ахъ, еслибъ мы были свободны! сказала Надя.

— Вотъ, спроси M-lle Eugénie, свободна ли она?

— Такъ будто ей и весело?

— Было время, сказала я,—и мнѣ было весело...

— Бѣдное дитя! сказала Софья со вздохомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — въ ваши годы, и уже горевать о прошедшемъ! Чтожь, продолжала она, — надѣйтесь, жизнь долга; авось и пошлетъ она вамъ счастье и радость. Кто молодъ, тотъ надѣется или любитъ.

— Вы говорите это такимъ тономъ, какъ будто сами ужь любить не можете.

— Я... кажется, Татьяна Петровна пріѣхала...

И въ самомъ дѣлѣ она пріѣхала.

Татьяна Петровна очень любезно встрѣтила гостей, спросила Софью о дѣдушкѣ, потолковала съ ней о новомъ архіереѣ, у котораго была въ тотъ день послѣ обѣдни, перекинулась нѣсколькими городскими новостями и проводила ихъ приглашеніемъ не забывать ее старуху. Софья, въ свою очередь, попросила Татьяну Петровну позволить намъ видѣться почаще, на что̀ та изъявила свое согласіе.

Черезъ нѣсколько дней, Татьяна Петровна отпустила меня къ Низановымъ.

Въ сѣняхъ, я позвонила. Мнѣ отворилъ мальчикъ въ худомъ, засаленномъ казакинѣ. Онъ побѣжалъ въ другую комнату и торопливо сказалъ кому-то: «доложи барышнямъ». Женскій голосъ отвѣчалъ: «сейчасъ!»

Послышались шаги вверхъ по лѣстницѣ...

Между тѣмъ въ боковыхъ дверяхъ показалась суровая фигура въ халатѣ и въ ту же минуту скрылась со словомъ «извините!..»

Вскорѣ прибѣжала Надя.

— Sophie проситъ васъ къ ней, сказала она: — не взыщите, что мы принимаемъ васъ за̀просто, а не въ гостиной. Дѣдушка еще не одѣтъ и ходитъ по тѣмъ комнатамъ.

Я взошла. На верху было всего двѣ маленькія комнатки. Въ одной стояли шкафы для платьевъ, столъ и пяльцы, за которыми шила дѣвочка; въ другой комнатѣ жили двѣ сестры.

Лучи мартовскаго солнца сквозили въ бѣлыя кисейныя занавѣски на окнахъ; по стѣнамъ стояли двѣ кушетки и кресло, передъ которымъ находился письменный столъ. На окнахъ много зелени,

въ особенности плющъ вился по всѣмъ направленіямъ, падая зелеными гирляндами даже на раму зеркала въ простѣнкѣ.

— Какъ я рада васъ видѣть! сказала Софья.—Снимите, душка, вашу шляпку и садитесь.

Софья была въ самой простой, темной шерстяной блузѣ, съ бѣлымъ гладенькимъ батистовымъ воротничкомъ. Костюмъ ея былъ почти небреженъ, пелеринка съѣхала на бокъ; но блестящая бѣлизна ея бѣлья и прекрасно обутая ножка, маленькая, почти дѣтская, смягчали эту небрежность.

— Простите, сказала она,—я васъ встрѣчаю такою неряхой. Я не могу носить корсета, у меня грудь болитъ. Я цѣлое утро лежала, оттого и волосы не въ порядкѣ.

Она подошла къ зеркалу и поправила прическу и пелеринку.

— Вотъ, и пелеринка съѣхала на бокъ, продолжала она. —Милая Надя! приколи мнѣ ее. Да мнѣ хочется чаю. Прикажи поставить самоваръ.

— Развѣ вы не пили еще чаю? (Было 12 часовъ утра.)

— Пили, но я всегда еще пью въ это время. Вы не откажетесь?

— Не откажусь выпить чашку. Вы хвораете?

— Да; по утрамъ я чувствую себя дурно. Нервы...

— Чтожь вы не лѣчитесь?

— Лѣчилась, да толку мало; надоѣло.

— Вамъ бы на воды ѣхать.

— Къ этому много препятствій. Проживу какъ-нибудь. Половина жизни, лучшая половина, прожита, о другой не стóитъ хлопотать.

— Въ ваши годы! сказала я въ свою очередь.

— Въ мои годы! Я вамъ говорила, что я старуха. Мнѣ двадцать семь лѣтъ.

— Не можетъ быть!

И въ самомъ дѣлѣ, на видъ ей казалось не болѣе девятнадцати лѣтъ.

— У меня такое лицо. Это фамильная моложавость. Ужь такая живучая натура.

Вскорѣ она развеселилась; мы болтали о чемъ-попало, разказывали смѣшные анекдоты. Вдругъ послышались тяжелые шаги по лѣстницѣ. Лица дѣвушекъ отуманились, какъ будто даже страхъ выразился на нихъ. Онѣ обѣ въ одинъ голосъ сказали:

«дѣдушка!»—но Софья сказала эти слова спокойно и холодно, а Надя съ видимою досадой.

Дѣдушка вошелъ.

Тутъ я могла разглядѣть его лицо: оно было продолговатое, худощавое; крутой лобъ, вмѣстѣ съ бровями надвинувшійся на глаза, напоминалъ Тарханова; носъ прямой, короткій; губы тонкія, съ рѣзкими чертами на углахъ, борода вытянутая и загнутая. Свѣтло-сѣрые глаза глядѣли быстро, съ какою-то суровою разсѣянностью, не останавливаясь ни на чемъ. Смотря на него, думалось, что онъ сдерживаетъ внутренній гнѣвъ, внутреннее недовольство окружающими, и что вотъ-вотъ, сейчасъ, скажетъ что-нибудь непріятное. Чувствовалось, что ему все не нравится, все не по немъ.

Софья познакомила насъ.

— Вы навсегда останетесь у Татьяны Петровны, или на время? Вѣдь Авдотья Петровна умерла?

Я отвѣчала утвердительно на эти вопросы.

— Оставила ли вамъ что-нибудь Авдотья Петровна?

Софья вспыхнула.

— Да, она дала мнѣ вексель въ небольшую сумму.

— Ну, все же это вамъ пригодится, хоть на приданое. Какихъ лѣтъ умерла Авдотья Петровна? вѣдь, я думаю, ей подъ семьдесятъ было?

— Да, ужь было.

— Ну, что же, слава Богу, пожила. Для женщины это очень довольно.

— Однако, все же Евгеніи Александровнѣ очень тяжела эта потеря, сказала Софья.

— Чтожь дѣлать? этого надо было ожидать. Смерть вещь обыкновенная, особливо въ наши годы, она уже въ порядкѣ вещей. Вотъ, молодой человѣкъ умираетъ — жаль: тутъ нарушается законъ природы.

— А все равно жаль, старъ или молодъ умираетъ тотъ, кого любишь...

— Ну, ужь это, душа моя, ваши женскія разсужденія. Ужь какъ женщины начнутъ разсуждать, такъ бѣги дальше... сказалъ онъ рѣзко.

— Развѣ женщины неспособны разсуждать? спросила я.

— Вы способны разсуждать вотъ о чепчикѣ, о модахъ, — вотъ, это ваше дѣло.

— Неужели намъ только это дано въ удѣлъ? сказала я.

— Э, сударыня! удѣлъ-то данъ вамъ прекрасный, да вы презираете его. Фи! какъ можно! — романтизмомъ питаетесь, фантазіями. Страсти различныя сочиняете себѣ... Посмотрите-ка, нынче дѣвушка замужъ не иначе пойдетъ, какъ дай ей по страсти, а страсть-то прогоритъ, тутъ — фю! — и свисти въ ноготокъ.

— Нельзя же безъ любви, вдругъ отозвалась Надя.

— Ну, ужь и ты туда же! закричалъ онъ. — Ужь ты, сдѣлай милость, не мѣшайся! Ты, матушка, живешь фантазіями! Ты — матеріяльность... Тебѣ бы только романы читать.

— Такая же матеріяльность, какъ и всѣ, пробормотала Надя, надувшись.

— Бормочи, бормочи себѣ подъ носъ. Да! я все не дѣло говорю, я старый дуракъ!

Софья не выдержала и сказала съ горечью:

— Ахъ, дѣдушка! можно ли это! ктожь это думаетъ?

— Да вѣдь я знаю, что вы это думаете! Вамъ все не нравится. Вы бы все по-своему перевернули! Погоди вотъ, умру; вотъ тогда вспомните меня, да поздно. Тогда...

Но Софья быстро вспрыгнула къ нему на колѣна, обняла его и прервала его рѣчь поцѣлуями.

— Не смѣйте этого говорить, не смѣйте, говорила она съ ласковою фамильярностью, — я разозлюсь, я буду больна...

Онъ видимо смягчился, но старался скрывать это смягченіе нахмуреннымъ видомъ.

— Нечего злиться, душа моя, отвѣчалъ онъ, уже довольно нѣжно, хотя все еще раздражительно, — я дѣло говорю... А по-моему, когда старшій говоритъ, хорошо ли, дурно ли, такъ ли, не такъ ли, — младшіе должны молчать. Правда ли, Евгенія Александровна? обратился онъ ко мнѣ.

— Я думаю, правда, отвѣчала я противъ души, единственно изъ страха возобновить его рѣзкій, громкій говоръ противорѣчіемъ.

— Да, сказалъ онъ, — всѣ вы, должно-быть, не такъ думаете.

Вотъ, и самоваръ принесли. Пейте чай; а мнѣ нужно съѣздить.

— Куда вы ѣдете? спросила Софья.

— Мало ли куда нужно! экое вѣдь женское любопытство.

— Я такъ спросила...

— Такъ, такъ! то-то и есть, что вы дѣлаете все такъ, не подумавши. Что̀ придетъ въ голову, то и давай. Также, какъ давеча вдругъ пришла фантазія — дымомъ пахнетъ... а дымомъ и не думаетъ пахнуть... Ну, прощай, душа моя!

Софья поцѣловала у него руку, Надя послѣдовала ея примѣру.

— Не пугайтесь дѣдушкиной рѣзкости, Евгенія Александровна, сказала мнѣ Софья, — онъ, подъ часъ раздражителенъ, особенно, когда его что-нибудь заботитъ... Въ сущности, это благородный, честный человѣкъ, увѣряю васъ. У него здравый, практическій умъ, много опытности, довольно вѣрный взглядъ на многіе предметы.

— Я вамъ вѣрю...

— Ну, ужь, мой другъ, сказала Надя, — Богъ съ ней, съ его честностью, съ его благородствомъ! Пусть бы онъ былъ поменьше честенъ и благороденъ, — только бы не кричалъ такъ.

Софья засмѣялась.

— Что̀ дѣлать, моя милая, у всякаго свои слабости. Вотъ, ты не можешь говорить съ нимъ покойно, всегда какимъ-то недовольнымъ тономъ отвѣчаешь; не можешь промолчать ни разу на его замѣчанія, а это бы избавило насъ обѣихъ отъ многихъ непріятностей...

— Не могу! сказала Надя: — я дѣлаюсь больна, если переломлю себя. Слышите, сказала она мнѣ, — есть ли человѣческая возможность сдѣлать изъ себя деревяшку, быть безгласной, быть дурой — не смѣть сказать ни одного слова? Васъ, напримѣръ, стали бы сейчасъ увѣрять, что у васъ бородавка на носу, и если бы вы осмѣлились сказать — нѣтъ! подняли бы страшный крикъ и исторію? Было бы вамъ это пріятно? Да это адъ, это пытка! Я точно надъ пропастью хожу по тоненькой жердочкѣ и каждую минуту обмираю, чтобъ не оступиться...

— Вѣдь онъ часто и правду говоритъ, моя милая.

— Богъ съ нимъ и съ правдою! отвѣчала Надя: — эта правда

опротивѣетъ. Онъ воображаетъ, что грубостью и крикомъ заставитъ полюбить истину. Онъ, право, похожъ на тѣхъ миссіонеровъ, которые огнемъ и мечомъ проповѣдывали христіянство.

— Ну, довольно объ этомъ. Евгеніи Александровнѣ, я думаю, не оставитъ пріятнаго впечатлѣнія первый визитъ къ намъ. Какъ хорошъ свѣтъ солнца! сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, глядя, какъ солнечный лучъ озарялъ вѣтки плюща и рисовалъ ихъ правильною тѣнью на бѣлыхъ занавѣскахъ.—Что еслибы не было солнца, весны и цвѣтовъ, продолжала она,—я бы съ ума сошла. У меня едва достаетъ силъ переносить нашу угрюмую, морозную, восьмимѣсячную зиму. Къ концу, я начинаю впадать въ физическое и нравственное утомленіе, и продолжись зима еще два мѣсяца, мнѣ кажется, я умерла бы.

Съ этихъ поръ я часто бывала у Низановыхъ.

Дмитрій Васильевичъ Низановъ былъ странный человѣкъ. Я слѣдила съ невольнымъ любопытствомъ за этимъ многосложнымъ характеромъ, достойнымъ пера не столь слабаго, какъ мое.

Особенность этого характера заключалась не въ главныхъ его правилахъ и убѣжденіяхъ, — обозначеніе и разъясненіе этихъ правилъ и убѣжденій указало бы только на одну сторону его и сдѣлало бы его похожимъ на многихъ и многихъ, тогда какъ это сходство не довершило бы и въ половину его портрета. Нѣтъ, у него въ характерѣ было нѣсколько физіономій, если можно такъ выразиться, и всѣ онѣ сливались въ одну, подъ однимъ господствующимъ суровымъ колоритомъ. Духъ неудержимаго противорѣчія царствовалъ въ душѣ этого человѣка; онъ противорѣчилъ всѣмъ и каждому; противорѣчилъ даже самому себѣ, если слышалъ собственныя свои мнѣнія въ устахъ другихъ, особенно въ устахъ тѣхъ, кому онъ хотѣлъ доказать, что они глупѣе его, и что у него на все свой взглядъ. Онъ даже дотого увлекался этою страстію имѣть свой взглядъ, что, будучи человѣкомъ умнымъ отъ природы, говорилъ иногда несообразности. Эти противорѣчія лились страшнымъ потокомъ особенно тогда, когда дѣло доходило до предметовъ, выходящихъ изъ круга его понятій. Искажать эти предметы, налагать на нихъ печать своего страннаго сужденія—было для него какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ.

Но когда онъ встрѣчался съ людьми практическими, когда

дѣло шло о какой-нибудь матеріяльной общественной пользѣ, или общественномъ учрежденіи, или рѣшался такъ, между собой, какой-нибудь административный вопросъ, тогда Дмитрій Васильевичъ выказывалъ мудрость прямую, опытную, здравую. Честность и правдивость его признавалась всѣми.

Этотъ человѣкъ, за порогомъ своей домашней жизни и за порогомъ интересовъ души и сердца, искусства и науки, былъ человѣкъ полезный и дѣльный.

Въ домашней жизни, онъ создалъ себѣ желѣзный тронъ, и воля его близкихъ, нравственная самостоятельность ихъ личности разбивались объ этотъ тронъ.

Онъ преслѣдовалъ ихъ даже въ самыхъ намѣреніяхъ, онъ подозрѣвалъ, угадывалъ эти намѣренія: это значитъ, что онъ все-таки понималъ человѣческую природу, и громилъ, душилъ, давилъ ихъ своими грозными, раздражающими сентенціями. Онъ неутомимо преслѣдовалъ одну цѣль: заставить Софью и Надю, а хорошо бы и всѣхъ, думать, чувствовать, глядѣть на Божій свѣтъ и людей, такъ, какъ онъ думаетъ, чувствуетъ и глядитъ. Никакого отступленія отъ этихъ требованій онъ не допускалъ, самую натуру хотѣлъ бы онъ передѣлать.

И всѣ эти преслѣдованія онъ пересыпалъ выраженіями нѣжности не только къ Софьѣ, которую любилъ истинно, но даже и къ неудержимой спорщицѣ Надѣ, которая не мало способствовала дурному расположенію его духа. Онъ не былъ злопамятенъ, и ласка производила на него, подъ часъ, благодатное дѣйствіе.

Жизнь его сложилась изъ мелочей, между тѣмъ какъ душа стремилась къ болѣе возвышенной дѣятельности, и, вотъ, чтобъ удовлетворить этой душевной потребности, онъ часто изъ пустой причины, изъ ничтожнаго обстоятельства дѣлалъ важные, строгіе и мрачные нравственные выводы, — и клалъ камнемъ на сердце то, что̀ могло бы скользнуть тихо и незамѣтно, не оставляя тягостнаго впечатлѣнія.

Можетъ-быть человѣкъ, съ его волей, и точно много бы могъ сдѣлать, могъ бы имѣть огромное вліяніе на близкихъ ему, — но способы, которые употреблялъ онъ, были ложны и неправильны; онъ въ самомъ дѣлѣ походилъ на тѣхъ миссіонеровъ, которые огнемъ и мечемъ проповѣдывали христіянскую вѣру.

При всемъ этомъ, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ человѣкъ кроткій, уступчивый.

Ко мнѣ былъ онъ расположенъ очень милостиво.

Удивятся можетъ-быть, что онъ даже съ перваго моего знакомства съ ними прямо началъ свои нотаціи молодымъ дѣвушкамъ: но онъ не стѣснялся ни при комъ, вслѣдствіе убѣжденія въ глубокой правотѣ своей въ подобныхъ сценахъ, и даже съ какою-то торжественною увѣренностью отдавалъ себя на судъ постороннимъ, будучи убѣжденъ, что всякій приметъ его сторону.

Повторяю, странный человѣкъ былъ Дмитрій Васильевичъ.

Вотъ нѣсколько сценъ, въ которыхъ онъ говоритъ самъ за себя.

— Скоро и весна! Какое счастіе! сказала однажды Софья, когда мы, отобѣдавши, сидѣли въ небольшой диванной Низановыхъ.

Дмитрій Васильевичъ ходилъ взадъ и впередъ, мурлыча про себя не то пѣсню какую, не то собственную фантазію.

— Да, сказалъ онъ, вслушавшись въ слова внуки, — если бы не было зимы, вѣдь человѣкъ не чувствовалъ бы такого удовольствія при наступленіи весны; а вотъ теперь это такъ пріятно, все начнетъ оживать... Такъ-то, дружокъ мой Сонечка.

— Не худо бы, дѣдушка, сказала она, — еслибъ зима была покороче.

— Зима какъ зима, отвѣчалъ онъ, вѣдь это вы все создаете себѣ разныя фантазіи, а я такъ никогда не тягощусь зимой.

— Нѣтъ, я чувствую себя дурно, особенно въ сильные морозы.

— Воображай, мой другъ, воображай себѣ разные вздоры! Ну, можетъ ли быть, чтобъ для русскаго человѣка были нездоровы морозы! Да что ты, изъ Италіи что ли пріѣхала?

Все это онъ проговорилъ уже пѣвучимъ, рѣзкимъ голосомъ.

— Да вѣдь ужь я, дѣдушка, не виновата.

— Конечно, конечно... на все можно себя настроить. Я тебѣ говорю, душа моя, серіозно, что ты находишься на опасной дорогѣ; ты удержись, ты работай надъ собой. Дѣвушка ты не дура, а составляешь такія глупыя идеи, что, право, слышать смѣшно.

— Какія же идеи, дѣдушка?

— Вотъ въ томъ и бѣда, что ты не видишь своихъ недостатковъ. Что ты, матушка, думаешь, въ Италіи-то рай что ли

земной? Ошибаешься, моя милая, ошибаешься! Путешествіямъ ты вѣришь? Врутъ они всѣ, врутъ! (Почти крикъ.)

— Да я не говорю объ Италіи.

— Не говоришь, да въ душѣ-то у тебя что̀?

— Признаюсь, я хотѣла бы жить гдѣ-нибудь поюжнѣе, въ Россіи же, если бы была возможность.

— А чего нельзя, того и желать не должно, вотъ какъ по-моему слѣдуетъ. То-есть тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. «Мнѣ моркотно молоденькѣ, нигдѣ мѣста не найду.» Ужь чисто моркотно вамъ, какъ я погляжу! Какая неблагодарность, къ Творцу-то какая неблагодарность! Данъ холстъ, нѣтъ, видите, толстъ. Желанія-то человѣческія безпредѣльны; только дай имъ волю— тутъ-то и ядъ, тонкій ядъ, не мышьякъ, не сулема, а нравственный ядъ...

Софья замолчала. Дмитрій Васильевичъ долго еще развивалъ причины ея нравственной порчи, но, не слыша возраженій, также умолкъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ къ ней и сказалъ нѣжно:

— Прощай, ангелъ мой, я пойду отдохнуть, — и поцѣловалъ ее.

Разъ, Софья, утомивъ зрѣніе продолжительнымъ чтеніемъ, опустила сторы на окнахъ. Приходитъ дѣдушка.

— Это зачѣмъ опустила сторы?

— Солнце прямо въ глаза, дѣдушка.

— Удивляюсь! для меня такъ ничего нѣтъ пріятнѣе солнца. Я не знаю, что вы за люди! Право, душечка, даже видѣть непріятно, что внука моя, точно разбойникъ, убѣгаетъ дневнаго свѣта...

Надя съ трудомъ удержалась отъ смѣха, да—грѣшный человѣкъ —и я чуть не расхохоталась. Софья тоже состроила оцѣпенѣлую физіономію, чтобъ не улыбнуться, и подошла поднять стору.

— Да оставь, оставь, мой другъ, пріучи себя къ потемкамъ. Вотъ какъ я этихъ глупостей не дѣлаю, такъ могу прямо смотрѣть на солнце...

— Вотъ какой у насъ орелъ! шепнула Надя.—Не у всякаго такое прочное зрѣніе, сказала она вслухъ.

— Ужь ты-то молчи, пожалуста!

— Я правду сказала...

— Ну да, конечно, я вру, а ты правду говоришь. А по-моему, когда старшій говоритъ, меньшіе должны молчать.

— Да что̀ же это такое, продолжала Надя, несмотря на всѣ мины Софьи, выражавшія просьбу молчать, — нельзя слова сказать...

— Да ужь, матушка, ты мнѣ скоро глаза выцарапаешь!

— Что̀ же я сказала?

— Пошла, пошла! Смотри, ужь позеленѣла отъ злости.

— Я и не думала зеленѣть отъ злости...

Всѣ мины Софьи пропали даромъ. Раздражительная, упрямая, вспыльчивая Надя продолжала отвѣчать и затѣяла непріятную исторію; дѣдушка вспылилъ и кричалъ ужасно, наговорилъ ей оскорбительныхъ вещей, вызванныхъ ею же самой, и кончилось тѣмъ, что она со слезами вышла изъ комнаты, потому что она иначе не хотѣла или не могла заставить себя замолчать.

Когда мы остались однѣ, Надя разразилась ропотомъ; Софья была разстроена и за дѣдушку, котораго любила, несмотря ни на что̀, и понимала что ему самому непріятно было, что онъ такъ вспылилъ, и за Надю, которая плакала.

— Скажи мнѣ, Надя, сказала ей Софья, — тебѣ доставляетъ особенное наслажденіе отвѣчать ему? Вѣдь ты очень хорошо знаешь, что за это наслажденіе ты дороже заплатишь, чѣмъ оно сто́итъ... Промолчи ты, и ничего бы не было.

— Не могу я, чтожь мнѣ дѣлать, не могу!

— Милая моя! сказала Софья: — ты знаешь, какъ я была вспыльчива; ты знаешь, что не безъ труда передѣлала я себя. Дѣдушку ты не перемѣнишь, а только доведешь, да уже и довела, до крайней раздражительности съ собой. Посмотри, вѣдь слова не можетъ сказать съ тобой безъ крика. Что же это будетъ? Всѣ мои труды пропали даромъ. Я мучусь, я въ такомъ страхѣ, когда ты начинаешь съ нимъ говорить, что чувствую себя просто несчастной.

— Да что̀ я сказала, что̀ сказала такого?

— Тонъ музыку дѣлаетъ.

— Тонъ у меня обыкновенный, тебѣ только хочется обвинить меня понапрасну.

— Какъ тебѣ могло придти это въ голову? Я говорю только

правду, ты прибавляешь зло. Мы обѣ могли бы жить покойнѣе, если бы у тебя было побольше силы воли.

— Я не могу, какъ ты, выносить все это. За что̀ *онъ* на меня опрокинулся?

— За то, что ты всегда что-нибудь возражаешь, и возражаешь безконечно! А право, часто бываешь сама виновата.

— Господи! несчастная я! вскричала вдругъ Надя: — хоть бы умереть мнѣ поскорѣе! — и въ припадкѣ неожиданнаго бѣшенства, она упала на диванъ и била себя кулаками въ грудь и въ голову.

Софья спокойно и печально смотрѣла на эту комедію. Я бросилась къ Надѣ и схватила ее за руку.

— Не уговаривайте ея, милая Геничка, она будетъ послѣ покойнѣе и веселѣе.

Этотъ равнодушный тонъ, это спокойствіе удивительно какъ подѣйствовали на Надю. Она встала и успокоилась мгновенно.

Софья завела со мной разговоръ о постороннихъ предметахъ. Погодя немного, Надя подошла къ ней и, обнявъ ее съ нѣжностью, сказала:

— Ты сердишься на меня?

— Ты знаешь, что нѣтъ, но мнѣ жаль, что ты, такая хорошенькая, такая умненькая, подвержена такой страшной нравственной болѣзни, искажающей до дурноты твое лицо. Если ты выйдешь замужъ, очень пріятно будетъ мужу глядѣть, какъ ты бѣснуешься! Вѣдь ужь онъ не будетъ имѣть моей снисходительности.

— Ну, не сердись, ангелъ мой, не сердись!

— А назавтра тоже? сказала Софья.

— Нѣтъ, ужь я не буду ничего говорить.

— Увидимъ.

Надя, при первомъ же спорѣ, сдержала свое обѣщаніе не возражать дѣдушкѣ. Пустивъ на задоръ ему какую-то фразу, она, какъ только началъ онъ возвышать голосъ, вскочила, не дослушавъ его, выбѣжала вонъ изъ комнаты и хлопнула дверью. Софья обомлѣла. Дѣдушка имѣлъ теперь полное право разсердиться, но онъ, къ удивленію моему, сказалъ, правда сердито, но довольно тихо:

— Софья Павловна! Ты изволь сказать своей сестрицѣ, чтобъ

она не смѣла этого дѣлать, а то я ее изъ дому вышвырну. Смотри-ка, ужь дверьми изволитъ хлопать! Ну, въ какой порядочной семьѣ это дѣлается? я думаю, ни въ одномъ домѣ не позволятъ себѣ подобной выходки противъ старшихъ. Ты изволь ее унимать, если не хочешь, чтобъ я вытолкалъ ее. Ты старшая; она говоритъ, что любитъ тебя, ну такъ и дѣйствуй; не заставь дѣйствовать меня, ужь я примусь не по-твоему. Что̀, Евгенія Александровна, обратился онъ ко мнѣ, — вы этакъ поступаете съ своею тетушкой? Я человѣкъ кроткій, я не деспотъ, я ихъ, кажется, ни въ чемъ не стѣсняю...

Софья приласкалась къ нему, и онъ успокоился.

Съ Надей опять была у Софьи прежняя исторія: опять увѣщанія Софьи, опять бѣшенство и вспыльчивость Нади, обращенныя на себя, потомъ примиреніе, потомъ обѣщаніе — въ буквальномъ смыслѣ — не хлопать дверью. Чѣмъ-то она замѣнитъ это хлопанье? Бѣдная Софья!

Я отъ души полюбила молодыхъ дѣвушекъ, особенно Софью. Чѣмъ больше всматривалась я въ эту душу, тѣмъ больше проникалась къ ней самымъ живымъ участіемъ, самымъ искреннимъ сочувствіемъ. Меня увлекалъ ея умъ, живой, образованный, своебытный. Въ ея ласкахъ, въ ея манерахъ было что-то чарующее. Надя не даромъ называла ее волшебницей. Часто, лѣнивая, холодная, она вдругъ перерождалась и согрѣвала ваше сердце такою глубокою симпатичностью, такою благодатною лаской, что вамъ становилось весело и хорошо, какъ при лучахъ весенняго солнца. Ни чье страданіе не было для нея чуждо: она всякаго умѣла ободрить и развеселить. И если задѣвала, нечаянно, какую-нибудь грустную струну въ чужомъ сердцѣ, то тотчасъ же старалась сгладить непріятное впечатлѣніе. Въ ней столько было силы воли, что она не позволяла разрушать себя житейскимъ невзгодамъ. Она не бѣгала дѣйствительности, но вглядывалась въ нее кротко и любовно, и желала только, чтобы, по временамъ, туманные дни ея жизни озарялись солнечнымъ свѣтомъ. Въ прошедшей своей юности, она любила и была любима страстно, но пронеслась надъ нею какая-то тайная буря и смяла навсегда ея счастье; послѣ этого, измученное сердце ея уже не искало страсти, оно устало для нея — и на Надю и дѣдушку перенеслась вся глубокая, ясная и прочная нѣжность этого сердца. Но судьба,

какъ нарочно, устроила такъ, что именно эти два существа, огорчая и раздражая другъ друга, были для нея источникомъ многихъ непріятностей.

Обманутая въ лучшихъ надеждахъ, придавленная въ домашней жизни желѣзною волей дѣда, эта женщина тихо и спокойно глядѣла въ свою будущность, гдѣ было уже все для нея опредѣленно, гдѣ ничто не манило ея, кромѣ спокойствія и свободы, которыя должны были придти поздно. И если вспыхивала она, порой, ропотомъ и негодованіемъ, то считала это слабостью, пароксизмомъ душевной болѣзни, какъ она выражалась. Ясное небо, распустившійся цвѣтокъ, заунывная пѣсня на улицѣ, — все доставляло ей долгое и тихое наслажденіе.

— Берегите свою душу, Геничка, часто говорила она мнѣ: — не выдавайте ея на жертву первому горю; берегите свои силы, — жизнь долга, доживать ее убитой и обезсиленной тяжело.

Однажды я пришла къ нимъ утромъ.

Она была, по обыкновенію, какъ-то лѣниво-спокойна. Вдругъ, среди веселаго разговора, брови ея сдвинулись, на поблѣднѣвшемъ лицѣ выразились тоска и страданіе... Мы съ Надей посмотрѣли на нее съ безпокойствомъ и участіемъ.

— Ради Бога, не тревожьтесь, сказала она: — у меня, по временамъ, болятъ старыя раны; это сейчасъ пройдетъ.

Она отошла, сѣла въ уголъ и горько зарыдала.

— Глупая нервность! сказала она, проплакавшись: — это истерика; теперь я опять покойна, все прошло.

И вправду она была опять попрежнему.

О, какъ мнѣ иногда было жаль ея! какъ было жаль, что судьба втиснула въ такую узкую, безцвѣтную среду эту сильную, энергическую душу. Разумно сознавая невозможность расширить эту среду, она сама сжимала, давила свою богатую природу, чтобы установиться въ ней по возможности. Когда ея томленіе, ея жажда, ея тоска по лучшей жизни вспыхивали, она безжалостно усмиряла ихъ силой воли. Она походила на больнаго, строго исполняющаго предписанія опытнаго врача, съ желаніемъ выздоровѣть. Врачъ этотъ былъ разсудокъ; болѣзнь — стремленіе души къ наслажденіямъ высшимъ и благороднымъ. Прекрасная болѣзнь, но все-таки болѣзнь, особенно при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ.

Къ сожалѣнію, недолго довелось мнѣ пользоваться обществомъ Низановыхъ. Дмитрій Васильевичъ неожиданно получилъ значительное наслѣдство и, въ концѣ апрѣля, отправился съ своими внучками въ другую, довольно отдаленную, губернію.

Хотя и грустно мнѣ было съ ними разстаться, но я порадовалась за нихъ и пожелала имъ счастія.

III.

Татьяна Петровна переѣзжала на лѣто въ деревню, и вскорѣ послѣ отъѣзда Низановыхъ засуетилась и Степанида Ивановна, укладывая банки, бутылки и всякую домашнюю утварь въ корзины и кульки, для отправки на подводахъ въ деревню. Анна возилась съ барынинымъ гардеробомъ; горничныя — каждая съ своимъ добромъ. Татьяна Петровна ни во что не вмѣшивалась; ея дѣло было только отдать приказаніе, да наказать, чтобъ было взято все, что̀ нужно. Такъ какъ переѣзды совершались каждый годъ, то и знали, что̀ нужно. Однако Анна, вѣроятно, затрудняясь перемѣной, представлявшеюся въ моей особѣ, рѣшилась спросить барыню, въ какой сундукъ прикажетъ она уложить мои вещи.

— Ахъ, мать моя! будто ты не знаешь? ну, уложи куда-нибудь. Пришла безпокоить меня объ этакомъ вздорѣ!

Анна скрылась. Черезъ нѣсколько минутъ она явилась ко мнѣ въ мою комнату.

— Вы извольте, Евгенія Александровна, переписать все ваше, чтобы послѣ какого грѣха не вышло.

Удовлетворивъ ея требованіямъ, я сдала ей на руки мое имущество.

Наконецъ насталъ день отъѣзда.

Съ особеннымъ удовольствіемъ сѣла я въ высокую старую четвероместную карету, запряженную четверней, съ форрейторомъ жирными, добрыми конями, о которыхъ Татьяна Петровна имѣла самое нѣжное попеченіе, и потому всегда ѣздила шагомъ. Проѣхавъ нѣсколько мощеныхъ и немощеныхъ улицъ, мы выбрались за заставу, и на меня пахнуло свѣжимъ воздухомъ полей.

Еще первый годъ въ моей жизни я до первыхъ чиселъ мая не видала озими, лѣса и далекаго горизонта.

Березы, одѣтыя молодымъ листомъ, разливали ароматъ и весело качали своими зелеными вершинами. Что-то знакомое, привольное, радостное обуяло мою душу; мнѣ хотѣлось выскочить изъ экипажа, бѣжать по мягкому лугу, нарвать незабудокъ, купальницы, синихъ колокольчиковъ. Мнѣ хотѣлось слѣдить за весенними облаками не изъ узкаго окна кареты, а разлегшись на душистой травѣ. Вонъ тамъ, вдали, сосновая роща; вонъ бабочки кружатся надъ цвѣтами; вотъ и жаворонокъ залился своею весеннею пѣснью...

— Боже мой! Боже мой! какъ все хорошо! невольно сказала я вслухъ, высунувшись въ окно.

— Что̀ это такъ хорошо? спросила Татьяна Петровна.

— А вотъ все это, отвѣчала я: — поле, небо, лѣсъ.

— Ахъ ты деревенская барышня! сказала Татьяна Петровна довольно снисходительно. — Смотри, не ушибись на первомъ толчкѣ; смотрѣть страшно, какъ ты сидишь—вся высунулась въ окно. Любуйся такъ своими полями, а то и неприлично такъ выглядывать: могутъ встрѣтиться знакомые.

Я усѣлась чинно и прямо.

— Вы любите деревню, Амфиса Павловна? спросила я мою сосѣдку.

— Что-съ? отозвалась она рѣзко.

— Любите вы деревню? Вы спите что ли?

— И не думаю... мнѣ все равно, гдѣ ни жить, въ городѣ ли, въ деревнѣ.

— Ну, полно, Амфиса, городъ больше любишь; да, признаться, я и сама не могу жить зимой въ деревнѣ. Не хочешь ли, я тебя съ Амфисой оставлю на зиму въ деревнѣ? спросила она меня.

— Нѣтъ, соскучатся, отвѣчала та, невольно испугавшись.

— Чтожь, можно найдти занятіе — крысъ ловить.

И Татьяна Петровна сама засмѣялась своей острой шуткѣ.

— Это молоденькимъ хорошо, а мы ужь стары.

— Давно ли ты въ старухи-то записалась?

— Ужь я веду-то себя давно, какъ старуха.

— И прекрасно дѣлаешь: ничего нѣтъ смѣшнѣе старыхъ дѣвушекъ, которыя молодятся.

— Я, по-вашему, съ семнадцати лѣтъ старая дѣвушка.

Татьяна Петровна была въ веселомъ расположеніи духа; видно, и на нее благотворно дѣйствовалъ загородный воздухъ. Она, впрочемъ, съ нѣкотораго времени не казалась мнѣ такою сухою и строгою, какою я видѣла ее прежде. У нея были только свои правила и свои коренныя привычки смотрѣть на вещи. А такъ какъ въ ней было нѣкоторое фамильное сходство въ чертахъ съ покойною тетушкой, то мнѣ подчасъ хотѣлось полюбить ее и пріобрѣсти ея расположеніе.

Такъ какъ усадьба Татьяны Петровны была только въ тридцати верстахъ отъ города, то мы скоро и пріѣхали. Мы подъѣзжали дорогой, лежащею между полей, зеленѣющихъ озимью; мѣсто было открытое и ровное; двѣ довольно большія рощи зеленѣли въ сторонѣ, за полями. Эти рощи, равно какъ и поля, принадлежали къ усадьбѣ. Мы въѣхали на широкій дворъ съ приличными строеніями, и подъѣхали къ довольно-большому каменному дому мрачной наружности.

Все это имѣніе досталось Татьянѣ Петровнѣ послѣ ея мужа, съ которымъ она жила недолго. Замужъ она вышла уже немолода. Впрочемъ, она была гораздо моложе моей тетушки, и ей на видъ казалось лѣтъ сорокъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ насъ пожилой человѣкъ съ полубарскою физіономіей, въ темнобуромъ сюртукѣ, съ маленькими глазами и огромными рыжими бакенбардами; это былъ прикащикъ, котораго я видала и въ городѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ отчетомъ и за приказаніями, но приказанія эти были только одною формой: онъ самъ очень ловко ихъ подсказывалъ, и такимъ образомъ избавлялъ помѣщицу отъ лишней заботы.

Татьяна Петровна, какъ всѣ люди, эгоистическіе по натурѣ, не любила труда и заботливыхъ наблюденій.

Покуда разбирались и хлопотали въ домѣ, я успѣла уже обѣжать комнаты, вышла на балконъ и сошла въ маленькій, квадратный садикъ, окруженный стрижеными липовыми аллейками; осмотрѣла его небольшіе, тоже квадратные, цвѣтники и скамеечки, разставленныя по всѣмъ четыремъ угламъ. Садъ былъ обнесенъ невысокимъ, но плотнымъ частоколомъ. Одною стороной выходилъ онъ на дорогу, другою примыкалъ къ теплицѣ. Мнѣ показалось въ немъ тѣсно и скучно.

Я возвратилась въ домъ. Комнаты хотя и были освѣщены яркимъ весеннимъ солнцемъ, но пахли еще пустотой и зимнею сыростью. Пріемныя комнаты, съ чинно-уставленными креслами и диванами, обитыми полинялою шерстяною тканью и какъ-будто привинченными къ полу, показались мнѣ холодны и пусты; шаги въ нихъ раздавались глухо и дико, какъ-будто самыя комнаты одичали, рѣдко посѣщаемыя живыми существами. Я бы не рѣшилась сдвинуть въ нихъ ни одного кресла; мнѣ казалось, что сейчасъ явится какой-нибудь грозный духъ и накажетъ меня за безпорядокъ. Нѣсколько потемнѣвшихъ картинъ висѣли по стѣнамъ; сюжеты ихъ большею частью были изъ священной исторіи

Татьяна Петровна помѣстилась въ небольшой комнатѣ съ лежанкой, въ другой половинѣ дома, и расположилась пить чай.

— Ты была въ саду, Геничка? спросила она меня. — Вотъ у меня садикъ, хотя и небольшой, но въ порядкѣ, не то что у покойной сестрицы: тамъ садъ былъ совсѣмъ запущенъ. Ну, отъ ея ли состоянія было поддерживать такой огромный садъ! И домъ-то весь заглушилъ, въ окна лѣзъ.

— Я его очень любила, сказала я.

— Ну, да тебѣ въ немъ бѣгать было просторно.

— У насъ было много воздушныхъ жасминовъ, бѣлой и лиловой сирени... всякихъ цвѣтовъ.

— Хорошо, что ты напомнила мнѣ о воздушныхъ жасминахъ; надо достать кустикъ, да посадить. А вотъ посмотри-ка тамъ, въ огородѣ, сколько ягодъ.

— Вы мнѣ, ma tante, позволите гулять подальше въ полѣ? Я привыкла много гулять.

— Неужели одна?

— Одна, ma tante.

— Какъ ты не боишься? мало ли что̀ можетъ случиться! Все до времени... Вотъ, гуляйте вмѣстѣ съ Амфисой.

— Очень рада, отвѣчала та.

— Степанида Ивановна! гдѣ моя комната? спросила я ключницу, выйдя въ дѣвичью.

— Вонъ, матушка, наверху; пожалуй за мной, я провожу.

— Что̀, вы рады ли въ деревню, Степанида Ивановна?

— Что̀, матушка, наше дѣло подвластное: куда прикажутъ, туда и ѣдешь; родныхъ у меня нѣтъ. Въ городѣ-то вотъ только

тѣмъ хорошо, что церковь Божья близко; грѣшница, хоть лобъ-то лишній разъ перекрестишь.

— Молиться вездѣ можно.

— Да ужь, матушка, живешь на грѣхѣ, — какая молитва! Вонъ, посмотришь, добрые люди гдѣ-гдѣ по святымъ мѣстамъ не побываютъ! У меня есть старушка знакомая, такъ она въ Кіевъ три раза ходила, въ Соловкахъ была. Чтой-то, какъ она поскажетъ, какихъ она мѣстъ не видала! А въ Кіевѣ-то, говорятъ, груши да черносливъ такъ вотъ растутъ, какъ у насъ рябина, либо черемуха. Уродилъ же Господь этакую сторонку! хоть бы глазкомъ взглянулъ, да и умеръ!

Путешествіе въ Кіевъ сдѣлалось у Степаниды Ивановны, со времени знакомства ея, съ годъ тому назадъ, съ одною старушкой-богомолкой, постоянною мечтой. Эта мечта тревожила ее до такой степени, что Степанида Ивановна начинала тяготиться своими обязанностями, и часто говорила:

— Хоть бы ужь отпустила меня Татьяна Петровна! Послужила я ей, и безъ меня у ней много; ну, на что̀ я ей нужна? По кладовымъ-то есть кому ходить. Хоть бы я о душѣ-то своей порадѣла.

— Эхъ, Степанида Ивановна! неужели вы думаете, что какъ вы пошатаетесь по разнымъ мѣстамъ, такъ и спасетесь? замѣчала я ей.

— Такъ неужто здѣсь, на этакомъ грѣхѣ, спа́сенье? Только, окаянная, осудишь, лишнее скажешь; ну, видишь—не терпится.

Грѣхомъ она называла всѣ соблазнительныя вольности молодыхъ горничныхъ, возмущавшія ее до глубины души.

Степанида Ивановна очень любила меня и дѣлилась со мной всѣми своими горестями. Но не всегда жаловалась Степанида Ивановна; часто, когда я уже укладывалась въ постель, она приходила ко мнѣ въ ночномъ костюмѣ (она спала въ смежной комнатѣ), то-есть въ одной рубашкѣ и пестромъ платкѣ на головѣ, вставала на колѣни у моей кровати и разговаривала о разныхъ интересныхъ предметахъ. Мнѣ доставляло удовольствіе говорить ей о вещахъ неслыханныхъ и до сихъ поръ неподозрѣваемыхъ ею. Она, старая Степанида Ивановна, съ совершенно-дѣтскимъ, жаднымъ любопытствомъ слушала меня. Да и какъ ей было не слушать: отъ меня узнавала она, что есть страны, гдѣ не бываетъ зимы, что есть

далеко, далеко большое государство Китай, откуда привозятъ чай, столь ею любимый, гдѣ онъ растетъ въ поляхъ и гдѣ его собираютъ, какъ у насъ сѣно; узнавала, какіе люди въ Китаѣ, и что они идолопоклонники. Также узнала она за великую новость, что Французы, Нѣмцы, Итальянцы—христіяне, а Турки вѣруютъ въ Бога и не вѣрятъ въ Христа.

Пожелавъ мнѣ покойной ночи, она всегда говорила, уходя:

— Больно вы умны, матушка, Господь открылъ вамъ... А-а-хъ! чего нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ!

Вскорѣ получили письмо отъ Лизы, въ которомъ извѣщалось, что она съ мужемъ, по разнымъ причинамъ, не можетъ пріѣхать нынѣшнее лѣто, а что если будутъ живы, то на будущее непремѣнно постараются быть.

Татьяна Петровна получила также письмо отъ Абрама Иваныча (весельчака-генерала, пріѣзжавшаго на свадьбу Лизы и покровительствующаго ея мужу). Тетушка объявила, что Абрамъ Иванычъ обѣщается въ іюлѣ мѣсяцѣ непремѣнно пріѣхать къ ней погостить. Она объявила это съ какою-то скрытою радостью, и хотя въ голосѣ ея было обычное равнодушіе, но лицо оживилось дотого, что покрылось яркимъ румянцемъ.

— Вотъ, прибавила она, — нынче ужь такихъ знакомствъ не дѣлаютъ: пятнадцатъ лѣтъ я его знаю, и во все это время никогда не перемѣнялся. Въ память покойнаго моего *друга* (такъ называла она своего мужа) онъ готовъ для меня въ огонь и въ воду.

— Почтенный человѣкъ! сказала Амфиса, — ужь точно онъ для васъ все равно что родной...

Татьяна Петровна какъ-то подозрительно взглянула на Амфису; но видя, что та безстрастно стегаетъ иголкой, отвернулась и сказала:

— Родные бываютъ въ двадцать разъ хуже. Вонъ, есть у меня родной братецъ—все равно что чужой.

— Это дядюшка Василій Петровичъ?

— Да, вѣдь ты его знаешь. Что! допекалъ, я думаю, онъ покойницу сестрицу, какъ жилъ у васъ прошедшее лѣто?

— Случалось.

— Ужь я такъ и думала, какъ она написала мнѣ, что къ вамъ этотъ дорогой гость пожаловалъ.

— Гдѣ онъ теперь служитъ, тетушка?

— Хорошее мѣсто получилъ; еще, право, онъ счастливъ.

Послѣ этого тетушка взяла со стола письмо Абрама Иваныча и стала его снова перечитывать.

Я глядѣла на тетушку, и мнѣ вдругъ пришелъ въ голову странный вопросъ: могла ли бы она влюбиться?

Однажды я взяла карты и стала ихъ раскладывать передъ Татьяной Петровной.

— Что̀, ты это, гадаешь, что ли? спросила она меня.

— Гадаю.

— Будто ты что-нибудь и смыслишь?

— О, я мастерица! Я у Катерины Никитишны выучилась.

— Ну-ка, погадай.

— Извольте, задумывайте.

— Ну, на трефовую даму.

Я разложила карты, движимая какимъ-то особеннымъ вдохновеніемъ.

— Ну, что̀ же вамъ сказать?—У этой дамы есть король, который желаетъ ее видѣть, — желаніе его исполнится. У этой дамы на душѣ есть тайная, глубокая любовь, въ которой она не признается никому. Она думаетъ, что о ней не догадывается даже и тотъ, кого она любитъ, а онъ знаетъ это или догадывается. Она не надѣется, не ждетъ ничего, но въ жизни ея случится счастливый переворотъ; ей предстоитъ дорога.

Тетушка улыбнулась и сказала:

— Кажется, ты все врешь.

Она еще никогда такъ фамильярно-ласково не говаривала со мной.

— Погодите еще, не все, съ чѣмъ останется.

Я сняла пары, трефовая дама осталась съ червоннымъ королемъ и трефовою девяткой.

— Видите, она не разстанется съ червоннымъ королемъ и будетъ жить съ нимъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Дама эта, продолжала я, выдергивая еще нѣсколько картъ,—очень недовѣрчива; она кажется веселою и покойною, но часто груститъ. Въ ея прошедшемъ та же любовь и къ тому же королю. У ней были враги, но они далеко.

Все это я говорила съ важнымъ, таинственнымъ видомъ.

— Амфиса! сказала тетушка:—вѣдь она въ самомъ дѣлѣ чудесно гадаетъ.

— Я и то слушаю да удивляюсь.

Съ этихъ поръ,—увы!—тетушка заставляла меня гадать по нѣскольку разъ въ день. Попавши разъ на удачную тему, я развивала ее вполовину по картамъ, вполовину по какому-то смутному инстинкту. Я говорила тетушкѣ такія вещи, относя ихъ къ трефовой дамѣ, которыя никогда бы не рѣшилась сказать ей безъ картъ. Я осторожно прикасалась къ тайнымъ и скрытымъ пружинамъ души ея, будила чувства, повидимому, уснувшія, — и поняла, что тетушка не безстрастна и не стара душой. Каждый разъ черты лица ея смягчались и оживлялись,— она дѣлалась веселѣе и говорливѣе.

Амфиса Павловна тоже попросила меня предсказать ей ея судьбу; я пророчила ей скорое, счастливое замужство, и она просіяла.

Однимъ словомъ, я сдѣлалась оракуломъ этихъ двухъ женщинъ и могла ихъ огорчать или радовать по своему произволу. Съ тетушкой устроился у насъ даже родъ нѣкоторой откровенной бесѣды, посредствомъ картъ, и изъ существа лишняго, ненужнаго, я обратилась почти въ пріятную собесѣдницу.

Татьяна Петровна, вмѣсто прежнихъ строгихъ предписаній заниматься больше работой, сама очень снисходительно позволила мнѣ пользоваться довольно хорошею, деревенскою библіотекой ея, также какъ и гулять, когда и гдѣ мнѣ вздумается.

— Нѣтъ, сегодня я даромъ не буду вамъ гадать, сказала я однажды шутя,—прикажите садовнику поставить резеды въ мою комнату.

И горшки съ резедой явились на моихъ окнахъ.

Итакъ случилось, что одно обстоятельство, повидимому ничтожное, имѣло вліяніе на домашнюю жизнь мою у Татьяны Петровны! ..

Прогулки, какъ и всегда, доставляли мнѣ большое наслажденіе. Уединеніе деревенской жизни успокоительно дѣйствовало на мою душу и цѣлило раны прошедшаго. Воспоминаніе о немъ не обливалось уже тою горечью. Правда, часто, когда я уходила въ глубину березовой рощи, подъ шумъ деревьевъ, подъ пѣніе

птицъ, мнѣ слышались знакомые голоса, видѣлись родныя мѣста... Часто образъ Данарова являлся передо мной, будя уснувшее чувство, напоминая сладкія и горькія минуты нашей встрѣчи,— и мнѣ бывало грустно, грустно,—но сердце мое уже не ныло болью разочарованія и досады. Новой любви я не ждала и не просила; я боялась ея, я уже не вѣрила въ нее.

IV.

Татьяна Петровна вздумала исполнить свое давнишнее обѣщаніе — съѣздить помолиться въ *** монастырь, находящійся верстахъ въ шестидесяти отъ ея усадьбы. Насъ съ Амфисой также брала она съ собой.

Къ вечеру на другой день открылся передъ нами монастырь, окруженный съ одной стороны лѣсомъ, на темномъ фонѣ котораго рисовались его бѣлыя колокольни, блестѣли вызолоченныя главы, съ другой стороны—озеромъ, неподвижнымъ и чистымъ какъ зеркало. Дорога шла по берегу большой рѣки, быстрой и шумной отъ мельницъ, устроенныхъ на ней. Справа простиралась обширная лощина, пестрѣвшая стадами и мелкимъ кустарникомъ; слѣва рѣка катила свои синія воды. Вечеръ былъ тихій и ясный, и обливалъ весь ландшафтъ легкимъ, золотистымъ свѣтомъ. Мы остановились въ монастырской гостинницѣ, гдѣ помѣстилось также нѣсколько семействъ, пріѣхавшихъ на богомолье, по случаю годоваго праздника въ монастырѣ, и тотчасъ же отправились ко всенощной. Возвращаясь домой и проходя корридоромъ гостинницы, мы встрѣтили нѣсколько незнакомыхъ лицъ, каждый спѣшилъ въ свое отдѣленіе насладиться вечернимъ чаемъ. Особенно шумѣла, зачѣмъ не готовъ самоваръ, одна толстая помѣщица, пріѣхавшая съ худощавою, высокою дочерью въ бѣлой шляпкѣ съ зеленымъ вуалемъ, изъ-подъ котораго ярко и бойко сверкали ея черные глаза, и двумя маленькими сыновьями, которыхъ велъ за руку молодой человѣкъ, какъ видно было— гувернеръ.

Корридоръ былъ освѣщенъ однимъ нагорѣвшимъ сальнымъ огаркомъ, но, несмотря на его тусклое мерцаніе, мнѣ показалось

17

что-то знакомое въ осанкѣ молодаго человѣка; я оглянулась на него невольно, пропустивъ впередъ тетку съ Амфисой, и оглянулась именно въ то время, когда онъ снялъ фуражку у дверей нумера и говорилъ что-то дѣтямъ: лицо и голосъ были Павла Иваныча. Я чуть не вскрикнула, чуть не подошла къ нему. Но это была одна минута, онъ вошелъ къ себѣ, не замѣтивъ меня. Я послѣдовала за своими, едва скрывая волненіе, охватившее меня при мысли, что старый другъ, которому я такъ вѣрила и котораго любила самою первою, хотя и полудѣтскою, но искреннею любовью,—такъ близко! Да, это былъ онъ, это его кроткое, задумчивое лицо, его мягкій, пріятный голосъ и свѣтлорусыя волнистыя кудри. Онъ почти не измѣнился, только одѣтъ пощеголеватѣе, да какъ-будто станъ немного сгорбился.

— Неужели ты еще, Геничка, не устала? сказала мнѣ Татьяна Петровна:—расхаживаешь взадъ и впередъ. Садись-ка лучше, пей чай.

Я помѣстилась на диванъ, которымъ была заставлена дверь сосѣдняго нумера, занимаемаго толстою помѣщицей; оттуда слышались голоса, къ которымъ я любопытно прислушивалась.

— Павелъ Иванычъ! хотите чаю? произнесъ звонкій, свѣжій женскій голосъ.

— Прошу васъ, налейте, отвѣчалъ Павелъ Иванычъ.

— Не надо бы давать вамъ чаю, не сто́ите: всю дорогу дремали; на что̀ это похоже! А еще съ дамами ѣхали,—куда какъ любезно!

— Сонъ въ дорогѣ—отрада.

— Ахъ, Таничка, чего ты только не выдумаешь! Не спи, человѣкъ, когда спать хочетъ! Вѣдь не всѣмъ быть такимъ безсоннымъ птицамъ, какъ ты, раздался хриплый, густой голосъ помѣщицы.—А я, вотъ, и рада бы уснуть, да кашель не даетъ; привязался, проклятый, другую недѣлю.

— Это вы, маменька, въ жаръ холоднаго напились.

— Нѣтъ, душенька, не оттого, такъ.

— Хотите папироску? Павелъ Иванычъ! господинъ философъ! я вамъ говорю...

— Ахъ, извините! очень вамъ благодаренъ.

— «Папироска, другъ мой тайный! Какъ тебя мнѣ не любить!» запѣла Таничка, немного фальшивя.

— Татьяна Алексѣвна! опомнись! гдѣ мы? въ какомъ мѣстѣ? Кажется, не пѣсни пѣть сюда пріѣхали.

— Ахъ, виновата—забыла.

Между тѣмъ мальчики о чемъ-то зашумѣли между собой.

— Вонъ, ученики-то ваши ужь скоро подерутся, прибавила она.

— Господа! въ чемъ дѣло? Ай-ай! какой стыдъ такъ шумѣть! Ваня! подойди сюда! мнѣ хочется съ тобой поговорить...

— Боже мой! что̀ тутъ за ватага? они покою не дадутъ! сказала Татьяна Петровна.—Пересядь, Геничка, на другое мѣсто, чего слушать!

Я встала и отошла къ окну. По монастырскому двору шло нѣсколько монаховъ; ихъ черныя фигуры таинственно рисовались въ вечернемъ сумракѣ; плакучія березы разрослись широко и развѣсисто по оградѣ; сквозь тонкую сѣть ихъ вѣтокъ проглядывалъ рогъ молодаго мѣсяца, сливая свой трепетный свѣтъ съ отблескомъ потухавшей зари; въ окнахъ келій мерцали огоньки..

Шумъ въ дверяхъ нашей комнаты заставилъ меня оглянуться. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла толстую помѣщицу и за ней Таничку, входящихъ къ намъ.

— Татьяна Петровна! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Привелъ Богъ встрѣтиться. Узнаешь ли меня, другъ мой?

— Лукерья Андревна! любезный другъ! Тебя ли я вижу? Какими судьбами?

— А вотъ, помолиться пріѣхала. Вѣдь я потеряла моего Алексѣя Дмитрича!

— Давно ли? Ахъ, Боже мой!

— Да ужь другой годъ; съ тѣхъ поръ и Москву оставила, въ деревню переѣхала. Рекомендую мою Таничку. Ты ее еще крошкой видѣла.

— Поцѣлуйте меня, милочка! Мы съ мамашей вашей очень дружески были знакомы. А это, вотъ, также рекомендую—племянница моя. Геня! познакомься съ mademoiselle. Амфисочку-то помнишь, Лукерья Андревна?

— Какъ не помнить! Очень пріятно видѣть.

И барыни занялись разказами о своей жизни, воспоминаніями о прежнихъ знакомыхъ. Амфиса присоединилась къ нимъ.

Таничка живо и нецеремонно подала мнѣ руку, весело примолвя:

— Очень рада съ вами познакомиться! Вы въ первый разъ здѣсь?

— Въ первый. А вы ужь бывали здѣсь?

— Да, прошлаго года, когда, послѣ кончины папеньки, ѣхали изъ Москвы.

— Вы постоянно жили въ Москвѣ?

— Почти постоянно. Ахъ, вотъ тамъ было весело! не то что здѣсь, въ деревнѣ. Вы не бывали въ Москвѣ?

— Нѣтъ.

— Ахъ, Москва чудный городъ!.. Какіе магазины, бульвары!.. Какъ весело!.. у насъ много было знакомыхъ,—вечера, танцы... Ахъ, ужь лучше не вспоминать!..

— Вы очень скучаете въ деревнѣ?

— Да, скучаю иногда. Притомъ же сосѣдей порядочныхъ нѣтъ, никакого разсѣянія. А вы чѣмъ занимаетесь? много читаете?

— Да, читаю, работаю, гуляю. У насъ тоже нѣтъ сосѣдей.

— Ну, такъ и вамъ скучно?

— Я привыкла къ уединенной жизни; я выросла и воспиталась въ деревнѣ.

— Ну, это конечно легче. А вотъ, у насъ учитель живетъ,—такъ никогда не скучаетъ, такой философъ! Я съ нимъ часто ссорюсь, все хочу разсердить его, ни за что не разсердишь. Все сидитъ за книгой, даже надоѣлъ. Онъ очень ученъ, въ университетѣ въ Москвѣ экзаменъ выдержалъ на кандидата; и теперь все учится, все ученыя книги читаетъ; половину жалованья на нихъ тратитъ. Я иногда и книгу-то у него унесу, спрячу... Ужь онъ проситъ, проситъ отдать назадъ.

— За что̀ вы его такъ мучите?

— Ничего, пусть помучится: это здорово!

И она засмѣялась.

— Я романы иногда люблю читать, продолжала она, стихи люблю, ужасъ какъ люблю! Вы знаете эти стихи:

«Разстались мы, но твой портретъ
Я на груди моей храню...»

— Чудесные! Не знаете ли вы хорошенькихъ стишковъ?

— Таничка! Поди, позови учителя съ дѣтьми сюда. Татьяна Петровна желаетъ видѣть дѣтей.

— Ой-ой! какъ будетъ тѣсно, когда мы всѣ сюда заберемся, сказала Таничка и побѣжала, сверкнувъ на меня своими быстрыми глазками и примолвя съ улыбкой: до свиданія!

Я знала, что онъ сейчасъ придетъ, а я не осмѣлюсь даже подать вида, что знаю его! Что̀ сказала бы Татьяна Петровна, еслибъ узнала, что это тотъ самый молодой человѣкъ, присутствіе котораго поставило меня когда-то «на краю пропасти», отъ которой она такъ торжественно спасла меня! Узнаетъ ли онъ меня? И если узнаетъ, какъ онъ выразитъ это?

Сердце у меня замерло, когда у дверей раздались голоса, и вошелъ Павелъ Иванычъ съ дѣтьми.

Я нарочно стала въ тѣни, такъ, чтобъ онъ не могъ хорошенько разглядѣть моего лица. Я не подумала, что между нами прошли цѣлыя пять лѣтъ, что изъ ребенка я стала взрослою дѣвушкой. По Татьянѣ Петровнѣ онъ также не могъ узнать меня; едва ли онъ зналъ или помнилъ ея имя. Можетъ-быть, и меня позабылъ онъ! Мало ли новыхъ чувствъ и впечатлѣній набралось у него въ эти пять лѣтъ!

Вскорѣ онъ подошелъ къ намъ. При первомъ взглядѣ на меня, на лицѣ его не выразилось ничего, кромѣ обыкновеннаго, легкаго любопытства, при встрѣчѣ съ новымъ лицомъ.

Мнѣ становилось грустно и досадно: отчего же я помню? отчего я узнала его?

— Ужь я пожаловалась на васъ Евгеніи Александровнѣ, сказала Таничка.

— Евгеніи Александровнѣ! повторилъ онъ, весь вспыхнувъ, и устремивъ на меня внимательный взглядъ, сдѣлалъ невольное быстрое движеніе впередъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой.

— Что̀ вы такъ изумились? сказала, смѣясь, Таничка.—А, испугались наконецъ! всѣмъ буду на васъ жаловаться, что вы несносный, что вы философъ, ученый, что вы сидите цѣлые дни, уткнувъ носъ въ книгу... А знаете что? пойдемте гулять по монастырскому двору, вечеръ чудесный. Вонъ, тамъ какой-то монахъ идетъ, прибавила она, выглядывая за окно.—Можно? попроситесь...

— Прекрасная мысль! сказалъ Павелъ Иванычъ.

Мы отпросились.

Тотъ только, кому приходилось быть въ положенiи, подобномъ моему, то-есть притворяться незнакомою съ человѣкомъ, когда душа рвется высказаться, когда дорого бы далъ за возможность остаться хоть на минуту наединѣ, на свободѣ, и быть принужденною говорить о предметахъ постороннихъ, нисколько незанимательныхъ, тотъ только пойметъ, что я переносила нравственную пытку.

Мы вышли.

Къ счастію Таничка, болтая съ Павломъ Иванычемъ, избавляла меня отъ труда говорить; но все-таки я наконецъ отвѣтила совершенно невпопадъ на одинъ изъ ея вопросовъ.

— Что̀ это какъ вы разсѣяны? спросила она:—у васъ есть что-нибудь на душѣ. Можетъ-быть, вы нездоровы?

Я очень рада была свалить мою неловкость на нездоровье.

— О, сказала Таничка,—еслибъ вы жили вмѣстѣ со мной, я бы не дала вамъ задумываться. Я васъ что-то полюбила, сказала она, подумавъ,—хотите быть моимъ другомъ? давайте переписываться!

— Женская дружба только на словахъ, сказалъ Павелъ Иванычъ.

— Развѣ я не другъ вамъ? сказала Таничка:—неблагодарный! развѣ вы замѣтили, что я плохой другъ?

— Я говорю о дружбѣ между двумя женщинами.

— Такъ вы не вѣрите ей?

— Не совсѣмъ вѣрю.

— Ахъ, Боже мой! вы просто злы сегодня.

— Татьяна Алексѣвна! а что̀ еслибъ *одна особа* явилась сюда теперь, не забыли ли бы вы и меня, и Евгенію Александровну, которую вы такъ полюбили, судя по вашимъ словамъ, и дружбу, и все на свѣтѣ?..

— Ахъ, да, сказала Таничка, обративъ къ намъ свое оживленное лицо,—забыла бы все на свѣтѣ!

Она такъ показалась мнѣ мила въ эту минуту, что я невольно пожала ей руку. Съ быстротой молніи, прижала она свои губы къ моимъ и звонко, крѣпко поцѣловала меня.

— А боюсь я за васъ, Татьяна Алексѣвна, замѣтилъ Павелъ Иванычъ.

— Чего бояться! или панъ или пропалъ. У меня такой характеръ; люблю, такъ ужь люблю на всю жизнь.

— А если тотъ, кого вы любите, заплатитъ вамъ оскорбленіемъ, забудетъ, разлюбитъ? сказала я.

Таничка задумалась.

— Я никогда не забуду его, всегда буду желать ему счастія, и ужь никого, никого не полюблю.

— А цѣлые долгіе годы впереди! прибавилъ Павелъ Иванычъ. Какое право имѣете вы губить себя нравственно для человѣка, не оцѣняющаго вашей жертвы?.. Вы не дорожите собой, вотъ самый главный вашъ недостатокъ. Вы съ какимъ-то безумнымъ самопрезрѣніемъ отдаетесь страсти и дѣлаете изъ себя безполезную и ненужную жертву...

— Вы можете говорить, что̀ хотите, сказала она, — а я не забуду его, не перестану любить! Что̀ мнѣ въ жизни, въ самой себѣ, если ужь не будетъ того счастія, которое было?

— Вы неизлѣчимая больная!

— Я и не хочу лѣчиться. Эта болѣзнь—жизнь моя.

Данаровъ! подумала я, вотъ съ кѣмъ бы встрѣтиться тебѣ и кого полюбить....

— Вотъ, это называется истинною страстью, сказала я.

— То-есть безуміемъ, прибавилъ Павелъ Иванычъ.

— Вы безстрастный, холодный человѣкъ; вы любите понемножку и съ разсчетомъ, сказала она.—Вы счастливы, что такъ созданы.

— Что̀ дѣлать! отвѣчалъ Павелъ Иванычъ:—судьба дала мнѣ инстинктъ самосохраненія, въ которомъ отказала вамъ.

— Такъ развѣ я виновата?

— Вы не хотите направить вашей воли. Вы даже и не подумаете о борьбѣ разсудка съ сердцемъ. Борьба оправдываетъ многое.

— Не могу. Вы меня не исправите, мы только поссоримся... Вотъ вы и теперь меня разозлили; прощайте, мнѣ нужно успокоиться.

Она отошла и стала ходить по противоположной тропинкѣ, напѣвая вполголоса:

«Ненаглядный ты мой!»

— Наконецъ-то! Боже мой, какое мученье! видѣть васъ и не смѣть показать, что я узналъ васъ, что я радъ, что я, Богъ знаетъ, какъ радъ! я нарочно разсердилъ ее; я зналъ, что она убѣжитъ.

— Мнѣ было не легче вашего.

— И вы узнали меня?

— Я еще въ корридорѣ узнала васъ.

— А я-то, я-то! преспокойно пилъ чай, когда вы были тутъ, за стѣной... Ну, какъ вы? вы теперь у Татьяны Петровны; вижу, по черному платью, что у васъ не все благополучно.

— Да, тетушки уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Хорошо ли вамъ у Татьяны Петровны?

— Покуда ничего...

— Цѣлыхъ пять лѣтъ прошло послѣ разлуки съ вами! изъ дѣвушки-ребенка вы сдѣлались дѣвушкой взрослою. Теперь, когда всматриваюсь—нахожу, что вы мало измѣнились наружно, хотя и перемѣнили прическу; лицо все то же, тѣ же глаза, та же улыбка... Боже мой! Боже мой!

— Вспоминали ли вы иногда обо мнѣ?

— Вы спрашиваете! ужь вѣрно больше, чѣмъ вы... Я уже не былъ ребенкомъ, когда узналъ васъ и... чувство мое было опредѣленнѣе, глубже. Ну, какъ же вы провели эти пять лѣтъ? много новаго случилось съ вами въ это время?

— Да, много новаго, грустнаго...

— И радостнаго?.. Не правда ли?

— Пожалуй, и радостнаго, если считать немногія, отрадныя минуты...

— Немногія, почему же немногія?.. Такъ неужели вы не совсѣмъ забыли меня? спросилъ онъ меня.

— Я всегда съ отрадой вспоминала о васъ, даже и тогда...

— Даже и когда? живо спросилъ онъ.

— Даже и тогда, когда любила другаго...

Онъ вздрогнулъ.

— Любили! развѣ это уже въ прошедшемъ? значитъ, вы не долго были счастливы? Ну, а *онъ* много любилъ васъ? онъ долженъ былъ любить васъ, не правда ли?

Вся оскорбленная любовь моя къ Данарову вспомнилась мнѣ и сдавила сердце тяжелымъ чувствомъ... Волненіе, принужденіе,

выдержанныя мной въ продолженіи почти цѣлаго вечера, утомительно подѣйствовали на мои нервы: я неожиданно, горько заплакала.

— Ахъ, сказалъ онъ съ какимъ-то особеннымъ, печальнымъ выраженіемъ,—это была уже не шутка!

— Что̀ вы хотите этимъ сказать? спросила я вспыльчиво:— *что̀* же было шуткой? неужели я способна шутить самыми лучшими моими чувствами?

— Да, это вы! точно вы, я узнаю васъ... Виноватъ, если я ошибся! И какъ радъ быть виноватымъ!

— Прекрасно! сказала Таничка, подкравшись къ намъ при послѣднихъ словахъ:—прекрасно! И вамъ не грѣхъ, не совѣстно! Павелъ Иванычъ! неужели вы не знаете еще меня? мучиться, скрывать и не сказать мнѣ! вы давно знакомы, любите другъ друга, а я васъ стѣсняла, я не могла доставить вамъ до сихъ поръ случая поговорить свободно! Богъ съ вами! вы не знаете, что̀ онъ для меня дѣлаетъ, обратилась она ко мнѣ,—безъ него я не переписывалась бы съ моимъ Викторомъ; онъ пишетъ мнѣ на его имя, и Павелъ Иванычъ, такой добрый! согласился доставлять мнѣ это блаженство! и послѣ этого... Какъ вамъ не стыдно... Богъ съ вами! Богъ съ вами! какъ у васъ достало терпѣнія! я бы съ ума сошла на вашемъ мѣстѣ. Влюбленъ, встрѣтился нечаянно, послѣ долгой разлуки, и молчитъ!

— Татьяна Алексѣвна! вы говорите все, что̀ придетъ вамъ въ голову, я такой же истинный другъ Евгеніи Александровнѣ, какъ и вамъ.

— Неправда, я слышала, что̀ она сейчасъ говорила. Вѣдь неправда? спросила она меня.

Я молчала. Таничка неожиданно поставила насъ обоихъ въ неловкое положеніе.

— Видите? что̀? она не отвѣчаетъ.

— Не на всякій вопросъ можно отвѣчать, сказалъ онъ.

— Нечего вамъ вывертываться... То-то вы давеча вспыхнули, когда услышали ея имя! то-то и она отошла въ уголъ, какъ вы входили, и послѣ была такъ печальна и разсѣянна! ништо вамъ! сами себя наказали!

— Господа! пора домой! закричала намъ изъ окна Амфиса Павловна.

— Прощайте, Евгенія Александровна! сказалъ Павелъ Иванычъ : — тяжело и горько мнѣ думать, что не дальше, какъ завтра , мы разойдемся опять въ разныя стороны. Богъ знаетъ, когда опять встрѣтимся!

Молча возвратились мы всѣ трое въ домъ, и вскорѣ разошлись.

На другой день, когда мы только-что встали и собирались идти къ обѣднѣ, Анна доложила Татьянѣ Петровнѣ, что кучеру нужно видѣть ее.

— Что̀ такое? не лошадь ли захворала? тревожно спросила Татьяна Петровна.—Позови его сюда.

Кучеръ объявилъ, что карета требуетъ починки.

— Какъ же ты вчера не сказалъ? чего же ты ждалъ цѣлый вечеръ?

— Да вчера кузнеца-то не было дома-съ.

— Скоро ли же онъ починитъ?

— Да завтра къ утру будетъ готова-съ ; оно , пожалуй и сегодня къ вечеру, да вѣдь къ ночи-то, я думаю, не поѣдете

— Отчего же не ѣхать? теперь ночи свѣтлыя.

— Какъ угодно-съ. Къ ночи будетъ готова.

— Да что̀ съ каретой сдѣлалось?

— Винты ослабли-съ, да на правомъ колесѣ шина надтреснула.

— Это все оттого, что ты ѣздишь неосторожно. Вчера какіе толчки давалъ. Мчится себѣ, дуракъ, по гладкой ли, по дурной ли дорогѣ — все равно.

— Помилуйте, сударыня, экипажъ-то вѣдь старъ ужь больно.

— Самъ ты старъ да глупъ, какъ я посмотрю.

— Да ужь не молоденькій-съ, отвѣчалъ кучеръ лаконически, погладивъ свою полусѣдую бороду.

— Ступай, да скорѣй отвези карету къ кузнецу.

— Слушаю-съ.

— Какая непріятность , Амфиса! Вѣдь раньше вечера не уѣдемъ. Я хотѣла сейчасъ же послѣ обѣдни и ѣхать.

Послѣ обѣдни, за которой были и Душины, мы всей компаніей возвращались изъ церкви въ гостиницу. Ясное утро дышало всѣми ароматами травъ, березъ и тополей; Павелъ Иванычъ шелъ рядомъ съ Таничкой и о чемъ-то тихо разговаривалъ; на лицѣ его по временамъ вспыхивалъ легкій румянецъ; утрен-

ній вѣтерокъ раздувалъ его шелковистые волосы; чистый тонкій профиль рисовался на бѣломъ фонѣ каменной стѣны монастыря, возлѣ которой мы проходили. Въ эту минуту онъ показался мнѣ похожимъ на одинъ изъ тѣхъ задумчивыхъ образовъ, которые такъ умѣлъ рисовать Шиллеръ. Какой рѣзкій контрастъ составляло съ нимъ живое, страстное, смуглое лицо Танички!

Странное дѣло! я сознавала, что во мнѣ ожила прежняя глубокая нѣжность къ этому человѣку; но въ этомъ чувствѣ было столько безмятежности, свѣтлой тишины и прелести, что оно было въ моемъ сердцѣ какъ бы только отраженіемъ личности того, кто возбуждалъ его. Оно, такъ же какъ онъ, походило на ясное, тихое, весеннее утро. Я знала, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не способенъ былъ возмутить мою душу никакою рѣзкою выходкой, что весь онъ былъ доброта, кротость и терпѣніе. Напрасно искала я въ нѣжныхъ чертахъ лица его слѣдовъ борьбы, труда и той сильной воли, подвигнувшей его выбиться изъ ничтожнаго круга, въ который помѣстила его судьба, той воли, которая изъ бѣднаго семинариста, выключеннаго изъ философіи, безъ средствъ и состоянія, сдѣлала кандидата Московскаго университета и вывела на широкую дорогу науки и образованія. Дѣятельность души его не проявлялась ни въ какихъ энергическихъ порывахъ; она работала втайнѣ, какъ тѣ невидимыя силы природы, которыя вызываютъ изъ земли богатую растительность, распускаютъ почки на деревьяхъ, наполняютъ воздухъ благоуханіемъ цвѣтовъ...

Послѣ обѣда Таничка устроила прогулку въ поле. Старушки соединились въ одномъ нумерѣ и отпустили насъ съ легкими замѣчаніями о жарѣ и объ усталости.

— Вотъ молодость-то! сказала Лукерья Андревна: — намъ бы съ тобой, Татьяна Петровна, теперь отправиться гулять за монастырь, да мы бы на десяти шагахъ сѣли...

Лукерья Андревна ошиблась; тетушка еще была довольно свѣжа; отсутствіе излишней полноты дѣлало ее гораздо моложавѣе толстой Лукерьи Андревны, хотя, по словамъ послѣдней, онѣ и были однихъ лѣтъ. Тетушка нерѣдко обходила поля, а въ саду гуляла каждый день. Таничка забѣжала далеко впередъ съ своими братьями.

— О чемъ вы такъ задумались? спросила я Павла Иваныча.

— Я? я перенесся мыслію въ прошедшее.

— Вы ни одной минуты не хотите удѣлить настоящему.

— Я не знаю: настоящее, прошедшее, все сливается въ душѣ моей въ какой-то неопредѣленный сонъ.

— Жить снами — какая это неполная жизнь!

— Жизнь моя точно не полна: это какое-то вѣчное плаваніе около цвѣтущихъ, населенныхъ береговъ, которыхъ я не могу достигнуть.

— Однако вы многаго достигли.

— За то многое и потерялъ... Отецъ мой умеръ, вскорѣ послѣ того какъ я разстался съ вами; матушка пережила его не долго; я имѣлъ утѣшеніе быть при ней въ послѣднія минуты, слышать отъ нея, что батюшка благословилъ меня заочно.

— Вы не встрѣчались съ княземъ?

— Ни съ нимъ, ни съ Травянской. Знаю только, что князь постоянно живетъ въ Петербургѣ, а Травянская, какъ я слышалъ, уѣхала за границу лѣчиться.

— Вы много трудились; эти пять лѣтъ не прошли для васъ безполезно!...

— Да, я много трудился. Да что̀ это я вамъ толкую о себѣ! Надоѣлъ я вамъ?

— Какъ вамъ не грѣхъ! Право, вы вчера были лучше, задушевнѣе, сказала я:—Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось!

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Странное дѣло! я самъ не знаю, что̀ со мной сдѣлалось... Но, ради Бога, скажите что-нибудь о себѣ самихъ! Для меня эти пять лѣтъ прошли безъ всякихъ новыхъ привязанностей, а вы... Вчера вы невольно высказали, что у васъ на сердцѣ лежитъ какое-то глубокое, хотя и нерадостное чувство. Ваши слезы навели меня на догадки, но догадки часто обманчивы.

— Что̀ вамъ сказать? Не пускаясь въ непріятныя подробности, я скажу только, что человѣкъ, котораго я любила, умѣлъ внести самую жестокую отраву въ мое чувство. Между нами все кончено, мы разстались чуждыми другъ другу, оба недовольные, оба измученные.

— Ктожь виноватъ? спросилъ онъ.

Никто не виноватъ, я набѣжала на огонь, на бурю, вотъ и все. Силъ что̀ ли у меня много въ душѣ, что я оправилась и

спаслась, или, можетъ-быть, я пущена въ житейское море не для того, чтобъ погибнуть при первой бурѣ.

— Можетъ-быть и то, и другое... Но я хотѣлъ бы знать, — простите ли мое любопытство? — каковъ тотъ, кого вы любили? Молодъ онъ, богатъ, хорошъ собой?

Я улыбнулась.

— Развѣ въ этомъ дѣло? Развѣ мы знаемъ, что̀ мы любимъ въ человѣкѣ? Развѣ иногда не случается, что нравится именно то, что̀ другіе осуждаютъ?

— Нѣтъ, онъ не любилъ васъ. Вы разошлись оскорбленные, недовольные другъ другомъ: какъ же это могло случиться?

— Да вотъ случилось...

— Странно! я помню васъ тогда, при нашей первой встрѣчѣ...

— Вѣрно я очень измѣнилась.

— Да и смѣшно бы было желать противнаго. Все же мнѣ остается отрада думать, что ваша первая привязанность, хотя полудѣтская, обращена была на меня. Сердце мое приняло ее съ благодарностью. Я разставался съ вами, безъ надежды васъ увидѣть когда-либо; но мысль моя неслась въ тотъ благодатный уголокъ, гдѣ вы расли и развились. Теперь вы снова передо мной; но какъ многое измѣнилось въ вашемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!...

— Вамъ принадлежала любовь ребенка, вамъ будетъ принадлежать и дружба взрослой.

Онъ не отвѣчалъ и задумчиво глядѣлъ въ даль.

— А вѣдь смѣшно подумать, сказала я: — мнѣ уже послѣ пришло въ голову, что вы любили меня, какъ дитя, а въ то время я не думала этого, я преважно считала себя большой.

Таничка присоединилась къ намъ; мы сѣли у опушки сосновой рощи. Разговоръ не клеился. Прогулка близилась къ концу; мы встали и повернули назадъ.

— Вонъ, кажется, лошадей вашихъ закладываютъ, сказала Таничка, вдругъ присмирѣвшая и печальная. — Какъ досадно! когда-то мы увидимся!

— Прощайте, Павелъ Иванычъ! сказала я.

— Прощайте! Знайте, что во мнѣ вы имѣете самаго преданнаго вамъ человѣка, и быть вамъ когда-нибудь нужнымъ и полезнымъ — лучшая мечта моя.

Я дружески протянула ему руку.

Черезъ часъ мы уже катились въ починенной каретѣ по песчаной дорогѣ, оставляя все дальше и дальше бѣлѣющій монастырь съ блестящими главами, темный лѣсъ и голубое озеро.

Встрѣча съ Павломъ Иванычемъ оставила во мнѣ какое-то неясное, неполное впечатлѣніе, было что-то между нами недосказанное, непонятое. Я была недовольна имъ, недовольна его непрестанными сожалѣніями о прошедшемъ, какъ будто онъ не радъ былъ настоящему! А я-то какъ обрадовалась ему!

На половинѣ пути мы остановились ночевать. Упоминаю объ этомъ ночлегѣ потому, что онъ остался мнѣ надолго памятенъ по слѣдующему случаю.

Тетка съ Амфисой съ вечера уснули крѣпко, а мнѣ плохо спалось за перегородкой, гдѣ было очень душно. Ночью Татьяна Петровна проснулась, безпокоимая мухами, и разбудила Амфису. Воображая, что я сплю, онѣ завели между собою разговоръ, который, возвышаясь постепенно, вывелъ меня окончательно изъ полудремоты. Вотъ что̀ я услышала:

— Ахъ, мать моя! такъ чего же ты смотрѣла, не сказала мнѣ? Ей и дѣла нѣтъ, — это мнѣ нравится! Спасибо! Да этакъ Евгеніи Александровнѣ вздумается повѣситься на шею къ первому встрѣчному, а ты будешь глядѣть, да молчать! Я ее переверну! Нѣтъ, чтобъ она у меня съ мущинами въ разговоры не вступала; я ей подходить-то къ нимъ запрещу.

— Не безпокойтесь, къ ней сами подойдутъ... Они очень понимаютъ, къ кому надо подойдти.

— Ну, вотъ, я тебѣ говорю, Амфиса, если ты не будешь за ней слѣдить и остерегать ее, смотри у меня...

— Помилуйте, Татьяна Петровна, вѣдь она не маленькая! Какъ я могу ей говорить? . . . Она скажетъ: а вамъ что̀ за дѣло?. . .

— А ты скажи, что я тебѣ поручила, и что ты мнѣ скажешь. Смотри же, я на тебя надѣюсь...

— Я рада вамъ служить.

— Послужишь, такъ не оставлю. Господи помилуй! продолжала она,—что это за дѣвчонка! Гдѣ только есть мущина, ужь непремѣнно къ ней. Да она этакъ и домъ-то мой осрамитъ.

Въ роду у насъ не было кокетокъ, а въ ней эта гадость завелась.

— Вѣдь какъ запретишь?.. неприличнаго, кажется, нѣтъ.

— Ужь это неприлично, что къ ней мущины льнутъ, значитъ подаетъ поводъ. Вѣдь къ тебѣ не льнутъ же.

— Да я и не желаю...

— Вѣдь не красавица же и она, продолжала Татьяна Петровна, отвѣчая на свою же недосказанную мысль. — Мущинамъ не красота нужна, а кокетство...

— Ну, ужь этого избави Боже!

— Хоть бы ужь ей женихъ поскорѣе нашелся! Богъ бы съ ней! а то покойна не будешь. Хоть бы сколько-нибудь приличный, чтобы хоть кусокъ хлѣба вѣрный имѣлъ.

— Можетъ и найдется. Нынче которая помоложе да повѣтренѣе, той-то и счастье. Нынче скромная-то, солидная дѣвушка вѣкъ проживетъ такъ.

— Не отчаивайся, Амфиса, еще и твоя судьба не узнана. Еще успѣешь выйдти. Выходятъ и старше тебя. А мы съ тобой еще не такія старухи. Дай-ка мнѣ тутъ на столѣ мятныя лепешки.

Я была глубоко оскорблена. Никогда чувство совершеннаго одиночества не овладѣвало мною такъ сильно, какъ въ эту минуту.

Амфисѣ я во всю дорогу, послѣ этого разговора, отвѣчала нехотя и раздражительно, хотя она и старалась заговорить со мной.

V.

По пріѣздѣ домой, мы нашли у себя гостя—веселаго генерала. Татьянѣ Петровнѣ доложили объ этомъ, какъ только мы подъѣхали къ крыльцу.

Тетка покраснѣла отъ удовольствія, Амфиса поблѣднѣла.

Гость насъ не встрѣтилъ, потому что спалъ послѣ дороги.

Татьяна Петровна пошла тотчасъ же заняться своимъ туалетомъ. Мы съ Амфисой отправились къ себѣ на верхъ; комнаты наши были рядомъ. Амфиса была очень взволнована и дрожа-

щими руками принялась разчесывать свои жиденькіе волосы. Я, отъ нечего-дѣлать, наблюдала за ея туалетомъ.

Мнѣ вдругъ пришло желаніе подразнить и расшевелить Амфису Павловну; во мнѣ еще не стихло негодованіе за ночной разговоръ.

— Я слышала, что вы говорили обо мнѣ сегодня ночью съ тетушкой, сказала я.

— Вы, душенька, сердитесь на меня?

— Не за что̀ сердиться; вы не виноваты, что у васъ такія странныя понятія. Только я васъ предупреждаю: если вы будете вредить мнѣ, перетолковывая по-своему мои поступки, я, въ свою очередь, также буду примѣчать за вами, при первомъ удобномъ случаѣ.

— Нечего за мной примѣчать, ничего не замѣтите, отвѣчала она, вспыхнувъ.

— А, испугались? сказала я, шутя.—Я сама знаю, что нечего за вами примѣчать. Какую неосторожность можете вы сдѣлать? Вы такъ холодны и благоразумны, что не увлечетесь; сердце ваше высохло. Вы счастливы! Вы уже не можете любить, оттого васъ и удаляются мущины,—это невольно чувствуется,— вы въ этомъ сами сознались, говоря обо мнѣ съ Татьяной Петровной. Никто, повѣрьте, не выскажетъ вамъ ни своего горя, ни радости. Неужели вы думаете, что ко мнѣ подходятъ и говорятъ только для того, чтобъ волочиться?— нѣтъ, оттого, что чувствуютъ, что въ молодомъ, тепломъ сердцѣ моемъ найдется участіе и отвѣтъ на многое другое, кромѣ любви.

— Что̀ же это, вы меня за деревяшку что ли считаете? сказала она, обижаясь.—Можетъ-быть не меньше васъ чувствую.

— Что̀ вы чувствуете? Если бы вы чувствовали, вы бы не были такъ строги къ другимъ. Что̀ вы чувствуете?—вы готовы первая бросить камень не только въ грѣшную, но даже въ невинную сестру свою! Развѣ такъ чувствуютъ?

— Да что̀ это вы и въ самомъ дѣлѣ опрокинулись на меня? Что̀ вы, Богъ съ вами! просто въ прахъ втоптали! Господи помилуй! я этакой обиды ни отъ кого не видала.

— Я и не думаю обижать васъ; я сужу потому, что̀ вижу. Неужели вы никогда не любили?

— Я объ этакихъ глупостяхъ и не думала.

— Вотъ, видите, значитъ и васъ никто не любилъ. А вы еще хвастаете этимъ, да я бы и жить не желала, если бы меня никто не любилъ! Значитъ, я правду сказала.

— Что̀ вы это только говорите — ужасти! До чего свѣтъ дойдетъ?!

— Да вотъ вы прожили больше половины вашей жизни, а были ли вы счастливы?

— Ужь какое мое счастье! Не всякому дается счастье. Какъ кому судьба назначитъ.

— Чѣмъ вы вспомните вашу молодость?

— Полноте-ка, что̀ вы привязались ко мнѣ! Пойдемте лучше внизъ. Какъ бы вы все знали, такъ не то бы говорили!

— Тѣмъ хуже, если вы любили, чувствовали и не сдѣлались добрѣе.

— А вотъ, если вы еще будете придираться ко мнѣ, право скажу тетенькѣ.

— Я не боюсь. Я, пожалуй, при ней скажу то же самое.

— Да что̀ это, Господи! не рехнулись ли вы?

Я засмѣялась.

— Можетъ-быть, отвѣчала я.—Да постойте на минутку: вѣдь вашъ генералъ тоже мущина, такъ научите меня, какъ мнѣ съ нимъ говорить... *да* и *нѣтъ*?—только?

— Мой! сказала она, снова вспыхнувъ. — Къ чему вы его *моимъ*-то называете? это съ чего?

— Я такъ сказала, безъ намѣренія; а кто знаетъ, можетъ, это предчувствіе... Вамъ все и въ картахъ женихъ выходитъ.

— Ахъ, душенька, погадайте-ка!

— Подите сперва пожалуйтесь на меня тетушкѣ.

— Ну, вотъ, мало ли что̀ говорится въ сердцахъ. Вѣдь я тоже человѣкъ, и вспылю. Вы ничего не знаете, а говорите. Вы думаете, мнѣ легко что ли бываетъ?

И у нея навернулись слезы.

— Ну вотъ то-то и есть.

— Что̀ выходитъ?

— Свадьба.

— Полноте!

— Право.

— Ну, пойдемте,—пора.

— Не влюбился бы въ меня вашъ гость, боюсь; вѣдь видите, какая я кокетка.

— Ну, ужь не безпокойтесь, видалъ онъ и красавицъ на своемъ вѣку, его не удивите. Онъ кокетства ненавидитъ.

— Такъ я буду кокетничать, чтобы его отвратить отъ себя.

— Прекрасно! это сдѣлаетъ вамъ честь! Онъ будетъ надъ вами смѣяться. Вы думаете, что это не грѣшно?

Генералъ гостилъ у насъ уже нѣсколько дней. Татьяна Петровна и Амфиса были необыкновенно оживлены. Первая старалась угощать гостя, какъ можно лучше. Послѣ обѣда, отдохнувъ, садились они втроемъ за карты.

Бо́льшую часть дня я сидѣла въ своей комнатѣ или гуляла. Татьяна Петровна не только не сердилась за это, но еще поощряла меня одобрительною улыбкой каждый разъ, какъ я приходила къ нимъ послѣ продолжительнаго отсутствія. Съ Абрамомъ Иванычемъ мнѣ почти не приходилось говорить.

— Что̀ это вы, сударыня, не посидите съ нами? обратился онъ ко мнѣ однажды, когда я вошла въ комнату, гдѣ они играли,—или вамъ со стариками скучно?

— Какіе же вы старики? подхватила Амфиса Павловна.

— Да ужь противъ нея-то старикъ... Гдѣ это вы изволили пропадать? спросилъ онъ меня шутливо.

— Въ своей комнатѣ.

— Чѣмъ же вы занимались?

— Работала, потомъ читала.

— Романы все почитываете! молодыя дѣвушки живутъ романами: у нихъ и въ головѣ романы, и въ жизни романы... Я думаю, воображеніе-то, воображеніе какъ работаетъ! Ну, что̀ же вы ужь составили себѣ этакъ идеалъ какой-нибудь? Что̀ онъ— съ усами, въ мундирѣ, съ эполетами?

— Глупа будетъ, если станетъ составлять себѣ пустые идеалы; ей не надобно еще о нихъ и думать въ ея годы, сказала Татьяна Петровна.—Я бы ей и книгъ-то не дала читать, слишкомъ серіозныхъ для ея лѣтъ, да она еще у сестрицы начиталась.

— Пылкая головка! сказалъ гость.

— Да, есть тотъ грѣшокъ. Мы и вѣтрены, немножко, да и упрямства у насъ не мало.

— Однимъ словомъ огонекъ! сказалъ генералъ и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Отойди-ка, Геничка, отъ свѣта, сказала Татьяна Петровна. —Вонъ, сядь тамъ на кресло. И она указала на мѣсто въ простѣнкѣ, за спиной у гостя.

— Какже, сударыня, я къ вамъ этакъ буду спиной... Ужь извините.

— Охота вамъ церемониться съ ней, Абрамъ Иванычъ, она еще ребенокъ.

Тутъ только замѣтила я, что Татьяна Петровна была одѣта нарядпѣе обыкновеннаго, что чепчикъ на нѣй былъ новенькій, съ палевыми лентами, что хотя онъ былъ слишкомъ легокъ и щеголеватъ для ея лѣтъ, а все-таки шелъ къ ней, что черное шелковое платье съ мантильей дѣлало ее тоньше и стройнѣе обыкновеннаго; что со щекъ ея не сходилъ румянецъ, и кожа на лицѣ была бѣлѣе прежняго; даже довольно замѣтныя морщины около глазъ будто исчезли.

Часто они втроемъ просиживали далеко за полночь, отпустивъ меня на верхъ; и, въ тишинѣ, въ мою комнату, которая находилась надъ гостиной, доносились звуки разговора и громкій смѣхъ гостя. Иногда я еще не спала, когда Амфиса приходила къ себѣ, и я слышала, что она часто вздыхала и даже плакала.

Однажды, утромъ, Степанида Ивановна разбудила меня слѣдующими словами:

— Вставай, матушка, пора! Тетеньку проспала.

Я не поняла ея.

— Какъ тетеньку проспала? спросила я съ изумленіемъ.

— Да такъ. Съ новымъ дяденькой васъ поздравляю. Тетенька сегодня изволили обвѣнчаться. Поѣхала къ ранней обѣднѣ, да и обвѣнчалась съ Абрамомъ Иванычемъ.

Я подумала, что это мнѣ видится во снѣ.

— Да извольте вставать, вѣдь я правду говорю.

Изъ другой комнаты слышались рыданія.

— Вонъ, Амфиса-то Павловна надсажается! Она сама надѣялась, — да гдѣ же? куда ей генеральшей быть! ужь наша-то настоящая генеральша, король-барыня! Только поздненько надумала замужъ-то выйдти. Охъ, грѣхи людскіе! о душѣ бы лучше подумать...

Я была въ совершенномъ недоумѣніи и пошла провѣдать Амфису.

Она сидѣла одѣтая въ кисейное платье и плакала.

— О чемъ вы плачете? спросила я ее.

— Вотъ вамъ и гаданье! вскричала она: — нагадали хорошо! Вотъ вамъ и свадьба! Радуйтесь!

— Да я бѣды еще не вижу.

— То-то молоды вы! Теперь ужь Татьяна Петровна не то будетъ, вспомните меня. Прежде у ней были вы да я на первомъ мѣстѣ, а теперь ужь ей не до насъ, — теперь своя забота. До сихъ поръ, только ей надо было угождать, а теперь ей-то угодите да и дядюшкѣ-то. Вотъ поживите, такъ увидите, что я правду говорю... Да что̀ вы это не одѣваетесь? Вѣдь сейчасъ пріѣдутъ. Прислали человѣка изъ церкви, чтобы все приготовить. И дворня ужь собралась поздравлять; вонъ всѣ ждутъ у крыльца. Вы одѣньтесь получше, прибавила она, махая себѣ въ лицо платкомъ, чтобы освѣжить заплаканные глаза.

Мнѣ стало жаль ея; я видѣла, что у ней разбилась послѣдняя надежда, что блестящая мечта ея разсыпалась прахомъ. Я подумала, что, можетъ-быть, въ жизни она ни отъ кого не видала нѣжнаго участія, искренней ласки, что оттого она и сама такая сухая...

— Успокойтесь, все пойдетъ хорошо, еще пожалуй и лучше прежняго, сказала я.

— Эхъ, полноте-ка! отвѣчала она раздражительно:—что̀ пустяки-то говорить, одѣвайтесь лучше, а то не поспѣете поздравить.

Только что успѣла я надѣть свое парадное бѣлое платье, какъ вбѣжала одна изъ горничныхъ и запыхавшись, проговорила: «ужь подъѣхали!»

Мы съ Амфисой сошли внизъ и прошли въ гостиную дожидаться молодыхъ, принимавшихъ поздравленія дворни.

Наконецъ они вошли. Для меня было что-то чрезвычайно-неловкое въ этомъ поздравленіи, я пробормотала его кой-какъ и была радехонька, когда Татьяна Петровна прервала его поцѣлуемъ и словами:

— И тебя поздравляю съ новымъ дядюшкой, старайся снискивать его расположеніе, отъ этого будетъ зависѣть для тебя мно-

гое. Вотъ, Амфиса, прибавила она, —теперь мы нашли съ тобой хозяина и покровителя, а я друга, который, надѣюсь, до конца будетъ любить меня. Десять лѣтъ я привыкла считать его за роднаго и благодарю судьбу, что она наконецъ соединила меня съ нимъ.

Амфиса Павловна отвѣчала приличными фразами. Дядюшка, еще вчера мнѣ посторонній, наградилъ меня родственнымъ поцѣлуемъ и сказалъ шутя:

— А вы, сударыня, теперь... о, смотрите! вѣдь дяди-ворчуны, строгіе! Я буду за вами глядѣть, чтобъ какіе-нибудь этакіе усики не соблазнили... Вѣдь огонекъ, огонекъ!.. Татьяна Петровна васъ побаловываетъ.

Шутки эти мнѣ не совсѣмъ понравились, и я ничего не отвѣчала.

За обѣдомъ пили шампанское. На другой день послали въ городъ къ знакомымъ съ извѣщеніями о бракосочетаніи тетушки и съ приглашеніями на обѣдъ, назначенный черезъ недѣлю.

VI.

Отпировавъ свою свадьбу обѣдомъ, на который съѣхались, большею частью, люди пожилые, служащіе, съ своими супругами, — дѣвицъ не было ни одной, а потому дѣло обошлось безъ танцевъ и музыки, — молодые зажили жизнью однообразною и мирною.

Новый дядюшка сталъ заниматься хозяйствомъ; сперва онъ совѣтывался съ тетушкой, но вскорѣ она отдала все на его волю.

Не знаю, какъ онъ распоряжался хозяйствомъ, только Степанида Ивановна стала вздыхать и охать о грѣхахъ людскихъ громче и чаще прежняго. И когда я спросила однажды о причинѣ ея вздоховъ, она сказала:

— Ну, матушка, ужь теперь другіе порядки завелись...

— Какіе же?

— Да ужь все не попрежнему. Мужикамъ стало тяжеленько,

оброку прибавили. Видно отошла коту масляница. И управителю-то хвостъ прижали, смѣняетъ *самъ-то*.

Въ другой разъ она вошла ко мнѣ, пылающая гнѣвомъ.

— Какъ бы моя была воля, такъ взяла бы я этихъ дѣвокъ да ужь такъ бы отодрала, вскричала она.

— За что̀ же? спросила я.

— А за то, чтобы онѣ, прости Господи, какъ бѣсы не вертѣлись передъ бариномъ. А ему-то съ сѣдыми волосами, какъ не стыдно!

— Можетъ ли быть! давно ли женился!

— Эхъ, матушка, да что онъ по любви что̀ ли женился! Вѣдь у него только и есть, что эполеты-то на плечахъ трясутся. Что̀ ему не жениться-то? Этакое имѣнье,—какъ сыръ въ маслѣ катайся. А наша-то вѣдь ничего не видитъ, онъ ее въ глазахъ проведетъ. Вѣдь это, Евгенія Александровна, ее бѣсъ сомутилъ! Ну-те-ка, въ этакіе годы замужъ идти!

— А кто говорилъ, что она настоящая генеральша?

— Ну, да она, конечно, барыня еще свѣжая, да все ужь не слѣдъ бы выходить. Жила бы себѣ одна-то, какъ у Христа за пазушкой. И люди-то бы были довольны, и сама покойна...

Наступилъ августъ. Дни стали короче, ночи темнѣе и звѣздистѣе.

Татьянѣ Петровнѣ понадобилось съѣздить въ городъ на нѣсколько дней. Она взяла съ собой горничную и Амфису; меня оставила дома съ новымъ дядюшкой, потому что поѣхала въ коляскѣ, гдѣ можно было помѣститься только троимъ. Въ каретѣ ѣхать отсовѣтовалъ ей мужъ, по случаю рабочей поры, чтобы меньше забирать людей. Татьяна Петровна въ каретѣ ѣздила всегда съ форейторомъ.

На другой день, послѣ ихъ отъѣзда, мнѣ было какъ-то странно и неловко обѣдать вдвоемъ съ дядюшкой. Я не только не умѣла приняться снискивать его расположеніе, но этотъ совѣтъ, повторявшійся довольно часто теткой, отнималъ у меня всякую возможность быть съ нимъ любезной. Я боялась сказать ему ласковое слово изъ страха, что онъ подумаетъ, что я стараюсь снискивать его расположеніе. Эта мысль оскорбила бы меня. Поэтому на всѣ его шуточки я или молчала, или отвѣчала односложно. Я думала, что онъ разсердится; однако послѣ обѣда онъ

наградилъ меня довольно нѣжнымъ поцѣлуемъ. Я отправилась гулять, а послѣ прогулки до вечерняго чаю просидѣла въ своей комнатѣ.

Послѣ чаю, когда уже почти стемнѣло, я вышла на балконъ. Вечерній вѣтерокъ доносилъ до меня сильный запахъ флоксовъ, зарница сверкала вдали изъ темной тучи, а звѣзды ярко свѣтили надо мной въ глубинѣ вечерняго неба.

Мнѣ было очень грустно. Въ моихъ мысляхъ и чувствахъ было что-то смутное, неопредѣленное; какой-то туманъ падалъ на жизнь; не было ни одной цѣли, ни одной привязанности, которой бы я могла посвятить душевныя силы. Я видѣла ясно, что судьба проведетъ меня околицей, помимо общества и свѣта, и что жизнь моя пройдетъ безъ борьбы, безъ животворныхъ ощущеній, мóрокомъ, — какъ говоритъ Степанида Ивановна, — что ни одинъ, можетъ-быть, дружескій голосъ не раздастся близь меня въ тяжелыя минуты унынія. Я съ ужасомъ подумала, что можетъ-быть, со временемъ, я сдѣлаюсь чѣмъ-то въ родѣ Амфисы,—также завяну и очерствѣю душой. Но въ то же время, мнѣ казалось это почему - то невозможнымъ; противъ этого вопіяло мое молодое, полное желаній и надеждъ сердце.

Сзади меня послышались тяжелые шаги, и въ полумракѣ показалась полная фигура дяди.

— Ты что̀ тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ меня — А? что̀ ты тутъ дѣлаешь, плутовка?

— Ничего, сижу и наслаждаюсь чудесною ночью.

— А ты это что отъ меня все бѣгаешь? Не посидишь со мной? Что я медвѣдь что ли какой?—не бойся, не укушу... Нѣтъ, что бы приласкать дядю—точно коза дикая.

— Я не умѣю ласкаться.

— Ну, такъ я тебя научу—хочешь?

И онъ сѣлъ со мной рядомъ... Я невольно отодвинулась. Въ тонѣ его голоса было что-то непріятное.

— Куда отодвигаешься? Сядь поближе. Да что ты ненавидишь что ли меня?

— Что̀ за странная мысль пришла вамъ въ голову!

— Да ужь видно такъ. Ну-ка, докажи противное, поцѣлуй меня.

Я подставила ему свое лицо.

— Да ты хорошенько, вотъ, такъ! и онъ звонко чмокнулъ меня.—А ты будь ласкова ко мнѣ, глупенькая, продолжалъ онъ,—тогда я буду хорошъ, буду утѣшать, баловать тебя. Что тетушка-то твоя, много ли доставила тебѣ удовольствій? А я буду тебя и въ театръ, и на балы возить.

— Зачѣмъ! не нужно...

— Какъ не нужно! Молоденькой дѣвочкѣ нельзя чтобы не хотѣлось повеселиться...

Онъ погладилъ меня по головѣ.

— Видишь, какая у тебя коса славная, точно шелковая.—Потомъ охватилъ своею мощною рукой мою шею и прибавилъ съ страннымъ выраженіемъ:—возьму да и задушу!..

— Вотъ вы, такъ видно, ненавидите меня, сказала я, отшучиваясь,—что задушить хотите.

— Вотъ и ошиблась! Ахъ, ты, глупенькая! Да ты развѣ не видишь, что ужь я давно на тебя только смотрю... А ты все отъ меня да отъ меня!

— А задушить хотите!

— Это отъ любви. Ты ничего не понимаешь: когда любишь, такъ и хочется проглотить!

— Странная любовь! сказала я, смѣясь.

— Чтожь? тебя славно проглотить: ты молоденькая, нѣжненькая.

Что за нелѣпости говоритъ онъ? подумала я, и ничего не сказала.

— А хочется тебѣ замужъ? Мечтаешь, я думаю, фантазіи создаешь? Ну-ка, скажи, какой твой идеалъ-то: бѣлокурый или черноволосый? Военный или статскій?

— Нѣтъ у меня идеала никакого!

— Вздоръ, не повѣрю! Что жь ты влюблена, что ли? А? Скажи-ка мнѣ, въ кого ты влюблена?

— Не влюблена я!

— Сердчишко-то бьется? не притворяйся. Охъ, вѣдь отъ вашей братьи - дѣвчонокъ правды не скоро добьешься! Не велики птички, а скрытности бездна.

— Вольно же вамъ видѣть скрытность и хитрость тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

— Толкуй, толкуй себѣ, а я, матушка, ужь старый воробей, женщинъ-то хорошо понимаю.

— А мнѣ кажется, нѣтъ...

— Что, что? Ахъ, ты, огонекъ этакій! Смотри, пожалуй... Ну, хорошо, увидимъ.

Молчаніе.

— Вамъ, я думаю, скучно безъ тетушки? сказала я.

— Ну, ее—старуху! сказалъ онъ шутливо.—Вотъ, ты помоложе, съ тобой было бы повеселѣе, какъ бы ты не дичилась. За что̀ это ты ненавидишь меня? Ты меня этимъ огорчаешь. Богъ съ тобой! не ожидалъ я!

— Дядюшка! право, вы несправедливы ко мнѣ...

— Хорошо, хорошо! увижу на дѣлѣ.

— Чѣмъ же доказать мнѣ?

— А ты, какъ я останусь одинъ,—приди да поцѣлуй меня.

— Отчего мнѣ не поцѣловать васъ? я и при всѣхъ поцѣлую.

— Нѣтъ, при всѣхъ хуже. Тетушка твоя порядочная ханжа, Амфиса старая, завистливая дѣвка... Еще сочинятъ что-нибудь.

— Что̀ же могутъ сочинить?

— Мало ли что̀? люди вездѣ люди; ты еще ихъ не знаешь.

— Какъ же мнѣ быть къ вамъ послѣ этого ласковою?

— Такъ, чтобы этого никто не замѣчалъ.

— Да вѣдь вы мнѣ родня.

— Ну, ужь ты слушай, что̀ я говорю.

Прикащикъ, явившійся за приказаніями, прервалъ этотъ странный tête-à-tête.

Вотъ еще Богъ посылаетъ наказанье, подумала я:—непрошенную нѣжность дядюшки!

На другой день была почти та же исторія съ незначительными перемѣнами; то же надоѣданье со стороны дяди съ поцѣлуями; на третій, поцѣлуи и навязчивость его начинали принимать для меня какой-то зловѣщій характеръ.

Положеніе мое становилось очень непріятнымъ. Что̀ я могла сдѣлать! Оттолкнуть его грубою выходкой казалось мнѣ опаснымъ и неловкимъ; отшучиваться постоянно, дѣлать видъ, что ничего не понимаю, покуда казалось мнѣ лучшимъ. На меня находилъ непонятный страхъ и трусость каждый разъ, какъ я слышала шаги его, направлявшіеся ко мнѣ, гдѣ бы ни находилась я, въ своей

ли комнатѣ, въ садикѣ ли. Разъ онъ отыскалъ меня даже въ рощѣ. Это было сущее наказанье, постоянная игра въ кошку и мышку.

Меня брали тоска, горе, досада, злость. Я чувствовала себя оскорбленною въ самыхъ лучшихъ и священныхъ моихъ понятіяхъ; дѣвическая гордость моя страдала невыносимо. Если бы дядюшка провалился сквозь землю, я порадовалась бы отъ души. Я плакала и молила Бога избавить меня отъ такого страшнаго положенія.

Наконецъ мученія цѣлой недѣли кончились; пріѣхала Татьяна Петровна, и никогда еще такъ не была я рада увидать ее. Я бросилась къ ней съ непривычнымъ для нея порывомъ нѣжности и чуть не заплакала. Это ей понравилось.

— Развѣ ты скучала безъ меня? сказала она мнѣ.

— Я такъ рада, что вы пріѣхали!

— То-то же и тетку вспомнила. Ну, поди, поцѣлуй меня. Какъ же вы здѣсь съ дядюшкой поживали безъ меня?

— Чего? я почти не видалъ ея, отвѣчалъ Абрамъ Иванычъ: — точно коза, все бѣгаетъ. Что̀ это ты ее, другъ мой, не присадишь? Право, она этакъ совсѣмъ одичаетъ... Не хорошо, молодая дѣвушка все одна да одна.

— Слышишь, Геничка, и дяденька ужь говоритъ. Изволь-ка сидѣть съ нами. Оттого у тебя и манеры нѣтъ никакой. Что̀ тебѣ? сиди, работай, читай тамъ, гдѣ мы. Неужели тебѣ это такъ тяжело?

— Нисколько. Я не знала, что это нужно.

— Ну, вотъ умна, что слушаешься.

— Ты, кажется, избалуешь ее, испортишь совсѣмъ, сказалъ дядя очень серіозно.

Я посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Ну, ужь не безпокойся, это мое дѣло, сказала Татьяна Петровна: — я хорошо понимаю, какъ мнѣ должно поступать; учить меня нечего, это не хозяйство.

— Вотъ старуха моя и разворчалась, сказалъ онъ, шутя и ласково цѣлуя у нея руку. — Амфиса Павловна! съ вами-то я не поздоровался! Какъ здоровье ваше?

— Благодарю, слава Богу; я вамъ кланялась, прибавила она обидчиво. — Тетенька вамъ подарокъ привезли, сказала она мнѣ

тихонько:—прекрасной кисеи на платье. Что̀ вы похудѣли что-то... здоровы ли? прибавила она вслухъ.

На другой день Амфиса пришла утромъ въ мою комнату.

— Что̀, дядюшка-то ласковъ былъ до васъ? спросила она меня между прочимъ.

— Какъ всегда...

— Вы, говорятъ, съ нимъ и въ рощѣ гуляли...

— Вамъ доносятъ вѣрно; точно гуляли. Чтожь изъ этого?

— Ахъ, батюшки мои! ничего, я такъ сказала. Что̀ это вамъ нынче слова нельзя сказать? Вѣдь это не секретъ.

— Да ужь вы, пожалуста, не дѣлайте изъ этого секрета.

— Вотъ вамъ бы и давно быть къ тетенькѣ-то поласковѣй.

— Ради Бога, избавьте меня отъ совѣтовъ.

— Я для васъ же... Господи! какъ васъ перевернуло! худыя стали!

— Это отъ тоски по васъ, сказала я шутя.

— По мнѣ ли, полно? Что̀ вы пустяки-то говорите! Вы все злитесь на меня за то, что̀ мы тогда съ Татьяной Петровной говорили. А вы зачѣмъ подслушивали?

— Я не имѣю этой прекрасной привычки. Я слышала, потому что не спала и была въ той же комнатѣ.

— Такъ что̀ же, я что ли подслушиваю? Экой у васъ языкъ змѣиный! Ни за что̀ обидитъ! Мнѣ отъ васъ скоро житья не будетъ.

— Бѣдная вы!

— Да за что̀ вы злитесь? Экое въ васъ злопамятство!

— Я не злюсь, а просто не въ духѣ; мнѣ грустно.

— О чемъ вамъ грустить-то?

— А вы неужели никогда не грустите?

— Мнѣ есть о чемъ грустить! Поживите-ка на моемъ мѣстѣ.

— Татьяна Петровна васъ любитъ.

— Что̀ въ ея любви-то! Угождай какъ собачонка, такъ и любитъ. Ужь чужой домъ, чужой и есть. Что̀ у меня? ни родныхъ, ни своего угла.

— Ваши родители давно умерли?

— Я послѣ нихъ маленькою осталась. Папенька служилъ въ магистратѣ, потомъ захворалъ и скончался. Послѣ него и маменька недолго нажила. Я одна только и была у нихъ. Мнѣ было домъ остался послѣ нихъ въ наслѣдство, да сгорѣлъ. Такъ я безъ

ничего и осталась, да вотъ безъ малаго пятнадцать лѣтъ живу здѣсь.

— Татьянѣ Петровнѣ тяжело бы было разстаться съ вами, да и вамъ тоже. Привычка: шутка ли пятнадцать лѣтъ!

— Э, полноте, она меня, я думаю, на всякаго промѣняетъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Да будто она можетъ кого любить? любитъ для себя. Подвернись другая, такъ и меня въ сторону.

— Ну, нѣтъ вы несправедливы.

И точно, она была несправедлива: Татьяна Петровна очень привыкла къ ней.

— Вотъ ужь теперь мужа нашла, такъ и скрытнѣе стала. Все съ нимъ да съ нимъ... Я ужь часто ухожу, чтобъ не быть лишней. Господи! какъ трудно узнать человѣка! прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— А что̀?

— Да такъ. Иной кажется ангеломъ; думаешь: вотъ ужь этотъ умница, скромница, а поглядишь — не лучше другихъ. Не даромъ говорятъ: женится — перемѣнится. Страшно и замужъ-то выйдти — какой навяжется!

— Что̀ это васъ такъ испугало?

— Вижу примѣры... А жены-то дуры и уши развѣсятъ, такъ и ввѣряются. А какъ посмотришь, вездѣ интересъ проклятый.

— Вотъ, значитъ, недурно и бѣдной быть.

— Ну, ужь все хорошо.

Къ вечеру произошла странная сцена.

Абрамъ Иванычъ былъ весь день необыкновенно ласковъ съ тетушкой. Она оживилась и помолодѣла, даже кокетничала съ нимъ немного. Послѣ чаю они о чемъ-то долго говорили въ кабинетѣ, откуда Татьяна Петровна вышла блѣдная, взволнованная, и упала на первое попавшееся кресло въ сильной истерикѣ. Мы съ Амфисой бросились ей помогать. Вскорѣ пришелъ и дядя и очень равнодушно сказалъ мнѣ:

— Съ твоею тетушкой сдѣлалась истерика отъ скупости.

Татьяна Петровна вскрикнула и зарыдала громче прежняго.

Мы уложили ее въ постель.

— Не оставляйте меня! сказала она.

— Господи помилуй! произнесла Амфиса горестно: — до чего дошло!

— Да, мой другъ, до того дошло, что онъ принуждаетъ меня продать половину имѣнія за его долги, а другую отдать ему бумагой при жизни. Это онъ хочетъ меня въ руки забрать — этакую дуру нашелъ! Я еще не хочу, чтобъ меня послѣ выгнали изъ дому! Нѣтъ, онъ очень ошибается!

Вскорѣ явился Абрамъ Иванычъ. Онъ сталъ на колѣни передъ кроватью Татьяны Петровны, просилъ прощенья, говорилъ, что онъ пошутилъ, что онъ только проситъ ее заплатить за него, а о половинѣ имѣнія и не думаетъ; что онъ готовъ для нея сдѣлать все на свѣтѣ; что онъ выплатитъ ей, со временемъ, все; что онъ самъ богатъ, но только въ настоящее время ничего не имѣетъ въ распоряженіи, а что у него братъ при смерти, послѣ котораго онъ получитъ наслѣдство.

— Какъ тебѣ не стыдно, Таничка, сказалъ онъ, — надѣлать столько шуму изъ-за глупой шутки! Что̀ о насъ подумаютъ наши люди? ты унизишь меня въ ихъ глазахъ. Богъ съ тобой! Ничего мнѣ не надо! Я думалъ, что ты любишь меня и хотѣлъ испытать твою любовь. Вотъ и испыталъ—ну, благодарю, мой другъ!

Татьяна Петровна присмирѣла и, въ свою очередь, созналась, что погорячилась, что ей было горько думать, что онъ любитъ ее изъ интереса, что она теперь сама для него ничего не пожалѣетъ и проч.

Затѣмъ она простилась съ нами, сказавъ, что ей нужно успокоиться.

— Каково! сказала мнѣ Амфиса: — погодите, еще то ли будетъ! Ужь онъ выманитъ у ней все!

Вскорѣ пришелъ къ намъ дядюшка и, обратясь къ Амфисѣ, попросилъ ее посидѣть у Татьяны Петровны, пока она спитъ.

Было десять часовъ вечера. Только Амфиса ушла, онъ подалъ мнѣ большой пакетъ конфетъ и сказалъ:

— На-ка, вотъ тебѣ... спрячь, не показывай.

— Благодарю васъ, но зачѣмъ же прятать? Если и тетушка узнаетъ, она, вѣрно, не разсердится.

— Ужь ты слушай меня. Я знаю, что̀ говорю. Я нарочно выпроводилъ Амфису, чтобы съ тобой посидѣть. Садись сюда, поближе...

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— Экая глупенькая! Да вѣдь я тебя не укушу. Отчего ты меня боишься?

— Я васъ не боюсь, но...

— Но, но! ну, что̀ но! сказалъ онъ, передразнивая меня приторно.—Видишь, ножонку-то выставила — экая маленькая, точно птичья... Вотъ спрятала. А поди-ка, мужа бы не стала дичиться! Ну-ка, поцѣлуй меня такъ, какъ бы ты его поцѣловала... Что̀ плечиками-то пожимаешь? Думаешь, влюбился старый дядя... Ну, и влюбился; ну, чтожь такое!

— Вѣдь не съ ума же вы сошли, да и я не помѣшалась, чтобы думать такія вещи.

— Послушай-ка, что̀ я тебѣ скажу: я получу наслѣдство отъ брата, тетка твоя заплатитъ мой долгъ, потомъ я уѣду въ Малороссію, а ты и пріѣзжай ко мнѣ жить; я тебя какъ герцогиню буду утѣшать.

— Господи Боже! сказала я наконецъ, потерявъ терпѣніе: — скажите, ради Бога, чѣмъ я имѣла несчастіе внушить вамъ такія мысли?

— А вотъ этими глазенками.

— Въ какое ужасное положеніе ставите вы меня!

— Ничуть не бывало. Какъ бы ты была умнѣе, такъ поняла бы, что надо наслаждаться жизнью. Это тебѣ старыя бабы натолковали разныхъ глупостей...

— Оставьте меня въ покоѣ, возьмите ваши конфеты, онѣ у меня въ горлѣ остановятся.

— Упряма ты, какъ чортъ, какъ я посмотрю! Тебѣ судьба счастье посылаетъ, а ты рыло воротишь. Вотъ я тетушкѣ-то твоей скажу, что я принесъ тебѣ конфетъ, а ты выдумала, что я влюбленъ въ тебя. Пусть она полюбуется, какіе чистые взгляды на вещи у семнадцатилѣтней дѣвушки.

Я ничего не отвѣчала, только, вѣроятно, въ моемъ взглядѣ многое сказалось.

— О, какая королева! не убей взглядомъ! Ну, полно, не сердись, не скажу; только будь поласковѣе.

Я стояла молча. Послышались шаги Амфисы. Онъ поспѣшно спряталъ конфеты подъ диванъ и вышелъ. Сальная свѣча нагорѣла. Амфиса сняла съ нея и пытливо посмотрѣла на меня.

— Что̀ тетушка? спросила я, стараясь скрыть волненіе.

— Ничего, проснулись. У васъ дядюшка все время сидѣлъ?

— Да.

Она многозначительно сжала губы, и безъ того тонкія.

— Видно, дядюшкѣ-то весело съ молоденькою племянницей. Это онъ такъ полюбилъ васъ съ нашей поѣздки въ городъ. Прежде и не подходилъ къ вамъ. Чтò значитъ однимъ-то на недѣлю остаться!...

— Амфиса Павловна! сказала я съ упрекомъ.

— Полноте! сказала она строго:—не надуете вы меня! я все вижу, стыдно вамъ!

— Не смѣйте мнѣ этого говорить! вскричала я почти съ бѣшенствомъ:—не смѣйте говорить ни слова! А то все полетитъ въ васъ, я не ручаюсь за себя въ эту минуту.

— Господи помилуй! сказала она, оробѣвъ и отступая къ дверямъ.—Да вы, никакъ помѣшались!—А это что? вскричала она и съ быстротою кошки прыгнула къ дивану и вытащила оттуда проклятыя конфеты.

— Возьмите ихъ себѣ, сказала я уже спокойно и твердо.

— Мнѣ не нужно! А къ чему вы спрятали ихъ? Нѣтъ, вѣдь передъ Татьяной Петровной я за васъ отвѣтчица! Какъ бы все было чисто да хорошо, не стали бы вы ихъ прятать, не приносили бы вамъ ихъ крадучи! Эки хитрости! меня нарочно выслали! Прекрасно! Я это все тетенькѣ передамъ, чтобъ послѣ мнѣ не отвѣчать.

— Завтра я сама все передамъ тетенькѣ, и ни минуты не останусь подъ кровлей этого дома, сказала я.

— Куда же вы пойдете?

— Куда-нибудь, мнѣ все равно.

— Полноте! вы себя погубите, сказала она, смягчаясь.

— Не я себя погублю, а другіе; да накажетъ ихъ Богъ!

— Да вы поставьте себя на мое мѣсто, чтò бы вы сдѣлали?

— Я бы напередъ узнала правду, а не заключала по однимъ невѣрнымъ признакамъ...

— Да Христа ради, объясните вы мнѣ.

— Чтò мнѣ вамъ объяснять? вы опять перетолкуете посвоему: —вы не хотите вѣрить въ добро, у васъ нѣтъ сердца. Вы меня ненавидите, Богъ знаетъ за чтò, и стараетесь мнѣ вредить.

— Да кто это вамъ надулъ въ уши, что я васъ ненавижу? Намъ нечего дѣлить: что мнѣ васъ ненавидѣть? Вы сами не хотите мнѣ открыться... Вотъ хоть бы теперь, не потакать же мнѣ этакимъ проказамъ.

— Эти проказы дорого мнѣ обходятся. Вашъ хваленый генералъ—подлецъ!

— Это вы дядю-то такъ!

— Развѣ я виновата, что онъ преслѣдуетъ меня? Ну, что̀ бы вы стали дѣлать на моемъ мѣстѣ? Если бы вамъ при малѣйшемъ намекѣ грозили все свалить на васъ же и васъ же очернить?

— Ай! и вправду, какое ваше положеніе... Какъ же быть? надо тетенькѣ сказать.

— Вѣдь это убьетъ ее. Да и насъ же обвинятъ: для этого человѣка нѣтъ ничего святаго. Скажите! Вы себѣ наживете непримиримаго врага, потому что Татьяна Петровна не вытерпитъ, все скажетъ ему. Все, что̀ вы можете для меня сдѣлать, не оставляйте меня одну.

— Да пожалуй, отчего же! Ужь если вы мнѣ все откровенно открыли, такъ я подлости не сдѣлаю. Вѣдь ужь и я вамъ скажу всю правду, онъ прежде и за мной волочился... Да я ему носъ наклеила, прибавила она самодовольно.

Съ этой поры, я очень удачно избѣгала встрѣчъ наединѣ съ дядюшкой; я поселилась въ диванной съ работой и чтеніемъ, гулять стала во время ихъ карточной игры, а поздно вечеромъ довольствовалась прохаживаньемъ по саду съ Амфисой, которая стала даже принимать во мнѣ нѣкоторое участіе. Трудно ей было не говорить Татьянѣ Петровнѣ о всемъ случившемся, но она крѣпилась, потому что боялась повредить себѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня угрюмо и, по временамъ, придирался, указывая теткѣ на мои недостатки; послѣдняя же, по какому-то духу противорѣчія, заступалась за меня.

Такъ прошла осень, къ концу которой мы переѣхали въ городъ.

По пріѣздѣ туда, Татьяна Петровна объявила, что она намѣрена взять меня съ собою дѣлать визиты. По этому случаю, мнѣ заказали новое, первое шелковое платье, сѣраго цвѣта.

Когда мнѣ принесли его отъ губернской модистки, то, въ назначенный для визитовъ день, я нарядившись, пошла показаться теткѣ. Она сидѣла съ дядей въ портретной. Осмотрѣвъ меня, она сказала ему:

— Хорошенькое платьице!

Онъ сдѣлалъ очень серіозную мину, и, подозвавъ меня къ себѣ, глубокомысленно велѣлъ повернуться и очень больно ущипнулъ

мнѣ руку. Я вскрикнула отъ боли и неожиданности. Татьяна Петровна спросила меня:—что̀ съ тобой? Дядя также очень важно спросилъ, что̀ со мной?

Такое лицемѣріе взбѣсило меня, и я отвѣчала ему:

— Вы ущипнули меня.

— Что это тебѣ пришло въ голову, Абрамъ Иванычъ? сказала тетка.

— Съ чего это она выдумываетъ? отвѣчалъ онъ.—Я едва дотронулся до нея. Это еще что за новые капризы?

— Eugénie! слышишь?

— Слышу и чувствую, отвѣчала я.

— Вѣришь ли, мой другъ, отвѣчалъ дядя съ горячностью:— что я только вотъ ка̀къ дотронулся до нея!

И онъ показалъ ка̀къ, слегка прикасаясь къ рукѣ жены.

— Съ чего жь ты выдумала кричать? сказала мнѣ Татьяна Петровна.

— Отъ капризовъ! сказалъ протяжно дядя.—Я тебѣ говорю давно, мой другъ, она, чортъ знаетъ, какъ капризна: вѣдь это ты только слѣпа къ ней!

Я отворотила рукавъ платья и показала Татьянѣ Петровнѣ красное пятно на рукѣ. Она была въ недоумѣніи.

— Какже вонъ пятно, сказала она.

— Да-да-а! ты повѣрь ей, она тебѣ выдумаетъ. Можетъ, это пятно у ней давно было. Вѣдь этакая лгунья дѣвчонка! сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ: — а я тебя не за это мѣсто и взялъ!..

Я посмотрѣла ему прямо въ глаза съ изумленіемъ. Меня поразило такое безстыдство; до сихъ поръ я не могла понять, чтобъ можно было такъ поступать.

— Полюбуйся! сказалъ онъ Татьянѣ Петровнѣ:—полюбуйся, какъ смотритъ дерзко на дядю племяненка! Превосходно! А ты балуй ее, потакай ей, такъ она насъ съ тобой скоро бить будетъ. Я бы, на̀ твоемъ мѣстѣ, пока она не исправится, никуда бы не бралъ ея;—пусть-ка посидитъ дома. Для чего ты ее везешь съ собой? чтобъ еще больше блажи въ голову набить. Нѣтъ, мой милый другъ,—послушайся меня, выдержи ее хорошенько... если для тебя мужъ—не тряпка, а что-нибудь значитъ. Вѣрь моей опытности, я тебѣ дурнаго не посовѣтую.

— Поди раздѣнься и оставайся дома, сказала Татьяна Петровна.

Я вышла, возмущенная до глубины души.

— Что̀ вы? сказала Амфиса, встрѣчаясь со мной: — опять что-ли непріятность?

Я не отвѣчала, слезы готовы были брызнуть у меня изъ глазъ.

Сцены въ этомъ родѣ съ дядюшкой стали повторяться довольно часто. Онъ обладалъ необыкновеннымъ искусствомъ выискивать къ нимъ причины, такъ что я стала невиннымъ предметомъ неудовольствій для тетушки. Она и сама сдѣлалась со мной холодна и строга. Жизнь моя стала тяжела и непріятна. Въ характерѣ моемъ и въ самомъ дѣлѣ начали появляться рѣзкость и раздражительность, которыхъ я прежде не замѣчала въ себѣ. Это ужь не была прежняя вспыльчивость, мгновенно исчезавшая,—это было постоянно-желчное расположеніе духа, повергавшее меня въ уныніе.

Однажды, пришло письмо отъ дяди Василья Петровича, гдѣ онъ объяснялъ, что такъ какъ сумма по векселю, данному мнѣ покойною тетушкой, превышаетъ все его наслѣдство, то онъ и отказывается платить,—вопервыхъ, по этой причинѣ, а вовторыхъ потому, что такъ какъ Амилово заложено и проценты въ опекунскій совѣтъ просрочены, то его описали и будутъ продавать съ публичнаго торга, и что онъ отъ него отступается и свою деревеньку продалъ, что тетушка послѣднее время, по слабости здоровья, хозяйствомъ и дѣлами не занималась, и ее обманывали и скрывали многое, вѣроятно въ надеждѣ, что на ея вѣкъ станетъ... За этимъ слѣдовало церемонно-ироническое поздравленіе Татьянѣ Петровнѣ съ законнымъ бракомъ, и колкіе намеки на ея истинно-родственную любовь къ нему.

Итакъ я лишилась послѣдняго состоянія и все больше и больше утопала въ страшномъ омутѣ зависимости. Амилово, этотъ благословенный пріютъ моего дѣтства, будетъ продано въ чужія руки, и я никогда уже не увижу дорогихъ и милыхъ для меня мѣстъ... —О, Боже мой!—и я горько плакала, одна, въ своей комнатѣ.

VII.

Зима уже установилась. Къ хандрѣ присоединилась скука. Однообразіе сумрачныхъ дней; вечера, посвященные картамъ; вѣчно одни и тѣ же Нилъ Иванычъ и Антонъ Силычъ, порою,

двѣ-три пожилыя гостьи въ темныхъ капотахъ; по воскресеньямъ визитныя карточки, да какая-нибудь вычурная афиша заѣзжихъ акробатовъ, съ обыкновенными рисунками необычайныхъ скачекъ и позъ, на которыхъ изображенные люди походятъ на фантастическихъ гномовъ въ волшебныхъ сказкахъ, а лошади имѣютъ видъ животныхъ, не существующихъ на земномъ шарѣ, или театральная афиша съ названіемъ драмъ и водевилей, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ столько же, сколько и самая сцена, которой я никогда не видала, потому что не бывала ни-разу въ театрѣ.

Мнѣ иногда дѣтски хотѣлось повеселиться, и душѣ моей, утомленной внутренними разнообразными ощущеніями, оставался еще нетронутымъ источникъ жизни внѣшней, міръ искусствъ и удовольствій общественныхъ; онъ представлялся мнѣ какъ бы въ туманѣ, невѣрно и неясно, самою неизвѣстностью маня меня къ себѣ. Во мнѣ говорила молодость, слишкомъ рано придавленная преждевременнымъ развитіемъ и страданіемъ. Она требовала правъ своихъ, несправедливо отнимаемыхъ печальнымъ сиротствомъ и бѣдностью. Иногда же мнѣ вдругъ становилось легко и хорошо, какъ будто уже исполнялись всѣ мои желанія и будто въ будущемъ должно было придти счастіе и возвратиться все утраченное. Это работала та же молодость, которая живетъ, дышитъ и надѣется, до тѣхъ поръ, пока время не умчитъ ея вмѣстѣ съ золотыми надеждами.

Однажды вечеромъ, неожиданно пріѣхали Душины, Лукерья Андревна съ Таничкой. Послѣдней я обрадовалась чрезвычайно. Мы бросились другъ къ другу въ объятія, какъ давнишнія искренныя подруги.

— Ахъ, душка моя, какъ я рада тебя видѣть! сказала она, и это непривычное *ты*, вылившееся безо всякихъ уговоровъ и просьбъ, было для меня пріятно.

— Какой добрый духъ принесъ тебя сюда?

— Кучеръ нашъ Артамонъ... важно отвѣчала она.

— Веди меня въ твою комнату, сказала мнѣ Таничка, поздоровавшись съ Татьяной Петровной и посидѣвъ немного въ гостиной. Мнѣ хочется поговорить съ тобою.

Мы вошли въ мою комнату.

— Ай-ай! какой сарай! сказала она,—ну, не великолѣпно же помѣщаетъ тебя тетушка! Вѣдь мы ужь здѣсь узнали, что она

замужъ вышла. Маменька обидѣлась, что ее не извѣстили, и ѣхать не хотѣла, да я уговорила. А Павелъ-то Иванычъ!—получилъ мѣсто учителя при здѣшней гимназіи.

— Неужели? Стало-быть, я его буду видать у васъ?

— У насъ! онъ познакомится съ Татьяной Петровной, онъ говорилъ мнѣ... Ахъ, душка! продолжала она, помолчавъ,—какъ я рада, какъ я счастлива, что наконецъ вижу тебя, могу говорить съ тобой! Мнѣ такъ хочется открыть тебѣ всю душу!.. знаю, что ты добра и примешь во мнѣ участіе...

— Не сомнѣвайся въ этомъ. Я часто думала о тебѣ, часто мысленно старалась угадать твои страданія, чтобъ сочувствовать имъ. Давно ли ты не получала отъ *него* писемъ?

— Получила недавно. Я все также люблю его и вѣчно буду любить! Онъ мой дорогой, ненаглядный другъ!

— Что̀, онъ женихъ твой?

— Слушай,—я отъ тебя ничего не скрою: я можетъ-быть никогда не буду его женой, никогда не доживу до этого счастія. Онъ гордъ и бѣденъ; притомъ же онъ не можетъ такъ любить меня, какъ я его люблю; но онъ обѣщалъ всегда остаться моимъ братомъ, другомъ, и я всегда буду обожать его. Его никто такъ не понимаетъ, какъ я; онъ открываетъ мнѣ все, что̀ у него на душѣ; у него не будетъ друга вѣрнѣе меня. У него чудный, благородный характеръ, но онъ не можетъ долго страстно любить одну. Что̀ же ему дѣлать—онъ и самъ не радъ. Притомъ же онъ такъ хорошъ, имѣетъ такую чудную манеру, что противъ него не устоитъ ни одна женщина. Но онъ всѣхъ забываетъ скоро, одну меня помнитъ и любитъ, какъ сестру, за это и я его буду вѣчно обожать. Я не хочу разлюбить его, безъ любви къ нему я мертвый человѣкъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могу думать о немъ, вспоминать о тѣхъ минутахъ, когда онъ былъ со мной... И какія письма пишетъ онъ! Ахъ, вотъ ты увидишь, что нельзя не любить его... Какіе у него глаза! страстные, чудные... Какая манера! Когда онъ сядетъ, бывало, противъ меня, вотъ такъ (она облокотилась на столъ и посмотрѣла, загнувъ слегка голову, съ выраженіемъ гордой, самонадѣянной страстности), то я забывала все на свѣтѣ.. Ахъ, прибавила она, вдругъ заливаясь слезами,—все прошло, и ужь никогда я не буду такъ счастлива!

— Давно ты любишь его?

— Скоро три года. Я разкажу тебѣ все, только не обвиняй его: онъ не виноватъ. Я одна понимала его: его всѣ обвиняютъ, потому что не знаютъ его души, такъ какъ я знаю. Слушай: три года тому назадъ, мы переѣхали въ Москву на зиму, чтобы опредѣлить старшаго моего брата на службу: у меня есть еще братъ. Папенька былъ еще живъ, и мы жили очень весело; у насъ часто бывали вечера, на которыхъ танцовали наши знакомые. Братъ познакомилъ съ нами многихъ своихъ товарищей, въ томъ числѣ и его. Я была еще тогда такою глупою дѣвочкой. Когда онъ вошелъ съ братомъ къ намъ вечеромъ, сердце у меня замерло, я не могла отвести отъ него глазъ—такъ хорошъ онъ былъ! У насъ въ тотъ вечеръ было много знакомыхъ. Я танцовала съ однимъ офицеромъ, была разсѣянна, и все глядѣла въ ту сторону, гдѣ былъ онъ. Кавалеръ мой, смѣясь, спросилъ меня: нравится ли мнѣ онъ, и прибавилъ: «берегитесь, онъ опасный человѣкъ, въ родѣ Донъ-Жуана». Это еще больше заинтересовало меня. Сердце мое замерло какимъ-то сладкимъ страхомъ. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ и просилъ на кадриль, а самъ взглянулъ на меня чуднымъ, невыразимымъ взглядомъ. Не помню, что̀ мы говорили, — я слушала только очаровательные звуки его голоса. Послѣ мы играли въ вопросы и отвѣты, потому что дама, игравшая для насъ на фортепьяно, захворала и уѣхала. Когда я отошла, кончивъ игру, къ фортепьяно и стала перебирать ноты, въ надеждѣ не подойдетъ ли онъ, — онъ подошелъ. «Нравится вамъ игра въ вопросы и отвѣты?» спросилъ онъ.—Да, отвѣчала я,—только тутъ и спрашиваютъ и отвѣчаютъ неискренно.—«А вы отвѣтили бы искренно на одинъ мой вопросъ?»—Отвѣтила бы. Спросите.—«Я спрошу васъ черезъ недѣлю», сказалъ онъ. — Въ это время я уронила носовой платокъ; онъ поднялъ его и, подавая, схватилъ мою руку и пожалъ, сказавъ такъ нѣжно, съ такимъ чуднымъ выраженіемъ: «вы меня простите?...» Я не понимала себя, у меня въ глазахъ темнѣло. Всю ночь я не спала, продумала о немъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ часто бывать у насъ. Маменька его очень полюбила, онъ очаровалъ ее своимъ обращеніемъ; вѣришь ли, онъ иногда и съ ней кокетничалъ своими взглядами. Со мной при другихъ онъ не говорилъ ни слова; съ братомъ былъ очень друженъ. Прошла недѣля, я напомнила ему о вопросѣ... Онъ взялъ каран-

дашъ и на лоскуткѣ бумажки написалъ: «можете ли вы любить меня?» Я написала на другой сторонѣ: «не могу не любить». Ну, ужь съ этого времени, душка, я потеряла голову и отдалась ему всей душой. Я была его другомъ, рабой, — я все прощала ему. Были минуты, когда онъ почти ненавидѣлъ меня и употреблялъ всѣ средства, чтобы истощить мое терпѣніе, — я все переносила: его вспыльчивость, измѣны, холодное обращеніе. Стоило только ему попросить прощенія у меня тѣмъ нѣжнымъ, чуднымъ голосомъ, котораго я никогда не забуду, и я готова была отдать ему жизнь. Наконецъ, онъ признался мнѣ, что уже не можетъ любить меня страстно, что это не въ его силахъ, но поклялся, что я всегда буду для него доброю, милою сестрой, которую онъ никогда не забудетъ, просилъ меня писать къ нему, не забывать его. Я счастлива и этимъ. Вотъ вся моя исторія. Я уже не могу никого любить; сердце мое умерло для всѣхъ, кромѣ его.

Непріятно подѣйствовалъ на меня этотъ разказъ. Несмотря на всю безграничность самоотверженія подобной любви, я не сочувствовала ей. Нѣтъ! меня возмущало такое самоуничтоженіе, такія жертвы кумиру, недостойному ихъ. Я могла жалѣть бѣдную Таничку, какъ неизлѣчимо-больную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ досадно было за униженное достоинство женщины... Мнѣ казалось даже грѣшно подавлять такъ безумно всѣ силы души однимъ такимъ случайнымъ и невѣрнымъ чувствомъ...

Я высказала мои мысли Таничкѣ; она поцѣловала меня и сказала:

— Если бы я встрѣтилась съ тобой раньше, прежде чѣмъ узнала его, ты, можетъ-быть, спасла бы и поддержала меня, а теперь поздно... Онъ заставилъ меня произнести страшную клятву, что я не буду принадлежать никому. Странно! хотя онъ любитъ меня не больше, какъ сестру, — онъ страшно ревнивъ.

Мы обѣ замолчали, волнуемыя различными ощущеніями. Таничка отошла къ окну и запѣла съ печальнымъ выраженіемъ:

«Онъ меня разлюбилъ!»

— Ну, какже, сказала она, снова подходя ко мнѣ, — какже ты поживаешь здѣсь? Весело ли тебѣ? Ты, вѣрно, тоже любишь, тоже страдаешь? Люби его, душка, — онъ чудный, благородный человѣкъ!

— О комъ говоришь ты?

— Не грѣхъ ли тебѣ хитрить и скрывать отъ меня! Клянусь тебѣ, что ты найдешь во мнѣ вѣрнаго друга! Я открыла тебѣ всю душу, а ты платишь мнѣ недовѣріемъ. Будто ты не знаешь, что я говорю о Павлѣ Иванычѣ!

— Мнѣ кажется, я люблю его, какъ брата.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Правда, сказала она, подумавъ, — онъ не можетъ внушить такой пламенной, безумной страсти, какъ мой Викторъ, но все-таки я думала, что ты влюблена въ него.

— Не влюблена, хоть и очень люблю его. Да, вѣроятно, и онъ питаетъ ко мнѣ одну дружбу.

— Конечно, онъ не глядѣлъ на тебя такимъ страстнымъ взглядомъ, какъ способенъ глядѣть Викторъ, но это оттого, что у него другой характеръ, другая натура. Послѣ нашей встрѣчи въ монастырѣ, я замѣчаю, что онъ сдѣлался гораздо печальнѣе, задумчивѣе.

Мы хотѣли уже идти, какъ въ дверяхъ моей комнаты показалась закутанная фигура, въ которой, черезъ минуту, я узнала Марью Ивановну. Это былъ вечеръ сюрпризовъ.

Я бросилась къ ней и почти со слезами обняла ее.

— Марья Ивановна! какъ это вы надумали сюда пріѣхать?

— Ѣду къ своимъ гостить. Какой у насъ, другъ мой, пожаръ былъ, и моя хата сгорѣла.

— Неужели?

— Вотъ, я и ѣду гостить, пока не выстрою новой. Тяжеленько, да какъ-нибудь Богъ поможетъ, Яшка Косой будетъ строить. Ужь я его на совѣсть подрядила. Вотъ былъ страхъ-то! Вѣдь въ Амиловѣ-то и домъ, и флигеля сгорѣли. Загорѣлось, мать моя, въ ткацкой, вечеромъ. Вѣтеръ былъ сильный. Мы всѣ обезпамятѣли; чѣмъ бы что̀ выносить, суемся въ разныя стороны... Катерина Никитишна у меня сидѣла, — какъ сидѣла, выбѣжала на дворъ съ прялкой, да — ай, батюшки, ай батюшки! кружится на одномъ мѣстѣ... А Ѳедосья вынесла изъ дому подушку, да ужь до того испугалась, что забыла, что покойницы маменьки давнымъ-давно нѣтъ на свѣтѣ, кричитъ: барыню-то не испугайте! Такой переполохъ былъ!

Я горько заплакала.

— Ну, вотъ я думала насмѣшить ее, а она расплакалась... Ты-то какъ поживаешь? Похудѣла что-то. Видно,—ахъ, прошли, прошли наши красны дни!... Помнишь, какъ, бывало, Ѳедя это пѣлъ, такъ за сердце и хватало! Да, моя радость, опустѣло Амилово... и домъ сгорѣлъ. Смотрѣть тошно. А знаешь ли, кто покупаетъ его? — Данаровъ. Ужь и довѣреннаго прислалъ. А самъ, какъ слышно, въ Петербургѣ.

Татьяна Петровна очень рада была Марьѣ Ивановнѣ и вскорѣ прислала просить ее къ себѣ. Марья Ивановна пріодѣлась и вышла въ гостиную. Черезъ нѣсколько времени, она ужь сидѣла за картами и оживляла своихъ партнеровъ неизмѣнною веселостью своего характера. Душина просила ее познакомиться съ ними, потому что Татьяна Петровна рѣшительно объявила, что она ее не отпуститъ скоро въ дорогу.

Я передала Марьѣ Ивановнѣ о томъ, что Павелъ Иванычъ находится здѣсь, и просила ее держать втайнѣ то, что мы знали его прежде. Она торжественно обѣщала мнѣ это.

Душины наняли квартиру въ двухъ шагахъ отъ насъ, и на другой день, послѣ обѣда, мы съ Марьей Ивановной отправились къ нимъ.

Таничка встрѣтила насъ въ прихожей и, цѣлуя меня, шепнула, что Павелъ Иванычъ у нихъ.

Хозяйка была намъ очень рада, особенно Марьѣ Ивановнѣ, которая при встрѣчѣ съ Павломъ Иванычемъ умѣла ловко и незамѣтно дать ему знать, что онъ долженъ смотрѣть на нее, какъ на незнакомую.

Хозяйка, Марья Ивановна, да еще какая-то подслѣповатая старушка, съ безжизненною физіономіей, составили партію въ преферансъ; мы, то-есть Таничка, я и Павелъ Иванычъ, ушли въ залу, довольно слабо освѣщенную одною лампой. Таничка сѣла за фортепьяно; она играла хорошо и, большею частію, серіозныя, печальныя піесы, которыя шли къ расположенію ея души. Мы съ Павломъ Иванычемъ сидѣли поодаль.

До сихъ поръ намъ не удалось еще сказать другъ другу ни слова.

— Здоровы ли вы, Евгенія Александровна? спросилъ онъ, устремивъ на меня взоръ, полный участія. — Вы такъ измѣнились, такъ блѣдны...

— Я не хворала.

— Но отчего же измѣнились вы? Вы страдали, у васъ было какое-нибудь горе?

— Говорить о печальномъ—почти все равно, что дважды переживать его.

— О, въ такомъ случаѣ, не говорите, не разказывайте.... Странно, сказалъ онъ,—я, напротивъ, радъ былъ бы облегчить мою душу передачей другу того, что̀ тревожитъ меня. Что̀ это? скрытность съ вашей стороны или недовѣріе? Во всякомъ случаѣ, простите меня, что я такъ неловко напросился на вашу откровенность! Но вы сами обѣщали ее, вы сами сказали, въ послѣднее наше свиданіе: вамъ будетъ принадлежать дружба взрослой... Неужели прошло время даже и для дружбы? Грустно! Впрочемъ, и я безуменъ...

— Наконецъ и между нами появились недомолвки, недоразумѣнія! Это не только грустно для меня—это досадно.

— Ктожь виноватъ? я все тотъ же.

— Знаете ли вы, что иногда, несмотря на все желаніе высказаться, открыть все, что̀ на душѣ, не достаетъ силъ, не достаетъ умѣнья? Вы хотите знать, страдала ли я? Да, я страдала, я измучилась одною самою странною, самою нелѣпою непріятностію.

— Опять любовь?

— Богъ съ ней, съ любовью!

— Вы ужь не вѣрите въ это чувство?

— Что̀ до того, вѣрю я, или не вѣрю? Но вы сами, любите ли вы кого-нибудь?

— Да, я люблю всею силой души моей...

— Дай Богъ вамъ счастія, дай Богъ вамъ не ошибиться!

— Счастіе далеко; ошибкѣ нѣтъ мѣста, потому что я люблю безотвѣтно!

— А кто проповѣдывалъ Таничкѣ?

— Проповѣдывать легко...

— Но тяжело то, что ваше сердце не оцѣнено, не понято.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ кроткой нѣжности и грусти.

Когда мы уѣзжали домой, Таничка и Павелъ Иванычъ вышли провожать насъ въ прихожую. Послѣдній подалъ мнѣ мой

салопъ, очень нещеголеватый и хотѣлъ непремѣнно самъ застегнуть его; при этомъ руки его слегка коснулись моей шеи, — онъ вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ...

Онъ проводилъ насъ на крыльцо и, несмотря на холодъ и наши просьбы не выходить, усадилъ насъ въ сани и смотрѣлъ намъ вслѣдъ, пока мы не выѣхали за ворота.

VIII.

— Что это Татьяна Петровна такъ холодна къ тебѣ? сказала мнѣ однажды Марья Ивановна. — Лизавету мою она больше любила. А ты, моя радость, угождай ей, что дѣлать, — хоть и тяжеленько. Принудь себя.

У меня невольно навернулись слезы.

— Да не вышло ли чего у васъ? Что-то и дядюшка-то на тебя дуется...

— Ахъ, Марья Ивановна! Ничего вы не знаете!

— Да что? разкажи ты мнѣ.

— Спросите Амфису Павловну.

Амфиса Павловна пересказала все Марьѣ Ивановнѣ и привела ее въ сильное волненіе и удивленіе. Отъ души сожалѣла обо мнѣ добрая Марья Ивановна и, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе принимала во мнѣ участіе.

Вскорѣ познакомился съ нашимъ домомъ, черезъ Душиныхъ, и Павелъ Иванычъ. Татьянѣ Петровнѣ онъ понравился; она просила его посѣщать насъ почаще и запросто, чѣмъ онъ и воспользовался.

Наши свиданія и разговоры съ нимъ принимали мало-по-малу характеръ самой задушевной симпатіи. Онъ уже не вызывалъ меня болѣе на откровенность; но я чувствовала, что близь меня находится другъ, который всегда съ любовью и участіемъ готовъ протянуть мнѣ руку въ опасную и тяжкую минуту. Онъ пристально и серіозно вглядывался въ мою жизнь у Татьяны Петровны, ловилъ каждое, даже повидимому ничтожное обстоятельство, которое могло разъяснить ему мое положеніе.

Дядюшка какъ-то притихъ и оставилъ свои попытки пріобрѣсть мою нѣжность; но въ его обращеніи со мной было что-то суровое; какое-то затаенное, непріязненное чувство проглядывало

во взглядахъ и словахъ, относившихся ко мнѣ; случались и непріятности, и придирки, направленныя на меня черезъ тетушку.

Марья Ивановна тоже наблюдала за всѣмъ; но странно, что она не передавала мнѣ своихъ замѣчаній.

Однажды Павелъ Иванычъ у насъ обѣдалъ и, послѣ обѣда, когда всѣ отдыхали,—онъ долго о чемъ-то разговаривалъ вполголоса съ Марьей Ивановной, ходя по залѣ; я работала въ другой комнатѣ. Когда они подошли ко мнѣ, онъ былъ блѣденъ и взволнованъ, и смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ состраданія и глубокой нѣжности. Въ продолженіе вечера онъ былъ задумчивѣе и разсѣяннѣе обыкновеннаго.

Марья Ивановна, ложась спать, сказала полусоннымъ голосомъ: «Устрой тебя Господи!» — и вскорѣ уснула, потому что поздно окончила пульку съ Татьяной Петровной.

Черезъ нѣсколько дней Душины пригласили Татьяну Петровну съ мужемъ, Марью Ивановну и меня пить вечеромъ чай.

У Душиныхъ были гости, разумѣется, не изъ блестящей губернской аристократіи, потому что для такихъ надо бы было устроить роскошный вечеръ съ музыкантами и угощеніемъ, и потому звать ихъ часто было накладно. Тутъ были семейства помѣщиковъ, пріѣхавшихъ на зиму въ городъ, чтобы вывести своихъ дочекъ разъ или два въ благородное собраніе или на офиціяльный балъ губернатора.

Устроились танцы подъ фортепьяно.

Я уединилась въ небольшой комнаткѣ, служившей кабинетомъ Таничкѣ, и задумалась подъ звуки музыки.

Пришелъ Павелъ Иванычъ.

— Какое счастіе! сказалъ онъ.—Я нахожу васъ одну и какъ радъ поговорить съ вами! А сказать вамъ мнѣ нужно многое, очень многое...

— Что̀ такое? Я рада васъ слушать.

— Не стану долѣе скрывать отъ васъ; я знаю черезъ Марью Ивановну, что вы несчастливы, что вы много терпите непріятнаго. Евгенія Александровна! вѣрите ли вы моему безпредѣльному участію, моей глубокой дружбѣ?

— О, конечно! вы единственный человѣкъ, которому я довѣрилась бы во всемъ.

— А еслибъ я сказалъ вамъ, что... что... — голосъ его задрожалъ,—я люблю васъ,—повѣрите ли вы?..

Я смутилась, но отвѣчала: да.

— Помните, пять лѣтъ тому назадъ, я сказалъ вамъ то же самое подъ тѣнью старой березы?

— Помню.

— Ваше сердце отвѣчало мнѣ тогда; что-то скажетъ оно теперь? Никогда не рѣшился бы я сдѣлать вамъ подобное предложеніе, еслибъ не былъ твердо убѣжденъ, что никто, никто не будетъ такъ заботиться о васъ, такъ любить васъ! Что̀ же смущаетъ васъ? Отчего вы молчите? Скажите мнѣ всю правду, не стѣсняйтесь ничѣмъ: каковъ бы ни былъ отвѣтъ вашъ, я останусь неизмѣннымъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказала я. — Я столько люблю васъ, чтобы посвятить вамъ всю жизнь мою, чтобъ добросовѣстно исполнить долгъ мой и найдти въ этомъ невыразимую отраду. Никого не сравню я съ вами, никого не буду любить такъ, какъ васъ...

И сердце мое билось сильно; мнѣ стало покойно, хорошо и отрадно, подъ вліяніемъ этого свѣтлаго, полнаго любви взора.

IX.

Вскорѣ я сдѣлалась невѣстой Павла Иваныча.

Никто не радовался такъ истинно перемѣнѣ судьбы моей, какъ добрая Марья Ивановна. Амфиса Павловна вздыхала и впадала, по временамъ, въ желчное расположеніе духа. Ради меня, какъ невѣсты разумѣется, всѣ суетились и хлопотали въ домѣ. Татьяна Петровна была тоже радехонька сбыть меня съ рукъ и разомъ избавиться отъ лишней заботы. Она сама толковала съ портнихами, сама даже ѣздила въ лавки закупать мнѣ приданое, которое хотя было не богато, но заключало въ себѣ множество пестрыхъ тряпокъ и мелочей, обреченныхъ быть по большей части, въ послѣдствіи, безъ употребленія и пользы. Меня ни о чемъ и ни въ чемъ не спрашивали. Я была существо чисто-пассивное, да и странно было бы *невѣстѣ* думать о своемъ приданомъ, когда есть старшіе. На меня примѣ-

ривали обновы и, не спрашиваясь моего собственнаго вкуса, рѣшали хорошо или дурно, идетъ или нейдетъ. Впрочемъ въ этомъ положенiи есть своя прелесть: какая-то лѣнь и беззаботность овладѣваютъ вами, и вы предаетесь наконецъ чужой волѣ охотно, тѣмъ болѣе, что сознаете, что скоро она потеряетъ для васъ свою силу, и что это уже послѣдняя ея вспышка.

— А что̀, Геничка, сказала мнѣ однажды Марья Ивановна,— я думаю тебѣ теперь всѣхъ милѣе Павелъ Иванычъ? Какъ онъ приходитъ, у тебя, я думаю, сердце такъ и замираетъ отъ радости?

— Да, я очень бываю рада.

— А что̀, моя радость, ужь дѣло прошлое, ты не сердись, скажи по правдѣ, вѣдь ты больше любила Николая Михайлыча?

— Не знаю, Марья Ивановна, ужь то прошло.

— Да ужь не хитри,—больше.

— Почему вы такъ думаете?

— Да вѣдь я помню: бывало, тотъ входитъ, такъ ты вся и въ лицѣ перемѣнишься, и руки задрожатъ.

— Я будто боялась его; сама не знаю отчего, но этотъ страхъ имѣлъ свою прелесть.

— Это-то и есть любовь настоящая; это и значитъ, что ты ужь къ нему страсть имѣла. Не боялась же ты его̀ и вправду, а ты своей страсти боялась... знала, что не скроешь ея, вотъ что̀.

Я невольно задумалась надъ словами Марьи Ивановны. Правда, заключавшаяся въ нихъ, была для меня тяжела.

— Ты съ этимъ счастливѣе будешь, онъ тебѣ будетъ въ глаза глядѣть, а тотъ, помнишь, какъ пофыркивалъ: что̀ не по немъ, такъ и вспыхнетъ, и глаза, какъ свѣчки, загорятся... А иногда надуется да сидитъ по цѣлымъ часамъ, вотъ такъ, облокотившись на столъ, и глаза закроетъ рукой, а волосы-то черные, густые— такъ и разсыплются по бѣлой рукѣ.. Ахъ, чортъ его возьми! вѣдь какъ былъ хорошъ, окаянный!

— Что̀ объ этомъ вспоминать, сказала я, припадая къ стеклу окна пылающимъ лицомъ и смотря на стадо галокъ, проносившихся съ крикомъ.

Это было за двѣ недѣли до масляницы; была оттепель; сыроватая, тяжелая атмосфера проникала въ комнату; особенный полусвѣтъ, свойственный только немногимъ зимнимъ теплымъ днямъ при закатѣ солнца, освѣщалъ предметы. При этомъ полу-

свѣтѣ, въ этомъ воздухѣ, пронеслось для меня что-то знакомое, бывалое; будто запахло лѣтомъ и вечернею сыростью тѣнистаго сада. Сердце мое забилось, голова отуманилась. Какое-то пламенное, одуряющее чувство пролетѣло по душѣ...

Въ эту минуту вошелъ Павелъ Иванычъ. Видно, было что-нибудь особенное въ пожатіи руки моей, что онъ отвѣтилъ мнѣ на него горячѣй и восторженнѣй обыкновеннаго.

— Марья Ивановна! посмотрите, какъ она хороша теперь! сказалъ онъ, вглядываясь въ мое лицо.—Въ первый разъ еще такъ блестятъ глаза твои! ты взволнована? у тебя руки холодны, какъ ледъ, продолжалъ онъ съ безпокойствомъ,—что̀ съ тобой, не огорчена ли ты?

— О, нѣтъ, мой другъ...

— О чемъ говорили вы до меня?

— О прошедшемъ. Марья Ивановна напомнила мнѣ прошедшее.

— Мнѣ-такъ не нужно напоминать ни о чемъ. Для меня воскресло все лучшее моей жизни.

— И для меня также, сказала я съ затаенною горечью.

Я была недовольна собой.

Павелъ Иванычъ пристально посмотрѣлъ на меня и задумался.

Марья Ивановна устремила на меня взоръ, которымъ будто хотѣла спросить:—онъ ничего не знаетъ? я отвѣтила ей также взоромъ.

Вечеромъ пріѣхали Душины, и мы, по обыкновенію, провели его пріятно.

X.

Дни за три до моей свадьбы, Татьянѣ Петровнѣ вздумалось взять ложу въ театръ, гдѣ дебютировалъ какой-то пріѣзжій артистъ въ ролѣ Гамлета.

Въ половинѣ седьмаго Марья Ивановна, въ парадномъ чепцѣ и турецкомъ платкѣ съ разводами, дожидалась, вмѣстѣ со мной, въ залѣ, выхода тетушки; Амфиса Павловна охорашивалась передъ зеркаломъ, звеня своими бронзовыми браслетами. Дядюшка прошелъ мимо насъ со словами: «пора вамъ ѣхать».

Мы отправились.

Павелъ Иванычъ дожидался насъ въ ложѣ; плохой оркестръ наигрывалъ польку; небольшой, но чистенькій театръ былъ освѣщенъ ярче обыкновеннаго. Партеръ былъ наполненъ мущинами; самые отъявленные львы и франты настойчиво лорнировали ложи; губернскія красавицы и модницы сіяли довольствомъ своего наряда и неподвижностью физіономій.

Татьяна Петровна раскланивалась со многими. Насъ также лорнировали довольно внимательно. Отъ Татьяны Петровны знали, что я выхожу замужъ, а невѣста—всегда занимательное лицо, даже и тогда, когда она неизвѣстна и небогата.

Занавѣсъ поднялся... Тѣнь отца Гамлета явилась, въ видѣ актера, натертаго бѣлилами и разрисованнаго синею краской, чтобы походить на мертвеца. Артистъ, игравшій роль Гамлета, выполнялъ ее, мѣстами, недурно, хотя часто горячился и кричалъ некстати. Офелія была невыносима... визгливо и жеманно прокричала она: «изцѣлите его, силы небесныя!» Мнѣ становилось досадно. Я съ жаромъ передавала мои замѣчанія Павлу Иванычу въ антрактѣ...

Вдругъ Марья Ивановна толкнула меня локтемъ, и таинственнымъ, многозначащимъ взглядомъ указала на партеръ. Я посмотрѣла туда, по направленію ея глазъ, и встрѣтила яркій, блестящій взглядъ Данарова... Онъ смотрѣлъ на насъ прямо, безъ бинокля, и язвительная улыбка играла у него на губахъ.

Я не могу опредѣлить чувства, овладѣвшаго мной въ первую минуту этой неожиданной встрѣчи. Я чувствовала, что дыханье у меня захватило и разноцвѣтные круги заиграли передъ глазами. Необъяснимый ужасъ овладѣлъ мной, я затрепетала и невольно отодвинулась назадъ.

Къ счастію, я успѣла оправиться прежде, чѣмъ кто-либо, кромѣ Марьи Ивановны, замѣтилъ мое волненіе.. Кто-либо, кромѣ Марьи Ивановны!—нѣтъ, былъ еще человѣкъ, замѣчавшій мои движенія,—это самъ Данаровъ, упорно и настойчиво устремлявшій на меня магнетизмъ своихъ глазъ.

Представленіе кончилось. Въ суматохѣ одѣванья и выхода, рука моего жениха нѣсколько разъ съ любовью пожимала мою холодную, трепетную руку, и душевная сила мало-по-малу возвращалась ко мнѣ, и въ сердцѣ моемъ снова начиналъ свѣтить теплый лучъ чувства, нѣжнаго и глубокаго.

Тѣснота у подъѣзда усилилась дотого, что начинала переходить въ толкотню. Павелъ Иванычъ, охраняя меня по возможности отъ толчковъ, отвелъ въ сторону отъ дверей и съ безпокойствомъ спрашивалъ о причинѣ моей блѣдности. Въ эту минуту Данаровъ сходилъ съ лѣстницы. Густые, черные волосы упругою волной набѣгали изъ-подъ шляпы почти на самыя брови, глаза искали кого-то тревожно въ толпѣ, пока не остановились на мнѣ. Онъ прислонился къ периламъ лѣстницы и снова сталъ смотрѣть на меня... Но первое впечатлѣніе, промчавшись бурей по душѣ моей, оставило по себѣ одно утомленіе. Я начинала привыкать къ этому взгляду, какъ человѣкъ, подверженный галлюцинаціи, привыкаетъ къ видѣніямъ, являющимся въ его разстроенномъ воображеніи...

Я продолжала говорить съ моимъ женихомъ до тѣхъ поръ, пока громкій голосъ квартальнаго офицера не извѣстилъ, что наша карета подана.

— Ужь недолго вамъ ѣздить въ каретѣ, деликатно замѣтила мнѣ Амфиса Павловна.

— Э, мать моя! сказала Марья Ивановна:—не всѣмъ ѣздить въ каретахъ; живутъ люди и безъ кареты да бываютъ счастливы.

— Каково! сказала Марья Ивановна, оставшись со мной наединѣ,—ожидала ли ты такой встрѣчи? Вѣдь онъ узналъ насъ! Какъ ты меня перепугала, Геничка, — сидишь блѣдная, какъ смерть. А ты, моя радость, старайся владѣть собой, — ну, этакъ Павелъ Иванычъ замѣтитъ... будетъ имѣть подозрѣніе. Это его огорчитъ.

— Меня поразила неожиданность...

— Смотри, Геничка, не влюблена ли еще ты въ него! Сохрани Богъ! вѣдь это, моя радость, несчастіе. Ты ужь какъ-нибудь переломи свое сердце.

— Нѣтъ, Марья Ивановна, я скорѣй ненавижу его. Оттого такъ и тяжело мнѣ было. Я желала бы никогда не встрѣчаться съ нимъ.

— Это конечно бы лучше.

— Впрочемъ, теперь если и встрѣчу, такъ не испугаюсь, и пріучу себя къ мысли, что онъ здѣсь, что я увижу его...

Марья Ивановна улеглась и замолчала. Я думала, что она уснула,—и дала волю слезамъ, долго удерживаемымъ.

— Какъ возьму я, да приколочу тебя! произнесла вдругъ Марья Ивановна.—О чемъ ты плачешь, сумашедшая? Да и онъ-то, песъ этакій, стóитъ ли, чтобъ ты изъ-за него убивала себя! Онъ, я думаю, пріѣхалъ домой, да и забылъ, что ты и на свѣтѣ-то живешь; я думаю, у него ужь давно другая въ предметѣ. Чѣмъ бы тебѣ благодарить Бога, что Онъ посылаетъ тебѣ въ мужья хорошаго человѣка, за которымъ ты будешь, какъ за каменною стѣной,—а ты убиваешься!

Долго успокоивала и уговаривала она меня; слезы также не мало облегчили мнѣ душу,—и я вскорѣ уснула.

На другой день, все вчерашнее показалось мнѣ сномъ, а свиданіе съ Павломъ Иванычемъ еще болѣе изгладило впечатлѣніе встрѣчи моей съ Данаровымъ. Таничкѣ я не сказала ничего, не потому, чтобы не довѣряла ей, а потому, что боялась растравлять душевную рану, касаясь къ ней воспоминаніемъ.

Притомъ же приближался послѣдній день моей дѣвической жизни и вѣялъ на меня какою-то торжественною таинственностью, всею важностью новаго, рѣшительнаго шага, за которымъ меня ждала святая и строгая обязанность исполненія долга, отвѣтственность за счастіе человѣка, беззавѣтно вручавшаго мнѣ свое будущее.

XI.

Наконецъ насталъ и день моей свадьбы, въ который, по принятому обычаю, я не должна была видѣть моего жениха до самаго вѣнчанья.

Утромъ Степанида Ивановна, возвратясь отъ ранней обѣдни, принесла мнѣ просвиру и совѣтовала цѣлый день больше ничего не ѣсть,—поговѣть, чтобъ Богъ послалъ счастья. Я безпрекословно исполнила совѣтъ ея. Мысли мои были точно парализованы, сердце будто окаменѣло. Мысли являлись и исчезали въ головѣ, не производя на сердце никакого впечатлѣнія. Мнѣ казалось, что часы били иначе, что въ воздухѣ носилось что-то особенное, что надо мной произнесенъ непреложный, таинственный приговоръ судьбы.

Въ семь часовъ вечера, Анна пришла въ мою комнату, молча

вынула изъ шкафа мое вѣнчальное платье, взяла картонъ, въ которомъ заключалась гирлянда искусственныхъ померанцовыхъ цвѣтовъ, и скрылась. Марья Ивановна также притихла; Амфиса Павловна приходила не разъ навѣстить меня, но я не расположена была пускаться съ ней въ разговоры. Она не сердилась. Вообще всѣ въ домѣ показывали въ этотъ день, въ отношеніи ко мнѣ, какое-то молчаливое снисхожденіе. Степанида Ивановна не бранилась съ горничными, и въ домѣ царствовала тишина ожиданія чего-то выходящаго изъ круга ежедневныхъ впечатлѣній.

Наконецъ меня позвали къ теткѣ. Она сидѣла въ своей спальнѣ, одѣтая парадно. Увидя меня, она прослезилась и указала мѣсто подлѣ себя. Тутъ она дала мнѣ нѣсколько совѣтовъ житейской мудрости — объ умѣньи вести себя, о долгѣ жены, о терпѣніи, смиреніи и кротости.

— Ежели я была съ тобой строга, сказала она въ заключеніе, тономъ искренности, — то это оттого, что желала тебѣ добра.

— О, я не сомнѣваюсь въ этомъ! отвѣчала я и въ невольномъ порывѣ неложной благодарности бросилась къ ней на грудь.

Она обняла меня и снова прослезилась. Я тоже плакала, и, казалось, подъ этими обоюдными слезами таяла ледяная кора, разлучившая насъ.

— Теперь, Геничка, когда ты готовишься къ такому великому таинству, рѣшающему твою участь,—ты должна смириться и не имѣть зла ни противъ кого. Ты не любишь дядю —это грѣшно. Поди къ нему, попроси у него прощенія и помирись. Пойдемъ, я сама тебя доведу до кабинета.

Я послѣдовала за ней. Въ другое время, меня, можетъ-быть, возмутила бы мысль просить прощенья у этого человѣка, но тутъ мнѣ казалось, что я исполняю должное. Въ эти памятныя, торжественныя минуты, мнѣ хотѣлось вынести изъ этого дома впечатлѣніе мира и любви.

Дядя лежалъ на диванѣ, спиной къ дверямъ, и курилъ. Свѣтъ отъ свѣчи падалъ на его полусѣдую голову и рѣзкія черты.

— Кто тутъ? спросилъ онъ, когда я вошла.

Я отвѣчала. Онъ обернулся ко мнѣ лицомъ.

— Что̀ тебѣ надо?

Я хотѣла было отвѣчать, но онъ быстро перебилъ меня:

— Э, матушка, все глупости! Я не люблю этихъ вашихъ жен-

скихъ комедій. Пустяки, все пустяки! Пора тебѣ одѣваться. Будь счастлива. Вотъ, какъ узнаешь нужду, такъ и раскаешься, да поздно. Я тебѣ добра желалъ.

Я скрѣпила сердце и вышла. Татьяна Петровна стояла за дверями.

— Вотъ видишь, сказала она: — къ чему ты раздражала его своею холодностью? вообразила какую-то глупую ненависть въ дядѣ. Можно ли это?... Ну, теперь одѣвайся. Все приготовлено въ портретной. Тамъ и зеркало поставлено.

Я отворила дверь въ портретную. Ярко освѣщенная, она потеряла свой обыкновенный, мрачный характеръ. Самые портреты глядѣли веселѣе; пудра и парадные мундиры казались свѣжѣе. Будто и эти неподвижныя лица нашихъ предковъ ожили, принарядились и хотѣли принять участіе въ важной перемѣнѣ судьбы моей.

Я была уже почти одѣта, какъ вошла ко мнѣ Таничка, тоже въ бѣломъ платьѣ, съ розовыми лентами на головѣ. Она сама приколола мнѣ цвѣты и вуаль, и крѣпко поцѣловала меня.

Я посмотрѣлась въ зеркало и не вдругъ узнала себя въ вѣнчальномъ нарядѣ. Неотразимость дѣйствительности настоящаго случая еще разъ налегла на меня какимъ-то страннымъ, оцѣпеняющимъ чувствомъ, какимъ-то нравственнымъ усыпленіемъ.

Какъ во снѣ вышла я въ гостиную, гдѣ передъ диваномъ, у стола, покрытаго бѣлою скатертью, на которой лежалъ образъ, сіяющій золотою ризой, сидѣла тетка рядомъ съ дядей, окруженная Душиной, Марьей Ивановной и еще двумя или тремя дамами.

Какъ во снѣ приложилась я къ образу, вышла со всѣми вмѣстѣ въ залу, гдѣ накинули на меня шаль и нарядную шубу, крытую сѣрымъ атласомъ. Какъ во снѣ поднялась я на каменныя ступени освѣщенной церкви, гдѣ цѣлая толпа устремила на меня тысячу любопытныхъ глазъ... Вскорѣ будто туманъ закрылъ отъ меня эту толпу, я слышала только пѣніе клироса, чувствовала, что стою передъ «судомъ Божіимъ» объ руку съ человѣкомъ, избраннымъ въ вѣчные спутники остальной половины моего жизненнаго пути, и вдругъ сквозь этотъ туманъ сверкнули мнѣ черные, магнетическіе глаза, обрисовалось знакомое блѣдное лицо... Но я уже не трепетала, не боялась. Надо мной вѣяло величіе религіи, благо-

словеніе пастыря, а съ высоты сіялъ божественный, кроткій ликъ спасителя...

Когда изъ церкви карета подвезла насъ къ небольшому свѣтленькому, чистенькому домику, когда пахнуло на меня всею прелестью уютнаго, прочнаго пристанища, куда вошла я хозяйкой и любимою женой, когда обратилось ко мнѣ восторженное, улыбающееся лицо моего мужа, и всѣ заговорили громко и весело, — я будто пробудилась, будто новая жизнь и новая сила наполнила меня, и не нашлось въ душѣ мѣста ни одной мрачной мысли, ни одному тяжелому предчувствію

— Ну, теперь мы закутимъ, сказала Марья Ивановна съ торжествующимъ лицомъ, и въ то же время появился слуга съ подносомъ, уставленнымъ бокалами съ шампанскимъ...

